

Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ 4 (13)



Научно-аналитический журнал

Православие в Балтии

№ **4** (13)

ISSN 2255-9035



Rīga 2016

УДК 281.9 (4)(051)

П 685

Православие в Балтии, № 4 (13)

Научно-аналитический журнал

Rīga, LU Filozofijas un socioloģijas institūts, 2016, 220 lpp.

Главный редактор:

Гаврилин Александр Валентинович

Редакционный совет:

Назарова Евгения, канд. ист. наук (Россия)

Шор Татьяна, Dg. phil. (Эстония)

Пермяков Виталий, Dg. theol. (США)

Миронович Антони, Dg. hab. hist. (Польша)

Епископ Каракасский и Южно-Американский Иоанн (Берзиньш) (Аргентина)

Крумения-Конькова Солвейга, Dg. phil. (Латвия)

Протоиерей Александр Берташ, канд. богословия (Германия, Россия)

Богоявленская Светлана, Dg. hist. (Германия)

Корректор: Житарева Марина

Компьютерная верстка: Кулис Марис

Publicēts saskaņā ar LU Filozofijas un socioloģijas
institūta Zinātniskas Padomes 2016. gada 3. marta lēmumu.

Редакция не отвечает за точку зрения авторов статей, за опубликованные авторами материалы. Право на публикацию представленных авторами материалов принадлежит редакции. Представленные в редакцию материалы авторам не возвращаются. Переиздание материалов журнала возможно лишь с разрешения редакции.

На обложке:

Рижская Покровская церковь постр. 1876–79 г.

Архитектор Роберт Пфлуг. Фотография Дм. Трубецкого. Зима 2011 г.

ISSN 2255-9035

© Latvijas Universitātes
Filozofijas un socioloģijas institūts
© Aleksandrs Gavriļins

Содержание

Вместо предисловия	5
Научные статьи	
Александр Берташ (Германия, Россия) «Рижская школа» в храмостроительстве Прибалтийского края 1870-х гг.	9
Александр Гаврилин (Латвия) Православная Церковь на территории Латвии во время Первой мировой войны.	33
Антони Миронович (Польша) Ревиндикация православных церквей в II Речи Посполитой	49
Алексей Либеровский (США) Архиепископ Монреальский и Канадский Сильвестр (Харун).....	69
Сергей Мянник (Эстония) Епископ Иоанн (Булин).....	77
Мемуары	
Воспоминания архитектора В. М. Шервинского	93
Публикация документов	
Последний отчет мирного времени: отчет о состоянии Рижской епархии за 1914 год.	133
Осмотр православных церквей Причудья епископом Нарвским Павлом (Дмитровским) в 1938 – 1939 гг.	203
Summary	215

Вместо предисловия

С 6 по 8 ноября 2015 года в Тартуском университете (Эстония) состоялась международная научная конференция «Православие в странах Балтии: религия, политика и образование». В форуме приняли участие 20 докладчиков из России, Германии, Канады, Латвии, Литвы, Финляндии, Чехии и Эстонии. Следует отметить, что впервые вопросы истории православия в Прибалтике рассматривались на таком представительном академическом уровне.

На сегодняшний день балтийские страны, имеющие значительное по численности православное население (Эстония, Латвия, а также, хотя и в меньшей степени, Финляндия и Литва), в той или иной мере исторически связаны с деятельностью Русской Православной Церкви. Распространение православия на территории, которая веками находилась в сфере влияния Римско-Католической и Лютеранской Церквей, поднимает интересные аналитические вопросы о культурном взаимодействии и роли государственной политики в создании новых религиозных конфигураций. «Западный фронт» Русской Православной Церкви (выражение проф. Барбары Скиннер) стал наиболее заметным в XVIII и XIX вв. Массовое обращение эстонских и

латышских крестьян в православие в 1840-х и затем в 1880-х гг. привело к созданию новых православных приходов, объединенных в Рижскую епархию, способствовало появлению и развитию сети православных учебных заведений, тесно связанных с местной социальной и культурной средой, уже в XX веке – к образованию национальных православных Церквей.

Организаторами конференции выступили сотрудники Теологического факультета Тартуского университета, участвующие в научном проекте эстонского научного агентства «Алтарь и классная комната: православные школы в Прибалтийских губерниях в 1870-1914 годы».

Конференция была открыта деканом Теологического факультета профессором Рихо Альтнурме, отметившим, что статистически православие является самой многочисленной религиозной конфессией в Эстонии, а также указавшим на интерес к изучению православия на Теологическом факультете Тартуского университета.

Интерес вызвал доклад Александра Гаврилина «Православные приходы на территории Латвии во время Первой мировой войны». Тема влияния Первой мировой войны на деятельность Церкви очень слабо

изучена. В докладе были показаны как масштабы материального ущерба, причинённого православным приходам войной, так и использование ресурсов Церкви в благотворительной работе.

Также интерес вызвала секция «Православие и проблемы этнической и религиозной идентичности в Прибалтийских губерниях», в рамках которой прозвучали доклады Кристине Анте, Регины Лаукайтисе и Тоомаса Швака, посвященные православным приходам в балтийском регионе. Доклады вызвали много вопросов и показали, что проблемы этничности и национальности в применении к конфессиональному вопросу в XIX в. нуждаются в дальнейшей разработке.

Секция по истории православного образования продемонстрировала активную работу, ведущуюся в этом направлении в Тартуском университете в рамках вышеупомянутого проекта. В докладе Татьяны Шор был представлен уникальный документ – карта начальных православных училищ в Прибалтийских губерниях 1872 г., хранящаяся в Национальном архиве Эстонии. Доклад Людмилы Дубьевой был посвящён Совету по делам православных сельских народных училищ, учреждённому в Прибалтийских губерниях в 1870 г. Ирина Пярт рассказала об активной конфессионально-политической позиции православного духовенства в революции 1905 г., которая противоречила политике унификации и русификации образования, проводимой Министерством народного просвещения. В дискуссии были затронуты вопросы пассивного участия женщин в православном образовании (особенно жен и дочерей священников), а также материального обеспечения прибалтийского духовенства.

Полемичный характер носил доклад Себастиана Римстада «Между Москвой и

Константинополем. Проблема юрисдикционных изменений в православных церквях Эстонии и Латвии». Докладчик сравнил современные юрисдикционные разделения православных Эстонии с церковной политикой 1920-х гг., рассказав об истории перехода Эстонской Православной Церкви в юрисдикцию Вселенского Патриарха. Оценка исторических событий Римстадом, его вывод об их влиянии на современную ситуацию вызвали критику аудитории, в особенности со стороны представителей ЭАПЦ.

Большой интерес вызвала работа секции «Многообразие православной культуры и живая традиция: старообрядцы и православные Сету». В докладе Григория Потащенко и Мари-Лиис Паавер было представлено творчество старообрядческого иконописца Ивана Михайлова, работавшего в Вильнюсе в 1920-30-е гг. Доклад вызвал вопросы об атрибуции иконописных работ Михайлова. Доклад Надежды Пазухиной об образовании староверов показал совместимость ценностей просвещения и образования с традиционализмом староверов. В своём докладе о религиозной культуре Сету эстонский фольклорист Андреас Калькун показал, как прибалтийско-немецкие и эстонские этнографы подавали православие народа Сету как проявление язычества и остатков древних финно-угорских верований. Калькун же представил культуру Сету как проявление «живого» православного благочестия, указав на народный, христианский, а не языческий характер верований Сету.

В последний день конференции прозвучали доклады, посвящённые истории Православной Церкви в советский период.

Организаторы и участники конференции надеются, что подобные встречи будут проходить регулярно.

Ирина Пярт

Научные статьи

Александр Берташ (Германия, Россия)¹

«Рижская школа» в храмо­строительстве Прибалтийского края 1870-х гг.

Начавшийся с августа 1841 г. и периодически вспыхивавший с новой силой процесс перехода латышских и эстонских крестьян из лютеранства в православие² требовал сооруже­ния церквей для новых приходов³.

В 1850 г. была учреждена самостоятельная Рижская кафедра, которую возглавил энергичный храмо­строитель архиепископ Платон (Городецкий). Если в 1848 г. в Рижской епархии насчитывалось 98 приходов и 44 православные церкви, то в 1866 г. – 149 приходов и 88 постоянных церквей⁴. Именно архиепископ Платон предложил ежегодно выделять средства на храмо­строительство в Рижской епархии: 20-30 тыс. из государственного казначейства и по 10 тыс. из сумм государственных имуществ и из сумм, находящихся в распоряжении Синода на постройки по духовному ведомству⁵. За счет поступивших к владыке Платону частных пожертвований и ассигнованных из Государственного казначейства по сметам Синода за 1864 и 1866 гг. 214857 руб. 92 к. было выстроено 18 храмов и 2 молитвенных дома, исправлены храмы в 5 приходах. Из 160 приходов Рижской

епархии 100 получили храмы, в 12 не было никаких помещений, в 48 приходах были лишь временные храмы⁶. Чтобы предотвратить процесс «отпадения» в лютеранство, в июне 1865 г. архиепископ Платон добился отмены «испытательного срока» для желающих перейти в православие.

Указом Синода от 9 апр. 1866 г. по ходатайству архиепископа Платона ему был дан викарий с титулом «Ревельский»⁷ – епископ Вениамин (Карелин), который затем, с 1867 г., управлял Рижской епархией, а с 1870 г. занял кафедру правящего епископа Рижского и Митавского⁸.

Число православных в трех прибалтийских губерниях на 1871 г. составляло 170 257 чел. (в Лифляндии – 148 353, в Эстляндии – 12 058, в Курляндии – 9 846) – 9,3% населения, из них 83 725 эстов (эстонцев). Больше всего прихожан в Лифляндии было в 9 приходах Рижского уезда (26 720) и в 18 приходах Венденского уезда (21 579) – латышские приходы; в 16 приходах Перновского уезда (22 595) и в 7 приходах Аренсбургского уезда (18 271) – эстонские. Русских приходов, не считая 7 рижских, насчитывалось 3 – в Причудье⁹.

При присоединении в 1865 г. к Рижской епархии территории Эстляндии в ее приходах служили только на церковно-славянском языке, так как они состояли из православных русских. В Эстляндии в 1871 г. было всего лишь 9 приходов (4 в Ревеле, по одному в Везенберге, Балтийском порту, Гапсале, Вейсенштейне, 1 сельский – в Сыренце). В Эстляндской губернии переход крестьян в православие по-прежнему был запрещен, причем с согласия церковного начальства. Новый сельский православный приход был учрежден только один – в Арукюля (Арокольский приход, выделился из Ревельского в 1871 г., каменный храм построен в 1873 г.), в 1870 г. открылся также Ревельский кладбищенский приход.

В Курляндии, как и в Эстляндии, к 1871 г. приходы были городскими. Их было восемь: в Митаве, Либаве, Виндаве, Фридрихштадте, Гольдингене, Туккуме, Бауске, Якобштадте. Особняком стояли 6 белорусских приходов в Зельбургском уезде Курляндской губернии: Иллуксто-Гринвальдский, в Скрудалине, Солонае (Салонае), Фабианове, Хрщеве, Копылове, общее количество прихожан – 9 846 человек¹⁰.

Храмостроительство стало важнейшим итогом деятельности епископа Вениамина, что оказалось в значительной степени возможным в связи с назначением прибалтийским генерал-губернатором в 1869 г. П. П. Альбединского¹¹. Одной из причин обращений епархиального начальства о выделении больших средств на сооружение православных церквей стала реальная опасность возвращения в лютеранство прихожан, которые должны были молиться в неблагоустроенных помещениях и не получали поддержки от властей. Только в 1864 г. число желающих вернуться в лютеранство достигало 1 000 чел. К тому же в марте 1865 г. Александр II отменил для Остзейских губерний действие закона об отказном обязательстве, пресекающего случаи

возвращения в первоначальную веру после принятия православия. Кредит на строительство храмов должен был выделяться ежегодно через Синод, но деньги зачастую не доходили до адресата. Ситуация с точки зрения «русского дела» в Прибалтийских губерниях потребовала срочного вмешательства со стороны центральной власти, которое и произошло, затронув в первую очередь Лифляндскую губернию.

Было решено принять целый комплекс мер: заведование сооружением церквей поручить Министерству внутренних дел, приступить к постройкам одновременно по всей епархии и завершить их в 3-4 года, строить церкви «непременно каменные, соответствующие внутренним и внешним видом достоинству православия», а при них – причтовые дома, церковно-приходские школы и, если позволяют средства, и богадельни. Наконец, 2 февраля 1869 г., благодаря ходатайствам архиерея и генерал-губернатора, последовало историческое повеление императора Александра II – отпустить невиданные ранее средства в размере 800 тыс. руб., из них 600 тыс. рублей из Государственного казначейства и 200 тысяч рублей за счет Синода, на постройку православных храмов в тех приходах Рижской епархии, где их не имелось. Деньги отпускались сроком на 4 года, начиная с 1870 г. Таким образом, с 1870 по 1873 гг. предполагалось ежегодно выделять по 200 тыс. рублей, в других же епархиях подобные ассигнования откладывались¹². О выделении правительством кредита Рижскую Духовную консисторию известил заведующий постройкой церквей в Прибалтийских губерниях коллежский советник Ф. М. Голоушев. 19 января 1871 г. министром внутренних дел были утверждены «Правила для устройства православных церквей в Прибалтийском крае».

Прежде всего епископ Вениамин считал необходимым построить 35 церквей из

булыжного камня и при них деревянные причтовые дома. Особое внимание владыка обратил на эстонскую часть Лифляндской губернии, напр., в островном (Сааре-Мухуском) благочинии из 15 приходов храмы были только в 4¹³. Голоушев отмечал, что строить будут в Эшенгофском, Альт-Залиском, Гаангофском, Кольценауском (Альт-Кальценау), Берзонском (Гроздонском), Марценском, Бутцковском, Гросс-Юнгфернгофском, Гензельсгофском приходах и что все постройки и перестройки отданы подрядчикам к исполнению¹⁴.

В 1871 г. православное Рижское Петропавловское братство по заданию Рижской Духовной консистории обследовало состояние 147 приходов епархии. 63 храма находились в удовлетворительном состоянии, в 33 приходах здания строились, в 22 – церкви были оборудованы в крестьянских избах или зданиях приходских школ, в 2 – в домах военного поста, в 2 – в сараях. 16 приходских помещений были слишком малы по своей площади и требовали ремонта, 3 находились в аварийном состоянии, в 6 не было даже престола.

К работе первоначально подключились три архитектора: «частные архитекторы» – Генрих (Карл-Генрих) Шель (немецкий вариант – Heinrich Scheel, Шеель, 1829-1909)¹⁵ и Янис-Фридрих (Иоганн) Бауманис (немецкий вариант – Joh. Baumann, подписывался по-русски как Иван Бауман, Baumanis, 1834-1891)¹⁶, а также, первоначально, епархиальный архитектор (в период с 1858 г. до своей кончины 2 февр. 1896 г.), выпускник Санкт-Петербургского Строительного училища гражданский инженер А. Н. Эдельсон.

Каждый из архитекторов принял на себя «в качестве техника производство работ по постройке на счет казны православных церквей Лифляндской и Эстляндской губерний... с причтовыми при церквах домами, службами при них, школами и

богадельнями, где таковые признано будет нужным строить» под контролем Голоушева и по утверждению прибалтийским генерал-губернатором. Наблюдение за строительством должно было вестись до сдачи храмов в духовное ведомство. Вознаграждение архитекторов составляло: за церковь на 150-250 человек – 250 руб., за церковь на 300-400 чел. – 300 руб., за церковь на 450-600 чел. – по 350 руб.

26 июня 1870 г. Шель взял подписку на постройки в 22 приходах, из которых спроектировал храмы для 18 (Аудерн, Подис, Тургален, Мало-Иоаннов, Паллистофер, Галлист, Иоаннов, Лайсберг, Каррис, Лаймьяль, Пейдес, Мустельгоф, Пигавольд, Ямм, Анзекюль, Аррокюль, Кавелехт). В двух (Керкау, Моон) храмы построили другие архитекторы, еще в двух (Суйслеп, Ранден) строительство осуществилось значительно позднее.

В тот же день Бауманис изъявил готовность принять на себя производство работ по сооружению новых каменных храмов в приходах Уббенорм, Буцков(ски), Эшенгоф, Зербен, Марцен, Фетельн, Вендау, Альт-Врангельсгоф, Саренгоф, Ильмьвер, Альт-Нигген, Кастолац, Гаангоф. Дополнительно встал вопрос о проектировании им еще двух храмов, однако 4 октября 1872 г. Альт-Вольфартский (Вольфартский, совр. Эвеле) приход был объединен с Вольмарским (Валмиерским), а русский приход в Бринкенгофе (совр. Принги) в 1872 г. был упразднен.

Наконец, ряд храмов должен был спроектировать епархиальный архитектор А. Н. Эдельсон: в приходах Гросс-Юнгфернгоф, Кольцен, Альт-Залис, Крестовоздвиженскую церковь в Салонай (построена позднее с другим посвящением), в Фабианово. Но он заявил Голоушеву о «невозможности продолжать означенные занятия по случаю ожидаемого им назначения на новую по инженерному ведомству

должность». Возможно, сыграли тут роль и соображения материальные: находящийся на службе в должности епархиального архитектора Эдельсон не мог рассчитывать на вознаграждение за постройку храмов, а только на прогонные и суточные деньги. Для замещения его «был приглашен пользующийся известностью в г. Риге архитектор, академик Пфлуг¹⁷, который изъявил готовность принять на себя исполнение изложенных в подписанном г. Эдельсоном условия обязанностей по церковностроительству, с тем, чтобы ему, Пфлугу, как не состоящему на государственной службе, были, по примеру других, занимающихся делом церковностроительства в сем крае техников, деньги на технические расходы и на разъезды по местам построек» (24 дек. 1870 г.)¹⁸. Шель получал дополнительно 50 руб. в месяц на технические издержки и 450 руб. в год разъездных до окончания сооружения проектированных храмов (до 1874 г.), Бауманис, соответственно, 400 и 50 руб. Поскольку район построек Р. Пфлуга был «несколько менее районов архитекторов Шеля и Баумана» (напр., Шель строил 10 храмов на о. Сааремаа), Пфлугу было исходатайствовано получение с 1 января 1871 г. ежемесячно 50 руб. и меньшей суммы разъездных – 300 руб. в год. Ездить архитекторам приходилось и в другие приходы: напр., в конце мая 1870 г. Эдельсон и Шель побывали с осмотром в Гензельсгофском и Юнгернгофском приходах и, вместе с причисленным к министерству Внутренних дел архитектором коллежским советником Ю. А. Гагеном, членом строительного отделения Лифляндского губернского правления – в Ленневадене, где предполагалась постройка храма. По рекомендации Голоушева от 6 июля 1870 г., Гаген «в ... церковностроительной операции» занимался рассмотрением и проверкой проектов, общим техническим наблюдением за ходом строительства, ведением

журнала о ходе работ, «дабы можно было постоянно иметь в Риге сведения о том, в каком положении находятся постройки», «разрешением недоразумений» между производителями работ и строителями, проверкой окончательных расчетов и освидетельствованием зданий для передачи их в духовное ведомство, получал ежегодно 600 руб. разъездных. Интересно, что лютеране Шель, Пфлуг и Бауманис, несмотря на обучение в Санкт-Петербурге, не владели русским языком «для письма», и технические описи произведенных работ могли составить только на немецком.

Пфлуг и Бауманис и в дальнейшем, после 1873 г., «изъявили готовность принять на себя те же обязанности производства работ по всем предположенным в крае церковным постройкам, кроме кафедрального собора, но ходатайствовали об увеличении разъездных до 1200 руб. в год, начиная с 1 июня 1874 г. и до окончания их обязанностей». О том же просил и Гаген. Голоушев подтвердил увеличение расходов на лошадей и поддержал ходатайство, поскольку «гг. Гаген, Флуг и Бауман, посвящая труд свой сооружению церкви в приходах, разбросанных на пространствах тех губерний, должны будут отказаться почти от всех частных занятий в г. Риге, доставлявших им средства к жизни». Лифляндский, Эстляндский и Курляндский генерал-губернатор кн. П. Р. Багратион удовлетворил прошение¹⁹. 10 июня 1874 г. с Пфлугом и Бауманисом были подписаны договоры на продолжение деятельности по построению церкви²⁰.

Активное храмостроительство в Лифляндии в 1870-1880-е гг. в своеобразных, но имеющих общие черты, архитектурных формах позволяет говорить о «рижской школе» эклектики в церковном строительстве. Ее представителями были мастера русско-романского и романо-византийского стилей Бауманис, Пфлуг, Шель,

с которыми были заключены договоры на постройку церквей до 1874 г., а также А. П. Кизельбаш и А. Н. Эдельсон. Аналогом «Рижской школы» является «ганноверская школа» неоготики, которую возглавлял профессор Ганноверской политехники (позднее – Высшей технической школы) и архитектор консистории земельной церкви Ганновера Конрад Вильгельм Хазе (С. W. Hase, 1818-1902). Она началась с храмостроительства: Хазе спроектировал около 100 кирх, не только в Ганновере, где наиболее известна церковь Христа – Christus-Kirche (1858-1864 гг.), но и в Берлине: церковь Спасения – Erlöser-Kirche в Руммельсбурге (1890-1892 гг.). Между 1859 и 1914 гг. только в Ганновере было построено 18 лютеранских церквей. «Ничто в Ганновере не запечатлелось так сильно, как архитектура «ганноверской школы» – в период 1853 – 1912 гг. она затронула не только церковное строительство, но и впоследствии архитектуру жилых домов, фабрик, школ²¹. Ганноверская школа повлияла даже на храмовую архитектуру рассматриваемого нами региона: католическая церковь св. Девы Марии в Дерпте (Тарту) была построена в 1896-1899 гг. архитектором Вильгельмом Шиллингом (проект 1895 г.) под влиянием спроектированной Хазе церкви Апостолов в Ганновере (1880-1884 гг.)²².

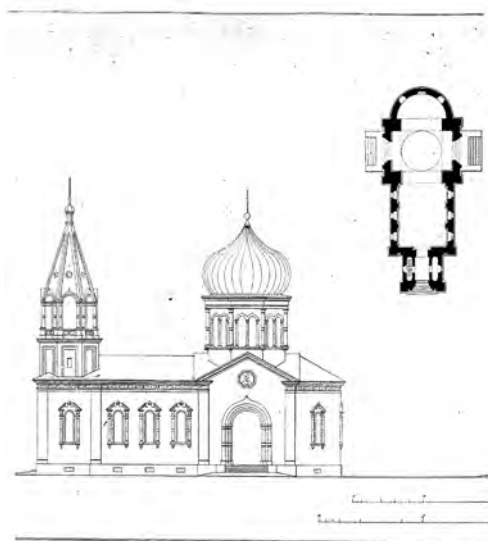
Нужно отметить, что в лютеранском храмостроительстве царствования императора Александра II в Эстляндии и Лифляндии почти не встречается других решений, кроме вариантов зального типа неоготических, иногда с романскими элементами, храмов²³. Исключение составляют два проекта Санкт-Петербургских зодчих: октогональной Александровской кирхи в Нарве в романском стиле (1881 г., архит. О.-П. Гиппиус) и кирхи св. Петра в Дерпте (Тарту) (1880-1884 гг., архит. В. А. Шретер), традиционной по типу, но отличающейся более сложным объемно-пространственным

решением и художественным оформлением²⁴. При использовании в строительстве кирх булыжного камня обычно применялась штукатурка (с открытой булыжно-кирпичной кладкой построены церковь в Мазирбе, Латвия, 1866 г., римско-католическая церковь Св. Духа в Валге, 1907 г. и др.).

Показательно, что данная сторона творчества этих архитекторов до сей поры не нашла отражения у исследователей, кроме публикаций о Бауманисе Л. В. Клешшиной. В очерке П. Кампе речь идет о биографии и гражданских постройках Бауманиса, в монографии Я. Крастиньша о мастерах архитектуры Риги 1850-1940 гг. – о таковых же постройках Бауманиса и Шеля, в коллективной монографии о немецких архитекторах Риги – также о рижском творчестве Шеля как строителя общественных зданий и жилых домов²⁵. Но церковные постройки Бауманиса и Пфлуга, несомненно, составляют вершину их творчества.

Каждый из архитекторов имел свой индивидуальный творческий почерк. Напр., Бауманис, несмотря на стесненные сроки проектирования (большинство его проектов были составлены в 1871 г.), в значительно большей степени, чем Шель (и более, чем Эдельсон) стремился разнообразить не только декор, но и объемные решения храмов, ориентируясь преимущественно на русско-романский стиль. Центричные и достаточно однообразные храмы в романо-византийской стилистике проектировал Г. Шель. Р. Пфлуг, как и Бауманис, отличался разнообразием используемых при строительстве прототипов – от византийского и русско-романского до стиля узорочья XVII в.

Эдельсон чаще всего не отходил от классической трехчастной композиционной схемы церкви. Она восходит к наиболее востребованному для приходского строительства типу № 2 – «церковь, предполагаемая к построению в имени Синявина»



1. К. А. Тон. Проект № 5 // Церкви, сочиненные архитектором Его Императорского Величества, Профессором ... Константином Тоном. СПб., 1838.

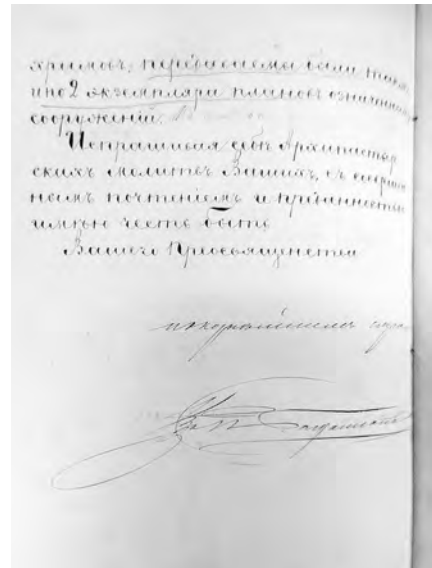
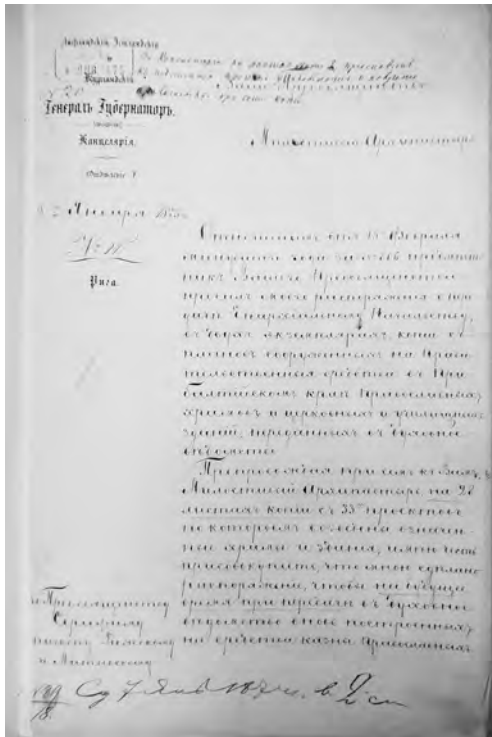
(Сенявина) и близкий к нему вариант № 5 (илл. 1) из первого альбома образцовых проектов К. А. Тона 1838 г.²⁶ Эти храмы имеют квадратный в плане основной объем, завершенный луковичной главой на барабане. К нему примыкают с востока полукруглая в плане апсида, перекрытая конхой; с запада – немного более узкая трапезная, в результате чего здания этого типа приобретают план, близкий к латинскому кресту. Трапезную продолжает квадратный в плане притвор, над которым возвышается шатровая колокольня с четвериком звона.

Плановые решения храмов других рижских мастеров достаточно разнообразны и редко основаны на образцовых проектах Тона и «Атласа проектов и чертежей сельских построек» (СПб., 1853). Их отличительными особенностями являются активное применение красного кирпича и местного булыжного камня, что создает яркий местный колорит, но ассоциируется при этом с полихромией русского узорочья XVII в., а также использование

оригинальных декора и композиций, преимущественно в завершениях зданий. Система пропорций таких храмов не всегда удачна, но данный недостаток восполняется оригинальностью решений (наиболее яркий пример – Всесвятская церковь в Риге архит. Я. Бауманиса). Наиболее широко применяются романские и ренессансные прототипы, хотя часто и в упрощенной форме, реже – элементы византийской и готической архитектуры. Также в постройках мастеров рижской школы можно видеть фольклорные элементы и барочные реминисценции. И те, и другие могли восприниматься как национальные в противовес «немецкой» готике.

Негативной, но отчасти вынужденной стороной их работ явилось тиражирование проектов, что было обусловлено необходимостью максимально быстрого «освоения» выделенных средств, особенно в 1871-1873 гг. Если Бауманис хотя бы незначительно, но изменял архитектурные решения для различных построек, то Шель, особенно в пределах современной южной Эстонии и островов, оставлял их без серьезных изменений (напр., идентичны Ольгинская церковь в Лейзи и Казанская церковь в Ринси). Дублировались и отдельные части построек (колокольни церковей Хяядеместе и Килинги-Нымме). Чаще всего, даже в рамках одного проекта, различались детали декора и материал отделки²⁷. Эдельсон был менее оригинален в своем творчестве и практически постоянно варьировал в своих проектах тип трехчастного тоновского храма в имени Сенявина, правда, обогащая его композицию и декор.

В общей сложности в 1871-1873 гг. на правительственные средства в Прибалтийском крае были сооружены 33 церкви (20 из них на территории Эстонии), копии с планов которых в начале 1875 г. были переданы из канцелярии генерал-губернатора



2.–3. Письмо генерал-губернатора кн. П. Р. Багратиона епископу Рижскому и Митавскому Серафиму о препровождении копий с планов 33 сооруженных в Прибалтийском крае православных храмов. 1875. ЭИИ.

кн. П. Р. Багратиона в духовное ведомство новому епископу Серафиму (Протопопову, со 2 окт. 1874 г.) (илл. 2, 3). Это церкви в 1) Пейде в мызе Нейенгоф на о. Эзель (Торнимяэ) – проект Г. Шеля, 2) Лайс(з) берге (Лейзи-Карья), Мало-Иоаннове (Войзеке, Войбла – Лали), Мооне (Ринси), Лаймьяле (Лоймьяла, Лаймьяла-Кахтла), Тугалане (Тухалаане), Аудерне (Урусте), Пиллистфере (Аруссааре), Кавелехте (Кавилда), Подисе (Поотси-Кыпу) и Галлисте (Пенуя) – Г. Шеля; 3) Кар(р)исе (Пийла), Пигавольде (Реомяэ), Мустеле (Мустьяла), Ямме (Торгу), Анзекюле (Тийриместа) и Аррокюле (Арукюла) – Г. Шеля; 4) в Сыренце (Васкарва, Ильинская церковь), 5) в Ильмьберве (Илмьярве) и Берзоне (Берзауне) – Я. Бауманиса; 6) в Фетельне (Feheln, Одензе, Сауснее, Латвия) и Кастолаце (Кастолатси) – Я. Бауманиса; 7) в Альт-Врангельсгофе (Мааритса-Прангли), Марцене (Марциена, Латвия), Га(а)нгофе,

Эшенгофе (Мали, Латвия – Я. Бауманиса; 8) в Альт-Ниггене (Нью) и Буцковски (Бутцковски, ныне Бучауска, Латвия) – Я. Бауманиса; 9) в Альт-Залисе (Салацгрива, Латвия); 10) в Альт-Кальценау (Калснава); 11) в Юнгфернсгофе (Лиселварде, Лиел-Юмправа); 12) в Гензельсгофе, 13) в Скруделине (Скрудалиена). Кроме того, были спроектированы приходские школы 8 типов, дома для священников (3 типа) и причетников²⁸. Три храма были освящены уже в конце 1873 г.: Саусенский, Кальценауский и Берзонский, им императрица подарила иконы двенадцатых праздников.

К 1874 г. в 125 из 146 приходов Рижской епархии уже имели постоянные благоустроенные храмы. «Недостаток православных храмов в прибалтийском крае, еще так недавно весьма ощутительный и неблагоприятно отражавшийся на религиозном состоянии тамошнего православного населения, постепенно устранился

при попечительности правительства и теплом участии русского православного общества»²⁹.

17 февраля 1874 г. государь-император распорядился выделить на ремонт и строительство церквей в прибалтийских губерниях, в том числе на рижский кафедральный собор, через МВД новый кредит в 900 тыс. руб., по 150 тысяч рублей ежегодно в течении 6 лет. Большая часть суммы – 561 504 руб., оказалась впоследствии истрачена на сооружение рижского кафедрального собора³⁰. 16 августа 1874 г. секретарь Рижской консистории Н. Токмаков доложил ее членам, что по результатам переговоров с заведующим постройками церковных зданий в Рижской епархии Голоушевым к строительству церквей на суммы МВД были намечены следующие приходы:

1. В первую очередь, в приходах: Фестенском, Кокенгузенском, Кертенбемском, Мурровском, Солонайском, Фабиановском, Кольценском, Керкауском, Суйслепском, Вольмарском, Зонтагском, Саарнгофском, Геймадрском, Зербенском, Раппинском.

2. Во вторую очередь, в приходах: Лаудонском, Нитауском, Йепернском, Мариенбургском, Якобштадтском, Пернигельском, Эйхенангернском, Стоммерзейском, Обер-Паленском, Черносельском православном, Черносельском единоверческом, Кароленском, Феллинском, Лайском, Вендауском, Венденском, Сыренецком, Валкском, Благовещенском Козенгофском, Пирисаарском, Олустферском, Ревельском, Яковлевском-Уддафер, Уббенормском и Везенбергском³¹.

В начале 1870-х гг. продолжалось и храмостроительство в тоновских формах, возможно, связанное с деятельностью епархиального архитектора А. Эдельсона. В 1871 г. была освящена начатая годом ранее трехчастная Никольская церковь в г. Тукумсе (Туккумском приходе Курляндской губ.), построенная на средства

Туккум-Тальсенского Свято-Николаевского православного братства. Храм «тоновского» типа», основной двусветный четверик завершен 1 главой, декорирован килевидными элементами, лопатками, филенками, сухариками. В 1870-1872 гг. была построена также трехчастная «тоновская» Никольская церковь в Килинги-Нымме (Куркундском приходе – Саарде – Заарагоф, ныне – в аварийном состоянии).

В данный период (1870-1871 гг.) была осуществлена также реконструкция деревянной Адмиралтейской церкви во имя свв. Симеона и Анны в Таллинне, построенной в 1762-1755 гг. (с 2007 г. – кафедральный собор Эстонской Апостольской Православной Церкви Константинопольского Патриархата). Храм приобрел вид, соответствующий образцовым проектам деревянных церквей: трехчастный, близкий к крестообразному, план; завершение основного объема в виде массивного приземистого четверика, законченного по центральным осям треугольными щипцами-фронтонными и увенчанного четырехскатной «шатровой» кровлей с луковичной главкой на барабанчике; шатровую колокольню над притвором и резную отделку в русском стиле. Собор был восстановлен в 2001-2007 гг. (илл. 4)³²

Во время правления епископа Серафима (Протопопова, 1874-1877) храмостроительство несколько затормозилось: храмы по большей части достраивались (в 1875 г. – 11, в 1876 г. – 13, в 1877 г. – 15). На территории современной Эстонии было построено только 2 храма и 4 достраивались, открыт был лишь один приход – Мурровский. При епископе Серафиме были заложены рижский кафедральный собор (3 июня 1877 г.) и здание Духовной семинарии (1877 г.).

6-7 февраля 1875 г. в присутствии Прибалтийского генерал-губернатора состоялась «конкуренция для отдачи к исполнению работ по сооружению проектированных



4. Собор во имя свв. Симеона и Анны. Таллинн. Фото автора. 2011 г.

церковных зданий в Рижской епархии». 18 февраля 1875 г. в письме в Рижскую Духовную консисторию Голоушев предложил приступить к постройке из булыжного камня еще 18 церквей – Кокенгузенской с училищем, Нитауской с училищем, Керстенбемской, Лезернской, Фестенской, Вольмарской, Лоддигерской, Козенгофской, Кольценской, Пернигельской, Зонтагской – каменной церкви на 450 человек и каменного приходского училища на 60 учеников; Вендауской – каменной церкви на 200 человек и каменного приходского училища на 40 учеников; Сааренгофской – каменной церкви на 300 человек и каменного приходского училища на 40 учеников; Черносельской единоверческой – каменной церкви на 300 человек; Керкауской – каменной церкви на 250 человек и каменного приходского училища на 40 учеников; Кароленской – каменной церкви на 600 человек и каменного училища на 80 учеников

(строитель – Вессенштейнский мещанин Федот Иванович Кудряшев); Фабиановской – каменной церкви на 200 человек и каменного приходского училища на 40 учеников; Иеппернской – каменной церкви на 300 человек и каменного приходского училища на 40 учеников (строитель Менгель); приходских училищ в Раппинском, Черносельском православном и Яковлевском-Удаафер приходах³³.

Действительный статский советник Голоушев заведовал постройкой церквей в прибалтийских губерниях до 27 октября 1875 г., потом был переведен министром внутренних дел на аналогичную должность заведующего церковно-строительными делами в Привислинских губерниях, а его обязанности были переданы губернскому архитектору Лифляндского строительного отделения статскому советнику Ю. А. Гагену³⁴. В 1875 г. генерал-губернатор П. Р. Багратион утвердил проекты и сметы

на строительство новых храмов, представленные ему Гагеном.

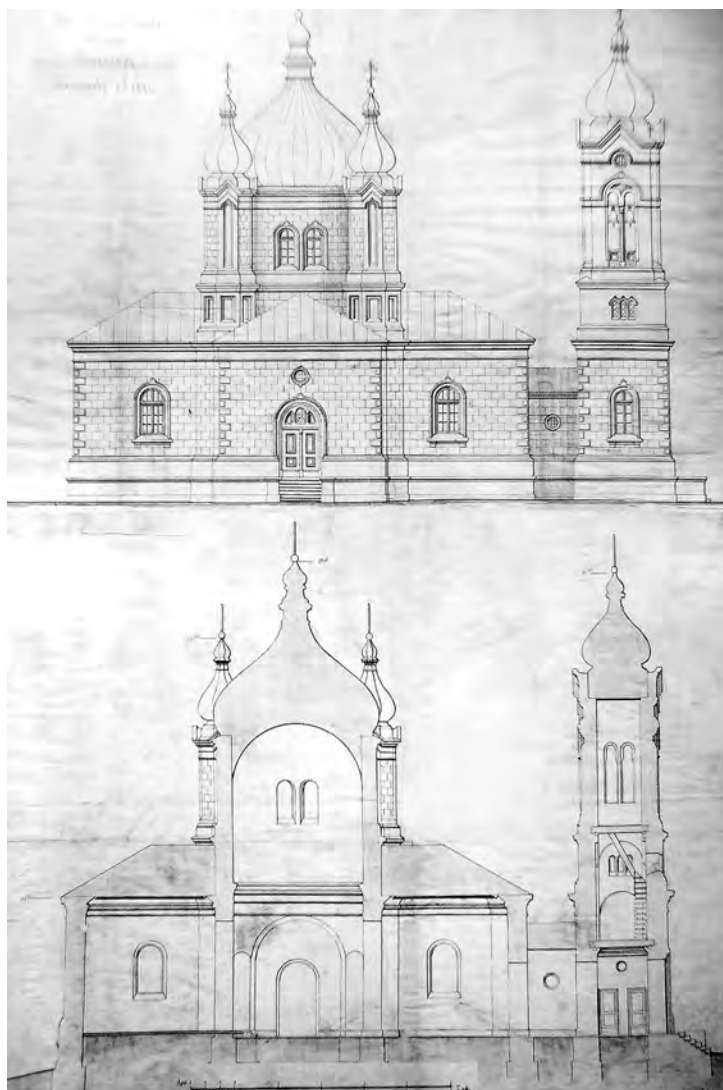
На конец 1875 г. в епархии насчитывалось православных 158 церквей, из них 92 каменных, 11 храмов строилось. К концу 1877 г. в епархии было 157 церквей, в т.ч. 143 приходских, 9 приписных, 5 домовых; 12 часовен; 99 каменных и 47 деревянных, 7 временных в казенных зданиях, 4 находились в наемных помещениях, 23 – в неудовлетворительных для храмов помещениях³⁵. Большинство храмов этого периода было возведено по проектам 4 рижских архитекторов: Шеля, Бауманиса, Пфлуга и Эдельсона.

По проектам Г. Шеля за это время в Лифляндии было построено 18 церквей, из них 4 с колокольной, вместимостью от 150 до 600 чел. Его проекты православных церквей были удостоены золотой медали на Политехнической выставке в 1872 г. Москве. Самый распространенный тип для него – центричные, крестообразные, пятиглавые побеленные храмы, выполненные в русско-романском стиле. Их фасады отличаются суровым лаконизмом. С запада в храм ведет портал с полуциркульным верхом, над которым расположено тройное венецианское окно. Немногочисленные полуциркульные и малые круглые или тройные полуциркульные окна прорезают гладь других фасадов.

9 церквей, построенных по проектам Шеля, были по величине своей отнесены к 1 разряду. Первой из них была построена Свято-Ольгинская церковь в Лейзи-Карья на о. Сааремаа, Лайсбергский приход, в 1871(о?)-1872 гг. она была оштукатурена и выбелена; затем была построена Успенская церковь в Тухалаане (Тут(г)ала(а,о)нский, ранее Пайстельский, приход) – в 1870-1873 гг., из бута, отделанная щебенкой, опорные элементы – из оштукатуренного кирпича; Вознесенская церковь в Аруссааре (Пиллиствере, Кяо – Пиллистверский, ранее

Михаило-Малеинский приход, мыза Арросаар) была построена в 1871-1873 гг. из булыжника с забутовкой и оштукатуренного кирпича; Никольская церковь в Лалси (Колга-Яани, Мало-Иоанновский приход на мызе Выисику – Войзек – Войбла) была построена на участке, пожертвованном фабрикантом Амелунгом, 1871-1873 гг.), из булыжника и оштукатуренного кирпича, на 450 человек, с невысокой колокольной-восьмериком над притвором; Свято-Троицкая церковь в Ээрику (Иоаннов приход, построена в 1873 г., оштукатурена), в 1899-1900 гг. к ней была пристроена трехъярусная колокольная с шатровым верхом; церковь свят. Василия Великого в Лаймьяла-Кахта на о. Сааремаа (Лаймьяльский или Лоймьяльский, приход, мыза Кахта) была построена в 1871-1873 гг., в 1912 г. к ней были пристроены трапезная и ярусная колокольная; Вознесенская церковь в Урусте (Уруст, Аудру, Аудернский приход, мыза Велла) была построена в 1872-1873 гг. из булыжника и оштукатуренного кирпича, углы оформлены подобием руста; Казанская церковь в Ринси (на мызе Грабенгоф Моонского прихода, о. Муху) построена и оштукатурена в 1873 г.

В 1871-1873 гг. была построена Покровская церковь в Торнимяэ (приход Пейде(с) – Нейенгоф) – самая большая православная церковь на Сааремаа, рассчитанная на 600 человек, с высокой колокольной над притвором, отсутствующей в других проектах Шеля (илл. 5). Необычно вытянутый ярус звона с высокими сдвоенными проемами завершен щипцами, над ним – главка в виде бани (также и над боковыми главами). В чрезвычайно компактном луковичном пятиглавии, вызывающем ассоциации с Воскресенским Смольным собором в Санкт-Петербурге, доминирует гигантская центральная глава. Оконные проемы – с килевидным навершием. Церковь оштукатурена и выбелена, однако не была

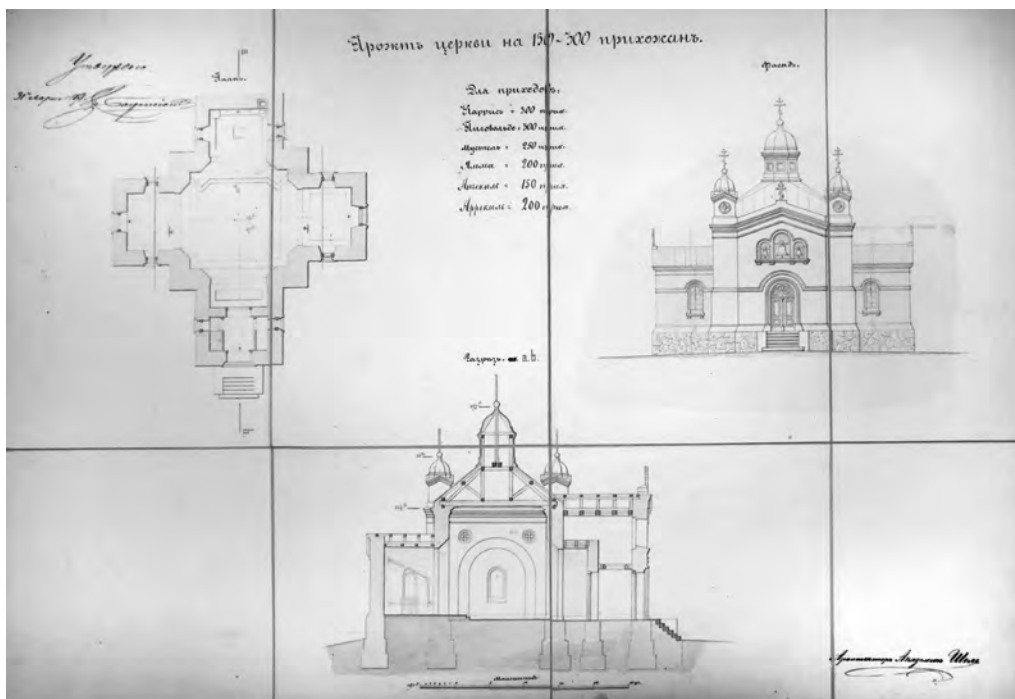


5. Проект церкви в приходе Нейенгоф на о. Эзель.
Боковой фасад, разрез. Архитектор Г. Шель. 1871. ЭИИ.

реализована рустовка фасадов и сдвоенные окна на центральном барабане³⁶.

Ко второму разряду были отнесены 5 церквей: Александро-Невская в Кавилда (Кавелехтский приход, ранее Удернский), построена в 1873 г. из булыжника, угловые пилоны из оштукатуренного кирпича, ныне разрушается; Троицкая в Поотси-Кыпу (Подиский приход, мыза Кеппо), построена в 1871-1873 гг. из булыжного камня и

оштукатуренного кирпича, наличники с килевидными навершиями; Всесвятская в Пенуя (Халлисте, Галлистский приход, мыза Абя), построена в 1872-1873 гг. из булыжного камня, ныне разрушается; Андреевская в Реомяэ (Пигавольдеский, ранее Кармельский приход, на мызе Рео) на 300 человек, построена в 1873 г., оштукатурена, отличается характером завершения – центральная глава малого размера, барабаны



6. Проект церкви на 150-300 прихожан для приходов Каррис, Пигавольде, Мустель, Ямма, Анзекуль, Аррокюль. Архитектор Г. Шель. 1871. ЭИИ.

пятиглавия четырехгранные, грани завершены щипцами; и Михаило-Архангельская в Пийла (Карриский приход) на 300 человек, построена в 1872-1873 гг., оштукатурена, углы здания рустованы. (илл. 6).

5 церквей 3 разряда также находятся на территории современной Эстонии: Ильинская в Мустьяла (Мустельский приход, мыза Мустельгоф), построена в 1871-1873 гг. на 250 прихожан, оштукатурена, характер завершений напоминает церкви в Рео и Пийла, но центральная малая глава на восьмигранном барабане; Иоанно-Богословская церковь в Торгу (Яммский, или Ямской приход, мыза Торкенгоф), на 200 человек, построена в 1873 г., была оштукатурена, ныне – руины; Христорожественская церковь в Тийриметса (Анзекуля, Анзекульский приход), на 150 человек, построена в 1873 г., оштукатурена, ныне – в аварийном состоянии; Троицкая церковь в Арукюла (Аррокюльский приход)

на 200 человек, построена в 1871-1873 гг., оштукатурена, ныне – в аварийном состоянии. Они построены по одному и тому же проекту Г. Шеля³⁷ и отличаются размерами и незначительными деталями, например, рустовкой угловых частей, наличием или отсутствием тяг-валиков на фасадах и т.п. Оштукатуренные и выбеленные храмы сооружены преимущественно из бутовой плиты и кирпича, в других храмах булыжная кладка перемежается с забутовкой, кладка угловых частей здания, сводов, выкладка оконных проемов выполнялись обычно из кирпича. К 3 разряду по стоимости работ была причислена и церковь в с. Сыронец, начатая постройкой прихожанами. Шелю принадлежит также проект капитального ремонта храма в г. Курессааре (Аренсбурге), причтовых зданий в приходах на островах Сааремаа и Муху.

В 1875-1879 гг. Шелем в «полуциркульном» стиле, который в данном случае

правомерно назвать «романо-византийским», было построено в Риге монументальное здание православной Духовной семинарии. Домовый Покровский храм располагался по центральной оси здания, на 3-м этаже, под куполом. Семантическая связь с православной византийской архитектурой сочеталась здесь с аллюзиями на темы неоренессанса, в котором были построены другие крупные учебные заведения Риги того времени, включая Политехнический институт³⁸.

На территории современной Латвии и, в значительной степени, Эстонии – в пределах эстонской части Лифляндии, были реализованы многочисленные проекты Я.-Ф. Бауманиса, работавшего в 1856-1860 гг. в архитектурном бюро Шееля³⁹. Все провинциальные храмы по проекту Бауманиса построены из красного кирпича и тесаного булыжного камня, открытого на меньшей площади фасада, чем кирпичная облицовка (кроме церкви в Кастолаце).

4 спроектированных им храма относились к 1 разряду. Это Богоявленский храм в Ильмьярве (Ильмьервский приход, 1871-1873 гг.) (илл. 7) и его аналог в Латвии – Троицкая церковь в Берзауне (Берзонский приход, мыза Гроздон), освящена в 1873 г., ныне – в аварийном состоянии. План храма сложный, близок к греческому кресту. Угловые части заполнены 4 компартаментами, углы всех объемов скошены. Необычна форма венчания: мощные, барочного типа 5 луковичных глав возвышаются на световых барабанах, представляющих собой в плане прямоугольники со срезанными углами и прорезанных 9 (центральная) или 4 (боковые) полуциркульными окнами⁴⁰.

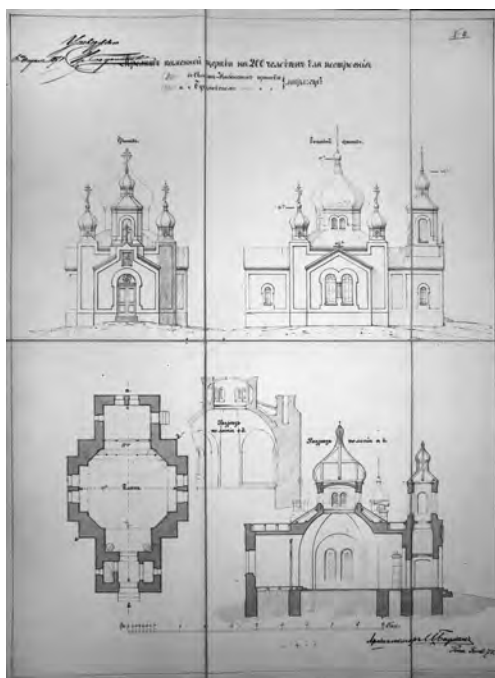
Благовещенская церковь в Кастолатси (Кастолацкий, ранее Книппельсгофский приход, Kastolatsi, Kastolatz, построена в 1873-1874 гг.) имеет пятиглавие наподобие более раннего проекта церкви в Ильмьярве, но более простой план (ныне разрушается).



7. Церковь Богоявления в Ильмьярве. Архив Гос. инспекции по охране памятников истории культуры Эстонии. Фото 1979 г.

По тому же проекту января 1871 года⁴¹ храма, рассчитанного на 450-500 чел., была построена и освящена в 1873 г. пятиглавая крестообразная Никольская церковь в Сауснее (Саусенском, или Одензе-Фетельнском приходе, Латвия), разрушена в 1950-1952 гг..

Также 4 храма относились ко 2 разряду. Это, прежде всего, Преображенская церковь в Мааритса-Прангли на 350 человек (Альт-Врангельсгофский приход, 1871 – 1874 гг.), построена также из булыжного камня и красного кирпича. Центричный храм завершался луковичным пятиглавием, колокольня с круглым в плане ярусом звона – полукуполом с луковичной главкой на основании. Боковые фасады мощных ризалитов и притвора завершены щипцами (сохранился в полуразрушенном виде). По этому же проекту 1871 г. был сооружен храм на 300 человек в Плаани-Хаанья (Га(а)нгофский приход, 1873-1874 гг.) и две церкви на территории Латвии: во имя свят. Алексия Московского в Марциена, также на 300 человек (Марценский приход, 1871-1874 гг.) и Вознесения Господня



8. Проект церкви на 200 человек в Альт-Нигенском и Буцковском приходах. Архит. Я. Бауманис. 1871. ЭИИ.



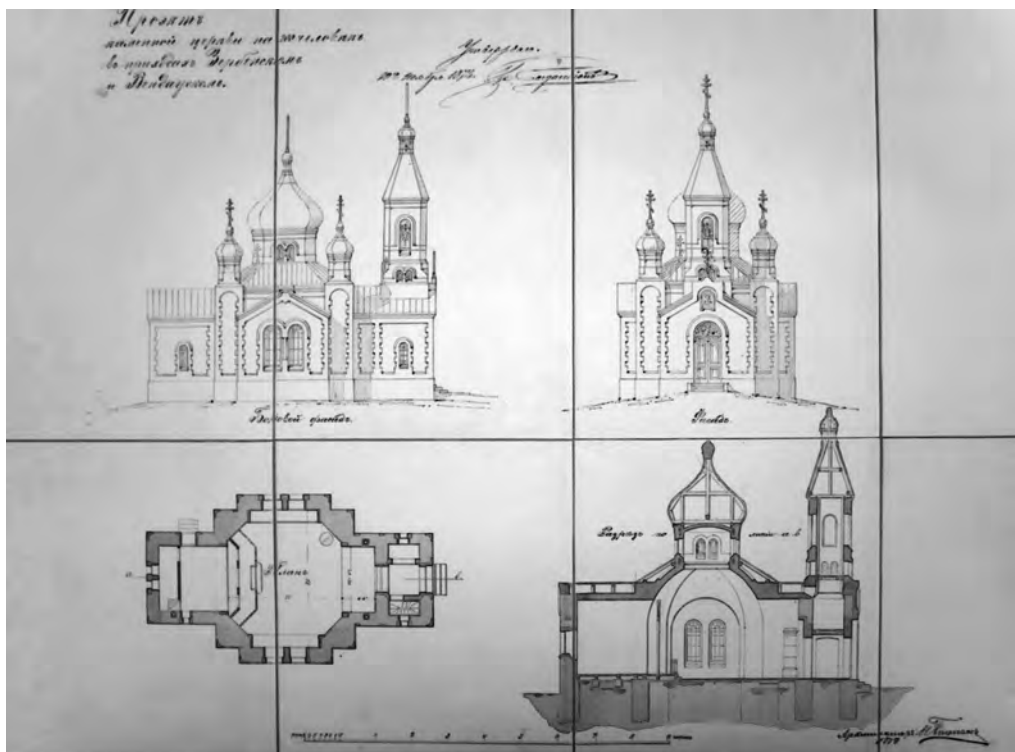
9. Церковь Богоявления в Нью. Фото автора. 2012 г.

в Мали (Эшенгофский приход, 1871-1873 гг., строитель – крестьянин Я. Менгель)⁴². Храмы имеют планировку в виде греческого креста. «Скошенные» угловые части основного объема и центральная часть увенчаны мощными луковичами на барабанах (центральная глава – световая), ярус звона колокольни – круглый в плане, завершен шлемовидным куполом, над которым главка на круглом барабанчике. Боковые ризалиты и прямоугольный в плане алтарь также завершены щипцами.

Два храма 3 разряда – Троицкая церковь на 200 человек в Нью (Альт-Нигенский приход, 1871 – 1873 гг.), из местного камня с колокольней над притвором и одним большим куполом, и Ильинская церковь в Бучауска (Латвия, Буцковский /Буцковский/ приход, 1871-1874 гг.), решенная, однако, как в первоначальном проекте, в пятиглавом варианте⁴³. (илл. 8, 9).

Одноглавая Успенская церковь в Поцимсес на 700 человек (Латвия, Уббенормский /Позендорфский/ приход, 1872-1875 гг.) была построена на средства Спасского братства), имела традиционный трехчастный план, венчалась одной луковичной главой, отличалась высотой шатра колокольни и сложными формами кровель (ныне разрушается).

К 29 мая 1875 г. Бауманис разработал проекты со сметами к исполнению подрядчиками церковных строений в 8 приходах⁴⁴. Это Покровский храм в Карула-Висси (Кароленский приход, 1876 – 1877 гг., освящен в 1878 г.) на 600 человек, план в виде латинского креста. Его завершает мощное пятиглавие. Центральная глава прямоугольная в плане, прорезана с запада и востока тройными полуциркульными окнами. Боковые квадратные в плане главы возвышаются над угловыми компартиментами. Высокий четверик колокольни завершен относительно небольшим шатром. Храм выстроен из бутового камня и красного кирпича, стены прорезаны полуциркульными окнами, ризалиты основного объема – венецианскими окнами с повышенным центральным. По тому же проекту была построена церковь на 600 человек в Нитауре (Латвия, Нитаурский приход, подрядчик Я. Менгель, 1876-1877 гг.) – с училищными и причтовыми зданиями.



10. Проект церкви на 200 человек в приходах Зербенском и Вендауском. Архит. Я. Бауманис. 1874. ЭИИ.

Христорождественская церковь на 200 человек в Вынну-Кяrsa (Вендауский приход, проект 1874 г., повторный – 1876 г., освящена в 1879 г.)⁴⁵, с училищным и причтовыми зданиями (ныне – методистская церковь), также имела аналог в Латвии – Успенский храм в Банужи (Дзержбене, Зербенского прихода, проект 1874 г., разрушена после 1965 г.). (илл. 10). Также пятиглавый, но меньший по размерам храм имеет только центральную главу прямоугольной в плане, боковые – декоративные, имеют план в виде квадрата со скошенными углами. К главному объему примыкают ризалиты, завершенные щипцами. Над притвором – колокольня с более скромной отделкой, чем в предыдущем проекте. Окна храма полуциркульные.

По одному и тому же проекту 1874 г. из булыжного камня и красного кирпича были

построены храмы на 300 человек во имя преп. Сергия Радонежского в г. Валмиере (Вольмарский приход, 1877 – 1879 гг.) и Иоанно-Предтеченская в Ухмарду-Сааре (Заренгофский или Са(а)ренгофский приход, 1877-1878 гг., освящена в 1889 г., взорвана в 1962 г.), обе на 300 человек, с училищными и причтовыми зданиями. Храмы имели оригинальную отделку в духе народной архитектуры и завершение пятью оригинальными куполами в виде двухъярусных прямоугольных в плане четвериков со скошенными углами, над которыми возвышались шатры с малыми главками. Центральная часть храмов близка к октагону, общий план, благодаря ризалитам основного объема – к кресту⁴⁶. Аналогична по архитектуре этим храмам спроектированная Бауманисом крестообразная пятикупольная единоверческая



11. Бауска. Георгиевская церковь. Открытка нач. XX в. из собрания Д. И. Трубецкого.

Троицкая церковь в пос. Черном (Муствэе, 1877 г.) на 300 чел. с училищным и причтовыми зданиями.

Церковь свят. Василия Великого (1875-1879 гг.) в Прийпалу-Ванамыйза (Зонтагский приход, Эстония) отличается изящной, оригинальной отделкой колокольни с вытянутыми двояными проемами звона, выполненной преимущественно из кирпича. Как обычно, Бауманис стремится придать оригинальные формы венчающей части. Скаты кровли трапезной и основного объема (завершенного щипцами) венчают миниатюрные луковичные главки, центральная часть завешена барабаном, над которым возвышается луковичная главка на постаменте. На боковых фасадах – тройное окно с повышенным центральным. Строился храм одновременно с училищным и причтовыми зданиями. Отдельно училище

с причтовыми зданиями спроектировал Бауманис для Раппинского (г. Ряпина) Захарие-Елизаветинского прихода.

Коллежский регистратор Я.-Ф. Бауманис был последним специалистом по постройке православных церквей, получавшим регулярное содержание за счет церковно-строительных сумм. Контракт с ним на 1800 руб. был продлен на 1879 г., так как он должен был заниматься ремонтами церквей в Гапсале и Обер-Палене, а главное – постройкой церкви в Бауске, спроектированной в 1878 г. Георгиевская церковь в г. Бауска, Латвия⁴⁷ была сооружена в 1879 – 1880 гг. (илл. 11) Это трехчастный храм, в плане близкий к равноконечному кресту, основной объем которого близок к кубу. Имеет обширную алтарную пристройку и боковые ризалиты, завершенные фронтонами, увенчан пятиглавием в виде вытянутых восьмериков. Боковые барабанчики глухие и завершены позднейшими луковичными главками, центральный – световой со шлемовидным куполом, над которым фонарик с аналогичной главкой. Главный четверик соединен трапезной с притвором, над которым возвышается квадратная в плане оригинальная столпообразная колокольня, завершенная низким шатром с луковичной главкой. Красный кирпич сочетается с выбеленными деталями.

Бауманису по неизвестным причинам приписываются еще 2 церкви, не очень типичные для него по стилистике и построенные после его смерти. Это Никольская церковь в Коса-Ароди на 300 человек (Козенгофский приход, Латвия, 1892-1893 гг.), построена на средства вдовы статского советника А. Е. Лебедкиной⁴⁸ из камня с кирпичной облицовкой. Эта одноглавая церковь близка тоновским трехчастным храмам. Одноглавая, крестообразная в плане Христорождественская церковь в Алоя (Аллендорф, Эйхенангернский приход, 1894-1895 гг.) построена на пожертвования

в размере 2300 руб. на строительство и 1 тыс. руб. на украшение епископа Полоцкого и Витебского Александра (Закиса), первого архиерея-латыша. Она отличается простой трехчастной композицией. Боковые фасады основного кубического объема завершены щипцами, над притвором – колокольня с невысоким шатром.

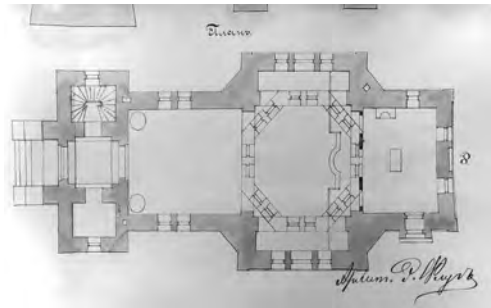
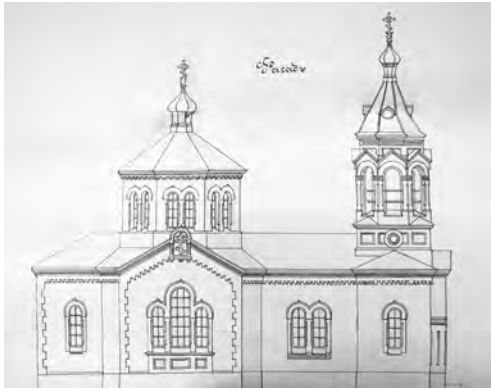
В наибольшей степени талант Я.-Ф. Бауманиса проявился в проектировании храмов в Риге. Одним из лучших в императорской России произведений русско-романского стиля является церковь во имя Всех Святых на бывшем кладбище (1868-1870 гг. – колокольня с трапезной, 1882-1884 гг. – основной объем и приделы: Введенский – 1881 г., свв. Веры, Надежды, Любви и Софии – 1891 г.)⁴⁹. Она сочетает трехчастный план с крестово-купольной системой центрального объема с полуциркулярной в плане апсидой. Оригинальный купол декорирован 4 приставленными к граням и чередующимися с венецианскими оконными проемами полуциркулярными в плане объемами, имеет яйцевидную кровлю с луковичной главкой. С запада расположена столпообразная колокольня, увенчанная низким шатром с главкой наподобие церкви в Бауске. Кирпичный декор составляют контрфорсы, рамочные обрамления полуциркулярных окон, пояса арок, в т.ч. «ползучих», окна-розы на боковых фасадах. Трапезная часть имеет плоское перекрытие, в центральной части восьмигранный световой барабан опирается на массивные угловые пилоны, ветви трансепта и вима перекрыты полуциркулярными сводами, алтарная апсида – вимом. На устройство этой (как и Благовещенской) церкви по 30 тыс. руб. выделил И. М. Мухин.

Р. Пфлуг, видимо, раньше, чем Бауманис, начал самостоятельную творческую деятельность в области храмостроительства: в 1863-1869 гг., как уже указывалось,

предполагается его участие в проектировании 6 церквей. В рассматриваемый период только на территории Латвии им были спроектированы 14 церквей. К 1 разряду относились церкви Иоанно-Богословская в Янюкалнсе (Альт-Кальценауский – Колтенауский приход, Калтенау, Кольценау, Вецкалнава, Яункалнава, 1871-1873 гг., построена при участии помещика фон Калена), близкая к тоновскому типу пятиглавых храмов, построена из кирпича и булыжного камня, декорированная арочками и выложенными в кирпиче равноконечными крестами (упомянуто также об освидетельствовании участка архит. Эдельсоном) и Покровская в Салацгриве (Старо-Салацкий, или Залисский приход, Вецсалаца, Залисмюнде, 1871 – 1873 гг.) – красно-кирпичная, пятиглавая, с малыми глухими главками и высокой ярусной колокольней, декорированная полуциркулярными кокошниками, с применением мотива арок. Эти храмы, особенно в Салацгриве, типологически предшествуют «московско-ярославской» стилистике в «русском» стиле.

К 3 разряду относился трехчастный одноглавый, с декором в виде арок Никольский храм в Лиепварде (Гросс-Юнгфернгофский приход, Латвия, 1871-1873 гг.), разрушенный в годы 1-й Мировой войны.

К 30 июня 1875 г. Пфлугом были составлены проекты и сметы церквей для 10 приходов. Петропавловская церковь на 600 человек в Кокнесе (Кокенгузенский приход, 1875-1877 гг., освящена в 1878 г.) имела общие черты с церквями Нитауского и Кароленского приходов, построенными Бауманисом, была взорвана в 1967 г. Были также построены по близким друг к другу проектам из булыжного камня и кирпича церкви Сретенская в Лидере (Лидернский, ранее Лезернский приход, на мызе Гульберн) на 300 человек, 1872 г., одна из первых, построенных в этот период и Георгиевская в



12-13. Проект православной церкви на 300 человек в Йепернском приходе. Боковой фасад, план. Архит. Р. Пфлуг. ЭИИ.

Йыыпре, также на 300 человек, с училищем (Йеп(п)ернский приход, Эстония, 1876 – 1878 гг., освящена в 1879 г.)⁵⁰. (илл. 12, 13) Эти трехчастные храмы завершены массивным восьмериком, увенчанным небольшим пологим шатром с главкой на барабанчике, алтарь имеет прямоугольный план, над притвором возвышается традиционная шатровая колокольня.

Никольская церковь в Карздабе (Керстенбемский приход) на 600 человек, спроектированная в 1863 г., была достроена по новому проекту на средства Синода и освящена в 1875 г. Это «тоновская» трехчастная одноглавая церковь на 300 чел., оштукатуренная и побеленная, особенно близкая проекту в имении Синявина. Ошибочно приписывалась Бауманису Крестовоздвиженская церковь в Толка (мыза Толкенгоф, Фестенского прихода (Вестиена, Латвия))

на 450-500 чел. (1876 – 1878 гг., строитель Я. Менгель, освящена в 1880 г.). Храм из булыжника, без кирпичной облицовки, трехчастный с колокольней, основной объем завершен восьмериком (ныне – руины).

Сохранился проект Пфлуга церкви св. мученицы Зинаиды в Кергу на 250 человек – одноглавой, с невысокой шатровой колокольней, ярус звона которой завершен оригинальными щипцами, из булыжного камня и кирпича (Керкауский приход, участок выделен в 1862 г. помещицей Зинаидой фон Кейзерлинг, проект 1874 г., постройка 1875-1877 гг., храм освящен в 1879 г., первоначально предполагалось, что храм будет строить Шель)⁵¹.

Георгиевская церковь в Янюциемсе (Яновка, Фабиановский приход Курляндской губ., Латвия, 1875-1877 гг., освящена в 1878 г.)⁵² на 200 человек – трехчастная, одноглавая, с прямоугольной в плане главкой, с завершением фасадов щипцами и прямоугольными в плане алтарем и трапезной почти по ширине основного объема без окон с восточной стороны. Общий план бесстолпного храма крестообразный, близок к прямоугольному. Пфлуг построил также дома для причетников и хозяйственные службы. По тому же его проекту на 200 человек (иногда ошибочно приписывается Бауманису) при участии барона И. фон Биринга была построена усадебная Иоанно-Предтеченская церковь на 200-300 чел. в Ледурге (Лоддигер) Кольценского (Ка(о)ль(т)ценау, ныне Калснава, при имении Кольцен (ныне Бирини) прихода (1874 – 1878 гг., строитель – крестьянин Венденского уезда Я. Менгель, освящена в 1881 г.) (первоначально предполагалась только перестройка старых деревянных церкви и дома). Трехчастный храм простой архитектуры из валунов и кирпича имеет большой прямоугольный в плане алтарь и шатровую колокольню над притвором, завершен луковичной главкой. Фасады и

притвор завершены щипцами, карниз декорирован ползучей арочкой.

Пфлуг составил также проекты училища с причтовыми помещениями для Оренгофского прихода и капитальной перестройки церкви в Гензельсгофе и Скрудалинском приходе, где он построил также помещения для причетников. Деревянная одноглавая Покровская церковь в Скрудалиене (Латвия, Скруда(е)лина Курляндской губ.) была построена в 1862 г., а в 1872 г. по распоряжению МВД переделана «в настоящую приходскую церковь» в виде вытянутого прямоугольника с устройством высокой трехъярусной шатровой колокольни, купола и железной крыши. В 1875 г. Пфлуг спроектировал училищный и причтовый дома в Пернигельском приходе (Вилькене), училищный дом в Яковлевском – Уддаферском приходе (Якоби-Удувере)⁵³.

Важнейшей постройкой Пфлуга стал один из самых выдающихся храмов Прибалтики – рижский собор во имя Рождества Христова. В 1874 г. из Государственного казначейства для Рижской епархии была выделена грандиозная сумма в 900 000 руб., из которых, по первоначальной смете, предполагалось затратить на собор 240 тыс. руб. (стройка обошлась в действительности в 531 745 руб. 11 коп.).

В конкурсе на его постройку приняли участие все три основных представителя «рижской школы»: Я.-Ф. Бауманис, Г. Шель и Р. А. Пфлуг. В декабре 1875 г. император Александр II распорядился начать строительные работы на Эспланаде по проекту Пфлуга. Закладка состоялась в июле 1876 г. В качестве подрядчика выступил виленский губернский архитектор Чагин (составленная им смета на 258 870 руб. была значительно превышена), производителем работ с 16 окт. 1876 г. был назначен автор проекта, который 21 июня 1878 г. был переведен на службу в МВД. Освящение произошло 28 октября 1884 г. сонмом архиереев

во главе с Киевским митрополитом, бывшим Рижским Владыкой, Высокопреосвященным Платоном (Городецким)⁵⁴.

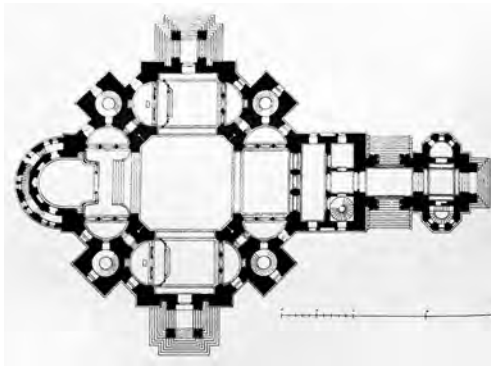
«Отрадно было подъезжать к величавому православному храму нашему, вполне достойному представителю русской церкви в космополитической Риге, отрадно именно потому, что мы нагляделись вволю на маленькие и утлые русские церковки наши в крае, с их алтариками... Собор в Риге красуется на широкой площади...; играет красотой пестрой кладки и музыкаю линий», – писал поэт и государственный деятель К. К. Случевский, посетивший храм вместе с вел. кн. Владимиром Александровичем и вел. кн. Марией Павловной 22 июня 1886 г.⁵⁵.

Собор был построен в византийском стиле, крестообразный в плане, пятиглавый, средокрестие перекрыто куполом на высоком двухъярусном световом барабане высотой 40 м. Четыре малых купола венчают диагональные ризалиты-компартименты. Алтарная апсида перекрыта конхой. Вокруг центрального подкупольного пространства расположены 4 овальных в плане объема с эксседами, перекрытые цилиндрическими сводами и конхами. Над притвором возвышается трехъярусная колокольня, не превышающая высоту боковых глав и спроектированная Пфлугом позднее, чем сам собор. Полуциркульные окна, цементные колонки, профилированные карнизы с дентикулами, орнаментированные фризы составляют декор здания. Имитация византийской «полосатой» кладки осуществлена с помощью желтого облицовочного кирпича с поясами из красно-коричневых глазурованных цементных плиток. Собор вмещает 2700 человек. (илл. 14, 15).

Еще один «византийский» проект Пфлуга в Риге – Покровская кладбищенская церковь (1876-1879 гг.). Крестообразный в плане храм завершен над средокрестием громадным по отношению к площади



14. Рига. Христорожественский собор. Открытка нач. XX в. из собрания Д. И. Трубецкого.



15. Рига. Христорожественский собор. План. Из кн.: Riga und seine Bauten. Riga, 1903. S. 183.

храма византийским куполом со шлемовидной главой на широком многогранном барабане. Трапециевидные концы трансепта и алтарная апсида перекрыты конхами, алтарная часть окружена низкой галереей, где расположены диаконник, ризница и вход в подцерковье с приделом. Купол через 4 подпружные арки опирается на массивные угловые столпы, акцентированные на фасаде 4 декоративными малыми куполками на граненых барабанах. Наружная отделка близка Христорожественскому собору. Стены облицованы светло-желтым кирпичом со вставками красно-коричневых цементных плиток, что имитирует кладку со скрытым рядом. Детали декора (рельефные

орнаменты, фризы, колонки порталов) отлиты из цемента на фирме А. Фольца⁵⁶.

4 февр. 1876 г. было утверждено «Положение о строительстве православных церквей в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях», согласно которому храмостроительство в Рижской епархии полностью переходило в руки МВД⁵⁷.

К концу 1877 г., когда на Рижскую кафедру был назначен епископ Филарет (Филаретов, 31 дек. 1877 – 23 февр. 1882 гг.), в Прибалтийских губерниях насчитывалось 193 988 православных, 149 приходов (125 приходов в Лифляндской губернии, 15 в Курляндской и 9 в Эстляндской губернии). В 377 православных школах (124 приходских и 253 вспомогательных) обучались 10 696 учащихся⁵⁸.

С 1878 г. должность заведующего постройкой церковных зданий в Прибалтийских губерниях перешла к чиновнику того же министерства действительному статскому советнику Киселевскому, в том же году оставшиеся сельские церковные постройки были окончены и «сданы в духовное ведомство».

При владыке Филарете в 1879-1882 гг. были достроены храмы в эстонских приходах Лифляндии: в Вынну-Кярса, Йыыпре, Карула-Висси, Прийпалу-Ванамыйза, открыт 1 приход в Хельме-Тырва, где соорудили деревянный храм⁵⁹. Вскоре начался новый этап храмостроительства, уже преимущественно в Эстляндии, однако прежней интенсивности и оригинальности проектов церковным строителям Балтии достигнуть уже не удалось.

Уникальным в данной церковно-строительной кампании являлся не только темп возведения храмов, особенно в 1871-1873 гг., но и использование оригинальных (хотя и частично повторяющих друг друга) проектов трех архитекторов, не соответствовавших официальной стилистике храмостроительства, которая подразумевала следование

образцовым проектам в «русском» стиле К. А. Тона и его последователей и успешно реализовывалась в эти годы в пределах всей Российской империи (несмотря на привлечение при постройке исключительно казенных средств). Оригинальные объемно-пространственная композиция, планы, декоративная отделка церквей, близкая к «русско-романской» стилистике, а иногда и далекая от русского стиля (у Г. Шеля) имеют общие черты, позволяющие говорить

о «рижской школе» храмостроительства. Существование, хоть и на недолгий срок, оригинальной архитектурной школы, которая получила развитие, например, в творчестве следующего епархиального архитектора – В. И. Лунского, оказалось возможным благодаря не только государственному финансированию храмостроительства, но и отсутствию строгой регламентации стилистики в период либеральных реформ царя-освободителя Александра II.

Примечания

- 1 Автор статьи – протоиерей Александр Берташ, настоятель православного храма во имя Святых Царственных Страстотерпцев в Бремене (Германия) и научный сотрудник СПбГУ (Россия). Автор выражает благодарность прот. Андрею Голикову, Дмитрию Трубецкому и Алле Жученко, Татьяне Шор за помощь в подготовке статьи к публикации.
- 2 Подробнее см.: *Kriius H.* Talurahva kaarimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40-ndail aastail. Tartu, 1930; *Гаврилин А. В.* Переход прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века как форма классовой борьбы крестьянства. Автореф.... к.ист. наук. Рига, 1987; *он же.* Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига, 1999. С. 67 – 182; *Кирчанов М.* Zemnieki, latvieši, pilsoņi. Идентичность, национализм и модернизация в Латвии. Воронеж, 2009. С. 41 – 47.
- 3 Основные источники о строительстве православных храмов в прибалтийских губерниях: Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Рига. Вып. 1. 1893. 201 с.; Вып. 2. Ч. 1. 1894. 218 с.; Ч. 2. 1895. 173 с.; Ч. 3. 1898. 174 с.; Вып. 3. Ч. 1. 1902; Беренс Владимир, прот. Историко-статистическое описание церквей и приходов Северо-западных епархий. Ч. 2. Эстонская епархия [Текст, машинопись]. Таллин, 1974; Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига, 1999; Клешнина Л. В. Панорама православного храмостроительства в Латвии // Материальные памятники русской культуры в странах Балтии. 1710-2010 (конференция в Риге 15.11.2009 «300 лет присоединения Эстляндии и Лифляндии к России»). Таллин-Рига-Вильнюс, 2010. С. 75-85; Плаат Я., Маасик А. (фото). Православные церкви, монастыри и часовни Эстонии. [Plaat, Jaanus; Maasik, Arne (fotod). õigeusu kirikud, kloostrid ja kabelid Eestis]. Tallinn, 2011, интернет-публикации А. М. Вишнева, преимущественно на сайте sobogu.gi.
- 4 Князев А. С. Псковская и Рижская епархии под управлением преосвященного Платона (Городецкого). СПб., 1878. С. 59.
- 5 Там же. -С 57-59.
- 6 Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1869 г. СПб., 1870. С. 51-52.
- 7 ЛГИА. Ф. 4754. Оп. 1. Д. 4.
- 8 Следующим Ревельским викарием (в 1880-1906 гг.) был номинально причисленный к кафедре просветитель Японии св. равноапостольный Николай (Касаткин), а затем – священномученик Платон (Кульбуш, 1917-1919 гг.).
- 9 Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. СПб., 1873. С. 41-45. По другим сведениям, в 1866 г. в епархии насчитывалось 180846 православных, 149 приходов, 88 постоянных церквей (Историко-статистические сведения о Рижской епархии. Вып. 2. Ч. 1. Рига, 1895. С. 140).
- 10 Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. Прибалтийский край. XV, XVI, XVII. СПб., 1873. С. 26, 41-47.
- 11 Историко-статистические сведения о Рижской епархии. Т. 2. Ч. 1. С. 179-180.
- 12 Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1869 г. СПб., 1870. С. 52-53; ... за 1870 г. СПб., 1871. С. 30; Высоккий И. И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710-1910 гг.). Вып. 3. Православие. Ч. 2. С. 24.

- 13 Беренс В., прот. Историко-статистическое описание... Эстонская епархия. Таллин, 1974. С. 18.
- 14 ЛГИА. Ф. 4754. Оп. 1. Д. 1248.
- 15 Прибалтийско-немецкий архитектор, учился в столичной Академии художеств (1847-1851 гг.). С 1853 г. работал в Риге, академик Академии художеств (1862 г.). На 1870-е гг. – коллежский асессор, состоявший при Министерстве внутренних дел. После постройки здания Рижской Духовной семинарии (1877 г.) к проектированию православных церквей более не обращался.
- 16 Я.-Ф. Бауманис – первый латышский архитектор с академическим образованием, учился в Берлинской Строительной Академии (1860-1862) и в Санкт-Петербургской Академии художеств (1863-1865 гг., получил квалификацию архитектора). Архитектор Лифляндского губернского правления (1870-1880 гг.), один из основателей первого Рижского общества архитекторов (1879), руководитель Рижского латышского общества (1872-1875). Автор проектов ряда рижских храмов и общественных зданий, около 90 многоэтажных домов. . Проявил себя как яркий и оригинальный мастер русско-романского и романо-византийского стилей. См. О нем: Kampe P. Architekts Janis Fr. Baumanis. 1834 -1891. Vina dzive un vina muza darbs. Rīga, 1927; Krastiņš Jānis. Rīgas arhitektūras meistari 1850-1940. Rīga, 2002. L. 46-53; Клешнина А. Панорама православного храмостроительства в Латвии // Материальные памятники русской культуры в странах Балтии 1710-2010. Таллинн-Рига-Вильнюс, 2010.
- 17 Роберт-Август Юлианович Пфлуг (Pflug, подписывался по-русски как Роберт Юльевич Флуг, 1832-1885) – прибалтийско-немецкий архитектор, учился в Санкт-Петербургском Технологическом институте (1846-1850), затем – в Академии художеств. В 1863 г. получил звание свободного художника и начал работать в Риге, с 1871 г. преподавал в Политехникуме. По сведениям А. М. Вишнева и А. В. Клешниной, в период 1863-1869 гг. Роберт Пфлуг модифицировал проекты церквей в Лаудоне, Лаздоне, Эргли, Адеркаши, Заубе, Вилькене, Руйиене. Автор проектов ряда церквей, общественных и жилых зданий в Риге.
- 18 ЭИИ. Ф. 251. Оп. 9. Д. 218. Л. 35.
- 19 ЭИИ. Ф. 251. Оп. 9. Д. 218. Л.
- 20 ЭИИ. Ф. 251. Оп. 9. Д. 218. Л. 1-4 и далее.
- 21 *Langmaack G.* Evangelischer Kirchenbau im 19. und 20. Jahrhundert. Kassel, 1971. S. 15, 21, 292; Hannovers Kirchen. Hannover, 2005. S. 7-8; Hoffmeier L., A. Martin-Luther-Kirche Twistringen. Twistringen, 2009. S. 2-3.
- 22 Siilivask M. Tartu arhitektuur 1830-1918. Historitsism ja juugend. Tartu, 2006. S. 116.
- 23 См.: Zilgalvis J. Neogotika Latvijas arhitektūrā. Rīga, 2005; Kreem T.-M. Viisipäraselt ehitatud. Luterlik kirikuehitis, – arhitektuur ja – kunst Eestis Aleksander II ajal (1855-1881). Tallinn, 2010.
- 24 Kreem T.-M. Viisipäraselt ehitatud. Tallinn, 2010. S. 129-134.
- 25 См.: Krastiņš Jānis. Rīgas arhitektūras meistari 1850-1940. Rīga, 2002. L. 46-53, 120-133; Krastiņš J. Heinrich Scheel und Friedrich Scheffel // Vācu arhitekti Latvijā: Vācu kultūra Latvijā = Deutsche Architekten in Lettland : Deutsche Kultur in Lettland. Rīga, 2013. S. 127-134.
- 26 Церкви, сочиненные архитектором Его Императорского Величества, Профессором Архитектуры Императорском Академии Художеств и членом разных иностранных Академий Константином Тоном. СПб., 1838.
- 27 Пантелеев А. Об архитектуре православных храмов Эстонии // Плаат Я., Маасик А. (фото). Православные церкви, часовни и монастыри Эстонии. Plaat, Jaanus; Maasik, Arne (fotod). [õigeusu kirikud, kloostrid ja kabelid Eestis]. Tallinn, 2011. С. 73.
- 28 ЭИИ. Ф. 1655. Оп. 2. Д. 961. Л. 1-3.
- 29 Извлечение из отчета по Ведомству духовных дел православного исповедания за 1873 г. СПб., 1874. С. 71-72; ...за 1872 г. СПб., 1873. С. 67-68.
- 30 Рижский кафедральный собор Рождества Христова. Рига, 2006. С. 162; Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига, 1999. С. 266.
- 31 ЛГИА. Ф. 4754. Оп. 1. Д. 1253. О предположенных постройках в 40 приходах Рижской Епархии на суммы МВА.
- 32 Плаат Я., Маасик А. (фото). Православные церкви, монастыри и часовни Эстонии. Tallinn, 2011.
- 33 ЛГИА. Ф. 4754. Оп. 1. Д. 1253. Л. 79- 82.
- 34 ЭИИ. Ф. 296. Оп. 5. Д. 791.
- 35 Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской епархии. Вып. 2. Ч. 1. Рига, 1894. С. 194-195.
- 36 Стиль архитектуры храма охарактеризован у прот. В. Беренса как «псевдороманский» (С. 420).
- 37 ЭИИ. Ф. 298. Оп. 2. Д. 294.
- 38 Минтаурс М. Деятельность архитекторов-членов Санкт-Петербургской императорской Академии художеств на территории Латвии во второй половине XIX в. // Интеллигенция в многонациональной империи: русские, немцы, латыши. XIX – начало XX вв. М., 2009. С. 234-235.

- 39 Получил образование также в архитектурной школе Морица (1846-1847 гг.), Берлинской Строительной Академии (1860 г.), Академии художеств в Санкт-Петербурге (1862-1863 гг., диплом архитектора – в 1865 г.).
- 40 ЭИИ. Ф. 291. Оп. 9. Д. 241.
- 41 Там же. Д. 242.
- 42 Там же. Д. 243.
- 43 Там же. Д. 244.
- 44 Там же. Д. 218. Л. 66 об.
- 45 ЭИИ. Ф. 291. Оп. 9. Д. 254, 256.
- 46 Там же. Д. 253.
- 47 Putniņa M. Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Zemgalē. Rīga, 2015. L. 158-163.
- 48 Она же пожертвовала 5 т. руб. на постройку Покровского храма в Копылове Курляндской губ. – Копнау (1895 г.), а св. Иоанн Кронштадтский – 1600 руб. (Иоаким (Левицкий), архим., Плисс Владимир, свящ. Высокопреосвященный Арсений (Брянцев). Рига, 1897. С. 178, 192-193).
- 49 Клешнина Л. Два храма в неороманском стиле // Православие в Латвии. Исторические очерки. Вып. 6. Рига, 2007. С. 120-135; Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. С. 238-245, По всей видимости, ошибочная датировка приведена в: Reinberg A. Die griechesch-orthodoxen Kirchen // Riga und seine Bauten. Riga, 1903. S. 181: церковь датирована 1869-1870 гг., колокольня – 1882-1883 гг.
- 50 ЭИИ. Ф. 298. Оп. 2. Д. 198.
- 51 Там же. Д. 195.
- 52 Kaminska R., Bistere A. Sakrālās arhitektūras un mākslas mantojums Daugavpils rajonā. Rīga, 2006. С. 287-288.
- 53 ЭИИ. Ф. 251. Оп. 9. Д. 218. Л. 68 об. – 69.
- 54 См.: Reinberg A. Die griechesch-orthodoxen Kirchen // Riga und seine Bauten. Riga, 1903. S. 182 – 183; Синайский Павел, прот. Исторический очерк Рижского Кафедрального собора. Рига, 1910; Шалфеев Борис. 50-летие рижского Кафедрального собора // От Лифляндии – к Латвии. Прибалтика русскими глазами. Сост. Ю. Абызов. М., 1993. С. 381-383; Рижский кафедральный собор Рождества Христова. Рига, 2006. С. 162-165; Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. С. 134-143.
- 55 Случевский К. К. По Северу России. Т. III. Балтийская сторона. СПб., 1888. С. 151-152.
- 56 Наследие сакрального искусства и архитектуры Риги. Рига, 2010. С. 322-327.
- 57 Гаврилин А. В. Очерки истории Рижской епархии. 19 век. Рига, 1999. С. 267-268.
- 58 Там же. С. 270.
- 59 Беренс В., прот. Историко-статистическое описание... Эстонская епархия. Таллин, 1974. С. 19.

Александр Гаврилин (Латвия)

Православная Церковь на территории Латвии во время Первой мировой войны

Обширную латвийскую историографию, посвященную Первой мировой войне на территории Латвии, в основном интересовали боевые действия; формирование латышских стрелковых батальонов и боевые операции, в которых стрелки принимали участие; положение курземских (курляндских) беженцев и экономическая ситуация на латвийской земле во время войны¹. До настоящего времени латвийских историков совершенно не интересовал вопрос о роли и месте Церкви в годы Первой мировой войны, в том числе Православной Церкви. Представляется интересным попытаться восполнить этот пробел и проанализировать положение православных приходов на территории Латвии в этот период.

Православные приходы на территории Латвии входили в состав Рижской епархии Русской Православной Церкви (РПЦ). В юрисдикции созданной в 1850 году Рижской епархии были территории Курляндской и Лифляндской губерний, а с 1865 года и Эстляндской губернии с Ревельским (Таллиннским) викариатством. Епархия считалась миссионерской, поэтому отличалась качественным кадровым

составом священнослужителей. Большинство клириков владели местными языками, имели семинарское, а иногда и академическое образование (в 1914 году в епархии служили 27 клириков, закончивших Духовные академии). К началу Первой мировой войны в епархии служили 23 протоиерея, 227 священников, 459 диаконов и 405 псаломщиков.

На основании Высочайше утвержденного 6 мая 1862 года мнения Государственного Совета священники получали жалованье 1 300 рублей в год, диаконы 550 руб., старшие псаломщики в селах 300 руб. и младшие 250 руб. в год, в городах – старшие псаломщики 350 руб. и младшие 300 руб. в год. Жалованья этого было вполне достаточно для безбедного существования семей причта во второй половине XIX века, но в начале XX века, а особенно с началом Первой мировой войны, когда все цены взлетели вверх, прожить на это жалованье было уже сложно. Особенно тяжелым было материальное положение псаломщиков. Там, где при церкви в пользовании причта был земельный надел, еще можно было как-то прожить, так как, обрабатывая участок

собственными силами или, за неимением рабочего скота, отдавая землю «с исподу», псаломщик имел хотя бы какие-то средства для пропитания. Однако причтов, пользующихся земельными наделами, в епархии было лишь 99, т.е. лишь 47,14% всех приходов. Постоянно испытывая материальные трудности, многие псаломщики, особенно получившие образование в духовных и учительских семинариях, уходили со службы в церкви, чтобы работать в другой области – главным образом, учителями в министерских школах. В результате Рижская епархия в начале XX века постоянно испытывала острый недостаток в образованных и способных псаломщиках.

Епархия была поделена на 21 благочинный округ, в которые входило 210 приходов (49 латышских, 99 эстонских, 32 смешанных русско-латышских и русско-эстонских, 29 русских и один шведский – на острове Вормсе). На территории епархии проживало 273 023 православных².

В 1914 году в Рижской епархии было 267 церквей, 71 часовня и молитвенных домов. Из них три соборные церкви, 206 – приходских, две – бесприходских при дачах Архиерейского Дома, 9 церквей при монастырях, 25 – при казенных и богоугодных заведениях, 2 – при судостроительных заводах, 7 кладбищенских церквей, 12 приписных церквей. 189 церквей были одноклировыми, 14 – двухклировыми, 2 – трехклировыми и один (Рижский кафедральный Христорожественский собор) храм имел четыре клира. Вместе с тем, правящие архиереи постоянно отмечали, что храмов не хватает, что нужно строить новые, однако отпускаемые Св. Синодом средства не позволяли развернуть массовое храмостроительство. Так, например, Рижская Духовная консистория доложила в 1914 году Св. Синоду, что крайне необходимо построить новые храмы минимум в 13 приходах: в Виндавском (Вентспилском)

Всехсвятском, Полангенском (Паланга), Сурриском, Тиммоском, Кангроском, Каббальском, Кансовском, Левальском, Лайксарском, Сайковском, Боровском, Куймецком и Валкском Св. Николаевском, однако в связи с началом военных действий средства на строительство этих храмов не были отпущены.

В 1913-1914 учебном году в епархии было 457 православных приходских школ (в Лифляндской губернии 355 школ, в Курляндской 40, в Эстляндской 62 школы), в которых обучались 10 637 мальчиков и 7 590 девочек, в том числе 13 346 православных, 4 296 лютеран, 395 католиков, 146 староверов, 6 единоверцев, 4 баптиста, 30 иудеев и 4 сектанта³.

В 1910-1917 гг. Рижской епархией управлял епископ (с 1912 г. – архиепископ) Иоанн (Смирнов, 1844-1919).⁴ В отличие от своего предшественника – архиепископа Агафангела (в миру – Александр Лаврентьевич Преображенский, 1854-1920; в 1897-1919 гг. – архиепископ Рижский и Митавский; прославлен в лике святых в августе 2000 г.), Владыка Иоанн не был сторонником каких-то нововведений в традиционном укладе жизни епархии. Более того, он постарался отменить все решения архиепископа Агафангела, принятые с целью более активного участия Церкви в жизни общества. Рижский Собор 1905 года, проведенный под председательством архиепископа Агафангела, констатировал, что в РПЦ «церковная жизнь не бьет живым ключом... идет не так, как следовало идти», а общественная жизнь в России полностью вышла из-под влияния Церкви. По мнению Собора, «главную причину этого печального явления нельзя не видеть в том, что из церковной жизни было устранено начало соборности и заменено началом бюрократическим, бумажно-канцелярским, погасившим живой дух в Церкви... Спасение должно заключаться в возвращении к

началу соборности».⁵ Собственно, это и попытался сделать архиепископ Агафангел в Рижской епархии. Владыка Иоанн вернул все обратно. Так, уже в 1910 году XXVIII епархиальный съезд духовенства, проведенный под председательством епископа Иоанна, постановил отменить «участие мирян в избрании членов клира, как стеснительное для Епархиального Начальства».⁶ По словам историка Антония Поммера, хорошо знавшего Владыку Иоанна, «служение интересам православных и православия в Прибалтийском крае он начал на склоне своих лет, когда его силы старостью были ослаблены и энергия утомлена. Но строго аскетический образ жизни все же сохранил в нем еще много физических и духовных сил, ибо иногда не хотелось верить, что архипастырь достиг уже очень преклонного возраста (свыше 70 лет). По складу души архиепископ Иоанн был человеком мира. Он умел установить мир и спокойствие в среде подчиненных даже в такое беспокойное время, как начало «мировой войны» (1914 г.). От своих предшественников он получил наследие – епархию в отличном состоянии, и его заслуга заключается в том, что, несмотря на разбушевавшуюся войну, он не дал этому наследию погибнуть».⁷

Еще до начала военных действий в Российской империи была проведена мобилизация. 16 июля 1914 года была объявлена частичная мобилизация, 18 июля – всеобщая. В течение 4-5 дней в армию призвали всех запасников и ополченцев первого разряда. В целом, за годы войны на территории Латвии было проведено 7 мобилизаций, в результате которых в российскую армию было зачислено около 140 тысяч человек. Кроме того, с началом военных действий началась реквизиция продовольствия, лошадей, топлива, автомобилей, одежды и др.

19 июля 1914 года Германия объявила России войну. И уже на следующий день

война затронула территорию Латвии. 20 июля (2 августа) 1914 года два германских легких крейсера – «Аугсбург» и «Магдебург» обстреляли Лиепаю. Второй раз корабли неприятеля подошли к Лиепае 4 (17) ноября. От интенсивного обстрела пострадали жилые здания, были десятки убитых и раненых⁸. Архиепископ Иоанн так описал эти события: «Нападениям неприятеля в пределах епархии в отчетном году подверглось юго-западное побережье Курляндии, именно г. Либава и местечко Поланген, расположенное близ германской границы. 20-го июля Либава была обстрелена с моря германскими военными судами. В военный порт и город было выпущено около 300 снарядов. Несмотря на то, что над зданием морского госпиталя развевались флаги Красного Креста, в этот госпиталь было выпущено свыше 80 снарядов, не причинивших, к счастью, вреда лежавшим там больным и раненым. После обстрела порта германские суда дали 10 выстрелов в сторону гулявшей по пляжу публики. И после того германские суда нередко появлялись на высоте Либавы. 1 августа неприятелем был обстрелен Поланген. 4 ноября германская эскадра вторично бомбардировала Либаву. В течение 4,5 часов не переставая грохотали пушечные залпы по незащищенному мирному городу. Неприятелем было выпущено около 700 снарядов, коими было убито 9 человек, ранено 27 человек и повреждено 110 домов. Под влиянием описанных бомбардировок из Либавы выселилось до 50 000 человек. Повреждений храмов от выпущенных снарядов не было».⁹

Война вызвала подъем патриотических, религиозных чувств и антинемецких настроений. В церквях заказывались молебны «о даровании победы русскому оружию», по всей территории Латвии прокатилась волна многолюдных манифестаций и крестных ходов. По словам Лимбажского

православного священника Алексея Колосова, «вера в победу была неколебимой, и сомнений в счастливом исходе войны мне не пришлось слышать. В самом начале войны дух патриотизма латышей вылился в ряде манифестаций, из которых первая состоялась 23 июля, а вторая 26 июля вечером по поводу объявления войны с Австро-Венгрией. Впереди многочисленной толпы несли портрет Государя Императора с множеством национальных флагов при пении попеременно «Боже, Царя храни!» и «Dievs, svēti Latviju»¹⁰ и мощное «Ура!!!». Шествия останавливались при Городской Управе, у квартир Мирового судьи, священника, полицейского надзирателя, начальника почтовой конторы и пр. Перед квартирами же здешних немцев, вроде городского врача Миллера, учительницы Немецкой школы Фогель и пр., в своих квартирах на первом месте ставивших портреты кайзера Вильгельма и, не стесняясь, высказывавших мнение, что в грядущей войне победа будет за немцами и последние через три месяца будут уже в Риге, а затем сядут на поезд и отправятся в Петроград, – раздавались полные негодования возгласы: «Долой немцев!». В ходе манифестаций раздавались также призывы объединиться для защиты родины, причем не только политически, но и религиозно.¹¹

О религиозном подъеме среди местного населения в 1914 году писал и архиепископ Иоанн. По мнению Иоанна, подъем был вызван призывом на фронт местного мужского населения: «Оставшиеся дома семейные усерднее, чем раньше, посещают храм Божий, служат молебны о здравии и спасении ушедших на войну и панихиды по положившим жизнь свою на поле брани».¹² По словам Лимбажского священника Алексея Колосова, «много утрат несло население от войны, не было семьи, которая не послала бы борцов на поле брани в лице ли отца, брата, мужа или близкого

родственника, но сознание необходимости войны присмирало их со всеми жертвами, вызванными войной. Утешение себе в постигших несчастьях население находило в усиленной молитве: высокий подъем религиозной настроенности замечался не только среди православного населения, но и лютеран, которые часто заказывали молебствия о своих родных воинах».¹³

С самого начала войны православное духовенство добровольно стало отчислять часть своего жалованья в пользу раненых и семей фронтовиков. Инициатива такого рода пожертвований принадлежала архиепископу Иоанну, который, начиная с августа 1914 года, ежемесячно жертвовал 30 руб. на содержание лазарета при Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре. Монашествующие и послушники Рижского Алексеевского мужского монастыря отчисляли из получаемого ими из казны жалованья в пользу больных и раненых воинов – первые 3%, а последние 2%. Духовенство епархии отчисляло от 1% (псаломщики) до 5% из получаемого казенного жалованья в пользу больных и раненых воинов, отсылая эти средства в женские монастыри епархии на содержание лазаретов. Члены и чиновники Духовной консистории, начиная с августа 1914 года, ежемесячно отчисляли из получаемого ими жалованья 2% и отсылали эти отчисления в Рижский Свято-Троице-Сергиев женский монастырь на содержание лазарета. Педагогический персонал Рижской Духовной семинарии с 1 сентября 1914 года отчислял 2% от получаемого жалованья на содержание лазарета духовно-учебных заведений преподобного Серафима Саровского в Петрограде. Кроме того, из жалованья служащих семинарии ежемесячно отчислялось от 1 до 3% на содержание семейств лиц, призванных на войну. Преподаватели Рижского Духовного училища, начиная с августа 1914 года, отчисляли из своего жалованья

2% на содержание лазарета преподобного Серафима Саровского в Петрограде и по 1% на содержание лазарета при Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре. Педагогический коллектив Илукстского Епархиального женского училища также отчислял ежемесячно 2% получаемого жалования на содержание лазарета при Илукстском женском монастыре.

Некоторые священнослужители епархии, не довольствуясь лишь процентным отчислением из жалования, лично приходили на помощь жертвам войны. Так, протоиерей Спасо-Преображенской церкви г. Вендена Адам Степанович¹⁴ в 1914 году содержал на свои средства двух раненых воинов и мальчика Арсения Пургайля, отец которого был взят на войну, а мать умерла; священник Лелеской церкви Коэль собрал в своем приходе на сотни рублей теплой одежды для стоящих в г. Ревеле полков, однако, по просьбе прихожан и с согласия военного начальства, сам отвез собранные вещи в действующую армию. Многие священнослужители, оказывая из личных средств помощь жертвам войны, считали это прямым своим долгом, поэтому даже не сообщали об этом своему начальству.

20 июля 1914 года Св. Синод поручил епархиальным архиереям отдать распоряжение об образовании в каждом приходе попечительных (попечительских) советов о семьях лиц, призванных в армию. Архиепископ Рижский и Митавский Иоанн, отдавая такое распоряжение, подчеркнул, что речь идет об оказании материальной и нравственной помощи не только православным семьям, но и семьям всех местных жителей, призванных на фронт, «так как на войне все наши воины вместе, без различия вероисповедания и национальности, проливают свою кровь за одно отечество, за славу и честь единой нашей родины и за охрану всех нас от вражеского разорения

и погубления». Уже после первых мобилизаций на территории Латвии появилось свыше 100 тысяч человек остро нуждающихся, т.е. членов семейств, оставшихся без кормильцев.¹⁵ К концу 1914 года в Рижской епархии было создано 194 попечительных советов. В остальных приходах попечительные советы не были учреждены из-за малочисленности прихожан. Многие священники епархии не ограничились лишь организацией общественной приходской благотворительности, но и сами лично жертвовали на благотворительность, брали семейства фронтовиков на свое иждивение, давали у себя приют сиротам, помогали солдатским семьям одеждой и пропитанием и др. Отдельным священникам пришлось стать во главе не только приходских попечительных советов, но и волостных комитетов по оказанию помощи жертвам войны.

Таким образом, если раньше благотворительность в РПЦ в основном развивалась в монастырях, то во время Первой мировой войны она затронула уже и приходы. В приходские попечительные советы приносили как деньги, так и белье, одежду, ткани, продукты и т. п. Для сбора средств в пользу семейств фронтовиков производились тарелочные сборы, сборы на железнодорожных станциях и в других многолюдных местах, проводились благотворительные концерты, базары и т.п. Постепенно попечительные советы расширяли свою деятельность. Прихожане шили теплые вещи, белье, собирали холст, шерсть, перевязочный материал и прочее, а советы отсылали все это или в действующую армию, или в местные Комитеты Общества Красного Креста, или в Петроградский склад Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, или в лазарет при Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре. Отдельные попечительные советы посылали средства на содержание лазаретов для больных и раненых

воинов. Так, в Эйхенангернском (Стабеги) приходе попечительный совет в 1914 году собрал на нужды семейств лиц, призванных на войну, и на больных и раненых воинов около 400 рублей, что дало возможность выдать пособия семьям фронтовиков и содержать некоторое время лазарет на 10 кроватей. Венденский (Цесис) попечительный совет оборудовал одну кровать в городском лазарете. В Лидернском приходе попечительный совет, действуя совместно с волостными обществами, собрал на оборудование лазарета для раненых воинов 1 000 рублей и провианта на 100 дней. Также и Буцковский (Бучауска-Виране), Голгофский (Галгауска) и Кальценауский (Калснава) попечительные советы совместно с волостными обществами обеспечивали семьи фронтовиков и принимали участие в содержании местных лазаретов. Вецсалацкий попечительный совет в 1914 году отпустил на местный лазарет из своих средств 25 руб., Кансовский совет принимал участие в содержании лазарета Прибалтийского Управления Земледелия и Государственных Имуществ и др.

Посильную помощь семьям фронтовиков оказывал Рижский Свято-Троице-Сергиев монастырь. Для них при монастыре была открыта столовая, в которой ежедневно получали хлеб и суп от 650 до 850 человек.¹⁶

Священники также становились фронтовиками. В частности, уже в 1914 году 11 священников Рижской епархии были направлены в действующую армию.

В августе 1914 года в Ригу и Даугавпилс начали поступать первые раненые. 12 сентября в Ригу прибыл первый санитарный поезд, который привез 235 раненых. Через два дня другой поезд привез в Ригу еще 488 раненых. Санитарные поезда приезжали все чаще и чаще, и вскоре больницы города были уже переполнены. Только за первые четыре месяца войны в Ригу и Лифляндию поступило более 18,5 тысяч

раненых,¹⁷ поэтому самым актуальным стал вопрос об оборудовании новых госпиталей и лазаретов.

Активное участие в оборудовании и содержании лазаретов приняли православные монастыри. Рижский Свято-Троице-Сергиев женский монастырь отдал под лазарет для раненых солдат два помещения: помещение примонастырского детского приюта и один из монастырских корпусов. На оборудование и содержание первых 25 кроватей лазарета монастырем было израсходовано свыше 1 000 рублей. Затем в помощь обители на оборудование и содержание остальных кроватей пришли некоторые частные лица, общества и корпорации, в результате чего к концу 1914 года число кроватей в лазарете монастыря было доведено до 55. Из них 8 кроватей содержало духовенство Рижско-градского благочиния, 7 – духовенство некоторых других благочиний епархии, 1 – Епархиальное попечительство о бедных духовного звания, 1 – Правление Духовного училища, 2 – Духовная семинария, 5 – студенческие организации Рижского Политехнического Института, 3 – отдельные светские учебные заведения г. Риги, 1 – Рижское Русское просветительное общество, 1 – члены Рижского Окружного суда, 12 – крестьянские общества острова Эзеля (Сааремаа), 2 – общество «Братская помощь». Учитывая большой наплыв раненых, монастырь в конце 1914 года оборудовал еще 40 кроватей. Лазаретом заведовали две монахини. Врачебную помощь в монастырском лазарете оказывали два врача и сестры милосердия, которых оплачивал монастырь.

При Пюхтицком Успенском женском монастыре был оборудован лазарет на 20 кроватей, при Илклстском Рождество-Богородицком женском монастыре – на 10 кроватей.¹⁸

Участие в оборудовании и содержании лазаретов принимали также приходские

попечительные советы и Дамские комитеты. Так, например, 5 октября 1914 года за счет городского управления был открыт лазарет в Лимбажи. По словам священника Алексея Колосова, «раненые в Лемзале пользовались хорошим уходом со стороны администрации лазарета и членов Дамского комитета, как равно и вниманием и любовью публики, выразившимся в частых посещениях лазарета и приносе подарков. Священник ежедневно посещал по вечерам лазарет для беседы с ранеными и совершения вечерней молитвы... При выписке больных воинов из лазарета каждый из них снабжался Дамским комитетом полным комплектом белья и прочим, необходимым солдату, а священником – Новым Заветом, молитвословом и крестиком».

Весной 1915 года авангард германской армии вторгся в Южную Курляндию, началось отступление российских войск. И на смену торжественных благодарственных молебствований в честь побед российской армии, на смену патриотическому подъему приходят разочарование, апатия, а затем и состояние обреченности. Священник Алексей Колосов написал в 1915 году: «С наступлением лета Богу угодно было послать нашему оружию испытание и отнять у него результаты прежних побед. Началось отступление, а вместе с тем и утрата бодрости. Св. Синод сделал распоряжение о трехдневном посте с 26 по 29 августа с совершением богослужений и призывом забыть забавы и увеселения и положить начало своему духовному обновлению. Дни шли за днями, а военные наши обстоятельства не улучшались».¹⁹

Отступление российских войск из Курляндской губернии сопровождалось потоком беженцев. Все военнообязанные мужчины в возрасте от 18 до 45 лет подлежали обязательной эвакуации. Остальное население эвакуировалось на усмотрение гражданских и военных властей. Однако, как

правило, в эвакуацию ехали целыми семьями. В ходе отступления российские войска сжигали посевы, жилые и хозяйственные постройки, мосты и др. Во многих храмах сняли и отправили в эвакуацию колокола. Если в эвакуацию отправлялись все прихожане православного храма, настоятель, как правило, закрывал храм, передавал ключи от него сторожу или церковному старосте, а сам следовал за своей паствой. Однако многие священники, беспокоясь за сохранность церковного имущества, оставались в обезлюдевшем приходе. В одной только Лифляндской губернии к концу 1915 года разместились около 150 тысяч курляндских беженцев (к апрелю 1916 года за пределами Курляндской губернии оказалось 252 963 ее жителей).²⁰

1 августа 1915 года российские войска оставили центральный город Курляндской губернии – Елгаву и германская армия подошла к Даугаве. Началась четырехлетняя немецкая оккупация Курземе. Территорию Латвии, а вместе с ней и Рижской епархии, разрезала линия фронта. Духовная консистория потеряла связь с курляндскими приходами, и они стали действовать автономно. В результате, совершение или нет богослужений впредь зависело от инициативы местных священников.

С оккупацией Курляндии стремительными темпами началось онемечивание местного населения – в государственных и военных учреждениях, в учебных заведениях, на предприятиях ввели немецкий язык. За местными жителями был установлен военно-полицейский надзор, введена жесткая цензура прессы, была ограничена свобода передвижения, оборудованы концентрационные лагеря для нарушителей нового порядка и т.п. Предполагалось в дальнейшем колонизировать, онемечить и аннексировать этот регион,²¹ т.е. превратить его в немецкие земли, в которых не будет места православия.

Известно, что в составе германской армии были специальные воинские подразделения, которые отвечали за охрану памятников и художественных ценностей на оккупированной немцами территории. Эти части действовали на Западном фронте, а также в Вильнюсе, Каунасе, Гродно, Белостоке. Особое внимание уделялось охране объектов сакральной архитектуры и их интерьеров, исторических центров городов, средневековых замков, помещичьих усадеб, а также сохранению фондов музеев, архивов и библиотек.²² До настоящего времени неизвестно, действовали или нет эти части на территории Курляндской губернии. Вместе с тем, известны факты вандализма и мародерства со стороны солдат и офицеров германской армии. Вопиющий случай произошел в июле 1915 года во время взятия германской армией г. Виндавы (Вентспилса). Захватив город, толпа немецких солдат ринулась в Вентспилский замок. Солдаты взломали входную дверь и, не найдя ничего ценного в помещениях бывшей уездной тюрьмы, разграбили или уничтожили весь инвентарь Всесвятской церкви. Уходя из замка, немецкие солдаты оставили все двери открытыми, поэтому после их ухода разорение замка и церкви продолжили уже местные жители. В 1916 году в замке устроили лагерь военнопленных, причем, после перевода военнопленных в другое место входные двери замка вновь были оставлены открытыми. В результате Всесвятскому храму был нанесен ущерб на сумму 24 860 золотых рублей или 242 880 латвийских рублей. В свою очередь, из Св. Николаевской православной церкви Вентспилса немецкие солдаты похитили имущества на сумму 24 305 рублей.²³

В 1916 году тяжело пострадала деревянная церковь в Пилтене. По рассказам очевидцев, лейтенант германской армии Петерсдорф приказал пилтенскому

православному священнику отслужить молебен во славу германского оружия. Священник отказался, тогда лейтенант приказал солдатам своей роты разрушить православный храм. Вначале солдаты похитили или уничтожили инвентарь церкви, облачения, богослужебные книги, люстры и др. Затем солдаты при помощи тросов сорвали церковные луковки, ободрали стены и крышу храма, снесли церковную ограду. В результате храму был нанесен ущерб на сумму 366 тысяч латвийских рублей.²⁴

В 1915-1918 годах солдаты германской армии разграбили и уничтожили инвентарь зданий бывшей семинарии и приходской школы, принадлежавших православному приходу г. Кулдиги. Кроме того, солдаты, выломав двери и сломав внутренние стены, забрали из двух деревянных сараев, принадлежащих православному приходу, лежавшие там дрова. В самом православном храме Кулдиги был разграблен и уничтожен интерьер на сумму 11 227 золотых рублей или 80 689 латвийских рублей.²⁵ В 1917 году немецкие солдаты растащили и уничтожили интерьер православной церкви в Кемери на сумму 8 645 золотых рублей или 259 450 латвийских рублей. В 1915-1918 годах немецкие солдаты похитили или уничтожили иконы, утварь, ризницу Св. Георгиевской церкви в Бауске на сумму 3 975 золотых рублей или 387 600 латвийских рублей,²⁶ разрушили молитвенный дом в Сасмаке (Валдемарпилсе), церковь в Талси превратили в склад зерновых и картофеля, в церкви в Кульциемсе хранили соленую рыбу и т.п.

Церковные архитектурные комплексы, разумеется, страдали и от военных действий. Так, в 1915 году в течение нескольких месяцев линия фронта проходила через Илуксте, и противники артиллерийскими обстрелами разрушали местечко, в том числе, постройки женского монастыря во имя Рождества Богородицы и женского епархиального Духовного училища. Из 12

построек уцелел лишь первый этаж одного из монастырских корпусов. 50 пурных мест земли, принадлежавшей монастырю, были покрыты траншеями, окопами и воронками от снарядов. После окончания войны потери монастыря оценили в гигантскую сумму – в 2 450 000 латвийских рублей.²⁷

17 июня 1915 года по приказу российских военных властей началась эвакуация людей, промышленного оборудования, материальных ценностей и т.п. из Риги и Лифляндской губернии. В июле 1915 года из храмов Рижской епархии, находившихся в Лифляндской губернии, была эвакуирована наиболее ценная утварь и ризница, колокола, церковные архивы и библиотеки и др. Эвакуировалось также высшее духовенство епархии, монашествующие, Рижская Духовная семинария. Последняя архиерейская служба в Риге была совершена 3 июля 1915 года, после которой архиепископ Иоанн (Смирнов) в сопровождении членов Духовной консистории и большой группы духовенства отбыл в Юрьев (Тарту), в эвакуацию. В 1916-1917 годах архиепископ Иоанн несколько раз приезжал в Ригу, где совершал богослужения или в Св. Алексеевском мужском монастыре или в кафедральном соборе. Последний раз он посетил Ригу 22 – 26 июня и 27 июля – 2 августа 1917 года. 1 августа из Алексеевского монастыря по окончании литургии совершен был крестный ход на р. Даугаву для освящения воды.

В августе 1917 года архиепископ Иоанн приехал в Москву, чтобы принять участие в работе Поместного Собора. 20 ноября 1917 года он был назначен архиепископом Рязанским и Зарайским. После этого временное управление Рижской епархией было поручено епископу Орловскому Макарию²⁸, а указом от 2 декабря Св. Синод поручил временное управление Рижской епархией викарию Ярославской епархии епископу Угличскому Иосифу²⁹. Однако

в связи с военными и революционными событиями, смутой епископ Угличский Иосиф тоже не смог добраться до Рижской епархии. Поэтому в начале 1918 года Св. Синод и его освободил от управления Рижской епархией.

С осени 1915 года вся Лифляндская губерния стала прифронтовой зоной, переполненной солдатами почти полумиллионной 12 армией и курляндскими беженцами. Чуть ли не все трудоспособное население губернии привлекалось к выполнению земляных работ – строительству укреплений, дорог и т. п. Стремительно падал уровень жизни населения и, как следствие этого, возрастало недовольство правительством. С 1 февраля 1916 года в Риге ввели карточную систему на продукты и товары первой необходимости.

Лимбажский священник Алексей Колосов так описал события 1917 года: «Новые неудачи на военном поле, постоянные сдачи врагу укрепленных позиций и непрерывные отступления наших войск в глубь своих владений были использованы неблагонадежными элементами государства для возмущения и восстановления народа против правительства, последствия чего не замедлили проявиться. 24 февраля беспорядки вспыхнули в Петрограде, а затем эхом откликнулись и в других местах государства. Государь Император Николай II Александрович вынужден был подписать отречение от престола. Его арестовали, а затем разразилась повсеместная революция. Отголоски последней в Лемзале выразились в следующем. 6 марта войсками местного гарнизона на городской площади был устроен митинг, на котором после зажигательных речей заправил решено было разоружить полицию, к чему, несмотря на увещание начальствующих соблюдать порядок и послушание, и было приступлено с криками «урра!» и обнаженным оружием в руках. Канцелярии городского

надзирателя и младшего помощника уездного начальника по III участку были перевернуты кверху дном, документы и архивы разорваны в клочки и сожжены в печке, портреты Государя затоптаны в грязь, заключенные в участках отпущены на свободу, квартиры полицейских обысканы, причем не брезговали взять себе на память, что оказалось сподручным... Таким образом самодержавный строй сошел с исторической сцены, сдав свои позиции народному представительству со всею полнотою законодательной, исполнительной и судебной власти. Но на смену народовластия не замедлило появиться единовластие коммунистической партии, то есть избранной части рабочего пролетариата в форме большевистского режима, который в грязь втоптал наиболее священные демократические свободы: бессловность, равноправие, свободу совести, слова, собраний, наконец, семью, религию и частную собственность. Вершить делами правления начали исполнительные комитеты. Ими на улицах и на перекрестках дорог поставлены были патрули, следившие за тем, что происходит в городе и на дорогах. Эти патрули приезжающих на рынок с продуктами останавливали, привезенные ими продукты по своему усмотрению оценивали и распродавали, иной же раз и прямо отбирали без всякого вознаграждения. Конечно, через это достигалось лишь то, что подвоз продуктов на рынок прекратился, а цены поднялись, и дошло до того, что и за деньги не представлялось возможным заполучить продукты... Происходили постоянные митинги, на которых нещадно осуждалось начальство свергнутого царского режима. Исполнительные солдатские комитеты, в состав которых вошли неучи, офицеров отставляли, а на место их ставили фельдфебелей себе в руководители. Полковые священники были изгнаны, утренние и вечерние молитвы и вообще

молитвы совсем были вытеснены из казарм как ненужные. Походные церкви и их имущество уничтожались и разграблялись. Иконы выбрасывались и выставлялись на осмеяние... Вследствие полной деморализации армии нашей неприятель тем временем наступал уже с большой энергией и без особенных усилий теснил «товарищей» вглубь страны. В это время неприятель взял Икскюльское предместье, Кеммери и пр., и 20 августа занял г. Ригу. Наши войска взорвали крепость Усть-Двинск, и началось непрерывное отступление наших войск. По пути отступления «товарищи» предавались грабежу и разбою в помещичьих имениях, пасторатах и крестьянских усадьбах... Произшедший переворот в государстве неблагоприятно отозвался на материальном обеспечении членов причта. Священник лишился жалованья из казны, квартирных, отпуска дров из казенных дач и остался предоставленным самому себе, без каких-либо средств к существованию. Так как Закон Божий был изгнан из школ, то лишился он и законоучительских денег... Бывали случаи, что не было на что купить хлеба».³⁰

18 февраля 1918 года началось очередное наступление германских войск. 22 февраля немцы взяли Валку, 27 февраля – Алуксне и Вецгулбене и стали контролировать всю территорию Латвии. Отступая, солдаты российской армии разорили церкви в Нитауре, Ледурге и др.³¹ Ранее, после захвата немцами Риги, тяжело пострадал кафедральный Христорождественский собор. Оккупационные власти решили переоборудовать собор под лютеранскую церковь гарнизона города. 5 января 1918 года собор был окружен отрядом солдат, которые не пустили верующих. Богослужение не состоялось. Напрасно прихожане собора искали защиты у германского императора Вильгельма II. Были разобраны иконостасы собора, сняты иконы и перевезены в Александроневскую

церковь. В Великую среду на куполах собора были отпилены «лишние» концы восьмиконечных крестов. После этого в соборе стали проводиться лютеранские богослужения.³² Кроме того, собор пострадал 19-21 октября 1919 года от артиллерийского обстрела войсками П. Бермондта-Авалова. Общий ущерб, нанесенный собору в 1918-1919 годах, был оценен в 406 560 золотых рублей.³³

Ситуация в прибалтийских православных приходах еще более осложнялась тем, что Рижская епархия была без главы. На Всероссийском Поместном Соборе депутаты от приходов Рижской епархии обратились к Патриарху Тихону с просьбой поручить управление епархии архиерею латышского или эстонского происхождения. 4 августа 1917 года Св. Синод санкционировал это предложение. 8 августа Рижское Епархиальное предсоборное собрание единогласно избрало викарным епископом Ревельским благочинного эстонских приходов С.-Петербургской епархии, протоиерея Павла Кульбуша (1869-1919, прославлен РПЦ в лике святых в 2000 г.). 24 декабря 1917 года он был пострижен в монашество с именем Платон и возведен в сан архимандрита. 31 декабря 1917 года Платон был хиротонисан в викарного епископа Ревельского. Тем временем германские войска продолжали наступать в Прибалтике, а на не оккупированной немцами территории разворачивалась гражданская война. В этой связи было принято решение передать в руки викарного епископа Ревельского управление всей Рижской епархией. После этого Платон сразу же выехал в Ревель (Таллинн), а оттуда в Тарту. Несмотря на противодействие оккупационных властей Владыка Платон в мае 1918 посетил Ригу, где в течение 11-дневного визита ежедневно совершал богослужения, проводил пастырские и приходские собрания. Оккупационные власти запретили ему пользоваться

железнодорожным транспортом, тем не менее епископ Платон посетил около 40 латвийских приходов. Следующий его визит в Ригу планировался в ноябре 1918 года, однако по дороге в Ригу епископ заболел испанкой, осложненной воспалением легких, и был вынужден остаться в Тарту, где уже правили большевики. 2 января 1919 года большевики арестовали епископа Платона. 14 января 1919 года епископ был злодейски замучен большевиками и Рижская епархия вновь осталась без духовного главы.

11 ноября 1918 года было подписано Компьенское соглашение о перемирии. Закончилась Первая мировая войны, однако на территории Латвии военные действия продолжались вплоть до начала 1920 года. И продолжалось разорение православных верующих и разрушение храмов. Церковь была доминантой местности, поэтому во время военных действий на ее колокольне располагался корректировщик огня артиллерии или пулеметчик. Зная об этом, противник бил прямой наводкой по церкви. Что же касается жизни местного населения в 1918-1919 годах, то, как писал священник Михаловской церкви о. Никанор Трубецкой, «время было тогда очень тяжелое и страшное для всех, живые завидовали мертвым; после революции продолжалась гражданская междоусобная война (называли ее война красных с белыми); всюду свирепствовал голод, болезни и смерть и слышны были стоны, вопль и рыдания с горькими слезами». Особенно тяжелым был период правления в Латвии большевистского правительства Петра Стучки. По словам о. Никанора, «время для прихода тяжелое. Обнародован декрет об отделении Церкви от государства. 8 февраля метрические книги 44 шт. и все делопроизводство церковное сданы местному Михаловскому Исполкому. Церковь и все имущество ее взяты прихожанами в аренду, согласно закону. Прихожане стали волноваться, но

священник успокоил их тем, что закону и властям нужно повиноваться. Земля церковная перешла в пользование местной коммуны, а священнику дан был огород размером около 3 гектаров. Священник имел собственную лошадь и корову и огород обрабатывал сам лично. Был случай, когда прихожане обращались к священнику напутствовать больных, который в то время пахал огород. Тогда священник ставил прихожанина за плуг, а сам в это время ездил на его лошади к больному».³⁴

Лимбажский священник Алексей Колосов так описал большевистское правление: «полным хозяином положения объявился большевизм-коммунизм, попиравший все права собственности и проявивший еще неслыханное насилие. Дома у домовладельцев отнимались. Квартирные деньги вносились в городской исполнительный комитет. Лавки реквизировались и закрывались, а товары шли на удовлетворение потребностей заправил... Арендаторам причтовой земли запрещено было платить аренду причту церкви. Устраивали собрания на площади, в доме общественного собрания и даже в кирхе, на которых убивали в людях веру в Богу, осмеивали духовенство и обряды церкви. На углах улиц выставляли плакаты, на которых красками изображены были духовные лица с саркастическими подписями под ними. Все это сильно подорвало религиозность в народе, он охладил к посещению церкви, уклонился от исполнения христианского долга исповеди и причастия, и среди него остались верными лишь незначительная часть, можно сказать, лишь единицы того количества, что было прежде... 20 февраля 1919 года был объявлен декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви. Этот декрет запоздал своим выходом, так как все относящееся к нему было фактически проведено в жизнь уже в начале предыдущего года... Закон Божий был изгнан из школ,

молитва не совершалась в них, иконы убраны из помещений школ и других учреждений. Начались беспрерывные митинги, и по преимуществу местом таковых избирали лютеранскую кирху, где разрешался большой важности вопрос – «нужен ли храм Божий? На что его лучше использовать?». На них же нещадно костили и распинали пасторов и священников. В кирхе не стеснялись курить папиросы, стояли и сидели в шапках, даже располагались на престоле... Не мог никто поручиться за целостность своего имущества и за сохранение своей жизни завтра. Вечером ложился спать с боязнью, не окажусь ли утром уже бездыханным трупом, ибо владычная рука заправил поднята была над головами всех и каждого и главным образом над головами буржуа».³⁵

Как правило, местные Советы народных депутатов конфисковывали всю приходскую недвижимую собственность и заставляли приходские Советы и причт платить за нее арендную плату. Кроме того, приходские Советы обязывались использовать «народное имущество», т.е. храм, только «в религиозных целях... Не использовать богослужебные помещения для политических собраний, враждебных советской власти; для хранения враждебных советской власти брошюр, листовок, книг, проповедей и речей».³⁶ Помимо отнятия у церковных приходов недвижимой собственности, большевистские Исполкомы и Советы народных депутатов не брезговали пополнять свою казну за счет конфискации всех приходских денежных накоплений.

Первая мировая война, с одной стороны, способствовала созданию независимой Латвийской Республики, с другой – опустошила латвийскую территорию. По подсчетам, проведенным в 1920 году, военные действия затронули 283 (56,74%) из 499 волостей Латвии; военные укрепления и окопы протянулись по территории 273 волостей (54,7%). Полностью были разрушены

86,7 тысяч зданий (10,51%), частично -116,1 тысяч зданий (14,08%). Четвертая часть пахотной земли была заброшена или стала непригодной для сельскохозяйственных работ. В результате эвакуации Латвия лишилась почти всего промышленного оборудования. Были разрушены мосты, маяки, радиостанции и др. Латвия потеряла ок. 760 тысяч человек беженцев или эвакуированных, тысячи местных жителей погибли на фронтах Первой мировой войны, ок. 140 тысяч были ранены.³⁷

Война нанесла колоссальный урон латвийским православным приходам. В ходе военных действий были полностью разрушены 12 православных храмов; несколько латгальских и видземских приходов потеряли свои храмы из-за проведения государственной границы; многие храмы после войны стояли без колоколен, без куполов и крыш; в большинстве церквей не было колоколов, не хватало церковной утвари, ризницы; ряд церквей не функционировал из-за того, что не хватало священнослужителей. В 1920 году даже было точно неизвестно, сколько в Латвии православных приходов. Так, приглашения на февральское совещание представителей православных приходов были высланы 112 приходам, однако делегаты прибыли лишь от 53 приходов. В апреле 1920 года Синод Латвийской Православной Церкви (ЛПЦ) сообщил Департаменту духовных дел МВД Латвии, что в стране фактически действуют 65-70 приходов. В 1921 году в 31 из 120 латвийских приходов не было священнослужителей.³⁸

После окончания войны практически все храмы нуждались в ремонтных работах, между тем, как приходские кассы были пусты. Как писал в 1921 году Лимбажский священник Алексей Колосов, «непрестанная смена правительств в 1917-1919 годах, следовавших одно за другим – русского, временного Керенского, немецкого,

красно-коммунистического, эстонского и, наконец, латвийского, – вконец подорвали материальные средства церкви и прихода. Что бывало скоплено в одно правительство, то в следующее правительство, с выпуском новых денежных знаков, пропадало за аннулирующей или оценивалось в крайнюю ничтожность. Денежные знаки последующего правительства вытесняли денежные знаки предыдущего правительства, так что в кассе церковной оказывался всегда круглый ноль. Случалось, не на что было купить бумагу, перья, ибо они стоили дорого... Между тем вопиющих нужд, требовавших затрат значительных средств, было много. Так, жестяная железная крыша церкви вся проржавела как сито, причтовый дом разваливался, колодцы и при последнем и при церкви разваливались... Помощи со стороны, как это было до сего времени, нельзя было ожидать».³⁹ Помощи, действительно, было ждать не от кого. С образованием Латвийского государства кардинальным образом изменилось положение Православной Церкви. Если в Российской империи государственная власть покровительствовала православному вероисповеданию, то в первые годы существования независимой Латвии Православная Церковь большей частью латышского общества воспринималась, как реликт царского режима, как орудие русификации.⁴⁰

23 августа 1920 года Собором ЛПЦ главой Церкви был избран архиепископ Пензенский и Саранский Иоанн (Поммер, 1876-1934, прославлен РПЦ в лике святых в 2001 г.). 19 июля 1921 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон (Беллавин, 1865-1925, святит.) даровал ЛПЦ самостоятельность в делах церковно-хозяйственных, церковно-административных, школьно-просветительских и церковно-гражданских. Кончилось военное лихолетье, началась жизнь ЛПЦ в условиях независимого Латвийского государства.

Примечания

- 1 См., напр.: Bērziņš Valdis. *Latvija pirmā pasaules kara laikā*. Rīga: Zinātne. 1987.; Bērziņš Valdis. *Latviešu strēlnieki – drāma un traģēdija*. Rīga. 1995.; *Vecie latviešu strēlnieki: stāsti, tēlojumi un atmiņas*. Sast. un priekšv. K. Preiss. Rīga. 1957.; Lismanis Jānis. 1915.-1920. *Kauju un kritušo karavīru piemiņai*. NIMS 1992.; Šteins Voldemārs. *Dižais kurzemnieks Jukums Vācietis*. Rīga: Zvaigzne ABC. 2010. u.c.
- 2 Латвийский Государственный Исторический архив (далее – ЛГИА), ф. 4754, оп. 1, д. 280.
- 3 Там же.
- 4 Иоанн (в миру – Смирнов Иван Ксенофонович, 1844-1919) родился 24 августа 1844 года в семье настоятеля Троицкой церкви села Красно Муромского уезда Владимирской губернии священника Ксенофонта Прохоровича Смирнова. Окончил Владимирскую Духовную семинарию, затем в 1868 году – С.-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Назначен преподавателем Священного Писания в Рязанской Духовной семинарии. В 1869 году утвержден в степени магистра богословия. В 1875 году назначен инспектором Рязанской семинарии, в 1883 году стал ее ректором. В 1883 году рукоположен во священника и возведен в сан протоиерея. У о. Иоанна и его супруги Клавдии Ивановны было пятеро детей: Иван, Евгения, Елизавета, Юлия и Татьяна. Автор ряда богословских книг по экзегетике, книг малых пророков Ветхого Завета, а также книги пророка Даниила. В 1901 году о. Иоанн, овдовев, был пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и вызван для служения в Александро-Невскую Лавру С.-Петербурга. 24 апреля 1902 года в зале заседаний Св. Синода было совершено наречение архимандрита Иоанна во епископа Чебоксарского, второго викария Казанской епархии. 28 апреля того же года в Исаакиевском кафедральном соборе С.-Петербурга состоялась хиротония. В Казане епископ Чебоксарский Иоанн пребывал в мужском Кизическом монастыре. Являлся председателем Казанского Епархиального Училищного Совета, заведывал избранием и назначением на приходы псаломщиков. 4 февраля 1904 года назначен на самостоятельную кафедру епископа Полтавского и Переяславского. 13 августа 1910 года переведен на Рижскую кафедру. 6 мая 1912 года возведен в сан архиепископа. 20 ноября 1917 года назначен архиепископом Рязанским и Зарайским. Скончался архиепископ Иоанн (Смирнов) 14 октября 1919 года, на 76-м году жизни, в Рязани.
- 5 Определения Рижского Епархиального Собора. От 20-го сентября до 6-го октября 1905 года. Рига. С. 148-149.
- 6 «Рижские Епархиальные Ведомости», 1910 г. №24, С. 778.
- 7 Православие в Латвии. Исторические очерки. Состав. А. Поммер. Издание автора. 1931. С. 87.
- 8 Bērziņš Valdis. *Latvija pirmā pasaules kara laikā*. Rīga: Zinātne. 1987. 42.-44.lpp.
- 9 ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 280.
- 10 Следует отметить, что до 1917 года будущий государственный гимн Латвийской Республики пели со словами «Dievs, svēti Baltiju». Лишь земляки автора песни-молитвы Карлиса Бауманиса продолжали использовать оригинальные слова – «Dievs, svēti Latviju».
- 11 Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви, Рижской епархии, Вольмарского уезда и благочиния, находящейся в г. Лемзаль, с 1822 года (Первая мировая война и события 1917-1919 гг. глазами православного священника)//Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. №8. Рига: Филокалия. 2010. – С. 122.
- 12 ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 280.
- 13 Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви, Рижской епархии, Вольмарского уезда и благочиния, находящейся в г. Лемзаль, с 1822 года (Первая мировая война и события 1917-1919 гг. глазами православного священника)//Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. №8. Рига: Филокалия. 2010. – С. 122.
- 14 Протоиерей Адам Степанович (1847-?), с 1873 г. священник Дзербенской церкви, с 1875 г. священник Марциенской церкви, с 1884 г. священник Руиенской церкви, с 1887 г. настоятель Венденской (Цесисской) Преображенской церкви, благочинный Венденского округа. С 1895 года протоиерей.
- 15 Bērziņš Valdis. *Latvija pirmā pasaules kara laikā*. Rīga: Zinātne. 1987. 65.lpp.
- 16 ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 280.
- 17 Bērziņš Valdis. *Latvija pirmā pasaules kara laikā*. Rīga: Zinātne. 1987. 55.-56.lpp.
- 18 ЛГИА, ф. 4754, оп. 1, д. 280.
- 19 Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви, Рижской епархии, Вольмарского уезда и благочиния, находящейся в г. Лемзаль, с 1822 года (Первая мировая война и события 1917-1919 гг. глазами православного священника)//Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. №8. Рига: Филокалия. 2010. – С. 125.

- 20 Bērziņš Valdis. Latvija pirmā pasaules kara laikā. Rīga: Zinātne. 1987. – 91. lpp.
- 21 История Латвии. XX век. Дайна Блейере, Илгарс Бутулис, Антонийс Зунда, Айварс Странга, Инесис Фелдманис. Jumava. 2005. – 73-74. lpp.
- 22 Paul Clemen (1919). *Kunstschutz im Kriege. Zweiter Band: Die Kriegsschauplätze in Italien, im Osten und Südosten*. Leipzig: Verlag von E. A. Seemann. S. 71-136.
- 23 ЛГИА, ф.1374, оп.1, д.1226. Ущерб, нанесенный церкви, подсчитывался приходским Советом, который подавал этот материал в Комиссию по подсчету военных убытков. В свою очередь, комиссия подавала иск на возмещение убытков виновной стороне – Германии или Советской России. Зная об этом, приходские Советы, разумеется, могли завысить суммы ущерба. Кроме того, конечно, пострадавшая сторона не подсчитывала ущерб, нанесенный приходскому имуществу латвийской армией и ее союзниками.
- 24 Там же, д.1223.
- 25 Там же, д.1209-1212.
- 26 Там же, д.258.
- 27 Там же, д.1236.
- 28 Епископ Орловский (с 12 августа 1918 года – епископ Вяземский) Макарий (в миру – Михаил Васильевич Гневушев, 1858-1918, священномученик, прославлен на архиерейском Соборе 2000 г.).
- 29 Митрополит Иосиф (в миру – Иван Семенович Петровых, 1972-1937, прославлен РПЦЗ в лике святых как священномученик), в 1908-1920 гг. – епископ Угличский, викарий Ярославской епархии; в 1920-1926 гг. – архиепископ Ростовский, викарий Ярославской епархии; в 1926-1927 гг. – митрополит Ленинградский, лидер течения «иосифлянства»; 27 марта 1928 года запрещен в служении митрополитом Сергием (Страгородским), однако не признал запрещения; в 1929 году арестован ОГПУ, расстрелян 20 ноября 1937 года.
- 30 Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви, Рижской епархии, Вольмарского уезда и благочиния, находящейся в г. Лемзаль, с 1822 года (Первая мировая война и события 1917-1919 гг. глазами православного священника) // Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. №8. Рига: Филокалия. 2010. – С. 140-143.
- 31 ЛГИА, ф.1374, оп.1, д. 1214, 1221.
- 32 Бушуева И. История прихода Рижского кафедрального собора во имя Рождества Христова в 1915-1920-х годах // Православие в Латвии. Исторические очерки. Сборник статей. Вып. 1. Рига. 1993. – С. 50-51, 55.
- 33 ЛГИА, ф.1374, оп.1, д.1225.
- 34 Гаврилин Александр. Люцинское (Лудзенское) благочиние во второй половине XIX- начале 30-х годов XX века. Рига. 2013. – С.167.
- 35 Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви, Рижской епархии, Вольмарского уезда и благочиния, находящейся в г. Лемзаль, с 1822 года (Первая мировая война и события 1917-1919 гг. глазами православного священника) // Православие в Латвии. Исторические очерки. Сб. статей. №8. Рига: Филокалия. 2010. – С.144, 149-150.
- 36 ЛГИА, ф.1374, оп.1, д.336.
- 37 Bērziņš Valdis. Latvija pirmā pasaules kara laikā. Rīga: Zinātne. 1987. – 254-255. lpp.
- 38 Озолинш К. Положение Латвийской Православной Церкви в 20-е годы XX века // Православие в Латвии. Исторические очерки. Сборник статей. Вып. 2. Рига. 1997. – С.15-16.
- 39 Архив Лимбажского музея (АЛМ), «Летопись Лемзальской Александро-Невской церкви». 1822 г. – С.157.
- 40 Гаврилин А. В. Под покровом Тихвинской иконы. Архипастырский путь Иоанна (Гарклавса). СПб: Алаборг. 2009. – С.62-63.

Антони Миронович (Польша)

Ревиндикация¹ православных церквей в II Речи Посполитой

Вопрос о ревиндикации православных церквей носил политический и религиозный характер. Осуществляя на польских землях политику русификации, царские власти построили много православных церквей как символ господства Российской Империи. Именно с этой целью в 1894-1912 гг. на Саксонской площади в Варшаве был построен кафедральный Александро-Невский собор. Поэтому после окончания Первой Мировой войны в католической среде доминировало враждебное отношение к православию. Католические политики, духовенство и католическое население требовали провести процесс ревиндикации православных церквей и уничтожить церкви – символы царского режима. Органы государственной власти, с одной стороны, были вынуждены уступать давлению католического населения, с другой стороны – учитывать юридические права Православной Церкви.

В межвоенный период до момента урегулирования имущественных вопросов действовали следующие законодательные акты: декрет правительства Енджея Морачевского от 16 декабря 1918 г.

о принудительном администрировании церковного имущества; закон от 17 декабря 1920 г. о передаче в собственность государства земель в отдельных повятах² Речи Посполитой; распоряжение министра Сельского хозяйства и государственного имущества от 16 июня 1919 г. об установлении государственного управления над церковными имуществами и хозяйством, находящимися на территории бывшего Конгрессового Королевства³; распоряжение Совета Министров от 9 августа 1921 г. о распространении декрета от 16 декабря 1918 г. на территории Новогрудского, Полесского и Волынского воеводств и Белостоцкого, Гродненского и Волковысского повятов Белостоцкого воеводства; распоряжение от 24 августа 1922 г., распространившее декрет от 16 декабря 1918 года на Виленскую землю, и закон от 19 февраля 1925 г., распространивший действие закона от 17 декабря 1920 г. на другие повяты. Все вышеперечисленные правовые акты преследовали цель сократить размеры недвижимого имущества Православной Церкви. Церковная земля была основой материального обеспечения духовенства.

Конфискация церковных земель в результате сельскохозяйственной реформы и на нужды военных поселенцев отразилась на материальном положении духовенства. Оставленных на каждый причт 36 гектаров земли было недостаточно для содержания настоятеля и его семьи. Правда, следует отметить, что вышеперечисленные правовые акты касались лишь части территории восточных областей Речи Посполитой.

Православная Церковь считала, что она может претендовать на все недвижимое имущество, которым она владела к моменту возрождения независимой Польши. С этим не была согласна Римско-католическая Церковь, которая хотела получить в свою собственность конфискованное в период царского режима униатское имущество, часть которого была передана Православной Церкви. В свою очередь, правительство стремилось превратить это имущество в государственную собственность и использовать эти земли на содержание католического и православного духовенства, а также на военных поселенцев и в интересах сельскохозяйственной реформы. В 1919 г. министерство Вероисповеданий и просвещения приняло распоряжение, согласно которому церкви, не используемые регулярно для совершения богослужений, должны стоять закрытыми, а ключи от них нужно было сдать в полицейские участки. Таким образом, значительная часть православных церквей была закрыта.

Эта политика совпала с насильственным выселением духовенства из тех мест, где церкви были закрыты, так как их присутствие активизировало старания православного населения по созданию прихода. Население требовало открытия прихода, либо, как минимум, открытие церкви в период великих праздников. В 1919 г. министерство Вероисповеданий и просвещения на основании анализа вероисповедальной структуры населения разрешило открыть

на Холмщине и на Подласье 29 приходов, считая за норму для каждого прихода 5 000 верующих. Руководствуясь этой нормой, в 1921 г. было открыто множество приходов в Белостоцком, Новогрудском, Виленском и Волынском воеводствах. Министерство планировало функционирование в этом регионе 193 приходов, в то время как до 1918 г. на этой территории было 1 475 приходов. При выдаче разрешения на открытие прихода руководствовались следующими критериями: численность верующих; расстояние до ближайшей церкви; конфессиональная принадлежность приходского храма и правовой статус земли, на которой он стоит; интересы католического населения. В 1920-х годах, как правило, разрешали открыть закрытый храм на великих праздников, позднее эту практику прекратили. Люблинский воевода объяснял своё несогласие с открытием православных церквей во время праздников тем, что временное открытие церкви «вызывает в населении подъем эмоций и нежелательные рефлексии». Между тем, большинство православных церквей на этнических польских землях было закрыто в первые годы Второй Речи Посполитой, а затем передано в собственность Католической Церкви, а часть храмов была разобрана.

По мнению правительства Белорусской Народной Республики, прозвучавшем в 1921 году в обращении к Патриарху Московскому Тихону, ревиндикация в Польше православных церквей была связана с политической колонизацией белорусского населения: «Забираются православные храмы, даже те, которые никогда не были униатскими или католическими. Духовенству не позволяют исполнять свои пастырские обязанности. Польские власти заставляют духовенство жить вместе с крестьянами, а дома причта конфискуются государственной властью и передаются под польские школы, помещения для жандармерии и т.п. Закрыты

белорусские школы, а практически в каждом селе открываются польские школы с учителями- националистами, прибывшими из Галиции. Исходя из того, что все граждане Польши должны быть поляками, в документах государственная администрация записывает белорусов поляками».

Материальное положение Православной Церкви еще более ухудшилось вследствие инструкции, принятой министерством Сельского хозяйства 16 апреля 1921г. повятовым надзирательным комитетам относительно земель, которые должны были быть оставлены в собственности каждого прихода или монастыря. Без согласия церковных властей было решено оставить в собственности каждого прихода лишь 36 гектаров земли.

Широкий резонанс вызвала попытка правительства отторгнуть для нужд сельскохозяйственной реформы у Почаевской Лавры 1 489 гектаров земли, оставив обители лишь 36 гектаров. Только обращение архиепископа Минского Георгия (Ярошевского) к министру Антонию Пониковскому привело к отмене решения о парцелировании⁴ земли Почаевской Лавры. Разногласия и трудности в ходе реализации сельскохозяйственной реформы привели к принятию Сеймом 24 марта 1923 г. резолюции, призывающей органы исполнительной власти в ходе реализации реформы строго следовать закону. 25 апреля 1923 г. межминистерская комиссия по вопросам военных поселений приняла решение задержать передачу церковных земель, проводимую согласно предписанию от 17 декабря 1920 г.

В свою очередь, положение о проведении сельскохозяйственной реформы от 28 декабря 1925 г. оставило в силе 1 параграф положения от 17 декабря 1920 г. Таким образом появилась законодательная основа для передачи церковной земли государству. На практике государство воздерживалось от действий в этом направлении до окончания



Разрушенная в 1938 году церковь в Бяла Подляска



Разрушенная в 1938 году церковь в Бржежне



Разрушенная в 1938 г. церковь в Замощи



Разрушенная в 1938 году
церковь в Холежове



Разрушенная в 1938 году
церковь в Хусинне

переговоров с церковными властями по вопросу о правовом статусе Православной Церкви в Польше. После 1919 г. правительство взяло в свои руки администрирование всем церковным имуществом, которое затем было распределено в основном среди военных поселенцев.

Местное католическое население, подстрекаемое приходским духовенством, силой выгнало государственных чиновников, прибывших для парцелирования церковной земли в районе Окружного земского Управления в Щедльцах. Эта противоправная акция привела к тому, что Католической Церковью было захвачено около 5 000 гектаров земли, в результате чего только в Люблинском Воеводстве более десяти православных приходов осталось без земли. Обеспокоенное волной протестов православных верующих, выступлениями православных депутатов Сейма правительство решило приостановить парцелирование церковного землевладения. Распоряжением Главного земского управления от 25 июня 1922 г. было решено до окончательного урегулирования правового статуса собственности «поповок» остановить работы по измерению земли, но участков

не распределять, а там, где эти работы еще не были начаты, не начинать их.

Ревиндикация православных храмов и церковных земель была частью государственной политики, в основании которой лежала концепция государственного и национального единства, опирающегося на римско-католическое вероисповедание. Результатом этой политики было планомерное уменьшение количества православных приходов и монастырей, передача в собственность государства либо в собственность Католической Церкви имущества православных приходов, закрытие православных храмов и прозелитические действия в отношении православных с целью привлечения их в католицизм⁵.

Первый раз акция ревиндикации по отношению к Православной Церкви была проведена в 1918-1924 гг. Люблинский воевода Станислав Москалевский объяснял эти действия необходимостью защиты польских интересов: «Исходным пунктом польских интересов при урегулировании положения населения православного вероисповедания в бывших Холмщине и Подласье должно быть, кроме следования принципам справедливости, стремление

ликвидировать видимые результаты политики, применяемой с 1864 года, политики искусственной и варварской, которая на протяжении десятилетий дискриминировала Католическую Церковь в бывшей Холмщине и Подлясье, которая выражалась в конфискации ряда униатских храмов и переделки их в православные церкви, либо в строительстве новых православных храмов вместо разрушенных храмов униатских». Мнение воеводы Москалевского поддержала иерархия Римско-католической Церкви, но не всегда поддерживалась иерархией Униатской Церкви.

До Первой мировой войны в Люблинском воеводстве было около 400 православных церквей. 154 из них к 1922 г. были переделаны под костёлы, 7 церковных построек были конфискованы и переданы различного рода культурным организациям, 35 церквей были разрушены во время войны, 164 церкви стояли закрытыми и лишь только 40 функционировали в качестве приходских или приписных храмов.

Только в первые годы существования II Речи Посполитой у православных было отобрано около 400 храмов. Часть храмов передали униатам, остальные стали собственностью Католической Церкви. Кроме того, были стерты с лица земли православные храмы, находившиеся в больших польских городах: в Августове (1926 г.), Александрове Куявском, Янове Любельском (1922 г.), Ендреове (1921 г.), Граеве, Калише (1920 г.), Колне, Коженицах, Любартове, Люблине (1924 г.), Ласку, Ломжи, Млаве, Модлине, Опочне (1924 г.), Осовцу, Острови Мазовецком, Пинчове, Плонску (1918 г.), Праснышу (1918 г.), Пулгуску, Рачках, Радомске, Радуче, Раве Мазовецкой, Ружане, Рыпине, Серадзе, Серпце, Скерневицах, Слупцах, Сосновце, Станиславове, Сташове, Сувалках, Томашове Мазовецком (1925 г.) и др. Шесть православных храмов были разобраны в Варшаве, в том числе

кафедральный собор св. Александра Невского, стоявший на Саксонской площади (1920-1926 гг.)⁶.

Большинство церковных построек в центральных воеводствах было передано Католической Церкви. Как правило, такие церкви становились католическими костёлами местных гарнизонов⁷. Так, например, в Белостоке у православных конфисковали гарнизонные церкви Казанской иконы Божией Матери и св. Серафима Саровского и стали совершать в них для гарнизона города католические богослужения⁸. Воеводские власти только на Белосточине ликвидировали православные приходы в Ходышеве, Колне, Липске, Лапах, Ломже, Остролейце, Покровске, Ружаномстоке, Ригаловце, Сейнах, Шудзялове и в Высоким Мазовецким. Самым болезненным ударом по всей Православной Церкви была конфискации Благовещенского монастыря в Супрасле.

Некоторые закрытые церкви использовались не для совершения религиозных обрядов. В Остролейце в храме оборудовали склад металлолома, в Скерневицах – склад зерна, а в Сташове – кинотеатр. В большинстве церквей оставалась утварь, стояли алтари и иконостасы. Это являлось дополнительным свидетельством профанации Церкви и оскорбления религиозных чувств местного православного населения. Были конфискованы православные церкви в Лиде, Шнипишках под Вильнюсом, Кривичах, Новом Дворе, Святкове, Волковыске, Ялове, Самогроде и во многих других местах⁹.

На решения властей влияли не столько реваншистские настроения в польском обществе, сколько хорошо продуманная, целенаправленная политика по отношению к населению восточных земель Речи Посполитой. Эта политика была направлена на интеграцию территорий, на которых проживало непольское население, в остальную часть государства через национальную,



Разрушенная в 1938 году
церковь в Липине Горной



Разрушенная в 1938 году
церковь в Ласкове



Разрушенная в 1938 году
церковь в Ухнине

культурную и религиозную ассимиляцию местного населения. Первоначально православное население активно не выступало против конфискации храмов, которые когда-то были униатскими или католическими. Эти храмы, как правило, стояли пустыми, у них не было причтов и приходских Советов. Когда ревиндикация была распространена на территории, населённые преимущественно православным населением, и затронула храмы, которые были построены как православные, начались акции протеста. Всё чаще в глазах православных верующих решения государственной администрации относительно Православной Церкви выглядели как дискриминирующие православное население, несправедливые с правовой точки зрения. Наибольшие протесты вызвали ревиндикационные действия Люблинского епископа Мариана Л. Фульмана и Подляского Генриха Преждецкого. В условиях усиливающихся конфликтов вокруг ревиндикации православных церквей 8 февраля 1924 г. Сейм принял резолюцию, в которой призвал правительство «в течение двух месяцев подготовить законопроект об урегулировании права собственности по спорным между католическим и православным населением вопросам». Последовавшие после этого конфликты на Люблинщине, в том числе вокруг церквей в Спасе, Холме, Убродовицах и в Стужицах, а также протесты международной общественности привели к тому, что Политический комитет Совета Министров 24 мая 1924 г. был вынужден принять решение о приостановке ревиндикации и передачи католикам тех объектов, на которые министерство Вероисповеданий и просвещения уже дало свое согласие. Однако несмотря на остановку ревиндикации по-прежнему имели место отдельные случаи передачи католикам православных храмов и монастырей. Примером может служить занятие католиками монастыря в

Захорове. В межвоенный период Православной Церкви так и не удалось вернуть себе этот монастырь.

Ревиндикацию церковного имущества критически оценивал Константин Сроковский, автор рапорта, составленного по предложению премьера Владислава Сикорского: «На 500 ревиндикаций или просто ликвидаций православных церквей около 400 произошли в «период помрачения» – в первый год свободы и государственного строительства. Остальные 100 ревиндикаций совершены были в последующие годы, либо они всё ещё продолжают совершаться. (...) В силу того, что ревиндикации перемещаются всё дальше на восток от Буга и входят в исторические пределы православного большинства, их исторически-правовая основа становится всё более хрупкой и сомнительной». Советник министра высказался против уменьшения численности православных приходов. Местные власти стремились значительно уменьшить численность православных приходов, опираясь на тезис, что каждый приход должен иметь как минимум 4 000 верующих. Уменьшение численности приходов привело бы к тому, что значительное число верующих было бы лишено возможности удовлетворять свои духовные потребности.

Вопрос о ревиндикации церковного имущества был поднят на заседании Президиума Совета Министров в январе 1925 г. На этом заседании было принято решение, что следует сохранить имущество обеих Церквей. Взаимные претензии относительно имущества Церквей должны были быть рассматриваемы лишь в исключительных случаях. Закрытые церковные (православные и католические) здания после рассмотрения потребностей обеих вероисповеданий должны были перейти в распоряжение правительства. Было принято также решение, что при урегулировании



Разрушенная в 1938 году церковь в Вакиёве

имущественных вопросов будет учитываться необходимость в храме для совершения богослужений. Эта необходимость будет определяться в зависимости от численности местного населения данного вероисповедания, расстояния до ближайшего храма и т.д. Несмотря на протесты подляского епископа Генриха Преждецкого, этим решением правительства стало руководствоваться министерство Вероисповеданий и просвещения.

Первая волна ревиндикации прошла в интересах Католической Церкви, однако противоречила интересам государства, так как вызвала многочисленные волнения в обществе. Административно-полицейские методы ревиндикации противоречили принципам демократического государства. В результате ревиндикации между Католической и Православной Церквями сложились новые имущественные отношения, которые не только не успокоили противоречия в обществе, но, наоборот, лишь усилили их. Согласно анализу, проведенному министерством Вероисповеданий и просвещения, в 1914 г. у Православной Церкви было 640 бывших униатских и 240 бывших католических храмов. Однако не

все указанные объекты были в действительности когда-то собственностью католиков. Некоторые из них были построены как православные храмы, другие были куплены у Католической Церкви. В 1918-1924 гг. Католическая Церковь переняла 315 объектов, в том числе 175 бывших униатских и 140 бывших католических церквей, однако в собственности православных приходов по-прежнему оставались 350 бывших униатских и 80 бывших католических церквей. Остальные храмы были недействующими, разрушены, разобраны или использовались для других целей. К числу утраченных Православной Церковью храмов следует добавить и те, которые были ликвидированы в главных городах Польши как символы российского господства. Кроме того, многим действующим церквям, построенным как православные, также предъявляли претензии, что осложняло их нормальное функционирование.

Второй период ревизии начался в 1929 г. Формальным поводом для возобновления римско-католическим епископатом ревизионных процессов было постановление варшавского Верховного суда о том, что суд приостанавливает рассмотрение прошений о возвращении утраченного во время разделов Польши имущества. Католические епископы – Виленский Ромуальд Ялбжиковский, Луцкий Адольф Шелажек и Пинский Зигмунд Лозинский – внесли в суд 614 исков против институтов, представляющих Православную Церковь. Одновременно было подано 32 иска против государства и 109 исков против государственных институтов и частных лиц. Епископы требовали возвращения Католической Церкви храмов, приходских зданий и земельных имуществ, которые когда-то были собственностью католиков или униатов. Множество исков касалось церквей в тех местностях, в которых даже не проживали католики. Иски требовали также передачи католикам

православных монастырей в Почаеве, Вильне, Жировицах, Дермане, Зимном, Корце, Кременьце и Мельце, а также кафедральных соборов в Луцке, Кременьце и Пинске. Претензии католической стороны касались практически трети имущества Православной Церкви¹⁰.

Наибольшее количество исков в отношении православных церквей внес епископ Подлясский Генрих Преждецкий, который потребовал передачи Католической Церкви 248 храмов. Католическое духовенство предъявило свои претензии на более 100 церквей, которые были построены после 1839 г. и никогда не находились в юрисдикции Католической Церкви. Чтобы представить себе весь драматизм ситуации, в которой оказалась Православная Церковь, следует вспомнить и проблему недействующих церквей, которых, согласно данным министерства Вероисповеданий и просвещения за 1928 г., было 171. Наибольшее количество закрытых православных храмов находилось в Люблинском и Белостоцком воеводствах. Большая часть закрытых храмов требовала срочного ремонта. Воеводы предлагали эти храмы передать Католической Церкви или же разобрать, и только 26 храмов передать Православной Церкви. Только в Белостоцком воеводстве из 17 недействующих храмов власти 8 передали Католической Церкви, по одному храму получили православные и старообрядцы, остальные храмы были разобраны. Требования открытия и возвращения церквей со стороны духовенства и верующих православного вероисповедания не принесли результатов в связи с откровенным негативным отношением к ним со стороны государственной администрации. Власти не позволили завершить строительство церкви в Берестечке и восстановления собора в Холме. В обоих случаях храмы подавались как символы украинского национализма.

Новая волна ревиндикации, которая приобрела форму массовой подачи судебных исков, ставила под сомнение существование Православной Церкви на значительных территориях государства. Католические епископы прекрасно осознавали всю опасность последствий, которые принесёт эта акция для Православной Церкви и государства. Агенство Католической прессы писало: «Приговор суда, признающий возвращение католикам около 500 костёлов, будет страшным ударом для Православной Церкви. Вероятно, не один приход останется без храма, а без возможности удовлетворения своих религиозных потребностей среди сотен тысяч православных граждан Польши появится глубокое недовольство, начнутся многочисленные акции протесты в стране и за границей, которыми смогут воспользоваться враждебные к польской государственности элементы»¹¹.

В среде православной общественности новая волна ревиндикации вызвала негодование. Требования католического епископата передачи Католической Церкви имущества Православной Церкви воспринимались как лишённые исторических и правовых оснований, как атака на православие. В ответ на иски католического епископата для защиты имущественных прав Православной Церкви в судах была создана специальная комиссия. 26 октября 1929 г. митрополит Дионисий подписал специальное послание, призывающее верующих к «защите своей Матери – Православной Церкви», «возлагая надежду на справедливость законов нашей Отчины и беспристрастность её судей». Собор православных епископов, созванный в 1930 г., постановил создать епархиальные комитеты, состоящие из духовенства и мирян, которые должны были готовиться к судебным процессам – собирать необходимые материалы. Решительную поддержку



Уничтоженная в 1938 году церковь в Киёвцах



Разрушенная в 1938 году церковь в Збереже



Уничтоженная в 1938 году церковь в Колежовичах



Разрушенная в 1938 году
церковь в Турковицах

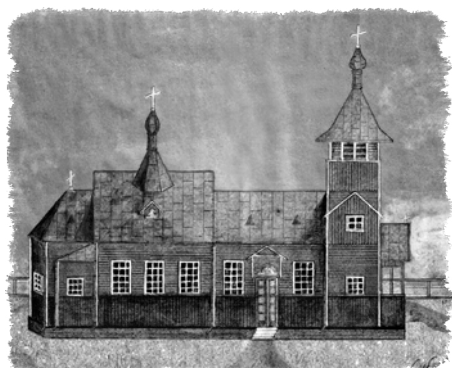
православной церковной иерархии оказали русские организации, действовавшие на территории Второй Речи Посполитой. Белорусские и украинские общества восприняли ревиндикацию как политический акт, направленный против национальных меньшинств. Протесты православной общности дошли до Лиги Наций, до правительств многих стран мира. В декабре 1929 г. жалобу в Лигу Наций подал бывший настоятель Почаевской Лавры, Виталий (Максименко), в тот момент епископ – Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ). Иерарх обращал внимание руководства Лиги Наций «на религиозные преследования, которые имеют место в Польской Республике с самого начала её существования. (...) Разрушение православных храмов, – писал епископ Виталий, – ликвидация православных кладбищ, изгнание православных епископов из их епархий, отнятие у Патриарха Московского Тихона права юрисдикции над Православной Церковью в Польше, смена названия Православной Церкви на «Польскую Церковь» – всё это факты нарушения основных прав православного русского меньшинства

в Польше, прав, которые были гарантированы упомянутом выше Версальском трактате от 28 июня 1919 г. Православное население тешило надежду, что преследования закончатся. Однако уже 10 лет спустя существования новой Польши началась генеральная атака на православие. Польские католические епископы требуют передачи им всех православных монастырей, в числе которых находится также Почаевская Лавра (...). Требуют также, чтобы им было передано около 5000 православных приходских храмов и всё имущество этих приходов». Епископ Виталий указывал также на пристрастность судов, рассматривающих вопросы церковного имущества, на поддержку претензий католических епископов государственными властями. Петицию подобного же содержания послали в Лигу Наций депутаты Сейма Речи Посполитой от Белорусского клуба¹².

Ревиндикация получила широкие отклики в польской и зарубежной прессе. Заявления Виленского митрополита Ромуальда Яблжиковского, о том что «я не хочу ревиндикации для католиков ни одной православной церкви, стремлюсь единственно к тому, чтобы во имя принципа справедливости костёлы, отобранные насильно царским правительством, вернулись к законным владельцам», никого не убеждали. Подобным же образом было оценено послание к «братьям православным», написанное 6 декабря 1929 г. Пинским епископом Зигмундом Лозинским. В свою очередь, греко-католический митрополит Андрей Щепицкий в интервью, опубликованном 2 ноября 1930 г. на страницах газеты «День Польский» заявил, что «греко-католическое духовенство не будет принимать никакого участия в ревиндикации». Греко-католический иерарх утверждал, что действия католических епископов являются «ликвидацией унии с другой стороны». Католических епископов Польши



Разрушенная в 1938 году
церковь в Прехориле



Разрушенная в 1938 году
церковь в Меджилесь



Разрушенная в 1938 году
церковь в Новоселках



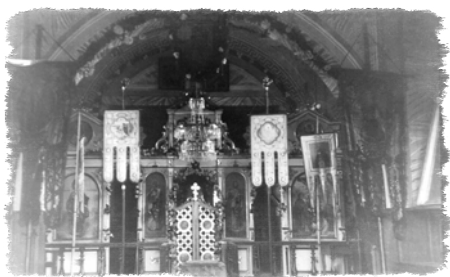
Разрушенная в 1938 году
церковь в Стрелкашах

поддержал апостольский нунций Франческо Мармагги¹³.

В трудной ситуации оказалось правительство Польши. С одной стороны, оно поддерживало ревизорские действия католических епископов, стремясь тем самым решить проблему бывшего униатского имущества, с другой стороны, правительство опасалось народных волнений в восточных воеводствах государства и протестов со стороны международного сообщества. Власти понимали, что без нормализации вопросов, связанных с конкордатом, не будет возможным урегулирование правового положения Православной Церкви. Судебные решения по отдельным православным храмам не решали конфликта, напротив – обостряли его. Усиление

антигосударственных настроений привело к тому, что правительство пыталось задержать исполнение судебных решений, чтобы за это время министерство Вероисповеданий и просвещения могло попытаться разделить церковное имущество, учитывая интересы обеих сторон.

Помимо ревизорских министерство Вероисповеданий и просвещения подготовило свой собственный проект ограничения недвижимой собственности Православной Церкви. Он предполагал увеличение на 44 количества штатных приходов и ликвидацию 191 нештатного прихода. Кроме того, предполагалось закрыть 8 монастырей, конфисковать 32 328 гектаров приходской земли, в том числе 250 гектаров земли, принадлежащей монастырям.



Разрушенная в 1938 году
церковь в Жероволе



Разрушенная в 1938 году
церковь в Шлипце

Православная Церковь должна была полностью лишиться лесов и другой необрабатываемой земли. Ревиндикационные процессы продолжались в судах до конца 1933 г. Верховный суд 16 января 1934 г. огласил окончательный приговор относительно 69 храмов, признавав их ревиндикацию недействительной, так как эти объекты находились в ведении государственной администрации. Вслед за этим решением Верховного суда был принят ряд постановлений судов низших инстанций, которые запретили судебное разбирательство ревиндикационных вопросов и выполнение распоряжения Генерального комиссара Восточных земель 1919 г. о передаче Католической Церкви бывших католических храмов, находящихся в ведении православных приходов. В связи со сложившейся ситуацией правительство начало переговоры с Папской Комиссией¹⁴.

Переговоры правительства с Папской Комиссией привели к подписанию 20 июня 1938 г. договора между Ватиканом и Речью Посполитой о «бывшей униатской земле». Святой Престол отказывался от претензий на все бывшие униатские земли в пользу польского государства. Государство, в свою очередь, выделяло на дотации епископских кафедр и епархиальных Духовных семинарий вышеупомянутых католических епархий 12 000 гектаров земли. В состав этой земли входило около 9 120 гектаров, которые на тот момент были в собственности или администрировании юридических лиц Католической Церкви. За остальную землю государство брало на себя обязательство выплатить в течение двух месяцев после подписания договора 2 500 000 злотых в облигациях Государственного займа.

Ревиндикация значительно ослабила материальное положение Православной Церкви. С 146 000 гектаров церковной земли перед принятием декрета от 16 декабря 1918 г. и постановления от 17 декабря 1920 г. землевладения Православной Церкви к 1933 году сократились до 85 000 гектаров. Кроме того, значительная часть церковной земли управлялась органами государственной власти. В 1938 году только в Белостоцком, Полесском и Новогрудском воеводствах власти администрировали около 884 гектаров церковной земли.

20 июня 1939 г. было подписано соглашение между польским правительством и Ватиканом о «бывшей униатской недвижимой собственности, униатских церквях и часовен, которые были отобраны Российской империей у Католической Церкви». Польское государство признало за Католической Церковью право собственности на бывшие униатские храмы и часовни с приходскими домами, садами и кладбищами, которые к моменту подписания соглашения находились в её распоряжении или управлении. Таким образом, самовольное присвоение

недвижимой собственности Православной Церкви, проведённое Католической Церковью в первые годы независимости, и отторжение у православных собственности во время второй волны ревизии получили правовую поддержку. Вместе с тем Католическая Церковь отказалась от претензий на те храмы, которыми пользовалась Православная Церковь.

В результате двух ревизионных акций Православная Церковь потеряла значительную часть приходов. Несмотря на потерю множества храмов, в Варшавско-холмскую епархию в 1936 году входило 155 приходов, которые окормлялись 155 настоятелями, 21 vicарным священником, 19 диаконами и 176 псаломщиками. Гродненско-новогрудская епархия насчитывала 192 прихода, окормляемых 192 настоятелями, 27 vicарными священниками, 46 диаконами и 220 псаломщиками. Пинско-полеская епархия насчитывала 339 приходов, окормляемых 339 настоятелями, 20 vicарными священниками, 52 диаконами и 359 псаломщиками. Виленско-лидская епархия насчитывала 177 приходов, столько же было настоятелей, 14 vicарных священников, 22 диакона и 191 псаломщик¹⁵.

Ревизионные процессы не сломали организационной структуры Православной Церкви. Вместо закрытых приходов создавались новые, либо предпринимались попытки возобновить работу старых, закрытых ранее приходов. К середине 1930-х годов по сравнению с данными на 1922 год численность приходов и духовенства даже возросла.

Третья волна ревизии прошла в 1937-1939 гг. Она вылилась преимущественно в разрушение церквей. Разрушение церквей-символов царского режима в 1920-х годах носило стихийный, часто иррациональный характер. В 1938 г. возникла государственная программа разрушения православных церквей с целью колонизации населения. Поводом для

разрушения церквей послужил тезис, что данные храмы не востребованы местным населением и были построены в рамках политики русификации. Однако фактической причиной было стремление властей при помощи ликвидации православных приходов и действующих храмов ослабить белорусское и украинское национальное самосознание. Акция, направленная против Православной Церкви в Люблинском воеводстве, началась в 1937 г. С одной стороны, было создано нечто подобное «общественному движению», целью которого было «распространение польскости», с другой стороны, Православная Церковь и православное население подвергались насилию со стороны армии и полиции, чтобы заставить православных перейти в католичество. Активные действия в этом направлении предпринимало Товарищество развития восточных земель. Несмотря на все усилия органов государственной власти православное население Люблинского воеводства не поддавалось католической пропаганде. Верность православию населения Люблинского воеводства подтверждает письмо воеводы Ежи де Трамекурта в министерство Вероисповеданий и просвещения в 1937 г.: «Католическая Церковь в Люблинском воеводстве не проявляет активной деятельности в вероисповедально-ассимилятивном направлении, почва для этого также недостаточно благоприятна, так как православные привержены своей вере, в особенности восточного обряда, доказательством чего является то, что православное население материально поддерживает свое духовенство в тех местах, где нет православных храмов, требует вернуть переделанные под костёлы церкви... постоянно просит открыть закрытые церкви, пытается строить новые церкви в тех местах, где они были разобраны».

Разрушение церквей в Люблинском воеводстве началось несмотря на то, что

органы государственной власти прекрасно знали настроения, господствовавшие в среде местного православного населения. Тот же самый Люблинский воевода писал в министерство Вероисповеданий и просвещения, что «с полной уверенностью можно утверждать, что дальнейшее разрушение закрытых церквей во всех случаях будет вызывать в большей или меньшей степени активные протесты православного населения и представлять потенциальную угрозу безопасности в каждом селе». Невзирая на эти опасения в Люблине был создан Координационный комитет, главной задачей которого было «возвращение польскости» на «исконно польских землях» – на Холмщине и Волине. В апреле и мае 1938 г. были проведены собрания католического населения, на которых прозвучали требования разрушить недействующие православные церкви. Важную роль в создании антиправославной атмосферы сыграла проправительственная пресса, которая информировала об этих собраниях, популяризировала аргументы в пользу ликвидации церквей¹⁶.

Акция разрушения православных церквей была проведена с середины мая до середины июля 1938 г. На практике храмы разрушала местная администрация и Координационные комитеты с помощью армии и полиции. К разрушению церквей привлекалась католическая молодёжь, военные, подразделения сапёров, заключённые и бригады рабочих. При этом на православное население оказывалось административное и материальное давление с использованием шантажа и угроз. Православные, не будучи в состоянии противостоять организованной насильственной акции, протестовали и молились.

Такая политика вызвала в Сейме ряд депутатских запросов представителей различных религиозных вероисповеданий. 6 июля 1938 г. депутат Стефан Баран

охарактеризовал трагическое состояние Православной Церкви в Люблинском воеводстве. 21 июля 1938 г. депутат Баран вновь поднял вопрос «о разрушении 107 православных церквей по распоряжению повятовых старост, а также о преступном поджоге 3 церквей в июне и июле 1938 г. в Люблинском воеводстве; так же, как о преследовании и наказании на религиозной основе православного духовенства и верующих». Об этом же на заседании Сейма 6 июля 1938 г. говорил депутат Мартин Волков: «Ситуация невозможная, невыносимая, намного более тяжёлая, чем была раньше... там происходят немыслимые вещи. Навербованы отряды тех, кто разрушает храмы, эти отряды действуют легально под охраной полиции и за один день разрушают храм». Депутатские запросы и протесты против разрушения православных церквей подали многие депутаты: Стефан Скрыпник, Миколай Маслов, Станислав Луцкий и др.. События на Холмщине и Подлясье были широко представлены на страницах белорусской и украинской прессы¹⁷.

В ответ на разрушение церквей 30 июня состоялось собрание епископов, благочинных Холмщины и Подлясья и православных депутатов Сейма, на котором было подготовлено обращение к президенту, маршалу Сейма и Сената, к министру Вероисповеданий и просвещения, призывающее немедленно прекратить разрушение церквей. 16 июля 1938 г. состоялся Собор епископов Православной Церкви Польши, который подготовил послание верующим, призывающее их к трёхдневному посту. В связи с событиями в Холмщине и на Подлясье Собор направил президенту Польши Игнатию Мощчицкому и премьер-министру Фелициану Славойову-Складковскому меморандум, в котором подчеркивалось, что для разрушения церквей и лишения прихожан часто единственного в данной местности храма не было никаких правовых



Разрушенная в 1938 году
церковь в Шверже



Разрушенная в 1938 году
церковь в Килёвце

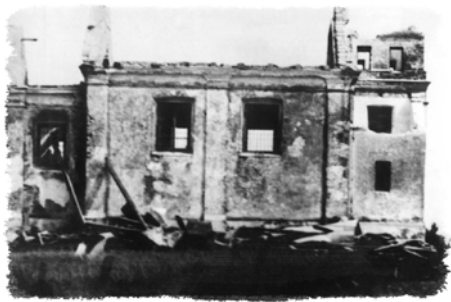
оснований. Послание Собора епископов было опубликовано в церковной прессе¹⁸.

Разрушение церквей в Польше вызвало многочисленные протесты за границей Польши. На Соборе Российской Православной Церкви в Сремских Карловцах (РПЦЗ) было решительно осуждено преследование православных в Речи Посполитой. По предложению архиепископа Виталия (Максименко) Собор принял решение информировать правительство и международную общественность о разрушении церквей в Холмщине и на Подлясье. По инициативе русских и украинских организаций в США и Канаде были созданы Комитеты защиты православия в Польше, которые собирали собрания и организовывали акции протеста против политики польского правительства. Антиправославные действия в Польше широко комментировались в английской, болгарской и румынской прессе. Нацистская пропаганда использовала ситуацию для усиления антипольских настроений в Гданьске. Болгарский митрополит Стефан (Шоков) в знак протеста против событий на Холмщине и Подлясье вернул польскому правительству все польские государственные награды, которыми ранее он был награжден.

Римско-католический епископат относительно происходящих событий сохранял молчание. Обвиняемый в соучастии в

разрушении церквей Люблинский епископ Мариан Л. Фульман в своём письме хрубешовскому настоятелю от 2 июня 1938 г. отмежевывался от акции по ликвидации православных храмов, однако не осудил происходящее. Епископ подверг сомнению право властей принимать решения относительно бывшей униатской собственности: «Разборка, поджог либо уничтожение бывших униатских церквей, имеющие место на территории нашей епархии, происходят без согласованности с епископской курией. Если это предпринимается правительством, то делается лишь на его собственную ответственность. (...) Вообще методы, которые используются для ликвидации и разрушения домов Божиих, не могут быть с нашей стороны одобрены». Мнение епископа носило лишь внутрицерковный характер и не было опубликовано в прессе. Молчание католической иерархии в период разрушения храмов понималось общественным мнением как одобрение Католической Церковью этой акции¹⁹.

Иначе повёл себя греко-католический митрополит Андрей Щептицкий, который в пастырском послании 1938 года осудил разрушение православных церквей: «Ужасающие события последних месяцев на Холмщине заставляют меня публично встать на защиту преследуемых братьев, православных христиан Волыни,



Разрушенная в 1938 году
церковь в Покровке

Холмщины, Подлясья и Полесья, а также призвать вас к молитве за них, к покаянию, чтобы выпросить у неба милосердие Господа». Цензура не разрешила публикацию пастырского послания греко-католического иерарха. Конфискация пастырского послания и запрет на его публикацию вызвали волну негодования в польской прессе. Независимые газеты решительно осудили действия правительства на Холмщине и Подлясье²⁰. Проправительственная пресса настаивала, что разрушение церквей происходит с ведома католической иерархии. Эту информацию представители Католической Церкви позднее опровергли.

Официально католическое духовенство не принимало участия в событиях 1938 года. Однако молчание католического духовенства свидетельствует о том, что ослабление православия было в интересах Католической Церкви. Следует согласиться с выводами Мирославы Папежинской-Турек, что совпадение двух важных событий указывает на определённое участие Католической Церкви в уничтожении православных церквей. Акция разрушения церквей по времени совпала с подписанием соглашения между польским правительством и Папским Престолом о бывшем униатском имуществе. В этом документе, правда, лишь только отмечается, что правительство рассмотрит возможность передачи Католической Церкви бывших униатских церквей,

не используемых Православной Церковью, однако совпадение фактов указывает на то, что существовала негласная договорённость об уничтожении закрытых храмов. На основании документов штаба округа Второго корпуса в Люблине можно сделать вывод, что католическое духовенство не только знало о планируемой акции, но и активно в ней участвовало. Исторические источники сохранили фамилии нескольких десятков представителей духовенства, участвовавших в ревиндикации²¹.

Вполне однозначно отреагировали на информацию о разрушении церквей часть польской интеллигенции и левая пресса. Станислав Кат-Мацкевич на страницах «Слова» писал: «Эта церковная история, о которой мы не пишем по причинам, от нас не зависящим, отяготит Польшу, нас всех, нашу зарубежную политику, наши большие политические планы». В другой статье он писал: «если бы я был депутатом, то я бы подал запрос о расследовании действий ответственных за эти события министров государственным трибуналом». Этот блестящий историк и политик, уже будучи в эмиграции, обвинил польские военные круги в реализации политики колонизации, в участии в ревиндикации: «Лояльность Православной Церкви Речи Посполитой была так велика и так искренна, что только чудо могло столкнуть православное духовенство с этого пути. Этим чудом была глупость наших правителей, воистину необыкновенная. Следует отметить, что церковной политикой, неизвестно почему, стало заниматься Военное министерство – министр Каспшицкий, который интересовался всем: осушением Полесья, гуцульскими килимами²² – всем, кроме вопросов обороны государства. Началось с колонизации церковного богослужебного языка. (...) На изменениях в Литургии не остановились, армия начала насильственно обращать православных в католицизм

и даже сжигать некоторые православные церкви, признанные ненужными. Эти дикие, глупые и никчёмные выходки нанесли неслыханный вред нашему государству и были при этом абсолютно ничем необоснованными, потому что из всех национальных меньшинств именно православное духовенство было наиболее лояльным»²³. Этот голос не был одинок среди польской интеллигенции.

Согласно свидетельству воеводы Ежи де Траменкурта, в 1937-1938 гг. в Люблинском воеводстве было разрушено 127 православных церквей. Кроме того, одна полуразрушенная церковь оставалась в Щчебжешыне. Католическая Церковь получила в свою собственность 8 храмов. Оставалась лишь одна закрытая церковь, которая не была разрушена из-за активного сопротивления местного православного населения. Власти планировали позднее передать ее в собственность Католической Церкви. Были уничтожены церкви, построенные уже после ликвидации унии, 20 из уничтоженных церквей были построены даже после 1918 г. Были уничтожены храмы, которые согласно постановлениям Смешанной комиссии, принятым в 1937 году, должны были стать приходскими церквями. Совершенно не принимались во внимание духовные нужды населения, разрушались храмы, которые обслуживали от одной до нескольких тысяч верующих. Были уничтожены прекрасные памятники архитектуры, подверглись надругательству иконы и литургические книги. В рамках акции были разрушены церкви в Бялой-Подлясской (построена в 1582 г.), Замостье (построена в 1589 г.) и Колнысе (построена в 1578 г.). Были предприняты попытки разрушения церкви в Щчебжешыне (построена в 1598 г.), но в результате протестов местной интеллигенции храм не был разрушен, однако подвергся надругательству и разорению. В результате ревиндикации и разрушения храмов к 1 сентября

1939 г. на Холмщине и южном Подлясье в структурах Православной Церкви осталось лишь 49 приходских церквей, 4 филиальных и один монастырь в Яблочной. В целом в 1937-1939 гг. в Люблинском, Холмском и Подляском воеводствах было уничтожено 127 церквей²⁴.

Ревиндикация затронула не только Холмщину и Подлясье. В 1937-1938 гг. в Полесской епархии численность приходов уменьшилась с 339 до 269 штатных и 15 филиальных. Государственные и местные власти требовали ликвидации большинства православных храмов в Виленской и Гродненской епархии. Так, например, войт гмина Липск Ян Рачковский 14 марта 1938 г. потребовал разобрать местную православную церковь из-за небольшого количества прихожан (24 человека) и якобы использования во время ее постройки материалов, предназначенных для костёла. Даже в случае с церковью в Заблудове, которая всю историю своего существования была православной, местные власти пытались найти в архивах документы, которые подтвердили бы её униатское происхождение, чтобы начать ревиндикацию. В результате действий государственной администрации у православных были конфискованы шесть зданий Св.Троицкого монастыря в Вильне (Вильнюсе), виленская Пятницкая церковь, храмы в местечках Мамай и Дамброва. Незначительные изменения в численности приходов произошли в Волынской епархии. В этой епархии до начала третьей волны ревиндикации было 426 штатных прихода и 137 филиальных, в 1939 г. было 569 приходских храмов и 7 монастырских.

Ревиндикация и разрушение храмов ослабили положение Православной Церкви. Эти события ограничили пастырскую деятельность и подготовили благоприятные условия для религиозного прозелитизма, который был главной целью государственной

политики. Из-за отсутствия церкви и прихода многие православные верующие стали посещать римско-католические богослужения. Угроза существованию Православной Церкви привела к единению верующих и духовенства с церковной иерархией. В среде православной общности

усилились антигосударственные и антипольские настроения, которые выразились в Холмщине, Подлясье и Волини во время Второй Мировой войны. Разрушение православных церквей стало одной из самых мрачных страниц в истории Второй Речи Посполитой.

Примечания

- 1 Ревиндикация – пересмотр прав собственности, процесс передачи имущества Православной Церкви в собственности Римско-католической Церкви или в государственную собственность в Польше в 1918-1939 гг.
- 2 Повят, повет – административно-территориальная единица в Речи Посполитой.
- 3 Речь идет о Царстве Польском (польск. *Królestwo Polskie*, также Конгрессовая Польша или «Конгрессовка», от польск. *Królestwo Kongresowe, Kongresówka*) – территория в Европе, находившаяся в составе Российской империи с 1815 по 1917 годы.
- 4 Парцелирование – дробление, разделение.
- 5 Waszkiewicz Z., *Neounia – nieudany eksperyment?*, [в:] *Czterechsetlecie zawarcia unii brzeskiej 1596–1996*, ред. Alexandrowicz St. и Kempa T., Toruń 1998, с.128–129; Rzemieniuk F., *Kościół katolicki obrządku bizantyjsko-słowiańskiego. Neounia*, Lublin 1999, с.57; Mironowicz A., *Neounia w II Rzeczypospolitej*, [в:] *Kościół Grekokatolicki na Warmii i Mazurach*, ред. Melnyk M., Olsztyn 2006, с.11–16; Свитич А., *Православная Церковь в Польше и её автокефалия, Буэнос-Айрес 1959*, с.194; Mironowicz A., *Неоуния во Второй Речи посполитой*, «Seminarium Hortus Humanitatis» 2008, т. XV, с.64–66.
- 6 K. Sokol, *Ruskaia Varshava*, (Moscow, 2002), с. 26-72; K. Sokoł, A. Sosna, *Kopuły nad Wisłą. Prawosławne cerkwie w centralnej Polsce w latach 1815-1915* (Moscow, 2003), с. 28-98.
- 7 A. Mironowicz, «Świątynie prawosławne na terenie miasta Białegostoku», *Białostocki Przegląd Kresowy*, 6 (Białystok, 1998), с. 103-110.
- 8 A. Mironowicz, «Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych w II Rzeczypospolitej», *Białoruskie Zeszyty Historyczne*, 21, (Białystok, 2004), с. 86-87.
- 9 A. Svitich, *Pravoslavnaia Tserkov v Polshe i ieiia autokefalia* (Buenos Aires, 1959), с. 92-96; M. Lenczewski, «Z historii świątyn prawosławnych w Warszawie», *Wiadomości Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego*, 1976, no. 3-4, с. 102-106; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku* (Białystok, 2005), с. 127-129.
- 10 S. Kiryłowicz, *Z dziejów prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej. Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918-1939* (Warsaw, 1985), с. 54; A. Svitich, *Pravoslavnaia Tserkov v Polshe*, с. 161-162; M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością, Państwo wobec prawosławia 1918-1939* (Warsaw, 1989), с. 344; W. Mysiek, *Przedmurze. Szkice z dziejów Kościoła katolickiego w II Rzeczypospolitej*, (Warsaw, 1987), с. 166.
- 11 M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością*, с. 344; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с. 132.
- 12 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, no. 1010, с. 96-99; A. Mironowicz, *Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych...*, с. 92-93.
- 13 S. Kiryłowicz, *Z dziejów...*, с. 55; S. Piotrowski, *Wojna religijna na kresach*, (Warsaw, 1930), с. 5.
- 14 M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością*, с. 351-352; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с. 134.
- 15 Archiwum Akt Nowych, Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego, no. 1047, с. 265-299.
- 16 M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością*, с. 360; M. Papierzyńska-Turek, «Chcieli prawosławie w Polsce wykorzenić», *Przegląd Prawosławny*, no. 7 (1998), с. 6.
- 17 *Cerkiew Prawosławna na Chełmszczyźnie – przemówienia i interpelacja posłów i senatorów ukraińskich w Sejmie i Senacie*, (Lwów, 1938), с. 1-54; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, с. 137-138.
- 18 A. Mironowicz, *Destroying and revindication of Orthodox church in Poland in*

- 1937-1939, «Administracja Publiczna. Studia krajowe i międzynarodowe. Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Administracji Publicznej w Białymstoku», nr 1 (7), Białystok 2006, s. 96-104.
- 19 J. Kania, *Rozbiórki cerkwi na Lubelszczyźnie w roku 1938 a stanowisko biskupa Fulmana*, [w:] R. Łużny, red., *Chrześcijański wschód a kultura polska* (Lublin. 1989), c. 50-51.
- 20 M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością*, c. 369; A. Mironowicz, *The Destruction and Transfer of Orthodox church Property in Poland, 1919-1939*, «Polish Political Science Yearbook», vol. XLIII, Toruń 2014, s. 405-420.
- 21 A. Mironowicz, *Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych...*, c. 99-101.
- 22 Килима –ковры на Северной Буковине.
- 23 S. Mackiewicz-Cat, *Historia Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 września 1939 r* (London, 1941), c. 312-313
- 24 M. Papierzyńska-Turek, *Między tradycją a rzeczywistością*, p. 374; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny na ziemiach polskich w XIX i XX wieku*, c. 140; J. Kania, «Likwidacja cerkwi na Lubelszczyźnie w okresie międzywojennym,» *Chrześcijanin w Świecie*, 14 (1982), no. 6 (108), c. 50-89; A. Mironowicz, *Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych...*, c. 101-102.

Алексей Либеровский (США)¹

Архиепископ Монреальский и Канадский Сильвестр (Харун)

Архиепископ Сильвестр (Харун, 1914 – 2000) – один из выдающихся иерархов Православной Церкви в Америке (ПЦА) конца двадцатого века, был уроженцем Латвии. Однако лихолетние обстоятельства на его Родине направили И. Харуна, по Божией воле, на служение Церкви Христовой исключительно за границей. Этот краткий очерк жизненного пути Владыки имеет цель ознакомить православную паству Балтии с личностью и трудами этого замечательного архипастыря.

Иван Антонович Харун родился в Двинске (ныне – Даугавпилс) в 1914 г. 19 октября (1 ноября по ст. стилю). Во время учёбы в гимназии стал активно участвовать в деятельности местного отделения Русского Студенческого Христианского Движения (РСХД, в Латвии было зарегистрировано под названием «Русское Православное Студенческое Единение») и, вдохновившись идеями таких лидеров РСХД, как отец Сергей Четвериков, он решил посвятить свою жизнь служению Церкви. По окончании гимназии Иван Харун решил поехать в Париж, чтобы поступить в знаменитый Свято-Сергиевский Православный

Богословский институт и таким образом подготовиться к церковному служению. Родители были против этого решения сына и настаивали, чтобы он поступил в Латвийский Университет, но он отказался. Решимость Ивана не колебалась, и год спустя родители благословили его отъезд во Францию. В 1934 г. Иван Харун покинул Родину и из-за изменения государственного строя Латвии в 1940-1941 гг. и последующей войны больше никогда не встречался со своими родителями. Некоторые члены его семьи в 1940-1941 гг. были репрессированы советской властью.

Ещё до окончания Свято-Сергиевского института Иван Харун митрополитом Евлогием (Георгиевским) был пострижен в монашество (8 марта 1938 г.) под именем Сильвестр и рукоположен в иеродиакону, а 10 апреля 1938 г. в иеромонахи. Вскоре он был назначен на служение в Восточной Франции. Во время Второй мировой войны он кормил православных военнослужащих французских вооружённых сил.

В 1941 г. тысячи русских людей были депортированы немцами из СССР в северо-западную Францию для работы в



Иван Харун – студент 1 курса Свято-Сергиевского Богословского института



Иеромонах Сильвестр (Харун)



Епископ Сильвестр (Харун)

трудовых лагерях. Отец Сильвестр почувствовал призвание духовно их окормлять и, получив на это официальное разрешение властей, с благословения архиерея оставил приход, чтобы полностью посвятить себя этому служению. Он стал странствующим пастырем, служил в разных местах и в разных условиях. В 1944 г. по ложному доносу «брата по вере» был арестован и отбыл шесть недель одиночного заключения в застенках гестапо. В результате расследования о. Сильвестр был признан невиновным, и гестаповцы освободили его, установив личность клеветника. После войны французские власти привлекли к уголовной ответственности всех, кто сотрудничал с нацистами, и человек, оболгавший о. Сильвестра, оказался в затруднительном положении. Не ведая, что о. Сильвестр знал

имя доносчика, он пришёл к нему с просьбой о помощи. О. Сильвестр ответил, что не может помочь ему, но, когда проситель уходил, о. Сильвестр оставил ему свою визитную карточку. Хотя это было не совсем то, о чём этот человек просил, он взял визитку священника, которая впоследствии помогла ему.²

После войны о. Сильвестр был назначен настоятелем большого прихода в Париже. Здесь он разработал обширную программу духовного обучения для молодёжи, и приход стал известен своей школой. В это же время он возглавил миссионерский отдел Русской Православной Епархии в Западной Европе и Благотворительное общество для помощи эмигрантам. Кроме того, вместе с о. Александром Шмеманом он редактировал «Епархиальный Вестник». С 1951 г., после отъезда о. Александра в Америку, о. Сильвестр в течение пяти лет был единственным редактором «Вестника».

Всю свою жизнь о. Сильвестр был активным участником Русского Студенческого Христианского Движения. В послевоенные годы он был особенно активен в окормлении молодёжи. После архиерейской хиротонии его даже шутливо называли «Епископом всей Молодёжи»³.

С 1963 по 1979 гг. еп. Сильвестр (Харун) был председателем Русского Студенческого Христианского Движения, активно содействовал издательской деятельности РСХД



Архиепископ Сильвестр (Харун)

(особенно «Вестника РХД»), оказывал поддержку диссидентам в СССР. Так, например, он вёл оживлённую переписку с Александром Солженицыным, когда тот был выслан из Советского Союза. В 1975 г., будучи уже в Канаде, архиепископ Сильвестр на Пасху принял А. Солженицына в Петропавловском соборе в Монреале.

27 апреля 1952 г. (Фомино Воскресенье), в храме Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже экзарх-митрополит Владимир (Тихоницкий) и ректор Богословского Института епископ Катанский Кассиан (Безобразов) совершили архиерейскую хиротонию о. Сильвестра во епископа Мессинского, викария Западно-Европейского экзархата Константинопольского Патриархата. Вначале он помогал митрополиту Владимиру в управлении экзархата, главным образом, в миссионерской и издательской работе. Через два года он был направлен в Ниццу для окормления приходов юга Франции и Италии.⁴

Впервые Владыка Сильвестр был приглашён служить в Североамериканской митрополии в конце 1950-х годов. Однако его переезд в Америку осуществился только в 1963 году, когда он был назначен епископом Монреальским и Канадским Русской Православной Церкви в Америке.



Архиерейский штат прислужников кафедрального собора в Монреале с Владыкой Сильвестром (середина 1960-х годов). Во втором ряду второй справа (рядом с Владыкой) - автор этой статьи



Владыка Сильвестр (в центре) в 1998-м году с Епископом Оттавским и Канадским Серафимом (Сторхейм) (слева) и епископом Вышгородским, викарием Киевской митрополии УПЦ-МП Павлом (Лебедь) (справа)

В 1963-4 гг., в монреальском Петропавловском кафедральном соборе под руководством епископа Сильвестра был осуществлён проект постройки дома резиденции архиерея и епархиального управления с помещениями для библиотеки им. Пушкина



Священный Архиерейский Синод Православной Церкви в Америке в 1977 г. Владыка Сильвестр крайний слева в первом ряду. В центре только что избранный новый предстоятель, Митрополит Феодосий. Между ними – Архиепископ Чикагский и Миннеаполисский Иоанн (Гарклав), еще один архиерей из Латвии, служивший в Америке.

и квартирами для второго священника и церковного сторожа. Под его руководством внутреннее убранство церкви также было обновлено – с возведением в 1965 году нового иконостаса в древнерусском стиле.

Из-за огромных расстояний между приходами Канадской епархии Владыка не мог часто посещать отдалённые приходы, но регулярно навещал храмы в основных центрах епархии и строго контролировал организационную жизнь своей обширной епархии.

В 1966 году он был возведён в сан архиепископа. С 1966 по 1972 год архиепископ Сильвестр временно управлял и соседней епархией – Новой Англии. Он был также председателем Предсоборной Комиссии 14-го/1-го Всеамериканского Собора 1970

года и Историко-архивного отдела ПЦА. Кроме того, после принятия под омофор Православной Церкви в Америке нескольких приходов в Австралии Владыка Сильвестр был назначен их администратором (с 1972 по 1981 годы) и совершил несколько поездок в Австралию.⁵

В конце 1960-х годов начались переговоры Американской Церкви с Московским Патриархатом, результатом которых стало дарование автокефалии Православной Церкви в Америке. Архиепископ Сильвестр умиротворял разгоравшиеся страсти, решал возникавшие среди духовенства и верующих недоразумения об автокефалии, которую он рассматривал единственно правильной, канонической



Архиепископ Сильвестр и А. И. Солженицын. Крайний слева староста собора Г. П. Максимюк, крайний слева архимандрит Антоний (Абрамович). 1975 г.



Владыка Сильвестр и А. И. Солженицын

моделью церковной жизни в Северной Америке. По его мнению, автокефалия должна была ограничить контакты ПЦА с Московской Патриархией и с другими Православными Церквями, находящимися под контролем атеистических правительств.⁶ За деятельность в защиту автокефалии, как один из наиболее стойких её сторонников, Владыка Сильвестр в 1970 году был награждён правом ношения креста на клобуке.⁷

15 мая 1974 года, по просьбе престарелого, болевшего митрополита Ириней (Бекиша)⁸, Владыка Сильвестр был назначен временно управляющим Православной Церковью в Америке. Владыка оставался на этой должности три с половиной года, одновременно продолжая управление Канадской епархией и выполняя другие архипастырские обязанности.

За несколько месяцев до пятого Всеамериканского Собора митрополит Ириней, наконец, изъявил желание окончательно уйти на покой. 25 октября 1977 г., в первый день Всеамериканского церковного Собора, который был проведён в монреальском Петропавловском кафедральном соборе, новым предстоятелем ПЦА был избран епископ Феодосий (Лазорь), который был возведён в сан митрополита. Владыка

Сильвестр был назначен вице-председателем Священного Синода и оставался на этой должности вплоть до своего ухода на покой.

Радикальные изменения в обществе Америки и в церковной жизни ПЦА, появление нового поколения иерархов и духовенства, способных взять на себя ответственность, побудили архиепископа Сильвестра 1 июля 1981 года уйти на покой. После этого он ещё оставался настоятелем Петропавловского кафедрального собора в Монреале и церкви св. Серафима Саровского в Рудоне.

Его очень радовало прибытие новых эмигрантов из бывшего СССР, которые обращались к нему для духовного окормления. Последние два года своей жизни по слабости и болезням Владыка уже не мог служить, и это причиняло ему большие страдания.

Владыка Сильвестр был тихим, застенчивым, сдержанным человеком, что некоторыми воспринималось как некая отчуждённость. Он не любил пустых разговоров, беседовал всегда содержательно, предметно, обладал прекрасным чувством юмора. Он был умелым оратором, проповеди которого вдохновляли верующих. Владыка был прекрасным исповедником,



Владыка Сильвестр (Харун) в Петропавловском соборе Монреаля



Архиепископ Сильвестр (Харун)

имел духовных чад по всему миру. Он жил скромно и нетребовательно по отношению к материальным удобствам. Он охотно помогал всем, и многие к нему стремились, ценя его мудрые, добрые советы. Он был великодушным архипастырем, помогая нуждающимся как в Канадской епархии, так и в различных концах земного шара, часто посылал православную литературу в Россию, оказывал помощь семьям заключённых и пострадавших за исповедание веры во Христа.⁹

Владыка Сильвестр очень любил художественную литературу, прекрасно знал историю. Эти знания прекрасно сочетались с основами православного богословия и духовности, которые он получил в

Свято-Сергиевском Православном Институте Парижа. Несмотря на то, что Владыка несомненно имел традиционные взгляды, его традиционализм не был замкнутым и был далёк от фанатического консерватизма.

Он любил церковные богослужения и литургисал с большим достоинством, был сторонником частого причащения мирян, унаследовав это от своих наставников в Русском Студенческом Христианском Движении. Владыка выступал за возможность употребления в богослужении все местных языков, однако служил лишь на церковно-славянском языке, так как остальные языки знал лишь на разговорном уровне.

Владыка Сильвестр тихо скончался в 2 часа утра 18 мая 2000 года. За два дня до кончины он причастился и получил помазание святым елеем. Во вторник, 23 мая в Петропавловском соборе в Монреале епископ Оттавский и Канадский Серафим (Сторхейм) с сослужением десяти священников возглавил отпевание Владыки Сильвестра, которое, по желанию Владыки, было совершенно по чину для монашествующих. Тело Владыки Сильвестра (Харуна) было предано земле на почётном месте на кладбище при церкви св. Серафима Саровского в Роудоне.

Владыка Сильвестр был последним иерархом Православной Церкви в Америке, который родился в дореволюционной России. С его уходом прервалась живая связь с эпохой больших надежд в Русской Православной Церкви, с её исключительной миссионерской деятельностью.

Архиепископ Сильвестр был прежде всего верным и любящим архипастырем и твёрдым последователем учения Христа. По личному благочестию он был строгим монахом. Да упокоит Господь его праведную душу в Царствии Своём. Вечная ему память. Да будет пример его самоотверженной жизни, преданной служению Христу, вдохновлять всех нас.

Примечания

- 1 Автор статьи – историк, директор Архива Православной Церкви в Америке (АПЦА), духовный сын Владыки Сильвестра (Харуна), прислуживал ему в монреальском кафедральном соборе, в котором впоследствии служил иподиаконом.
- 2 Факт тюремного заключения о. Сильвестра гестаповцами неоднократно упоминается в различных биографических статьях о Владыке Сильвестре. Сведения о послевоенной помощи, которую о. Сильвестр оказал клеветнику, приводятся из воспоминаний, которые рассказал автору в 1990-х годах кн. С. Г. Трубецкой – многолетний сотрудник и близкий знакомый Владыки Сильвестра. Эти подробности подтверждаются другими знакомыми Вл. Сильвестра.
- 3 Н. А. Струве . Юбилей Владыки Сильвестра // «Вестник РСХД», № 68-69 (1-II – 1963), стр. 5
- 4 Из послужного дела Архиеп. Сильвестра в Архиве Православной Церкви в Америке – XVI. Records of Clergy. A. Bishops – Sylvester (Haruns).
- 5 Послужное дело Архиеп. Сильвестра в Архиве Православной Церкви в Америке – XVI. Records of Clergy. A. Bishops – Sylvester (Haruns)
- 6 Письма и доклады Вл. Сильвестра в его послужном деле в Архиве Православной Церкви в Америке – XVI. Records of Clergy. A. Bishops – Sylvester (Haruns) и в других фондах того же архива.
- 7 По утраченной практике право ношения креста на клобуке не давалось при возведении в сан архиепископа, а было следующей архиерейской наградой после архиепископства
- 8 Митрополит Ириней (Бекиш, 1892-1981), в 1965-1977 гг. – предстоятель Североамериканской Митрополии (с 1970 г. – Православной Церкви в Америке).
- 9 Сведения об этой деятельности, которая осуществлялась через Благотворительное общество монреальского кафедрального собора, можно найти в «Приходском Листке» собора, который издавался несколько раз в год под редакцией Владыки Сильвестра в годы его служения епархиальным архиереем в Канаде.

Сергей Мянник (Эстония)

Епископ Иоанн (Булин)

Терпением вашим
спасайте души ваши
(Лк. 21:19)

Епископ Иоанн (в миру – Николай Александрович Булин) родился 16 февраля (1 марта) 1893 года в Эстонии в поселке Вепс (Выпсу), Верровского (Вырусского) уезда Лифляндской губернии в семье каменщика Александра Максимовича Булина. Александр Максимович, будучи человеком благочестивым, помогал нищим и предоставлял приют странникам. Мать – Ольга Александровна, урождённая Беляева – работала швейей.

Предки отца были выходцами с Дона. Указом императрицы Елизаветы Петровны 200 семей были переселены в Ряпино для работы на бумажной фабрике. Впоследствии переселенцы образовали свой посёлок, в котором построили храм во имя святых праведных Захарии и Елизаветы.¹

В семье Александра Максимовича было шестеро детей, которые с ранних лет ходили с родителями в храм Божий. Старший сын Николай с шести лет начал прислуживать в храме за богослужениями. Мальчик окончил начальную школу Выпсу, а затем министерскую школу в Радамаа. По

рекомендации священника Николая Пятса² и с благословения родителей юноша уехал в Ригу для продолжения обучения в рижских Духовном училище и семинарии³. Последние два года семинарии Николай Булин был старостой рижского Покровского храма, на практике изучая ведение приходского хозяйства. В семинарии юноша начал увлекаться иконописью, впоследствии уделяя очень серьёзное внимание написанию икон. Курс семинарии молодой человек окончил по 1 разряду в 1915 году, и был рекомендован для продолжения образования в одной из Духовных Академий Российской империи.

Определением Святейшего Синода Николай Булин был направлен на казённый счёт в Петроградскую Духовную Академию. Под влиянием патриотического подъёма в России в начале Первой мировой войны в 1916 году перешёл в Петергофскую школу прапорщиков. Через четыре месяца, как успешно окончивший курс, получил офицерское звание и был направлен в 241 запасной пехотный полк, который располагался в Пензе. В июне 1917 года молодой офицер оказался в действующей армии и принял участие в военных действиях в составе 665 Ворохтенского пехотного полка. Приказом советского Главнокомандующего



Епископ Иоанн (Булин) (в первом ряду, в центре, с панагией) с братией Печерского монастыря



Епископ Иоанн (Булин) в Печерском монастыре



Печерский монастырь. Епископ Иоанн (Булин) и Государственный старейшина Константин Пят

Н. В. Крыленко в декабре 1917 года Николай Александрович, как имеющий право преподавать в высших или средних учебных заведениях, был уволен из действующей армии и, побывав дома у родителей, возвратился в Петроградскую Духовную Академию для продолжения учёбы⁴.

21 мая 1918 года в храме Двенадцати Апостолов ректором Академии епископом Ямбургским Анастасием (Александровым)⁵ Николай Булин был пострижен в монашество под именем Иоанн в честь святителя Иоанна, митрополита Тобольского, и 23 мая рукоположен во иеродиакона. 12 сентября 1918 года в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры святителем Вениамином (Казанским)⁶, митрополитом Петроградским и Гдовским, иеродиакон Иоанн был рукоположен во иеромонаха. В России в это время усиливались гонения на Церковь, один за другим арестовывались священнослужители, с осени 1918 года прекратились занятия в Академии. Под

угрозой ареста оказался и иеромонах Иоанн. Всё это вынудило его бежать из России в Эстонию, в конце сентября 1918 года нелегально перейдя границу в районе станции Новоселье.

В Эстонии молодой иеромонах был назначен настоятелем храма Параскевы Пятницы маленького сельского прихода в Зачернье (Саатсе)⁷. И материальное положение и моральное состояние о.Иоанна первое время были тяжёлыми. Помогало ему в этот период покровительство архиепископа Евсевия⁸, в результате чего через несколько месяцев он приобрёл определённый авторитет в местных церковных кругах и был назначен благочинным приходов Печерского края.

В октябре 1920 года иеромонах **Иоанн был принят в состав братии Псково-Печерского монастыря** и указом Епархиального Совета⁹ назначен его заместителем.

После гибели епископа Ревельского Платона¹⁰ православные Эстонии оказались в



Митрополит Александр (Паулус) и епископ Иоанн (Булин) в Печерском монастыре

очень сложном положении. На собрании представителей православных приходов Эстонии 18 марта 1919 года¹¹ было решено добиваться независимости – автономии Эстонской Церкви и провести выборы епископа. Были выдвинуты кандидатуры священника Александра Паулуса¹² и профессора Александра Каэласа¹³, но первый отказался по состоянию здоровья, а второй находился в Сибири и, как выяснилось позднее, умер. На заседании представителей приходов 1 сентября 1920 года был вновь поднят вопрос о кандидате на епископскую кафедру, и все единогласно остановились на священнике Александре Паулусе. Иеромонах Иоанн (Булин) был избран кандидатом в викарии. Святейший Патриарх Московский и всея Руси Тихон посланием от 25 октября 1920 года утвердил кандидатуру священника Александра Паулуса.

«Утвердить последовавшее на съезде (конгрессе) Эстонской Церкви избрание на кафедру правящего архиепископа Эстонии

священника Александра Паулуса... Что же касается избрания тем же съездом на кафедру викария для православных русских приходов в Эстонии иеромонаха Иоанна (Булина), то известить Синод Эстонской Церкви, что, как уже было сообщено епископскому совету названной Церкви в июне с.г., избрание иеромонаха Иоанна, как далеко не достигшего возраста, необходимого по церковным канонам, для принятия епископского сана, не может быть утверждено.»¹⁴ Таким образом, Патриарх Тихон отклонил кандидата в викарии из-за его молодости – о. Иоанну было всего 27 лет.

Архиерейская хиротония протоиерея Александра Паулуса состоялась 5 декабря 1920 года. Ее совершили архиепископ Евсевий (Гроздов), бывший Псковский и Порховский, и архиепископ Финляндский Серафим (Лукьянов)¹⁵. На следующий день в Ревельском Александро-Невском соборе архиепископ Александр (Паулус) возвел иеромонаха Иоанна (Булина) в сан архимандрита и назначил его настоятелем Печерского монастыря.

2 февраля 1920 года в Тарту было подписано соглашение между представителями советской России и Эстонии о признании независимости Эстонской республики и установлении государственных границ восточнее Печор и Изборска. Это историческое событие позволило не только сохраниться древней православной обители, но и способствовало духовному и культурному подъёму Печорского края.

Трудное наследство досталось новому настоятелю Печерского монастыря, но он активно взялся за восстановление разрушенного хозяйства. Монастырь после революционных событий 1917-1919 годов был в упадке, почти всё хозяйство было уничтожено, часть братии уехала в Тарту, к маю 1920 года осталось 21 насельников, включая послушников. Настоятель начал восстановление монастыря с молитвы. Он



Подписание акта о переходе в каноническое подчинение
Константинопольскому Патриархату 23 сентября 1923 г.

восстановил суточный, недельный, годовой круги богослужений по старому монастырскому чину. Службы в монастыре шли строго по составленному настоятелем расписанию: кто и когда служит раннюю Литургию, позднюю Литургию, Всенощное бдение, проповедует и т.д. Сам архимандрит Иоанн подавал пример и в богослужении, и в работе – пел на клиросе, проповедовал, писал иконы, не гнушался и простого крестьянского труда. Положение осложнялось тем, что в 1925 году от монастыря была частично отчуждена земля, которая сдавалась в аренду.

В 1926 году была составлена смета на ремонт и реставрацию древних храмов на сумму более 11 млн. эстонских марок. В 1927 году был закончен капитальный внутренний ремонт Михайловского собора, он был освещён электричеством, на малой звоннице Никольского храма был восстановлен

разрушенный в 1918 году древний звон, времён Бориса Годунова, был отремонтирован водопровод.

Деньги на производимые работы поступали как от неизвестных жертвователей, так и от министерства Народного образования, которое отпустило 100 000 марок¹⁶. Большую часть суммы, 250 000 эстонских марок, на ремонт Успенского собора передал глава Эстонской республики Яан Теэман¹⁷. В это время в монастырь поступают молодые, энергичные, образованные послушники. Среди них было немало офицеров Российской императорской армии и Белого движения. Пример настоятеля монастыря, бывшего воина, придавал уверенность и надежду тем русским изгнанникам, которые на чужбине оказались в тяжелейших материальных и духовных условиях. Монастырская братия пополнялась не только за счёт офицеров Северо-западников (армия



Епископ Иоанн Булин в Михайловском соборе Печерского монастыря

генерала Юденича), осевших в Эстонии. Письма на имя настоятеля монастыря с просьбой принять в число братии приходили из Парижа, Харбина и других регионов русского рассеяния.

Постановлением Синода Эстонской Апостольской Православной Церкви архимандрит Иоанн в 1926 году был избран викарным епископом, продолжая оставаться настоятелем Печерского монастыря. 25 апреля 1926 года в Таллинском Александро-Невском соборе состоялась его хиротония во епископа Печерского, викария Таллиннской епархии. Хиротонию совершили митрополит Таллиннский и всяя Эстонии Александр (Паулус), архиепископ Нарвский и Изборский Евсевий (Гроздов) и архиепископ Серафим (Лукьянов).

Епископ Иоанн был молитвенником, обладал неплохим голосом, много

проповедовал. В богослужбной практике Владыка придерживался старых традиций Православной Церкви, возрождал забытые. В то же время, как дань многоязычию Печерского края, был введен порядок чтения Пасхального Евангелия на девяти языках: греческом, церковно-славянском, эстонском, русском, латинском, польском, немецком, латышском и древнееврейском.

При Владыке Иоанне Печерский монастырь активизировал свою религиозную деятельность. Были возобновлены крестные ходы как по традиционным маршрутам, проходящим по Эстонии и Латвии, так и по новым. Некоторые крестные ходы растягивались на много дней и проходили через различные населенные пункты. Увеличилось число паломников и молящихся в монастыре – приезжали из Америки, Германии, Швеции и других стран. Епископ Иоанн придавал большое значение налаживанию контактов с различными кругами русского Православия в Европе. Не вступая в слишком близкие отношения с «карловчанами», он в то же время поддерживал переписку с митрополитом Антонием.¹⁸ Еще более доверительный характер носила переписка Владыки Иоанна с митрополитом Евлогием¹⁹, вступившим в конфронтацию с руководством Русской Зарубежной Церкви.

С 4 по 11 августа 1929 года в стенах монастыря проходил летний съезд Русского Студенческого Христианского Движения в Прибалтике, филиал которого в 1920-30-е гг. активно действовал в Печорском крае. Председателем съезда являлся Л. А. Зандер²⁰, наряду с ним в Печоры прибыли и другие руководители Движения – И. А. Лаговский²¹, отец Сергей Четвериков²² и другие. Собрались более 250 участников из Финляндии, Литвы, Польши, Германии, Чехословакии, Франции и Англии. Из Латвии приехало около ста человек, включая соборного протоиерея Иоанна Янсона²³, делегацию

из Таллинна возглавил протоиерей Иоанн Богоявленский²⁴. На открытии съезда были зачитаны приветствия митрополита Таллиннского и всея Эстонии Александра (Паулуса), архиепископа Рижского и всея Латвии Иоанна (Поммера)²⁵ и митрополита Евлогия (Георгиевского)²⁶. Епископ Иоанн принимал участие в работе съезда не только как радушный хозяин – руководители Движения разместились в

покоях наместника, на территории монастыря проходили заседания съезда, работали кружки-семинары, но и как активный участник. Вечером 4 августа в пещерном храме Успенского собора епископ Иоанн отслужил молебен, тем самым открыв второй съезд РСХД в Прибалтике. Перед молебном епископ Иоанн обратился с живым проникновенным словом к участникам съезда. Благодаря духовному руководству Владыки съезд превратился в «великий взлет веры и любви ... сломал лед самых холодных душ, сделав верующими неверующих, указав смысл жизни искавшим его и явил... в своей высшей точке ослепительную истину торжества Православия»²⁷. Каждый день работы съезда начинался с Литургии в монастырских храмах при участии молодежи, руководителей Движения и наместника обители. Закрылся съезд также общей молитвой с монастырской братией и настоятелем, который обратился к христианской молодежи с «напутственным словом на Евангельский текст «Господи, нам здесь – хорошо» на тему о необходимости сохранить в себе создавшийся подъем на долгое время и донести его до своих домашних и знакомых»²⁸.

В 1930 году очередной летний съезд РСХД в Прибалтике проходил в Пюхтицком Успенском женском монастыре. Епископ Иоанн присоединился к движенской молодежи и активно участвовал в работе

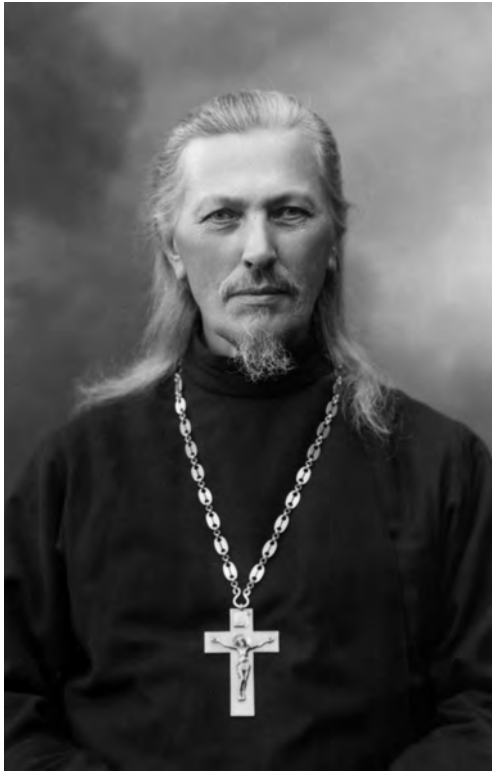


Печерский монастырь

съезда. По воспоминаниям движенцев, во многом благодаря духовному руководству епископа Иоанна съезд превратился в «... великий взлет веры и любви... сломал лед самых холодных душ...». В 1930 году владыка Иоанн был избран членом Центрального Совета РСХД, принимал участие в съезде Движения в Париже. Он работал в различных секциях, совершил Литургию в походной церкви, установленной в одном из барачков, в которых проходил съезд.

В 1929 году епископ Иоанн возглавил список Печерского округа на выборах в парламент Эстонии – Рийгикогу. В результате выборов в депутаты от русского населения Печерского края прошли епископ Печерский Иоанн и священник Валентин Смирнов²⁹.

Владыка Иоанн считал своей основной задачей в парламенте Эстонии защиту обездоленных русских соотечественников. Уже в декабре 1929 года он направил на рассмотрение Рийгикогу запрос о городском управлении Печер. В начале 1930 года года Владыка совместно с протоиереем Валентином Смирновым представил в парламент проект облегчения долгового бремени и внедрения долгосрочных кредитов для крестьян Печерского края. Когда на решение в эстонском парламенте был поднят вопрос о сносе Александро-Невского собора в Таллинне, епископ Иоанн выступил в его



Протоиерей Анатолий Остроумов

защиту³⁰. Законопроект о сносе собора с большим трудом, но удалось отклонить.

В своих проповедях за Богослужениями Епископ Иоанн говорил о необходимости воздерживаться от принятия идей безбожия и неверия, как идей губительных, доводящих своих последователей до человеконенавистничества, до уничтожения своих ближних, до попирания народных святынь, до разрушения культурных ценностей, каковыми являются храмы и монастыри с их бытом и вековым укладом внутренней жизни. Епископ Иоанн ежегодно проводил благочиннические съезды и пастырские собрания, на которых обсуждались текущие дела приходской жизни. Осенью 1931 года Владыка провел общее пастырское собрание Нарвской епархии³¹ в Печерском монастыре, на котором были прочитаны доклады по вопросам практического пастырства.

Епископ Иоанн (Булин) принимал активное участие в работе различных общественных организаций. Он ежегодно жертвовал деньги «Юрьевскому отделу русских увечных воинов в Эстонии», принимал участие в работе «Печерского просветительского общества», «Русского национального союза», «Рижского Петропавловского братства», поддерживал скаутское движение в Эстонии.

В то же время положение самого Печерского монастыря все более усложнялось. Издревле ценное движимое и недвижимое имущество обитатели являлось его собственностью. Опираясь на закон Эстонской Республики об упразднении сословных имуществ, принятый 12 ноября 1925 года, Синод Эстонской Апостольской Православной Церкви в феврале 1928 года потребовал зарегистрировать всё монастырское имущество на имя Синода, чтобы оно не подверглось отчуждению в пользу государства³². Епископ Иоанн, братия обитатели и православное население Печерского края восприняли это, как посягательство на монастырскую собственность, и выступили против.

Владыка Иоанн резко выступал против новшеств (в виде скамеек для всех, а не только для престарелых, установки органов и пения псалмов), вводимых в некоторых православных храмах³³, был противником введения нового стиля. Всё это привело к тому, что на Соборе ЭАПЦ 1932 года Владыке Иоанну было предложено перейти на Нарвскую кафедру, хотя епархиальным собранием на неё был избран протоиерей Анатолий Остроумов³⁴, но, под предлогом незнания эстонского языка, кандидатура о. Анатолия была отвергнута Собором. Несмотря ни на какие доводы, епископ Иоанн не принял Нарвской кафедры. Во исполнение решения Собора Синод ЭАПЦ направил епископу Иоанну указ, согласно которому с 1 августа 1932 года он был освобожден от настоятельства, должен

был передать все дела по Печерскому монастырю игумену Парфению³⁵ и вступить в должность правящего архиерея Нарвской епархии. На это решение представителями русских и смешанных приходов Эстонии был подан протест. Совет Русского Национального Союза подал митрополиту Александру меморандум за подписью более 9 тысяч человек, однако председатель ЭАПЦ оставил все это без внимания. 30 декабря 1932 года епископ Иоанн был уволен на покой³⁶, причём служить, согласно указу митрополита Александра, он имел право только по особому распоряжению.

В начале января 1934 года епископ Иоанн отправился в Константинополь (Стамбул), чтобы лично подать жалобу Константинопольскому Патриарху Фотию II³⁷ на митрополита Александра и Синод ЭАПЦ. По дороге он остановился на две недели в Югославии – в Белграде и в Сремских Карловцах, где гостил у Сербского Патриарха Варнавы³⁸, выпускника Санкт-Петербургской Академии. В Белграде Владыка по приглашению редактора русской газеты «Царский вестник» Николая Рклицкого выступил в зале Русского Народного Дома с докладом о положении Русской Православной Церкви в Советском Союзе.

В феврале и марте епископ Иоанн находился в Стамбуле (Константинополе), пытаясь донести до Вселенского Патриарха возникшую в Эстонии ситуацию. Миссия в Константинополе не имела успеха, и Владыка через Грецию уехал на Святую Землю, где пробыл три месяца.

В конце июня святитель через Дамаск и Бейрут вернулся в Стамбул. Дело епископа Иоанна затягивалось из-за переписки Патриарха Фотия с митрополитом Александром, и в конце июля 1934 года Владыка уехал на Афон, где прожил месяц, совершая богослужения в русских Пантелеймоновском, Андреевском и Ильинском монастырях. В сентябре Владыка Иоанн вновь



Епископ Иоанн (Булин) 1930 г.

побывал в Стамбуле и, убедившись, что Константинопольский Патриарх «бессилен помочь в моём деле, прекратил рассмотрение моей жалобы и во второй половине сентября того же 1934 года уехал в Югославию – в Белград»³⁹.

С сентября 1934 года епископ Иоанн проживал в Югославии в патриаршем монастыре Раковица, на окраине Белграда. Он неоднократно выступал с лекциями о положении Православной Церкви в Советском Союзе, принимал участие в собраниях «Общества памяти Иоанна Кронштадтского». В свободное время изучал искусство древней иконописи в патриаршей иконописной мастерской Пимена Софронова⁴⁰, уроженца Эстонии.

После убийства короля Югославии Александра Карагеогиевича 9 октября 1934 года епископ Иоанн (Булин) и епископ Иоанн (Шанхайский)⁴¹ по приглашению настоятеля русской Святотроицкой церкви в Белграде протопресвитера Петра



Съезд Русского Студенческого
Христианского Движения. Пюхтицкий
Успенский женский монастырь. 1930 г.

Беловидова⁴² совершили панихиду по покойному. Перед панихидой Владыка Иоанн (Булин) обратился к собравшимся с речью, в которой подчеркнул значение убитого короля для русских эмигрантов, бежавших из России и нашедших себе в Югославии второе отечество, а в лице покойного – родного отца и покровителя. По приглашению Патриарха Варнавы епископ Иоанн принял участие в отпевании короля.

Владыка получил несколько приглашений занять епископские кафедры в Германии или Северной Америке, но отказался. По предложению митрополита Анастасия (Грибановский)⁴³ епископ Иоанн возглавил комиссию по сбору биографических сведений и обстоятельств смерти архипастырей, пастырей и деятелей Русской Православной Церкви, погибших в советской России. Комиссия должна была обработать полученные материалы и издать их, но с участием Владыки Иоанна состоялось только одно заседание.

После скоропостижной смерти Патриарха Варнавы в 1938 году епископ Иоанн возвратился в Эстонию, где получил разрешение жить у матери, а потом – у брата в Печорах. Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр не разрешил Владыке совершать богослужения, и он имел возможность только молиться в алтаре. Некоторые

из знакомых поддерживали святителя материально. Так таллиннский купец и домовладелец Иван Егорович Егоров высылал владыке Иоанну ежемесячное пособие.

В сентябре 1940 года епископ Иоанн активно выступал в Печорах за присоединение к Московскому Патриархату. Игумен Павел Горшков⁴⁴ в письме митрополиту Александру (Паулусу) от 30 сентября 1940 года⁴⁵ написал: «Очень удивлён я поведением Владыки Иоанна. 12 с.м. он явился к и.д. настоятелю иг. Парфению, и «властно потребовал собравшимся всем священнослужителям, нас оказалось 12 чел., и прочитав нам покаянное прошение на имя архиепископа Елевферия⁴⁶ для присоединения к Русской Патриархии, убедил нас всех подписаться к прошению, что мы и сделали». Далее о.Павел отмечает: «... он всех так убедил, что уполномочен от Владыки Елевферия на то, и уже назначен настоятелем Сорокомуч. прихода...».

В том же 1940 году епископ Иоанн был признан Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием (Старогородским)⁴⁷: «В частности, мы признали Пресвященного Иоанна (Булина) в звании епископа Печерского. Надеемся, Вы найдете ему архиерейское занятие где-нибудь около Печерска, пока не откроется возможность устроить его иначе (может быть и вне Эстонии)»⁴⁸. Митрополит Сергей не знал, что уже 18 октября 1940 года владыка Иоанн был арестован НКВД в Печорах.

В постановлении на обыск и арест, подписанном старшим оперуполномоченным Остапенко, было отмечено: «И. Булин – бывший белый офицер, будучи епископом Печерского монастыря, в проповедях с амвона выступал против Советского правительства и коммунистической партии. Сам монастырь являлся штабом, откуда перебрасывались шпионы и диверсанты в СССР».⁴⁹ На квартире, где проживал Владыка по адресу Печеры, ул. Монастырская

11, в присутствии свидетелей Николая Рисунова и Эльмара Купки, а также брата епископа Иоанна Виктора Булина был произведен обыск. Первый допрос состоялся в Таллинне 26 октября, и уже 29 октября следователь Хаит подписывает постановление: «Булина Ивана Александровича этапировать в г. Ленинград с зачислением его содержания под стражей за следчастью УНКВД ЛО. Одновременно направить след. дело №280 и изъятые при обыске вещи».⁵⁰ Владыке были предъявлены стандартные обвинения для того времени – активная контрреволюционная деятельность в качестве члена белогвардейской организации «Русского Национального Союза».

6 ноября епископа Иоанна привезли в Ленинград и поместили в тюрьме НКВД. Допросы начались 19 ноября 1940 года. 17 марта 1941 года Владыка ознакомился с материалами следствия и подписал протокол, в котором была следующая фраза: «показания свои полностью подтверждаю и добавить ничего не могу. Заявлений и ходатайств никаких не имею»⁵¹.

Согласно обвинительному заключению, епископ Иоанн нелегально переехал в Эстонию, систематически вёл «оголтелую антисоветскую агитацию среди населения Эстонии и за её пределами», состоял членом различных общественных организаций (по версии следствия, все они были монархическими, контрреволюционными, белоэмигрантскими и т.д.).

Заседание суда состоялось 8 апреля 1941 года в закрытом режиме без участия

прокурора и адвоката. Владыка был направлен в суд в 11 часов, в расписке об отправке значилось: «Заключенный во всех случаях подлежит возвращению в тюрьму»⁵². Видимо, оправдательный вердикт и освобождение в зале суда не предусматривалось по определению. К 17 часам епископ Иоанн был уже осуждён и приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. Далее были кассационная жалоба председателю Верховного Суда от 10 апреля, ходатайство о помиловании в Президиум Верховного Суда и, наконец, 7 мая – в Президиум Верховного Совета СССР. На все письма приходил стандартный ответ: ходатайство отклонить.

Сухие строчки официального письма от 18 сентября 1998 года извещают: «Булин Иван Александрович, 1893 г.р., уроженец мест. Вепс Раппинской волости Верровского уезда Эстонии, бывший настоятель Псково-Печерского монастыря по приговору Ленинградского облсуда от 8 апреля 1941 года по статье 58-4 УК РСФСР подвергнут высшей мере наказания – расстрелу (исполнено 30.07.1941 в г. Ленинграде)».

22 апреля 1992 года прокуратура Псковской области реабилитировала епископа Иоанна. Прокурор Псковской области, государственный советник юстиции 3 класса В. Г. Комсюков утвердил заключение в отношении Булина И. А. по материалам уголовного дела № с-5680: «На Булина Ивана Александровича распространяется действие ст. 3, ст. 5 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий от 18 октября 1991 года».

Примечания

1 Храм во имя Захарии и Елизаветы был построен в 1752 г. по указу Императрицы Елизаветы Петровны. Сгорел в 1813г. Каменный храм построен в 1829-1833 гг. по проекту архитектора Гейста. (Плаат Я., «Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии». Таллин. 2011. С.512)

2 Николай Пятс (1871-1940), митрофорный протоиерей. Окончил Рижскую Духовную семинарию. В 1899 г. рукоположен во священника. Настоятель храма Захария и Елизаветы в Ряпина (1904-1918), Симеона и Анны в Таллине (1919-1936) и Александро-Невского собора (1937-1940). Возведен в сан

- протоиерея в 1920 г. Брат Президента Эстонской Республики Константин Пятса.
- 3 Кальюкск А., *сост.* «Священнослужители и псаломщики, воспитанники Рижского Духовного Училища и Рижской Духовной Семинарии (служившие в Эстонии и за её пределами в эстонских общинах)». Рукопись. Таллин. 1975
 - 4 Õigeusu hingekarjased Eestimaal. Tallinn. 2002. L.40 («Православные пастыри Эстонии». Таллинн. 2002. С. 40)
 - 5 Анастасий (Александров Александр Иванович, 1861-1918), епископ. Окончил Казанский университет. В 1884-1885 гг. работал в Дерптском (Тартуском) университете, доктор славянской филологии (1888), доктор церковной истории (1910). В 1910 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1912 г. хиротонисан во епископа Чистопольского, викария Казанской епархии. В 1913 г. назначен епископом Ямбургским, викарием Санкт-Петербургской епархии и ректором Санкт-Петербургской Духовной Академии.
 - 6 Вениамин (Казанский Василий Павлович, 1873-1922), митрополит. В 1895 г. пострижен в монашество и в 1896 г. рукоположен во иеромонаха. В 1910 г. хиротонисан во епископа Гдовского, викария Санкт-Петербургской епархии. С 1917 г. митрополит Петроградский и Гдовский. Расстрелян в 1922 г. В 1992 г. Архиерейским Собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.
 - 7 Название Саатсе произошло от Зачеренье, которое переименовали в Сатсери (Саатсеринна) и позднее в Саатсе. Храм во имя св. Параскевы был освящен в 1801 г. (подробнее см: Плаат Я., «Православные церкви, монастыри и часовни в Эстонии». Таллин. 2011. С.954)
 - 8 Евсевий (Евстафий Евсеевич Гроздов, 1866-1929), архиепископ. Рукоположен во священника в 1890 г. овдовел в 1895 г., пострижен в монашество в 1902 г. Хиротонисан во епископа Угличского, викария Ярославской епархии в 1906 г. С 1910 г. епископ Тобольский и Сибирский, с 1912 г. Псковский и Порховский. В 1918 г. возведен в сан архиепископа. В 1919 г. управлял Северо-Западными епархиями России, одновременно епископ Северо-Западной армии. В 1920-1925 гг. на покое. С 1.12.1925 г. – архиепископ Нарвский и Изборский.
 - 9 Временный епархиальный совет (встречается название «Временный епископский совет») управлял Эстонской Православной Церковью после гибели епископа Платона. В состав совета входили: священники Иоанн Паавель, Антоний Лаар, Карп Тизик, Александр Бежаницкий и Николай Пятс. От мирян Николай Канн, Пауль Сепп и Антон Мянгель.
 - 10 Платон (Жульбуш Павел Петрович, 1869-1919), епископ. Рукоположен во пресвитера в 1894 г. Инициатор строительства в Петербурге эстонской православной церкви во имя Исидора Юрьевского. Благодетель эстонских приходов Санкт-Петербургской епархии. Хиротонисан во епископа Ревельского, викария Рижской епархии 31 декабря 1917 года. Временно управляющий Рижской епархией. Убит большевиками 14 января 1919 г. в Тарту. Причислен к лику святых на Архиерейском соборе в 2000 г.
 - 11 *Балашов Николай, прот.; Кравец С. А., сост.* «Православие в Эстонии. Исследования и документы». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М. 2010. С.28
 - 12 Александр (Паулус 1872-1953), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1901 г. в сентябре 1920 года избран архиепископом Таллинским и всей Эстонии. Хиротония совершена 5 декабря 1920 г., в 1923 году перешел под омофор Константинопольского патриарха. В 1940-1941 гг. после покаяния в Московском Патриархате. В 1944 году эмигрировал в Швецию.
 - 13 Казлас Александр (1880-1920), эстонский ученый. Окончил Московскую Духовную Академию в 1905 г. в 1919-1920 гг. профессор Иркутского университета. Умер в Иркутске в апреле 1920 г. перед отъездом в Эстонию.
 - 14 Eesti Ajaloo arhiiv (ЕАА) Ф.1655. Оп.3. Д.258
 - 15 Серафим (Дукьянов Александр Иванович, 1879-1959), митрополит. В 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викария Выборгской и Финляндской епархии. С 1917 г. епископ Финляндский и Выборгский. В 1920 г. возведен в сан архиепископа. С 1924 г. на покое. С 1927 г. состоял в епископате Русской зарубежной церкви с титулом архиепископа Западно-Европейского. В 1938 г. возведен в сан митрополита. В 1945 г. принят в Московский Патриархат. С 1949 г. на покое.
 - 16 Синайский В., *сост.* Псково-Печерский монастырь. Псков. 1998. С. 51
 - 17 Треман Яан (1872-1941), эстонский государственный деятель. в 1918-1919 гг. генеральный прокурор Эстонской республики, в 1919-1920 гг. член Учредительного собрания. Депутатом Рийгикогу второго – пятого созывов. В 1925-1927 гг. и в феврале – июле 1932 г. государственный старейшина (глава государства).
 - 18 Антоний (Храповицкий Алексей Павлович, 1863-1936), митрополит. В 1885 г. пострижен в

- монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1897 г. хиротонисан во епископа Чебоксарского. 1902-1914 епископ Вольнский. Возведен в сан архиепископа в 1906 г. С 1914 г. на Харьковской кафедре. Один из кандидатов на Московский Патриарший Престол. Возведен в сан митрополита в 1917 г., избран на Киевскую кафедру в 1918 г. С мая 1919 г. возглавлял Высшее Церковное Управление Юга России. С 1921 года глава Русской Православной Церкви за границей.
- 19 Евлогий (Георгиевский) Василий Семенович, 1868-1946), митрополит. В 1895 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского. С 1905 г. епископ Холмский и Люблинский. В 1912 г. возведен в сан архиепископа. С 1914 г. на Вольнской кафедре. Временным ВЦУ на Юго-Востоке России «верено управление всеми западноевропейскими русскими церквями на правах Епархиального Архиерея. С 1931 года глава временного экзархата Русских приходов в Западной Европе в юрисдикции Константинопольского Патриарха. В 1945 г. воссоединился с Московским Патриархатом.
- 20 Зандер Лев Александрович (1893-1964). Русский философ, деятель международного экуменического движения. С момента возникновения РСХД – его участник и один из организаторов. Секретарь РСХД в Прибалтике (1929-1933). Один из инициаторов создания Богословского института в Париже, преподаватель логики, философии и сравнительного богословия в нём. С 1933г. – Генеральный секретарь РСХД и финансовый секретарь Богословского института.
- 21 Лаговский Иван Аркадьевич (1889-1941). С 1926 г. ассистент кафедры психологии и педагогики Свято-Сергиевского богословского института в Париже. В 1929-1933 гг. член центрального секретариата и секретарь РСХД в Париже. В 1933 г. переехал из Парижа в Тарту. В 1934-1939 гг. возглавлял РСХД в Эстонии. После вступления советской армии в Прибалтику был арестован 5 августа 1940 г. как член руководства эстонской организации РСХД. Расстрелян 30 июля 1941 г.
- 22 Сергей (Сергей Иванович Четвериков, 1867-1947), иеросхимонах. Духовник РСХД, настоятель Введенского храма в Париже. Пострижен в монашество в 1942 г.
- 23 Янсон Иоанн (1878-1954), протоиерей. Рукоположен во пресвитера в 1905 г., 1933-1953 настоятель Рижского кафедрального собора во имя Рождества Христова.
- 24 Исидор (Богоявленский) Иоанн Яковлевич, 1879-1949), епископ. В 1904 г. окончил Санкт-Петербургскую Духовную Академию, кандидат богословия. В 1905 году рукоположен во священника, с 1912 г. настоятель Павловского собора Гатчины. С 1915 г. магистр богословия. С 1919 года в Эстонии, служил в Александро-Невском соборе и храме во имя Симеона и Анны. 1946-1947 гг. ректор Ленинградской Духовной Академии и семинарии. В 1947 г. рукоположен во епископа Таллиннского и Эстонского. (подробнее см: *Иллешевич В. Н., Мянник С. Г., сост. «Архипастыри земли Эстонской. Х-XXI столетия».* Таллин. 2013. С. 83)
- 25 Иоанн (Поммер) Иван Андреевич, 1876-1934), архиепископ. В 1903 г. принял монашество, в 1904 г. рукоположен во иеромонаха. С 1907 г. ректор Литовской духовной семинарии. Хиротонисан во епископа Слуцкого в 1912 г. С 1918 г. епископ Пензенский и Саранский. В августе 1920 г. избран на кафедру архиепископа Рижского и всея Латвии. Убит в ночь с 11 на 12 октября 1934 г. В 2001 г. прославлен в Соборе новомучеников и исповедников.
- 26 Съезд «Русск. Студ. Правосл. Движения» в Печерах. Старый нарвский листок 90 (567) 1929 г.
- 27 Плюханов Б. В. РСХД в Латвии и Эстонии. Paris. 1993. С. 98-99
- 28 Протокол допроса обвиняемого Булина Ивана Александровича от 26-27 ноября 1940 г.
- 29 Смирнов Валентин Николаевич (1887-1944), протоиерей. До 1920 г. – военный священник. Настоятель Владимирской церкви в Лисье (Пенчорский уезд) 1920-1945 гг. Депутат Государственного собрания Эстонии 1929-1932. Арестован 5.12.1940. Трибуналом приговорён к расстрелу. Приговор был изменён на 10 лет заключения с поражением в правах на 5 лет. Скончался в Усольлаге Молотовской обл.
- 30 Зотова Т. П. Когда увозят в вечность. Жизнеописание епископа Печерского Иоанна (Булина). М. 2006. С. 73
- 31 После кончины архиепископа Нарвского и Изборского Евсевия в 1929 г. епископ Иоанн по поручению митрополита Александра занимался делами Нарвской епархии.
- 32 Тихон (Секретарев), архим. Врата Небесные. История Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Печеры. 2006. С.92
- 33 Письмо протоиерея П. Пятеля архиепископу Рижскому и всея Латвии Иоанну (Поммеру) 25.11.1925. (*Балашов Николай, прот.; Кравец С. А., сост. «Православие в Эстонии. Исследования и*

- документы». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». С53-54)
- 34 Остроумов Анатолий Фёдорович, (1861-1936), митрофорный протоиерей. Рукоположен во иерея в 1883 г. Настоятель Лужского Екатерининского собора в 1901-1917 гг. Священник 5-го госпиталя Северо-Западной Армии (1919). Священник тартуского Успенского собора (1921-1927) и его настоятель 1927 – 1936 гг. Выдвигался Нарвским епархиальным собранием в 1932 г. на вакантную епископскую кафедру.
 - 35 Парфений (Шатиний), архимандрит. Наместник Печерского монастыря в 1940-1941 гг.
 - 36 *Алексий II Патриарх Московский и всея Руси*. «Православие в Эстонии». Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». М., 1999. С. 398
 - 37 Фотий II (Димитриос Маниатис, 1874-1935), Константинопольский Патриарх в 1929-1935 гг.
 - 38 Варнава (Петар Росич, 1880-1937), Патриарх Сербский. Выпускник Санкт-Петербургской Духовной Академии 1905 г., в 1910 году хиротонисан во епископа. В 1930 году избран Патриархом Сербским.
 - 39 Протокол допроса обвиняемого Булина Ивана Александровича от 26-27 ноября 1940 г. С. 37-40
 - 40 Сафронов Пимен Максимович (1898-1973), иконописец. Из семьи крестьян-старообрядцев поморского согласия. В 12 лет поступил в иконописную мастерскую Г. Е. Фролова при старообрядческой молельне в деревне Раюши на Чудском озере. Пробыл при учителе 17 лет, считался его лучшим учеником. Работал в Риге, Праге, Париже и Белграде. В 1947 г. переехал в США, расписал несколько храмов.
 - 41 Иоанн (Шанхайский Михаил Борисович, 1896-1966), архиепископ. Пострижен в монашество в 1926 г., рукоположен во иеромонаха в 1929 г., хиротонисан во епископа Шанхайского в 1934 г. В 1946 г. возведен в сан архиепископа. 1951-1962 гг. архиепископ Брюссельский и Западноевропейский. С 1962 г. архиепископ Западно-Американский и Сан-Францисский. Прославлен Русской Зарубежной Церковью в лике святых 2 июля 1994, Архиерейским Собором РПЦ 24 июня 2008 года.
 - 42 Беловидов Петр Иванович (1869-1940), протопресвитер. Устроитель и первый настоятель Свято-Троицкой церкви в Белграде (1924-1940). Законоучитель в 1-й русско-сербской гимназии в Белграде.
 - 43 Анастасий (Грибановский Александр Алексеевич, 1873-1965), митрополит. В 1898 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха. В 1906 г. рукоположен во епископа Серпуховского. В 1915 г. переведен на Кишневскую кафедру, в 1916 г. возведен в сан архиепископа. В 1922 г. вошел в состав временного Архиерейского Синода (вне юрисдикции Московского Патриархата). В 1935 году Сербским Патриархом Варнавой был возведен в сан митрополита. 10 августа 1936 года, по смерти митрополита Антония (Храповицкого), как старейший по хиротонии архиерей РПЦЗ и первый заместитель почившего, был избран первоиерархом Русской Православной Церкви Заграницей, председателем Архиерейских Собора и Синода.
 - 44 Павел (Горшков Петр Михайлович, 1867-1950), игумен. В 1897 г. пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона. В 1904 г. рукоположен во иеромонаха. С 1920 г. в Псково-Печерском монастыре. Арестован 19.10.1944. Умер в Сиблагере.
 - 45 Письмо игумена Павла Горшкова митрополиту Таллинскому и всея Эстонии Александру от 30 сентября 1940 г., архив автора.
 - 46 Елевферий (Богоявленский Дмитрий Яковлевич, 1868-1940), митрополит. Рукоположен во пресвитера в 1890 г., пострижен в монашество в 1904 г. Хиротонисан во епископа Ковенского, викария Литовской епархии. С 1917 г. епископ Виленский и Литовский, в 1921 г. возведен в сан архиепископа. В 1928 г. возведен в сан митрополита.
 - 47 Сергей (Старгородский Иван Николаевич, 1867-1944), Патриарх Московский и всея Руси. Пострижен в монашество и рукоположен во иеромонаха в 1890 г. В 1901 году хиротонисан во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии. 1905-1917 гг. архиепископ Финляндский. С марта 1924 г. митрополит Нижегородский. Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в 1927-1936 гг, с 1 января 1937 г. Патриарший Местоблюститель. 8 сентября 1943 г. избран Патриархом Московским и всея Руси.
 - 48 Письмо Патриаршего местоблюстителя митрополита Московского Сергия митрополиту Эстонскому Александру (Паулусу). ЕАА. Ф.1655. Оп.3. Д.416
 - 49 Следственное дело №132520-40 по обвинению Булина Ивана Александровича.
 - 50 Следственное дело №132520-40 по обвинению Булина Ивана Александровича.
 - 51 Протокол объявления об окончании следствия и предъявления следственного производства обвиняемому. 17 марта 1941 г. Следственное дело №132520-40 по обвинению Булина Ивана Александровича.
 - 52 Следственное дело №132520-40 по обвинению Булина Ивана Александровича.

Мемуары

Воспоминания архитектора В. М. Шервинского

Мы продолжаем публикацию уникальных воспоминаний Синодального архитектора Владимира Максимовича Шервинского (1894-1975). Первые две части воспоминаний были опубликованы в номерах 7 и 8 сборника «Православие в Латвии», еще три части – в номерах 10 (1), 2 (11) и 3 (12) журнала «Православие в Балтии». Автор был широко эрудированным человеком, обладал великолепной памятью, всегда тщательно собирал и хранил документальные и иллюстративные материалы, поэтому, несмотря на личный характер, его воспоминания отличаются почти документальной точностью.

Публикуемый фрагмент рассказывает о самом драматичном периоде жизни В. М. Шер-

винского – о пребывании в так наз. «исправительно-трудовых лагерях» НКВД-ОГПУ. Важно отметить, что воспоминания писались в самом лагере, т.е. «по горячим следам». Таким образом, автор описывал события совсем недавнего прошлого, поэтому мог быть объективным. Разумеется, любая мемуарная литература носит субъективный характер, однако это не мешает воспоминаниям В. М. Шервинского быть ценнейшим историческим источником.

Как и первые пять частей воспоминаний, так и данную подготовил к изданию внук В. М. Шервинского, архитектор Эйженс Упманис.

Конец 1952 г.

Периодически небольшими группами выхватывали людей и отправляли в далекие этапы. В середине октября вызвали человек двадцать, среди них и меня. Бригадир мой, Трей¹, сильно боролся за оставление меня, но ничего не удавалось и пришлось отдать казенные вещи и приготовиться к отъезду. С тяжелым сердцем я со всеми попрощался, жаль было расставаться с людьми, к

которым я привык, но несравненно тяжелее было сознавать, что с моими милыми мне свиданий больше не будет и придется расстаться на неопределенное время.

С вещами на плечах мы, назначенные к отправке, вышли к воротам и расположились группой в ожидании отправки. Приходят грузовики один за другим, и вот-вот кажется, объявят посадку, но нет, грузовики опять уходят, это не те, и мы все на месте. Час за часом время стало подходить

к вечеру и к часу, после которого пересылка больше не принимает. И так оно и вышло, начало темнеть и всех нас вернули в помещение с приказом ожидать отправки на завтра. Кое-как на досках, а от этого мы успели отвыкнуть, без постельных принадлежностей, мы переночевали, а на утро пришел бригадир по отправкам /пастор Кундзинь/² и объявил мне, что я остаюсь. Была ли причина этому внутренняя лагерная или внешняя, этого я так и не узнал. Снова в склад за постелью, снова получение казенной одежды и жизнь потекла по прежнему: в 6 часов подъем, в 1/2 8 – выход на работу, в 1 час на обед до 2х и в 6 часов вечера окончание рабочего дня. В 10 час. вечера отбой и ложиться надо было очень быстро, потому что уже 1/4 11го была проверка и к этому времени все должны были лежать.

С нетерпением я ждал дня свидания, я было уже приготовился к разлуке, а тут то, о чем я только мог мечтать и непрерывно мечтал, опять сбывалось.

Приходит «puđing»³, я на сопроводительной пишу, что запросил свидания, а сам бегу принарядиться, насколько это было возможно (это было и обязательным требованием начальства, например, небритого на свидание не пустят), и бегу на лестницу полировочного цеха, откуда виден двор проходной, и жадными глазами впиваюсь в дверь, откуда должны показаться мои милые. Все нет и нет, проходят другие, и сердце тоскливо сжимается и еще более жадно следишь «когда же наконец». Но вот открылась дверь и на пороге показалась Санечка⁴, а за ней Танечка⁵. Кубарем я лечу вниз к воротам, сейчас меня позовут. Вот позвали, вот вхожу в комнату свиданий, впиваюсь глазами в моих милых и не успеешь еще сообразить, как объявляют, что 20 минут прошло, что свидание окончено. Да, опять кончено и не последний ли это раз. Радостно на душе, что милых видел и перемолвился несколькими словами и горько,

горько, что этот момент, так горячо ожидаемый, так скоро кончился. Я жил только этими свиданиями и дни считал только от свидания до свидания.

Но прошло около месяца и опять меня вызывают на этап, прямо с работы. Бригадир мой за прошедший месяц еще больше привязался ко мне и сказал, чтобы я оставался работать, а сам побежал к начальству. Томительных 1/2 часа прошло, пока он вернулся, но по его лицу я сразу понял, что победа за нами: «Вы остаетесь», сказал он «главный инженер обещал все уладить. Работайте спокойно.» Но вот раз, другой, третий является бригадир по этапам Кундзинь, волнуется, кричит, выражает недовольствие по поводу того, что я не готовлюсь. Я же ему всё отвечаю, что главный инженер меня оставляет и я никуда не пойду. Рассерженно он буркнул: «Напрасно Вы сопротивляетесь, всё равно придется ехать, только мне делаете неприятности.»

Всё-же и на этот раз я был спасен, все вызванные уехали, а я остался. Опять два радостных свидания и я стал хлопотать о третьем внеочередном. КВЧ⁶ (тоже заключенный), от которого в значительной степени зависело получение свидания, я угощал грушами, которые часто получал в передачах, относился он ко мне хорошо и обещал согласие начальника лагеря получить. Конец декабря, и я с нетерпением ждал вот-вот разрешения, как вдруг снова 29 декабря на этап. Бригадир мой опустил руки и говорит: «Больше ничего сделать не могу, придется расстаться.» Сжалось у меня сердце, неизбежность всегда очень тяжело переживается, и низко опустив голову, я побрел. Сдал вещи, переоделся, сел на мой чемодан, устремил глаза в бесконечность и замер без всяких мыслей в голове. Грозный окрик подниматься заставил меня вздрогнуть и вывел из оцепенения. Плохо соображая, что я делаю, я со всеми (около 20 чел.) прошел к воротам. Скоро подошел

грузовик и начались посадки; около шоферской будки за фанерной перегородкой поместились два солдата с автоматами, перед загородкой положили наши вещи, преимущественно мешки, остальную часть заняли мы, сначала стоя, потом по команде «Сядись», все бухнулись на дно, тесно прижавшись друг к другу. Один из солдат прочитал так называемую «молитву», точно текст не помню, но содержание такое, что сидеть не оглядываться, а при первой попытке к бегству будут стрелять без предупреждения.

Медленно двинулись мы по Матвеевской, Валмиерской до Гертрудинского переезда. Переезд оказался закрыт, и мы остановились. Некоторые прохожие пугливо на нас оглядывались, но большинство проходило, не замечая нас, потому ли, что слишком заняты своими заботами или потому, что слишком равнодушные ко всему. Свообразное было чувство, люди свободно ходят, а мы сидим и даже оглянуться не смеем. По Двинской ул.⁷ мы доехали до Лудзас, по Лудзас до самого конца и налево по Лаувас остановились у ворот. Всё в этой организации делается медленно, а ноги ноют от стиснутого неудобного сидения на полу грузовика. Но вот ворота открылись и въехали мы в первый – наружный двор. Вдруг вызывают Шалковица⁸: «Выходи, с вещами.» С недоумением поднялся Ян Янович, выбрался из кузова и исчез в проходной. Через два дня он снова присоединился к нам. Почему его вызвали, почему вернули опять в лагерь, осталось тайной по сей день и только теперь в связи с писанием этих воспоминаний явилась мысль, что, может быть, меня должны были вернуть и что произошла ошибка, но видно уж я должен был уехать.

У вторых ворот нас опять продержали, потом выгрузили и провели во второй двор. Там произошли проверки документов: по очереди нас вызывали, надо было назвать фамилию, имя, отчество, год рождения,

статью и срок, делали какие-то отметки в личном деле и направляли в группу уже проверенных. Было время оглянуться: два мрачных четырехэтажных здания с до половины замурованными окнами, на окнах решетки, краска облезлая, и это во второй уже раз должно было быть моим местом жительства. Здание вдоль ул. Виляну было женским корпусом, дворовое – мужским. На первом этаже была камера хранения личных вещей (общих на пересылке не полагалось). Только мешочек со съестным и ложку можно было взять в камеру. На втором этаже в большой камере длиной во весь этаж нам надо было провести первую ночь. Нар дощатых хватило не на всех, и остальные, в том числе и я, расположились на бетонном полу. Хоть и грязно, но не тесно сжатым соседями, на нарах, кое-как переспали в тревоге, что вот-вот могут впустить партию воров, а те совершат на нас налет. Это делали нарочно, чтобы морально убивать политических, среди которых о кражах не бывало ничего слышно. Налета не случилось, и утром мы поднялись хоть и измученные, но довольные относительным спокойствием. Наутро началась сортировка по камерам. По каким это делалось признакам, есть тайна великая, как и многое, что в этом учреждении делается. Камера 39 в крайнем левом углу, в ней я прожил до 9 января. Двухъярусные деревянные нары вдоль наружной стены были частично уже заняты незнакомыми людьми, нам пришлось разместиться наверху.

В 6 час. подъем, так же, как в лагере, по команде в уборную и умывалку, в 7 часов завтрак. Через кормушку подают в алюминиевых мисках суп, потом в ту же миску кашу, по счету выдаются деревянные ложки. Около 10 час. прогулка на 20 мин. Два огороженных сплошным забором участка, в каждом гуляет одна камера. Прогулки были большим удовольствием. Камера наша 39 была маленькая, набито сверх меры

30–40 человек было, большинство курили, и временами духота становилась буквально нестерпимой. Поэтому понятно, почему команда на прогулку принималась всегда с радостью. Полной грудью я вдыхал свежий воздух и быстрым шагом носился по кругу небольшой площадки. Большинство ходили медленно, и я не мог понять, как это они в камере сидят, а на дворе двигаются слабо, у меня же страшная потребность была в движении и я, как угорелый, все носился и носился. Мало что можно было видеть из-за загородки, только наши два дома пересылки, кое-какие крыши соседних многоэтажных домов, а вдали, в конце Горной улицы⁹ купола Иоанновской церкви. И приятно было вспомнить все прожитое в Иоанновской церкви, но и тоскливо становилось, так как купола напоминали о свободной жизни, а там как раз были построены леса и купола красили в прекрасный голубой цвет, и я знал, что если бы я был свободен, меня безусловно позвали бы посоветоваться. А ведь работы церковные были для меня самые приятные и давали самое большое удовлетворение. Полчаса нам полагалось гулять, но редко давали больше 20 минут, а это конечно очень мало и скоро уже раздавалась команда возвращаться в камеру. Некоторое время под влиянием еще свежего воздуха в камере чувствовалось какое-то оживление, но скоро все застывали и впадали опять в полудремотное состояние.

В 12 часов обед: опять суп и каша. В 6 часов ужин: каша и чай. Потом опять по команде в уборную и умывалку. В 10 часов отбой. Скучно, делать совершенно нечего. Ляжешь на живот, на верхних нарах, против окна и смотришь, виден маленький кусочек ул. Лудзас. Ходят люди, от времени до времени проходит троллейбус, тут же на углу Вилякас троллейбусная остановка. Смотришь, смотришь с тоской и не покидает надежда, а вдруг из троллейбуса выйдет мамочка и я хоть одну секундочку

смогу смотреть на нее. Но нет, так ни разу и не увидел. Скучно выдавали книги для чтения, но в камере так темно, что читать невозможно. Но что же делать – остаются одни только разговоры, и тут я познакомился с молодым человеком в офицерской форме (без погон конечно): Батяй Иван Иванович¹⁰. Он мне понравился умением говорить, начитанностью и поведением. Он оказался лейтенантом технических войск и служил в Ковно¹¹ в складе оружия. Получил он 58ю за критику, и началось следствие с того, что выходя из кинематографа в Ковно, где смотрели фильм на колхозную тему, он по поводу героини в фильме, ходившей в туфельках на очень высоких каблуках, сказал: «Так в колхозах не бывает». Об этом друзья донесли, потом выяснилось еще, что Батяй слушал заграничное радио, и пошло, и пошло, и кончилось 10 годами заключения. Другие играли в шахматы, шашки и домино, а мне играть не хотелось, не хотелось думать, и я только смотрел, как играют.

Огромным утешением были передачи. Когда нас везли на пересылку, я Лутумсу¹² говорю: «Сегодня же будет мне передача», «Да нет – ответил он мне – это невозможно, пока узнают, что нас перевезли, пока соберутся, нет, это невозможно.» Моя была правда, в тот же день моя дорогая мамочка была уже с передачей. Несколько строк, написанные на сопроводительной, были для меня дороже продуктов, и несколько слов ведь я имел возможность написать, но только письмом ведь не выразишь той горячей любви и признательности, которую мне хотелось излить больше чем когда-либо. Из умывалки окно выходило в сторону проходного двора. 6го янв. один из группы, выходявший после меня, говорит, что видел у проходной будки даму с маленькой слочкой. Я сразу понял, что это мамочка. Да, это мамочка и была, но слочку передать не разрешили.

Когда будут комплектовать дальний этап? Этот вопрос нас всех очень интересовал. Слухи были разные, но только 8го нас вызвали в баню, на медицинский осмотр (это издевательство женщин врачей - чекисток над людьми), а потом в бывшую камеру на II этаже. Там нас по очереди вызывали, смотрели, что на нас одето, и дополняли теплой одеждой. У меня было пальто и потому мне не дали бушлата, а ватную фуфайку под пальто и ватные брюки. Шляпка у меня была меховая, и ушанку мне тоже не дали. Дали еще ватные рукавицы. Валенками не снабжали никого.

Вернулись мы в нашу 39ую, стали примерять выданное нам, стали гадать, куда нас отправят, и на этот раз вечер прошел незаметно.

Рано нас, на следующее утро, 9 января 1953 г. согнали во двор. Опять проверка документов и опять ожидание без конца. Вещи, находившиеся у нас на хранении, обещали везти в особом вагоне, так что у меня был только мешок, но все же довольно тяжелый. Отдельной группой стояли мы, 58ые, и отдельной группой бытовики, третьей небольшой группой были воры. При отправке перемешивание не полагалось, слишком много из-за этого бывало недо-разумений и начальству надоело усмирять, решили, что 58ых надо везти отдельно. Для нас, конечно, это было счастьем, нас было 30 человек и всё свои.

Наконец явилась охрана с автоматами, пулеметом и собаками и все мы тронулись через ворота внутренние, потом наружные и по Лауваас ул. к жел. дороге, где стоял состав красных вагонов, с решетками на окнах, и среди них один зеленый вагон тоже с решетками, так называемый «Столыпинский», специально для перевозки арестованных по этапам. Медленно мы шли по глубокому снегу, а когда выходили за последние ворота, я быстро взглянул по улице направо, на углу Лудзас стояла толпа

и подумалось мне, что там может быть стоят и мои дорогие, а я даже взглянуть на них не смею. Низко я опустил голову, ничего не видя и плохо соображая, что происходит. Только окрик «стой» пробудил меня от оцепенения. Около одного вагона остановили нашу группу и опять, по списку, стали вызывать, и по одному мы проходили в вагон. Моя фамилия по алфавиту одна из последних, и потому я всегда и всюду проходил последним. Войдя в вагон, мне показалось сначала, что последним входить плохо, обе верхние полки были уже заняты. Но на деле оказалось хорошо: на четырех полках надо было разместиться всем тридцати и наверху легло по восемь, а на нижние полки пришлось по семь, для далекого путешествия это имело большое преимущество, так как восьмерым было очень тесно. Лутумс лежал крайним, около наружной стены, и звал меня к себе рядом. Доктор замешкался и мне пришлось его звать разместиться около меня, и я оказался между Лутумсом и доктором. Куда нас везут – это нас всех очень интересовало. Состав стоял без паровоза: если прицепят справа, то могут нас повезти через Режицу¹³, Ярославль в Сибирь, если слева, то на Европейский Север, но может быть и на Рыбинск. До самого вечера мы паровоза не дождались, а утром, когда проснулись, то были уже в пути и через маленькое решетчатое окно разглядели, что поезд едет по псковской дороге. Переехали мы реку Великую, в туманной дали виднелся Псков со своим замечательным кремлем, поезд остановился, и опять мы начали гадать, на Ленинград или дальше на восток. На остановке раздалися шаги на крыше и сильные стуки, потом стуки снизу в пол, потом в стены, стучали со всех сторон. Это, как нам объяснили уже опытные в таких путешествиях, а они у нас были в лице нескольких легионеров, которых после войны держали в разных лагерях, и, когда выпускали,

сказали, что государство им все прощает и чтобы жили спокойно, а потом опять взяли и судили, эти стуки означали обследование вагона, нет ли попыток к бегству изнутри. Потом раздалось пощелкивание висячего замка и дверь немного приотдвинулась, показалась голова в синей фуражке и гавкнула: «Где старший по вагону?». А старшим у нас был назначен солидный по виду мужчина Зоммер¹⁴, председатель колхоза. Зоммер подошел к щели, а снаружи в это время подавали бидон с горячим супом – обед на 30 человек и такой же бидон с кипятком – это чай. Ящик с глиняными мисками у нас был в вагоне, были и глиняные кружки и деревянные ложки. Подали нам и хлеб, каждому кусок причитающейся на день порции. Мельком, из любопытства, я выглянул в дверную щель наружу и увидел двух солдат, подававших бидон, и рядом с ними двух солдат с винтовками наперевес, чтобы если кто попытается выпрыгнуть из вагона, то заколоть тут же на месте. Смешно мне стало, когда я увидел, что я такой страшный преступник, что каждую минуту можно с моей стороны ждать разных коварных шагов: и сквозь стены-потолок и пол, и через приоткрытую дверь. Подача еды, а это происходило три раза в день, всегда было приятным развлечением, хоть небольшое, а всё-таки разнообразие. День за днем мы были все те же 30 человек, друг перед другом, говорить было не о чем, а смотреть друг на друга надоело. Хотелось конечно смотреть наружу, но маленькие окошки давали возможность смотреть только небольшому количеству людей и этим пользовались по преимуществу жильцы верхних полок.

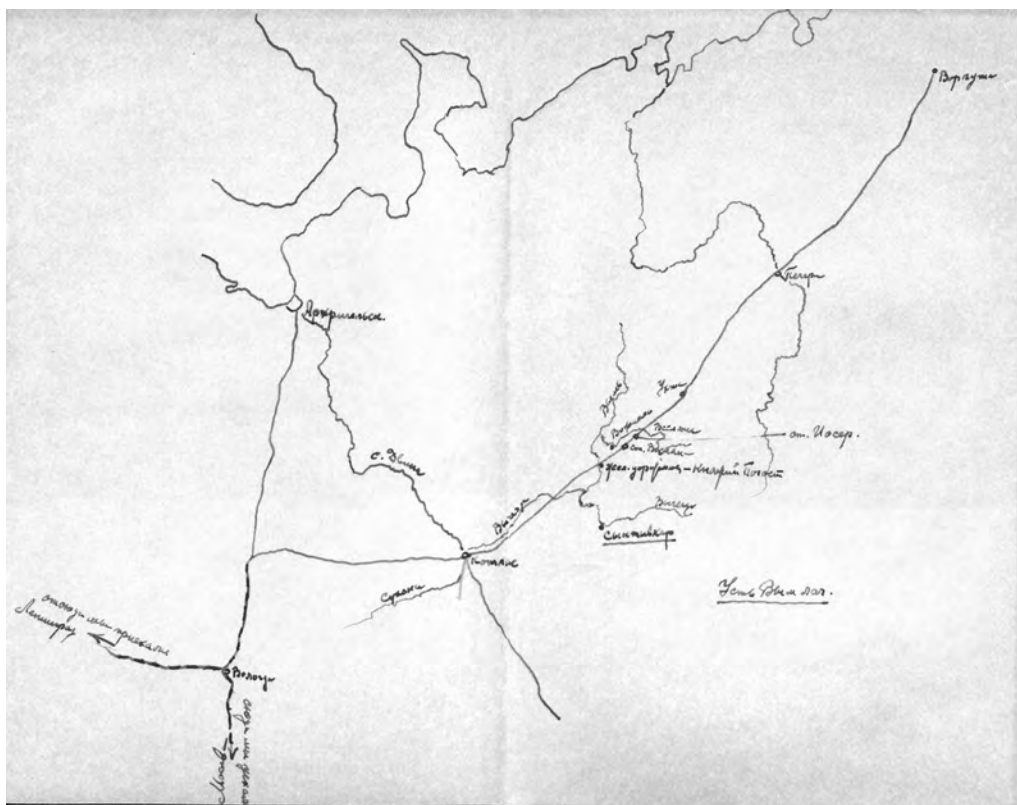
Большой работой была топка. Маленькая чугунка посередине вагона требовала постоянного ухода. Плохой уголь нужно было постоянно шевелить и подсыпать. Разгорался уголь сильно и становилось в вагоне нестерпимо жарко, чуть не доглядеть,

огонь гаснет, а дров для разжигания давали очень скупо. И так день и ночь сидели у огня и дежурили.

Хоть на нижней полке нас было только семь, а не восемь, как наверху, но всё же было довольно тесно. Плотно я лежал между Лутумсом и Шалковицем, трудно было ночью повернуться на другой бок, трудно было выползти наружу, а ведь спать неподвижно, когда спишь на голых досках, не совсем возможно.

Через сколько-то суток мы стали приближаться к Ленинграду. С большим интересом я через окошко наблюдал наше приближение к большому городу. Появились крайние улицы, по виадуктам мы пересекали улицы, показались мрачного вида закопченные фабричные здания, жилые дома разной величины и разного вида, трамваи мелькали с одной и другой стороны и под нами. А это что-то группа за группой какие-то не то сарайчики, не то кучи древесного и жестяного хлама, малюсенькие будочки и над каждой из них жестяная труба, а из трубы дым. Картина эта меня так поразила, что я очень внимательно стал вглядываться. И что же я заметил, что каждая из этих халупок имела дверь и около некоторых видны были люди, а кое-где из отверстий, заложенных куском стекла, виднелся тусклый огонек. А сделаны эти халупы были из всевозможных кусков досок и фанеры, а вместо крыши были набросаны куски старой ржавой жести. Так жили ленинградцы на окраине. Я был поражен и буквально остолебел, застыл с полуоткрытым ртом. Скоро мрачные здания фабрик стали удаляться, и мы опять выехали на поля и леса – Ленинград мы объехали по круговой железной дороге.

С любопытством и волнением мы смотрели в окошко и всё думали «Ну, а куда же дальше?». Снаружи чувствовался довольно сильный мороз, всё было покрыто обильным снегом. Дни сменялись ночью,



План-схема «пересылки» заключенных в лагеря. Рис. В. М. Шервинского

ночи опять днями, а кругом всё снег, поля и леса. Вот мы пересекли Свирь, а вот и Вологда. Ну куда же теперь? Теперь только две возможности – на восток в Киров или же на Европейский Север. По солнцу мы могли судить, что поезд свернул прямо на север, а через некоторое время пошел на северо-восток. Итак, значит мы ехали к Ледовитому океану. «Неужели на Воркуту?» говорили наши бывшие легионеры. Они там уже побывали. «Только бы не туда, там ведь ужасно» прибавляли они. А поезд все шел на северо-восток.

Перезезжали мы какие-то реки, проезжали мимо редких селений и еще более редких городов. В селениях и городах кое-где виднелись церкви старинной архитектуры, но в каком ужасном состоянии. Видно было, что давно они уже закрыты и о спасении

памятников старины никто и не думает. А по обеим сторонам железной дороги бесконечные леса, густо занесенные снегом, но леса не крупные и как потом выяснилось, что тут бесконечные болота и деревья просто не вырастают. Сначала видны были ели и берёзы, потом уж только ели и сосны. Ели выглядят странно, длина ветвей сверху до низу почти одинаковой длины, висят совершенно вертикально и напоминают шесты с хмелем. А небо ночью совершенно черное, особенно вдоль горизонта, где оно абсолютно черное. Днем небо покрыто сплошными тучами и тоже очень темное. А когда ночью на мгновение прояснилось, заблестали яркие звезды и серп месяца. Месяц настолько яркий, что получилось впечатление декорации с прорезанными отверстиями, за которыми поставлены сильные лампы.

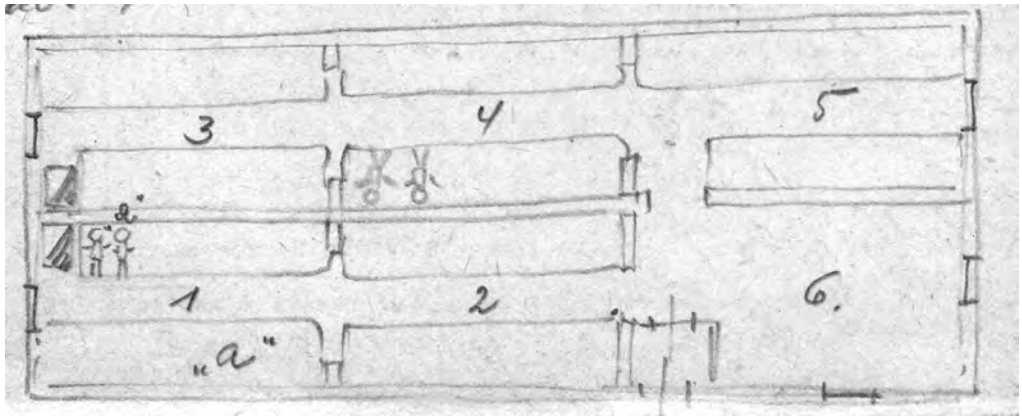
На седьмой день 16 января 1953 г. остановка, подозрительно долгая, и загнали нас в тупик. Прошел слух, что дальше не поедем и, действительно, через несколько часов раздался скрип раздвигающихся дверей и команда выходить с вещами. Погода стала значительно мягче, мы все вышли и с любопытством стали оглядываться, всё было чужим, всё казалось отвратительным. Это была станция Весляна.

Опять команда «взять вещи и идти» и потянулись мы по снежной дороге. Мешок тяжелый, ноги скользят, и путь казался бесконечным, да и было 2,5 километра. И вот остановка как у крепостной стены – это была пересылка, т.е. распределительный пункт: высокий трехметровый забор частоколом, на углу средневековая сторожевая вышка, громадные ворота и около ворот маленький домик – проходная будка. После долгого стояния – здесь все происходит медленно, и людей не жалеют – нас, наконец, через проходную ввели во двор и опять после продолжительного ожидания ввели в один из бревенчатых барачков.

Длинное здание двухтрактное, вдоль продольных стен деревянные сплошные нары двухъярусные, и загнали нас в помещение «1», помещение «2» осталось пустым. Бытовиков наших загнали на другую половину, что там было, я узнал позже, но чувствовалось, что там народа много, поминутно слышен был гул голосов и отдельные выкрики. Большинство наших забрались на второй ярус нар «а», но не всем хватило места, и я с Батяем вниз на нарах «б». По пути я довольно основательно сошелся с Батяем, он льнул ко мне потому, что я был единственным, свободно говорившим по-русски, а мне он понравился тем, что был хорошим собеседником. Сели мы на наших нарах, глубоко переживая все происходящее с нами и робко озираясь на мрачных грязных людей, которые то и дело как тени скользили туда и обратно по нашему

отделению. Я впал в глубокое отчаяние и начала мне сверлить голову мысль: «Тут твой конец, отсюда из этого Богом забытого места тебе не выбраться.» Сразу как мы только расположились, пришел надзиратель и объявил нам идти в баню двумя группами по очереди. Отчаяние меня не покидало, и когда в бане подошла моя очередь бриться и парикмахер меня спросил, брить ли усы или оставить (в лагерях разрешено было носить усы и бороду), я сказал: «Брить всё.» Это было уже высшей степенью отчаяния, раз мне свободы не видать, значит и усы не нужны. Когда я вернулся в барак, друзья мои так яро на меня накинулись с упреками за совершенное мною, что я смутился. Раз у меня так много друзей, то значит и положение мое не столь отчаянное, и чувства отчаяния как не бывало, я твердо решил усы опять отрастить, и это решение вернуло меня к жизни.

Среди нашей большой группы, на втором ярусе противоположной стороны было много людей деревенских, у них с собой было обильное количество сала, масла, сыров и пр. и они там расположились как дома. Плававшие тени, которые являлись разведчиками – «шакалы» по прозвищу, находившихся во втором тракте воров, очень скоро заметили, как на втором ярусе аппетитно закусывают, и поспешили заявить об этом главарю воров, тот послал группу воров изъять съестное, но среди наших было двое легионеров, отличные парни, и они дали отпор, т.е. отказались от сдачи. Воры пригрозили захватить все силой. Легионеры в ответ на это выдавили окно, мигом наломали стекло кусками и раздали находившимся наверху. Дело становилось серьезным и запахло кровью. Шакалы побежали с докладом к вождю и тот не замедлил явиться собственной персоной, ринулся вперед и одним прыжком оказался сидящим на верхней полке рядом с нашими самыми ярыми. О чем он



План барака «пересылки», в котором была размещена группа заключенных. Рис. В. М. Шервинского

там говорил, я не мог слышать, но стекла были отложены и большинство воров отступили на свою половину, остался только вождь и его адъютанты. Было достигнуто соглашение выдать половину съестного, и за короткий промежуток времени дележ состоялся. Наступила тишина, так как по воровским законам второй раз уже не берут, а законы у них строгие. Только шакалы шныряли всё время и они могли что-нибудь украсть, брать же что-нибудь не имели права, это грозило им большой трепкой от главаря при собственноручной расправе.

Вскоре было объявлено нам идти обедать, но всем уходить нельзя было и часть осталась с караульными. Обед по сравнению с рижским был хорошим, был густой суп, каша и, что нас очень удивило, вкусный пончик, как потом оказалось, обязательная северная прибавка. Так кончился первый день, день знакомства с пересылкой, день знакомства с ворами, до сих пор мы от них всё время были отделены.

Второй день ознаменовался тем, что нам предложили взять наши чемоданы, которые в поезде везли отдельно как багаж. Это всех очень взволновало, так как присутствие воров для нас было угрожающим, и мы стали просить разрешения сдать вещи в камеру хранения, но разрешения нам не дали, и

чемоданы оказались при нас. Я чемодан поставил на нары в головах и перед ним положил мешок. С тяжелым чувством я сидел на нарах, переживания первого дня были еще свежи и все время думалось: а что будет дальше?

Задумался я глубоко и не заметил, как предо мною появился один из старших воров, и вздрогнул, когда услышал вопрос: «Что у тебя там в мешке?» «Да ничего особенного» – ответил я робко. Вор бесцеремонно залез на нары и стал ощупывать мешок. «А да у тебя там продукты», а они у меня? Действительн, были, ведь мамочка мне, в самый день отъезда из Риги, когда мы уже были внизу и происходил осмотр наших вещей, принесла на дорогу всякой всячины, был сахар 2 кг, было сало, было масло и еще что-то. «Давай половину, у тебя еще не брали.» Ему было точно известно, что у меня еще не брали, шакалы об этом успели донести. Я знал, что спорить нечего, что противиться нельзя, если не хочешь быть битым, и я достал из мешка все съестное, что у меня там было. Честно вор взял по половине от всего и сказал: «Теперь будь спокоен, больше тебя никто не тронет, а если осмелится, позови Сашку или Димку.» Сашка оказался сам вождь, а Димка – это был он.

Вечером Батяй мне говорит: «Вы подежурьте, а я посплю, потом я буду караулить.» Но я караульщик оказался очень плохой. Сначала я сидел прислонившись к моему мешку и наблюдал за тем, как рыскали шакалы и бесшумно наклонялись то к одному, то к другому из спящих, надеясь чем-нибудь поживиться. Они, действительно, были похожи на четвероногих, одним коленом становились на край нар и передние лапы и морду просовывали вглубь, делая все это быстро и бесшумно. Потом все затихло, никто больше не шевелился, и я задремал. Очнулся я от громкого топота бегущих людей. Оказывается, Батяй проснулся от того, что у него вытащили из кармана пачку папирос, и при том последнюю. Он кинулся догонять шакалов, но не тут- то было, они скрылись на своей половине, а там, конечно, искать было бесполезно. Но надо сказать, что это мое последнее замечание не совсем правильно, искать папиросы конечно бесполезно, искать украденное съестное тоже бесполезно, но украденную одежду можно найти, если она, конечно, не взята законным порядком, в смысле честного раздела. У одного из нас была украдена теплая рубашка, он об этом заявил Сашке, и рубашка через несколько минут была возвращена.

На третий день нас переместили в половину воровскую, наше помещение надо было освободить для какого-то нового этапа. Перемещение это нас сильно взволновало, и мы ожидали новых неприятностей. Я поспешил занять верхнюю полку, она все же немного менее доступна для шакалов, и рядом с Батяем, наша дружба крепла и кроме того я заметил, что воры к нему относятся с некоторым уважением, так как на нем была офицерская одежда, только без погон и прочих знаков отличия. День прошел спокойно. Ночью покоя не было, младшие воры непрерывно ходили по нашему отделению, останавливались,

разговаривали между собой, заговаривали с нашими. Что они хотели, что затевали, понять нельзя было. Долго мы крепились, не спали, но сон взял свое. Сколько я спал, не знаю, но проснулся я от того, что кто-то ощупывал мои ноги. Одеты у меня были мои лыжные ботинки, и они все время обращали на себя внимание, таких ботинок лагерники не знали и у них глаза разгорались от одного вида. Я проснулся и увидел, что один из воров пытается развязать узлы и расшнуровать ботинки, а значит и взять их у меня. Я вскочил с криком: «Что ты трогаешь мои ноги» – и под влиянием тяжелого сна, тяжелой атмосферы барака и всего пережитого пришел в какое-то иступление, придвинулся к краю, брыкнул ногой с намерением ударить вора в голову. Он отскочил, я снова скользнул вперед и опять попытался его ударить и все время кричал: «Зачем трогал мои ноги?». Вор отскочил еще дальше, и я, тяжело дыша, вернулся на мое место. Вор, сначала было растерявшийся моим отпором, пришел в себя и одним прыжком очутился на коленях на краю нар и замахнулся кулаком, чтобы меня ударить. Батяй от поднятого мною шума тоже проснулся, и видя, какая мне угрожает опасность, мигом за меня вступился, схватил вора за плечо со словами: «Что ты, что ты творишь, не трогай старика, это ему что-то во сне почудилось, не трогай его.» Вид офицера подействовал успокоительно, вор улыбнулся, соскочил с нар и ушел. Долго я не мог уснуть. Чтобы больше не раздражать воров, я ноги накрыл пальто и лежал, стараясь ни о чем не думать.

21 января наше пребывание в этом страшном логовище воров окончилось. Надо сказать, что начальство не только не заботилось о том, чтобы предотвратить эти безобразия, но, казалось, даже нарочно старались мучить нас 58ых или как нас в то время называли «фашистов» (после смерти Сталина это слово было запрещено).

Нас вызвали с вещами, вывели за ворота и остановили на неопределенное время. К счастью, день выдался не особенно холодный, так по крайней мере казалось по тамошнему климату, но все же было холоднее, чем в день нашего приезда. Наконец объявили, что нам будут выданы валенки, и, действительно, по очереди мы подошли к двери одного из домиков и получали по паре очень недурных валенок. Тут же на улице наскоро переоделись, так как теперь вдруг наша отправка оказалась срочной.

Тяжело нагруженные, так как теперь нести пришлось и чемоданы, мы мрачной колонной двинулись опять 2½ км до станции. Откуда в такие моменты берутся силы, не знаю, но дошел я без особых затруднений. На станции стоял состав платформ, и кто-то сказал, что на них нам придется ехать: «Не может быть» – вырвалось у меня, – «ведь мы же замерзнем». И я не поверил, ожидая, что подадут и вагоны.

После опять продолжительного ожидания нам наконец предложили грузиться и, действительно, на открытые платформы. Я был в ужасе и буквально не знал, что предпринять. У Батяя кроме шинели не было ничего, у меня же оказалось еще одеяло и мы решили сесть рядом на чемоданы и накрыться одеялом. Пока поезд стоял, мы ходили, стараясь делать как можно больше движений, чтобы набрать тепла и тогда легче перенести путешествие. 40 километров нам надо было ехать на север, до станции Йоссер, и как только поезд тронулся, мы с Батяем завернулись в одеяло с головами и сели на чемодан, плотно прижавшись друг к другу. Ветер дул нам в спину и холод не чувствовался. С полчаса мы ехали, как поезд стал замедлять ход и мелькнула мысль, не конец ли путешествию. Но нет, здесь сгрузили бытовиков, а мы поехали дальше. Холод нас все же не пробирал, и когда поезд опять остановился и объявили высадку, я был очень удивлен, что так легко

отделался. Это было первое знакомство с северной зимой, там даже сильные морозы не морозят. Живя в Риге, нельзя было себе это представить, а здесь пришлось убедиться и впоследствии еще не раз. Сгрузились мы с платформы и опять пошли. На этот раз идти почему-то было гораздо труднее, а главное, неизвестно было, как далеко, а тогда всегда гораздо труднее, и чемодан начал оттягивать мне руку. Останавливаться не полагалось, «попка»¹⁵ шел за нами и погонял. Но я все же остановился, перекинул мешок на другое плечо и взял чемодан в другую руку. Шел, шел и опять чувствую, что больше не могу. Опять переменил руку, но это уж мало помогло и я скоро остановился в полном изнеможении и чувствовал, что дальше не могу. Рядом со мной шел Шелегов (двинчанин)¹⁶, видя мое безвыходное положение, подхватил мой чемодан и только шепнул мне: «Идите» (говорить нам тоже не полагалось). Я был смущен, но вместе с тем и обрадован, без чемодана я идти мог, а Шелегов коренастый человек, гораздо, конечно, сильнее меня физически, имел вещей немного и ему не стоило особого труда мне помочь. До глубины души меня тронуло сочувствие, ведь в этом царстве жестокости и издевательства на сочувствие трудно было рассчитывать, и я шел дальше глубоко потрясенный, пока наконец мы не дошли до головного лагеря и остановились у проходной. Опять осмотр вещей, опять все содержимое надо было вытряхивать и быстро собирать, так как только и слышалось покрякивание: «Быстро, быстро». Здесь всегда все очень медленно и ожидание многочасовое, но когда доходит до движения, тогда надо очень быстро.

Прошли мы ворота вечером 20 января 1953 года и опять остановились. В лагерях начальство не хотело скандалов, как это было обыкновенным явлением на пересылке, и не знало, куда нас девать. Поместить в бараках нельзя, там воры и начнется грабеж,

и решили в баню. День был не банный, мы можем переночевать в бане, а завтра дальше. «Только», говорят, «держите двери на запоре и никого не пускайте, потому что может быть нападение и на баню.»

Вещи, хоть и неохотно, нам разрешили отдать в «каптерку»¹⁷, т. е. камеру хранения. Каптёрщик был человек разговорчивый и я его спросил: «А как быть, если мне будет посылка» (я слышал, что с посылками дело очень сложное, что воры нашего брата 58ых грабят тут же на месте). Каптёрщик меня успокоил: «Если будет посылка, скажите мне, я вас научу, как ее пронести в каптёрку, а тут уж спокойно, отсюда вы можете брать всего понемногу и никто вас не тронет.»

В тот же вечер состоялся медицинский осмотр. В сенях перед амбуланцией, было тесно, положить одежду некуда, а тут сказали: «Кто здоров, может не раздеваться.» Я никогда себя больным не чувствовал, а значит я здоров и решил не раздеваться – для чего? Формальность медицинских осмотров для меня была уже ясна, а лагерная обстановка мне еще мало была знакома, в Риге все было иначе. Подошла моя очередь, я смело подошел к врачу: «Почему не разделся?», «Я здоров», ответил я. Врач (в первый раз мужчина) удивленно посмотрел на меня. «А сколько лет?» «59,» отвечаю. Он еще более удивленно посмотрел на меня: «И здоров?» Я понял, что делаю ошибку, поспешил сказать, что я разденусь и выбежал в сени, попросил последить за моей одждой и вернулся к врачу. Врач меня внимательно выслушал, не так как докторши-чекистики в Риге, и сказал регистрировавшему: «Поставьте ему «sekunda»¹⁸, а там дадут инвалидность.» Дать сразу инвалидность он не мог, так как тогда нельзя было отправить на рабочую подкомандировку далеко в лес. Этим медицинский осмотр кончился, и я вернулся в баню.

Бродили мы, бродили по бане, наконец решили разместиться в помещении для одевания, там надежнее были запоры. Составили вместе скамейки, получилось что-то вроде нар, и заснули крепким сном.

Подъем, как и везде, был в 6 часов. Ночь прошла благополучно, и проснулись мы бодрые. В 8 часов должна была состояться отправка дальше в лагерь за 36 километров. Шестая подкомандировка¹⁹, п/о Иоссер, п/я 243/14-6, как ее называли, была лагерем для 58ых и потому нас туда и направляли. Но пройти пешком 36 км после всего пережитого, это меня очень волновало, хватили сил.

Вечером в бане были у нас разные посещения, приходили на разведку и воры и очень охотно разговаривали, пришел и врач грузин – вольный, спрашивал, кто мы, откуда, какая у кого профессия, и когда узнал, что Шалковиц врач, очень этим заинтересовался и взял Яна Яновича к себе в амбулаторию для переговоров. Моя профессия архитектор на него не произвела никакого впечатления и я понял, что и на севере архитектура не нужна. Врач – это другое дело, врачей не хватало и набрать их можно было почти исключительно среди 58ых. Через некоторое время Ян Янович вернулся и сказал, что его пока оставляют при головном, а дальше видно будет. Батяй – очень ловкий парень, пошел в амбулаторию, объявил, что он болен и никуда дальше следовать не может. Почему-то ему поверили и положили в больницу. Значит нас осталось уже не тридцать, а только 28. Батяй и меня уговаривал идти в больницу, но я этого не умел, я решительно не знал, на что жаловаться.

В 8 часов утра мы уже стояли окого проходной, взяли наши вещи из коптерки и, принимая во внимание, что путь далекий, думали, что сейчас же и пойдем. Прибежал Батяй с нами попрощаться и продолжал

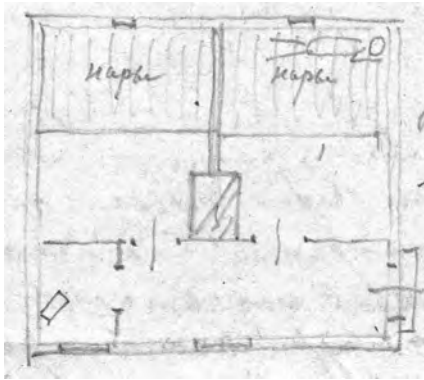
меня уговаривать идти в больницу, Ян Янович же так и не появился.

Час за часом проходил, а нас все не отправляли и только около 12 появился конвой. Нас вывели за ворота и опять начался обыск, опять пришлось вывалить все вещи и наскоро укладывать, потому что теперь только и слышались окрики: «Быстро, быстро!» Подошли две подводы с маленькими санками и маленькими лошадками. Кое-как мы на них разместили наши вещи и выступили в царство снега и холода. Сначала белая равнина, потом лес, главным образом еловый, но встречались и сосны и березы. А елки здесь не такие, как у нас, у нас елки острые кверху, широким конусом расходятся книзу, здесь же острые наверху и цилиндром сходят низу, почти не расширяясь. Может быть это оттого, что тяжелый снег толстым слоем покрывает всё дерево и тянет ветки книзу, а зима здесь долгая, 7 месяцев, и ветки и летом не могут выпрямиться. А, может быть, это и порода такая. Снег тоже не такой как у нас, рыхлый, не уминается. Дорога, по которой мы шли, сильно езженная и хорошая, а снег рыхлый как сухой морской песок. Колея от саней есть, но снег в ней опять-таки рыхлый и идти довольно трудно, к тому же и ноги в валенках тяжелые, и мне скоро стало жарко, несмотря на жестокий мороз, должно быть около 30°. Скинул я пальто, потом расстегнул ватную телогрейку, и только когда мне посоветовали положить пальто на сани, мне стало немного легче и идти было уж не трудно. Когда мы прошли первые 10 км, объявили остановку, хотелось сесть, но куда? Смотрю, большинство садятся прямо в снег. Ватные брюки тут особенно пригодились, я сел на снег и холода совершенно не почувствовал. Минут 15 мы посидели и пошли дальше. Лес производил мертвое впечатление, полная тишина, ни малейшего звука и полное отсутствие ветра, и все белое, белое, белое, из-за густого

снега хвои почти не видно, и вспомнился мне Джек Лондон, его описания севера, где он пишет о том, какое страшное впечатление производит мертвая тишина северной природы. Часто я и в последующие годы вспоминал Джека Лондона, его описания очень правдивы, хотя не пережив этого лично мне его слова казались фантастичными. Шли мы длинной вереницей все дальше и дальше. Впереди конвойный с автоматом на шее, потом мы гуськом, и в конце наши две подводы и замыкающий шествие второй конвойный. Беда бывала, когда попадалась встречная повозка, разехаться почти невозможно. Хотя снег по поверхности дороги и рыхлый, но все же при постоянной езде получается толстый слой наезженного снега и сойти с дороги нельзя, если кто оступится, то сразу проваливается, как в болото, по грудь в рыхлый снег и больших усилий стоит выбраться из этого белого ужаса.

Еще сделали мы один привал, опять посидели на снегу, и короткий зимний день стал клониться к вечеру, а мы не прошли еще и половины пути. Утомление стало чувствоваться все сильнее и с ужасом приходилось думать о том, что будет дальше. Стало совсем темно, колея была плохо видна, и мы то и дело сбивались на более рыхлую дорогу. Я все время старался ступать в след предыдущего, чтобы было хоть немного тверже, но в темноте след не виден, и я начал выбиваться из сил и думал, под какой это елкой мне придется замерзнуть.

Но вот показались какие-то строения и мы остановились, лошадки наши, оказывается, тоже выбились из сил и еле тащили тяжелые сани. Полпути было пройдено, а большинство из нас были в таком состоянии, что нечего было и думать пройти еще столько же, и мы заикнулись, что неплохо было бы здесь переночевать. Мы не знали еще лагерные порядки, не знали, как трудно попасть в лагерь, в который люди не назначены. Конвой исчез, нам становилось



План карцера, в котором ночевала группа заключенных. Рис. В. М. Шервинского

холодно, и мы как тени бродили в темноте, не зная, что предпринять. Как долго мы ждали, не знаю, но наступило какое-то тупое безразличие, предпринять ничего невозможно, ну так будь что будет, идти в проходную спрашивать бесполезно, кто будет разговаривать с заключенными.

И вдруг появились две тени, наши конвойные, нам разрешен ночлег и мы можем войти в лагерь. Быстро разобрали вещи, прошли ворота, но куда дальше? Здесь опять то же самое, как и на головном: в бараки нельзя, там ограбят и начнется скандал, и на этот раз разрешили нам поместиться в карцере. Окна с железными решетками, на двери большой висячий замок. «Располагайтесь, спите спокойно, я вас запираю снаружи и вас никто не тронет,» – сказал конвойный. Щелкнул висячий замок, и послышались удаляющиеся шаги. Были только две маленькие камеры, а нас было двадцать восемь. Вещи наши мы сложили в коридоре и в маленькой каморке в конце коридора, там спать нельзя было, помещение было совершенно холодное, и кое-как мы расположились в камерах, кто на нарах, кто на полу. Мне достался крайний правый угол и я лежал, плотно прижавшись к стене, рядом со мной, кажется, лежал Баклан²⁰. Несмотря на крайне неудобное положение я моментально заснул, так сильно было

утомление. Раз- другой я просыпался, пытался если и не повернуться на другой бок, то хоть немного пошевелиться, потому что от неудобного лежания болело все тело. Но я был так плотно прижат, что пошевелиться не мог и снова засыпал. Проснулся я снова, услышал скрип, как будто крысы грызли что-то, явилась мысль, что грызут наши вещи, но тут же я опять заснул и проснулся опять только от шума голосов. Открыл глаза, кругом полная темнота, только кое-где мелькал огонек от зажигавшихся спичек. Стал вслушиваться и понял, что что-то произошло. Оказалось, что воры все же сумели к нам пробраться и почистили наши чемоданы. Вскочил я на ноги, копилка керосиновая была уже зажжена, я кинулся в каморку к моему чемодану. В каморке все было перевернуто, чемодан мой лежал опрокинутый, фибровая крышка, которую я считал очень прочной, была разрезана. и вещи мои лежали разбросанными по полу. Кое-что из вещей осталось в чемодане, стал я подбирать лежавшее на полу и обнаружил, что нет коричневых полуботинок, нет ночных туфель, нет пуловера, кепки, нет ремня пояса, и что самое ужасное, нет драгоценной моей пачки с письмами, фотографиями, почтовой бумагой и копией приговора. Пропало самое мне дорогое: письма и фотографии. Растерянно я глядел на мои вещи, как послышалось пощелкивание отмыкаемого снаружи висячего замка и появился надзиратель, который нас запирает и уверял, что мы можем спать спокойно. «Что случилось?» – спросил он, видя наше волнение, все мы возились над нашими чемоданами и громко говорили, высказывая и отчаяние, и возмущение. К этому времени стало уже светать, я выбежал наружу и под окном увидал мою кепку. Радостно я ее схватил, как что-то очень ценное, было на снегу еще кое-что из моих мелочей. Но где же остальное? Надзиратель был возмущен происшедшим, он ведь обещал нам

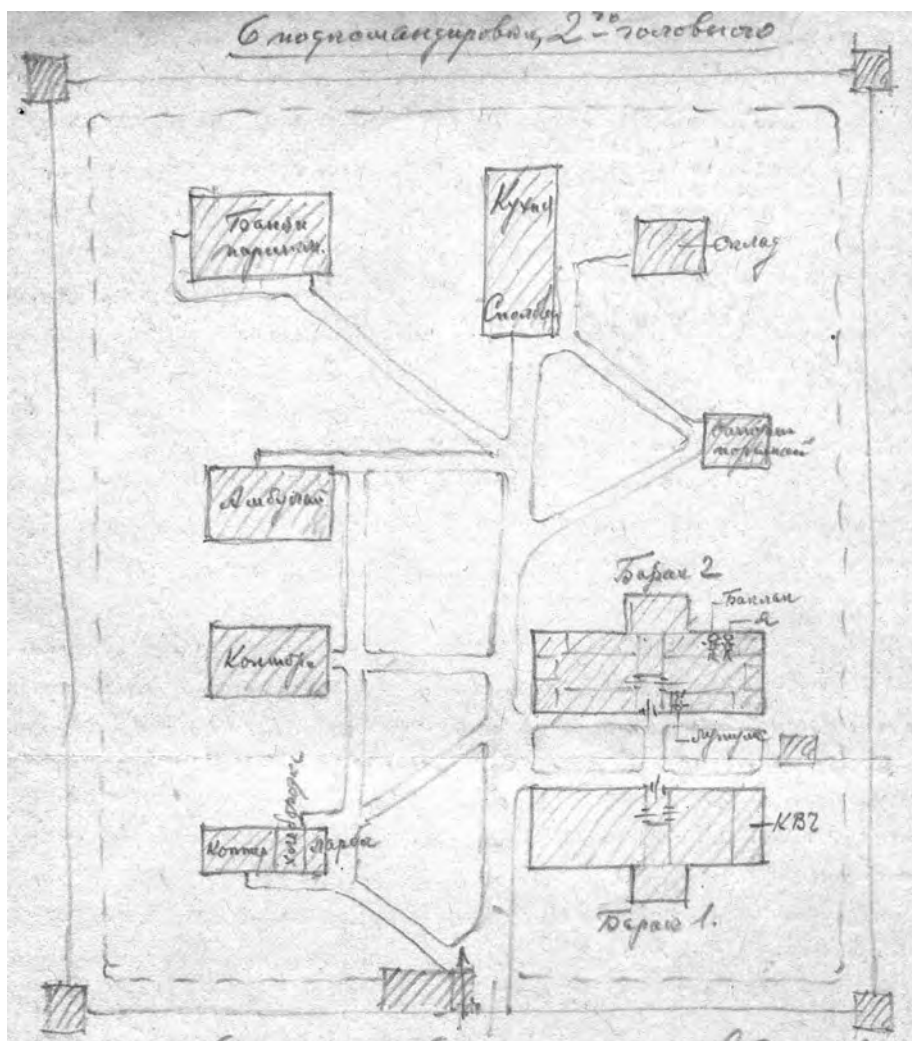
неприкосновенность. «Сейчас пойдем искать», – сказал он – «идите со мной те, у кого наибольшая пропaja.» С ловкостью молодого гимнаста он забрался на чердак ближайшего строения и выкинул оттуда мой пуловер. Опять он забрался на чердак одного из барakov. Никаких не было следов, чтобы туда кто-нибудь забирался, но он шел вполне уверенно, он своих питомцев знал хорошо. С этого чердака он выкинул сапоги и теплую фуфайку. Дорожка, по которой мы шли, была прорыта в глубоком снегу. В одном месте отвесной стенки надзиратель остановился, я там не видел ничего особенного, а он говорит: «Вот здесь покопайте» и, действительно, порядочный пакет с вещами был найден. Моих вещей там не было, и мы пошли дальше. Еще кое-что из мелочей было найдено на других чердаках, но моей драгоценности – пакета с письмами и фотографиями не нашли, очевидно его унесли в барак, думая, что в пакете есть деньги, а в барак идти ни один надзиратель в одиночку не решится, туда они идут только группами при общих обысках – «шмонах». Да и команда была нам собираться и поиски пришлось прекратить.

Опять мы нагрузили лошадок, и теперь отдохнувшие при дневном свете длинной цепочкой отправились в дальнейший путь. Вторая половина пути прошла хорошо, и мы дошли засветло без признаков утомления. Перед воротами был небольшой домик, куда нас всех загнали, и началась проверка документов и опять вещей. Как и везде, надо было сразу называть, не дожидаясь вопроса: имя, отчество, фамилия, 1894 г., статья 583 и 10, срок 10. После этого отпускали на проверку вещей, всё я выложил, всё было просмотрено, ничего предосудительного, конечно, не нашли и задали вопрос: «Что из одежды у тебя казенное.» По обычной своей честности и наивности я всё назвал: валенки, телогрейка, ватные брюки и ватные рукавицы.

За эти слова мне потом сильно пришлось раскаться, но слово что воробей, вылетит, не поймаешь. Надо было сказать, что все собственное, но я не догадался. 23 января 1953 г., когда нас впустили за часток, было уже темно. Жилых барakov было только два. В темноте трудно было разобраться, где имеются свободные места. Лутумс и Баклан меня тащили к себе и в левом барাকে я оставил свои вещи (кражи здесь опасаться нечего было, здесь были всё 58ые) и пошел ужинать. На дорогу нам был выдан сухой паек, так что мы без горячей еды были почти двое суток и кушать очень хотелось. По дороге назад заблудился, перепутал барак и моего места не нашел, а спать очень хотелось и я лег на пол и заснул. Утром в 6 часов был подъем и нарядчик объявил, что нам надо идти на работу. Мы стали возражать, что хоть один день после утомительной дороги надо отдохнуть, но ничего не помогло и надо было выйти к воротам. Это, однако, было только очередным издевательством, так как нас продержали около ворот, пока все работающие вышли, и тогда объявили, что нам дан один день отдыха.

Лутумс и Баклан, оказывается, с вечера устроили для меня место и были очень удивлены, что я не пришел. Решили, что я наверно с ними рядом быть не хочу. Устроился и я, постелил на нары пальто, под голову положил мешок, лег и заснул и после обеда только пошел знакомиться с лагерем.

На следующее утро я опять был около ворот. На этот раз меня вызвали в повальную бригаду. Чтобы идти на работу, выдали мне бушлат, т. е., ватное полупальто. Девять километров надо было идти, с трудом я поспевал за моим старшим, но держался все время бодро и чувствовал себя хорошо. Лес на севере у «комиков»²¹ вообще мелкий, а здесь оказался совсем слабым, 20–25 см в Ø это было здесь нормально, и стояли эти деревья к тому же не густо. «Вот здесь»,



План 6-й подкомандировки 2-го головного лагеря. Рис. В. М. Шервинского

сказал звеньевой «здесь будем валить». В звене нас было трое: молодой парень с лучком, второй постарше, но уже опытный в лесной работе и я, не знающий, за что и взяться. «Вот это, это и т. д. деревья будем валить. Ты будешь очищать снег около ствола, чтобы можно было пилить. Я буду валить, а Николай рубить сучья.» Взял я деревянную лопату и с полной готовностью честно работать, копать снег мне казалось не трудно, направился к ближайшему дереву. Но только я сошел с натоптанной дорожки,

как провалился в рыхлый снег по грудь. Для меня это было очень неожиданно, ровная поверхность снега не казалась мне такой коварной. Я не хотел показать своего смущения и сильно заработал руками, ногами и даже всей грудью и подпрыгивая добрался до дерева. Резать снег кусками и обрабатывать было невозможно, до того он был рыхлый. Замахал я лопатой во все стороны, стараясь разбрызгать эту неустойчивую массу и кое-как освободил круг вокруг всего дерева. На дне была мягкая зелень и незамерзшие

ягоды клюквы. Прыжками я добрался до второго дерева и т. д. Я, конечно, не рассчитал свои силы, слишком усердно работал и выдохся. Вышел я на дорожку и остановился около костра, который успел развести наш третий звеньевой, сучья полагалось все сжигать. Отдохнув немного, я опять кинулся на борьбу со снегом, но прыгать по глубокому снегу мне было уже трудно, и от дерева к дереву мне приходилось прорывать траншеи, а это требовало новых напряжений и занимало много времени, так что приходилось выслушивать окрики: «Давай, давай дальше». Скоро я уже больше не мог, вышел к костру и сел, стоять мне тоже было трудно. На мое счастье полдня уже закончилось и прямо в лес привозили горячий обед: суп и кашу. Усталыми шагами я следовал за моими звеньевыми к месту, где стоял котел. Вид горячего супа меня подбодрил, я вынул из-за пазухи хлеб, взятый с собой для обеда, но он даже за пазухой замерз в твердый комок, такой был сильный мороз, а я за работой этого не замечал, мне было жарко и я то и дело скидывал рукавицы. Получил я свою миску с дымящимся супом, наломал в него хлеб и, как голодный волк, стал жадно кушать. С каждым глотком мне становилось лучше и силы прибывали. Попросил я добавки и получил ее, варева обыкновенно бывало достаточно. Кашу я тоже скушал, оглянувшись, а моих звеньевых уже нет и все надо было делать скоро, чтобы больше заработать. Пошел я в том направлении как мы пришли, но дорожки все одинаковые и я заблудился. Кругом работают, никто на меня не обращает внимания, а как спросить, не знаю, фамилии моего старшего я еще не слышал, Сашка он был, да мало ли тут Сашек. Стал я всё-же спрашивать, бродил, бродил, и в конце концов один из работавших догадался, которого Сашку мне нужно было, указал мне дорожку и я благополучно вернулся на свое место. Я снова взялся за лопату, кинулся в снег и заработал что есть силы.

Главным в нашем звене был повальщик, это тот, который пилит, молодой сильный парень мне только кричал: «Давай, давай, скорей», он был заинтересован в выполнении и перевыполнении плана и мое состояние его мало трогало, второй же человек, постарше, понял, что я не в силах так работать, подошел ко мне и говорит: «Ты пока займись кострами». Я был ему очень благодарен и охотно взялся таскать сучья и валить их на костры, это по сравнению с копкой снега было детской игрой. Отдохнув немного за такой работой я взялся за топор. Топор был острый, рубить я вообще умел, и обрубка сучьев мне показалась не особенно трудной, но плюс ко всему остальному опять -таки сильно меня утомила.

К вечеру подошла подвода, чтобы подобрать бревна и «баланы»²² и подвезти их к ледяшке²³. Ледяшка – это ледяная рельсовая дорога. В большой деревянный ящик наливают воду, сзади в дне ящика высверлены две дырки, расставленные по ширине полозьев. Ящик этот выезжает на дорогу, из дыр выдергивают затычки и едут по дороге. Вода льется в полоз, и на сильном морозе быстро замерзая, образует ледяные рельсы, по которым полозья скользят очень легко. Маленькая лошадка по такой дороге везет 4–5 кубических метра сырой и очень тяжелой северной древесины. Подвозчик, желая скорей закончить заданный урок, в свою очередь, стал торопить, и мне было предложено помогать вытаскивать баланы из снега. Нет, лезть в этот глубокий снег я при лучшем желании больше не мог, и я остался сидеть у костра, низко опустив голову и в полном изнеможении свесив руки. Мои же звеньевые яростно кинулись в снег как в воду и, сильно работая руками и ногами, волокли одно бревно за другим. День кончился. Устало я поднялся на ноги и побрел за моими товарищами и тут опять слышу: «быстро, быстро, а то опоздаем на последнюю подводу.» Из-за

жадности как можно больше выработать мои задержались в лесу и теперь мы почти бегом приближались к сборному пункту, откуда начинается ледянка. Одна лошадь еще стояла с огромным возом баланов. «Прыгай на бревна», сказал мне звеньевой. Стыдно мне немного было, такая маленькая лошадка, а воз как целый вагон, но ведь впереди 9 километров и только я забрался, воз тронулся и, о чудо, лошадке не только не было тяжело, но она пошла даже рысью. Быстро мы покатали, но когда дорога пошла немного в гору, возница нас скинул. Ехать было довольно холодно, спасал только большой запас тепла, накопленный за весь тяжелый день. Быстро мы шли, но лошадка даже в гору еще быстрее и когда она достигла самой высокой точки и пошла опять большой рысью, мои побежали и опять забрался на воз, а я не успел и остался в лесу совершенно один. Беспокойства у меня никакого не было, ледянка была только одна и дорогу я приблизительно понял, но странное какое-то чувство меня охватило в этой мертвой северной тишине, в полной темноте, ведь зимний день короткий, и совершенно один, конвойных я и днем никого не видал. Начальство прекрасно знало, что зимой и по глубокому снегу никто не в состоянии убежать, а летом тут всё болота и болота, так что тоже трудно бежать.

Шел я шел, шел и шел, а конца дороги не видать, но беспокойства, как я уже сказал, у меня не было, я знал, что до лагеря доберусь. Вот последний поворот и показались костры. На штабелях люди задержались, разгружая последний наш воз. Знакомых лиц никого не было, ведь в лагере я был новичком и я прошел мимо всех. В проходной меня отметили, и когда я очутился в бараке, я почувствовал, что силы меня совершенно покидают. С трудом я снял с себя мокрую одежду. Казалось бы, как на таком морозе одежда может быть мокрой,

но ведь в этом глубоком снегу снег попадает в валенки и там тает и ноги постепенно намокают. Мокрую одежду дневальные по бараку доставляют в сушилку и рано утром приносят обратно. Переоделся я, поужинал, но чувствую, что со мной творится что-то особенное, такого состояния я никогда еще не испытывал, и я побрел к начальнику лагеря. На мое заявление, что я не в силах выполнять порученную мне работу, что уже после первого дня я еле стою на ногах и что врач на головном сказал, что в лагере мне дадут инвалидность, начальник мне ответил: «Я не врач и разбираться в этом не могу, придет с головного комиссия, тогда видно будет.» Я был в полном отчаянии, лагерные порядки мне в то время еще не были известны и я буквально не знал, что делать. Тут кто-то мне посочувствовал: «Идите же к врачу, поговорите с ним.» Тут я вспомнил, что говорилось, что врач немец, потом оказалось что фельдшер из Австрии, австрийский еврей Швицер²⁴, а дневальным у него был берлинский немец Зондер²⁵. Знание немецкого языка мне очень и очень помогло. Со Швицером я заговорил по-немецки, и это произвело на него такое сильное впечатление, что он заговорил по-немецки с явным желанием мне помочь: «Вам нужно сердечное лекарство, но поймите, у меня абсолютно ничего нет. Что же мне делать, ну вот примите это», – сказал он, вынимая из стеклянного шкафа бутылку. Это оказался раствор соды, но то, что обо мне кто-то заботится и дает лекарство, меня сразу успокоило и немного помогло. «Как жаль, что Вы пришли так поздно, я мог бы Вас на завтра освободить от работы, но я список освобождаемых уже передал нарядчику. Что же мне делать?» Я так умоляюще взглянул на Швицера, что он моего взгляда выдержать не смог и воскликнул: «Не волнуйтесь, как-нибудь устроим.» И на следующий день я от работы был освобожден. Целый день я лежал,



Схема катания бревен в штабеля. Рис. В. М. Шервинского.

только выходил покушать и к вечеру стал чувствовать себя гораздо лучше.

На утро к разводу я был у ворот, думая, что идти мне опять в лес, и с тяжелым сердцем я думал: «А вернусь ли я оттуда», – ведь сидеть не работать нельзя, заморознешь, а прыгать по глубокому снегу я всё же чувствовал себя не в силах. Но что же это такое? Первыми всегда вызвали повальщиков. Всех вызвали, они уже ушли, а потом вызвали меня и сказали: «Вот стой здесь.» Я стоял и ждал. Вызвали еще оставшихся, показали мне на одного и сказали: «Иди за ним.» Куда? Что со мной будут делать или вернее, что мне дадут делать? думал я, приготовившись идти далеко. Но мы прошли только с $\frac{1}{2}$ км. до высокого берега реки и остановились. Там уже горел костер и в предрассветной мгле виднелись огромные штабеля бревен «баланов». Это место называлось «катищем» – от слова катать. Назначили меня в пару к одному пожилому, уже опытному работнику и дали в руку тяжелый железный крюк сантиметров 60 длиной, им подцепляли бревна. Ледянка подходила к самым штабелям, сани останавливались на высоком берегу у конца штабеля, бревна с воза кидали на штабель, а оттуда их надо было катить вниз. Мой

звеньевой начал меня учить. Стоя спиной к реке, надо было крючком расшевелить бревно и катнуть его, потом, перепрыгнув через катящееся бревно, толкать его одной ногой и все время бежать вперед, выправляя крючком направление, чтобы бревно не ушло вбок, а оно упорно уходило, так как оно ведь конической формы. Я, погоняемый старшим, горячо взялся за работу, она мне вначале казалась детской игрой по сравнению с прыганием по глубокому снегу. Но и тут я, конечно, не рассчитал свои силы, через пару часов пар стал валить от меня, бушлат я снял уже предварительно, я растянул и телогрейку, скинул и рукавицы: «Что ты делаешь, отморозишь руки», сказал звеньевой. Но пара во мне было так много, что ледяное железо в моих руках согревалось и совершенно не чувствовалось холода. Я продолжал прыгать и все катил и катил бревна. Если бы все бревна были прямые, было бы хорошо, они катились бы легко, но много было дугообразных и, чтобы их раскатить, требовалось довольно большое усилие. Толкнешь его ногой, а оно только немного скользнет, но не катится, приходилось через него перепрыгивать, стать спиной к направлению, подцепить бревно крючком под жилой и приподнять

вогнутую часть, тогда бревно тяжелым взмахом начинало катиться, надо было опять перепрыгнуть через него и толкать ногой, торопясь, чтобы не остановилось и в то же время крючком выравнять направление.

Эта «детская игра» начала утомлять, я то и дело останавливался, чтобы передохнуть и тут же слышал окрик: «Давай, давай.» Мой старший стоял ниже меня и подхватывал подкатываемые мною бревна и катил их дальше, и если я останавливался, ему тоже приходилось останавливаться. Не давал он мне передохнуть и я ели дотянул до обеда. Звеньевой видел, что я ему не пара, что я после обеда скисну и сказал мне: «Скажи бригадиру, чтобы дал мне другого помощника.» Я сказал и остался сидеть у костра. Просидев с час, я опять почувствовал себя немного лучше, а сидеть становилось холодно, огонь печет, а спина замерзает, повернешься спиной – грудь замерзает, я поднялся и пошел по направлению к моему штабелю. «Куда ты?» – спросил меня бригадир. «Да пойду опять поработаю», – ответил я слабым голосом. «Нет, туда я поставил другого, а поднимись на этот штабель, тут твой земляк, помоги ему.» Это был крестьянин Битте²⁶, он был старше меня, но, как человек привыкший к физическому труду, умел рассчитать силы и сразу же мне сказал: «Не торопитесь, работайте спокойно, иначе у Вас ничего не получится, да нам и торопиться-то ведь некуда.» Слова, конечно, очень разумные, вполне соответствующие опытному человеку, и я, глядя на него, спокойно катил бревно за бревном. Но как бы спокойно я не работал остаток дня, я к окончанию работы был опять не в лучшем состоянии, чем в первый день, тем более, что остаток утомления от первого дня еще крепко сидел во мне. Тяжело передвигая ноги я и на этот раз проходил ворота и грустные были у меня мысли: «Что со мной будет, если такая работа будет продолжаться.»

Только я вступил в барак, как мне сообщили, что приехала врачебная комиссия и всех нас будут снова осматривать. И хотелось мне, чтобы меня осмотрели и дали инвалидность, но, с другой стороны, слово инвалид было для меня слишком непривычно и пугало меня, мне казалось, что если я инвалид, значит я безнадежно болен, а как не хотелось быть больным. Только я успел поужинать, как позвали в амбулаторию. Главным в комиссии был врач Родионов²⁷, он сам из заключенных, прекрасно понимал заключенных, сразу видел, кому надо помочь, а кто только симулирует, и к тому же еще человек сердечный. Осмотрел и выслушал он меня, покачал головой и дал инвалидность, не говоря ни слова. Я только успел его спросить: «Каково мое состояние?» и получил ответ: «Неважно». На работу ходить мне больше не надо было, но настроение у меня было плохое, слово врача «неважно» меня беспокоило. Целыми днями я всё лежал и всё думал и думал.

Сразу по приезде на бую я написал домой почтовый адрес, но я был уверен в том, что письмо я получу раньше, чем мое дойдет до Риги, и уверял в этом моих друзей. Я слишком хорошо знал мамочку, мои мысли всё время были с ней, а ее мысли со мной. Я ясно чувствовал, как она беспокоится, как она всё время заботится обо мне. Я чувствовал, что письмо уже летит, что посылка уже выслана. Друзья мои мне не верили, но я был уверен, и велико было удивление всех и еще больше моя радость, когда уже через несколько дней при раздаче писем выкликнули мою фамилию, дали мне письмо и сообщили, что посылка прибыла. Дрожащими руками я схватил письмо, какая радость – мамочка всегда писала, что дома все благополучно, и я верил ей. Вечером я пошел получать посылку. Как забитый зверек я стоял и ждал моей очереди, а обжившиеся уже нахалы-лагерники все лезли вперед (оказалось, что в лагере далеко не

все были 58ые, воров, правда, не было, но были еще бытовики). Раздавала посылки жена зверя-начальника лагеря, который собственноручно бил заключенных. Жена же в противоположность мужу была очень сердечная женщина, она работала в лагере главбухом, она заметила меня. «А вы что же, так стоя в стороне вы можете еще долго простоять. Как ваша фамилия?» Разыскала мой ящик, вскрыла его, предложила мне держать мешочек, в который посылка была зашита, и стала выкладывать туда содержимое. Предосудительного, конечно, ничего не было, я получил всё и по наивности попросил ящик (я не знал, что ящики давать не полагалось, в Риге ведь я передачи получал в открытом виде). Жена начальника и на это согласилась, и я счастливый, отнес свое богатство в соседнее помещение, в каптёрку. Связь с домом была восстановлена, а что мне еще больше надо было.

Из всех 28 латвийцев нас было 8 человек освобожденных от работы, и только стало известным, что мы на работу не идем, как начали с нас снимать одежду. Сначала пришел комендант (заключенный), у Баклана он взял валенки и ватные брюки, у меня валенки, больше он у меня как-то не решался брать, он ко мне относился с некоторым уважением. Особенно почему-то приставали к Баклану, сняли с него все и одели в очень старую одежду, почти лохмотья. С Лутума тоже сняли валенки и ватные брюки, а меня вызвали в контору. Там мне официально объявили, что фуфайку (ватную куртку) я должен отдать работающим, что у меня остается бушлат (ватное полупальто), что в лагере мне вполне достаточно. Фуфайка была новая и потому теплее старого бушлата, но ничего не поделаешь, пришлось примириться, притом ватные брюки у меня остались.

Мои знания немецкого языка дали мне возможность сблизиться с фельдшером и с его дневальным, и они помогали мне

медикаментами, насколько только было возможно. Дневальный принес мне даже в барак какие-то малюсенькие таблетки для подкрепления сердца, как он мне сказал. Только впоследствии, работая при медицине, я догадался, что это были таблетки «Нитроглицерина», лекарство, правда, сердечное, но не имевшее никакого отношения к моему состоянию. Всё, что эти немцы мне могли дать, я аккуратно принимал и стал чувствовать себя гораздо лучше, и по мере того как улучшалось мое физическое состояние, улучшалось и настроение.

Лутумс тем временем устроился в портновской, а я стал скучать. Правда, комендант заботился о том, чтобы мы, инвалиды, не скучали, и задавал нам всевозможные работы по лагерю. Понемногу мы помогали дневальным: каждый вечер надо было мокрую одежду и валенки работавших носить в сушилку и развешивать на проволоке, а утром опять всё надо было заносить в барак. Как-то нам поручили резку щепы для крыш: распаренные чурбаны специальным рычагом расщеплялись на пластинки, и так мы несколько часов проработали. Иногда кололи дрова для кухни и за это получали особую порцию супа или каши или пару пончиков, а пончики были, действительно, хороши. Кроме того каждому из нас была поручена расчистка от снега какой-нибудь части дорожки, и снег мы чистили каждый день, и я это делал с удовольствием, никто с работой не торопил и немного движения было необходимо, не всё же лежать. Но и этого оказалось мало, надо было искать еще занятия. Я пошел в контору предложить свои услуги. Я в то время еще совершенно не знал лагерных порядков, не думал совершенно, что в конторе люди получают какую-то плату за свою работу. Я же только искал занятия и об оплате не думал, а работавшие в конторе меня очевидно не поняли, сочли, что делиться нет смысла и ответили мне уклончиво «Да, может

быть, но в настоящее время не нужно». Но нарядчик, а это всегда плауты, а значит народ сообразительный, сразу понял, что может меня использовать и облегчить себе работу и предложил мне заботу о его картотеке. На каждого человека у него была карточка: имя, отчество, фамилия, статья и трудоспособность /т. е., категория труда I или II или инвалидность/. Эти карточки утром при разводе почему-то всегда перемешивались и надо было их складывать в строго алфавитном порядке, и каждый день я ему картотеку перетасовывал. Но и этого мне, конечно, было мало. В каждом лагере имеются библиотеки, но наша 6 подкомандировка была лагерем очень маленьким (около 300 человек) и потому и библиотека была очень маленькая, и почти ничего для чтения я найти не мог, то, что хотелось читать, было на руках. Но я все же то и дело заходил в КВЧ /Культурно воспитательная часть/ хоть газету почитать, и культорг – из заключенных, тоже решил меня использовать, дал мне графитовые журналы и делать разные записи. А тут подвернулся еще повар, ему каждый день надо было писать меню и делать расчет продуктов. Стал я и ему помогать и за это получал дополнительную порцию. Как-то вызывают в контору деньги получать, за что это могло бы быть? Оказалось, за два дня работы в лесу мне насчитали 6 рублей, я был очень удивлен и вместе с тем обрадован, ведь 6 рублей для заключенного-инвалида большие деньги и вечером в дополнение к полученному пайку я купил две котлеты по рублю. Я спал на втором этаже рядом с Бакланом, Лутумс устроился отдельно около двери, его постоянно мучил кашель и астма и он ночью ложился на пол и вдыхал воздух, проникавший в дверные щели. Баклан был очень мил по отношению ко мне, его душевность меня покорила, и мне страстно захотелось проявить и мою заботу о нем, всё, что я получал, я делил с ним – одну котлету себе, одну ему,

дополнительные пончики от повара – пополам, а когда пришла посылка, я ему тоже все время выделял и масла, и сахара. Так мы жили в далекой, глухой подкомандировке и на что надеяться – не знали.

Как-то нас всех созвали и объявили, что будет объявлен приказ. Это объявление нас заинтересовало, все притихли и стали внимательно слушать. Объявлялось, что за причинение увечия и убийство среди заключенных виновный приговаривается к расстрелу. Я к этому времени уже привык к лагерной жизни, много наслушался и знал, что «воры» уж слишком разошлись. Нам повезло, мы были только на одной пересылке вместе с не 58ми, компания у нас была сильная и дружная и дело обошлось без драки. Но в других местах было хуже и убийства были явлением нередким. Приказ был серьезный, это понимали все, а когда через некоторое время было объявлено, что двое расстреляны, «воры» присмирели. Какими бы подонками общества они ни были, а жить и им хотелось, и тайный приказ по их, надо сказать, сильной организации заставил призадуматься всех.

Как я уже упомянул, при поступлении на 6 подкомандировку меня спросили, какие вещи у меня казенные, и я чистосердечно сказал, что и валенки, и ватная одежда казенные. Теперь, когда я стал инвалидом и на работы не выходил, меня официально решили раздеть – вызвали в контору и объявили, чтобы валенки я сдал и ходил в своей обуви, а новые ватные брюки и фуфайку мне заменят старыми. Объявление было официальным и возражать не приходилось. Жаль было, но разоблачиться пришлось. Снял я свою новую одежду и с отворачиванием надел старую, а валенки сдал совсем. Лыжные ботинки у меня были хорошие, и отсутствие валенок меня не особенно беспокоило.

Большим развлечением был приезд разъезжающей труппы самодеятельности /тоже, конечно, заключенные/ – пение, музыка,

танцы и, в память 100 летия со дня смерти Гоголя – инсценировка «Ссоры Ив. Ив. и Ив. Никифоровича». Силы довольно хороши и несмотря на то, что была духота и все время пришлось стоять, концерт дал некоторое освежение.

Морозы стоят сильные, говорят, что больше 40°, но, как я уже писал, это совсем другой мороз, чем у нас, и я спокойно выхожу без перчаток.

Снега огромные сугробы сильно мне напоминали зимние картины Гермашева²⁸ в те моменты, когда светило солнце, особенно дым, поднимающийся из всех труб. А труб здесь много, и дым, придавленный морозом, медленно поднимается, а на уровне 3–4 метра резко принимает горизонтальное направление и сливается в одну полосу, как бы объединяет все трубы.

Шестая подкомандировка была лагерем рабочим, а рабочие лагеря все на хозрасчете, и держать инвалидов было невыгодно, кормить их надо было за счет работающих. Вполне естественно, что начальник лагеря Макарчук²⁹ (мы его называли Марк-Артуром) хотел от нас избавиться, но куда, никто таких не хотел.

Когда случилось, что в лагере «Зимка»³⁰ понадобились столяры, то Макарчук этим воспользовался и стал наводить справки, какой специальности инвалиды в его лагере. Зимка считался лагерем инвалидным, но там имелась столярная мебельная мастерская и для столярной мастерской заготавливался лес, так что кроме инвалидов, которые частично работали, были и категорийные – работающие. Мы все, как инвалиды, так и категорийные в Риге работали столярами, значит мы все столяры и смело мы все называли себя столярами, уж очень хотелось убраться из глухого лесного места, где мы себя чувствовали похороненными и отношение начальства к нам было соответствующее. И нам повезло, всех нас рижских инвалидов и несколько категорийных было

намечено к отправке и вечером 24 февраля нас известили, что утром мы идем на головной в Иоссери.

Всё было хорошо, но ноги, ведь они у меня все равно что голые, идти в ботинках при 30° морозе и в такую даль совершенно невозможно, и я побежал в контору. Новые мои валенки были у меня взяты и даны другому, их не вернешь, и мне сказали, что если я в каптерке какие-нибудь старые валенки могу подобрать, то пожалуйста, начальство не возражает. Настоящей пары не оказалось ни одной. В большом волнении я стал перебирать штуку за штукой. На одну ногу я подобрал довольно скоро, но на вторую никак. Выбор, конечно, был небольшой и пришлось взять не особенно удобный, и он-то в пути причинил мне неприятность. Но что же делать, не оставаться же, не рисковать же идти в ботинках.

На этот раз утренние сборы были недолгие, так как имелось несколько попутных подвод, шедших в соседний лагерь и могущих нас довезти до перекрестка – 6 километров. На перекрестке мы должны были дожидаться других подвод, на которых нас обещали довезти до полпути, т. е. до лагеря, где нас обокрали по дороге сюда. Опять обычный обыск, опять перетрясли все вещи. Не только без сожаления, но даже радостно мы покидали это забытое всем хорошим место, одна только жена Макарчука, так сердечно относившаяся к заключенным 58м, осталась маленьким светлым пятнышком в моей памяти, да еще фельдшера Швицера и его дневального немца я покидал, сердечно пожав им руки.

И так мы покатали по рыхлому снегу, к морозу я успел уже привыкнуть, и 6 километров промелькнули незаметно. На перекрестке нас выкинули. Встречных подвод не было и, чтобы ждать было не слишком холодно, мы забрались в маленькую землянку, неизвестно для чего когда-то построенную. Ждали мы долго, может быть целый час, а

подвод всё нет. «Надо 10 км идти пешком до 1го лагеря, а то опоздаем на подводы от туда на головной», – сказал конвойный.

Наверно, за месяц отдыха – ничего недоедания и усиленного лежания, я значительно окреп, так как нести 10 км мои вещи теперь оказалось нетрудно. Вещи были те же самые, правда, я немного лучше приспособился их нести. Я чемодан и мешок сцепил вместе, чемодан закинул за спину, а мешок свесил вперед, и весь груз таким образом сосредоточился на плече. Руки оказались свободными, а значит и идти легко. Шли мы не только бодро, окрыленные хорошим настроением, так как мы шли вон из леса, но даже быстро, потому что конвой всё время торопил, обещая подводы с полпути. Длинной вереницей гуськом прошли мы эту часть пути, а подвод не оказалось, и нас хотели гнать дальше. Еще 20 км. с вещами, нет это нам не под силу, мы забрались в сторонку и сказали, что сами-то мы пойдем, но для вещей подводу должны дать. Конвойные удалились и через некоторое время подвода была дана. Я за это время успел переобуться, неудобные валенки стали натирать ноги, и с двойной энергией, не отягченный вещами я выступил. Лутумс, гораздо более сильный физически чем я, шел тяжело, я же шел без заметной усталости. Навстречу нам попался трактор с огромным возом сена, даже это приходилось завозить в дальние лагеря. Чтобы дать трактору дорогу, пришлось прыгнуть в глубокий снег, здесь чуть не по горло, но зато тяжелая машина до некоторой степени умяла даже рыхлый северный снег и по следу было идти хорошо, ноги вязли только незначительно. Но недолгим было это удовольствие, трактор пошел по какой-то другой дороге и опять пришлось зашагать по рыхлому месиву, я только старался попадать в след предыдущего, так все же было немного легче.

Снег, снег, снег, всё кругом бело, деревья покрыты густым слоем, так что немного от

хвои оставалось видно, и мертвая северная тишина. Очень, очень редко пересекал дорогу мелкий след какого-то лесного хищника, настолько легкого, что он не тонул в снегу. Иногда показался вороний след и это всё на десятки километров. Несколько раз мы просили отдыха и тяжело садились прямо на снег. Ватная одежда холод не пропускала, подтаять же снег при этом морозе не мог. Но вот лес кончился, и вышли мы на бесконечную равнину, когда-то был лес и здесь, но все уничтожено безжалостной человеческой рукой. Солнце стало садиться, и чем ближе к горизонту, тем ярче оно становилось. Из белого оно превратилось в желтое, из желтого в красное, и когда мы увидели домики головного, огненный шар стал опускаться за горизонт. Как хорошо, что мы пришли засветло, как трудно идти в темноте по рыхлому снегу, я знал по опыту пути месяц тому назад. Большинство наших были совершенно измучены, говорили, что еле доплелись, я, конечно, тоже устал, 30 км, из них 10 с вещами, это кое-что да значит, но я всё же чувствовал себя бодрым, хотя и охотно сел на чемодан, ожидая очереди у проходной.

Опять перетряска вещей, и мы за забормом. На этот раз предполагалось нам в лагере жить сколько-то дней, жить же в бане нельзя и нас поместили прямо в бараках и при том в разных, так как свободных мест было мало. Вещи, к счастью, удалось сдать в каптерку, спать решили не раздеваясь, и потому было не опасно. Я занял место и первым делом побежал позаботиться о письмах, просить, чтобы их не посылали на старое место в 6 подкомандировку. «Нет», говорят, – «будьте спокойны, не пошлем, а как ваша фамилия?» Я назвал и спрашивавший, подумав немного, открыл ящик и говорит: «Да, для вас есть» – и дает мне в руки письмо, вынимает следующее и опять дает и т. д. и только считает: «одно, два, три, четыре, пять, шесть ... я только стою с

открытым ртом и глазам своим не верю ... семь, восемь, – больше нет». Сразу восемь писем. Долго я их читал, а потом стал искать оставшихся здесь Шалковица и Батяя. Радостной была наша встреча, было что рассказать друг другу и незаметно пришло время отбоя и пришлось разойтись. Шалковиц жил при стационаре (больнице), Батяй же как электрик жил в техническом бараке, он каждый день выходил на работу на деревообрабатывающий завод.

Как происходит выход на работу, я знал по бой подкомандировке, но там люди живут в глухом лесу, бежать некуда и потому формальностей особых не было, просто вызывали по фамилиям и вместе с бригадиром уходили на работу. Конвой, конечно, был, но только как формальность, и я его и не замечал, когда выходил на работу. Здесь же, на головном³¹, п/о Иоссер, п/я 243–14, было иначе. Лагерь около самой железной дороги, и потому на работу выводили командами под охраной. По фамилии вызывали, потом выстраивалась колонна, читали «молитву», я текста не помню, но содержание всегда было одно и то же: «идти, не разговаривать, не смотреть по сторонам и что при попытке к бегству конвой стреляет без предупреждения».

«Попок» (конвойных) заключенные ненавидели, и потому нахалы из бытовиков их постоянно дразнили, всячески обзывая, и всё время стараясь не слушаться. «Попки» за это заключенным мстили и мучили всех, не считаясь с тем, кто их дразнит. Особенно плохо было в грязную погоду, а этим «попки» пользовались. При особенно обидном замечании раздавалась команда «стой», а после того «ложись». Кругом грязно, мокро и ложиться в грязь, конечно, никому не хочется, и все стоят. Вторично раздается грозный оклик «ложись». Опять никто не шевелится и раздаются выстрелы, и пули свистят над головами несчастных. Делать нечего, умирать

никому не хочется, и один за другим все ложатся. И тут начинается самое большое издевательство, люди лежат пять, десять, пятнадцать минут, а конвойные спокойно прохаживаются, курят, болтают, а люди всё лежат. Потом, наконец, команда «встать». Грязные, мокрые все встают и на конвойных изливается злоба ужасными словами. Сначала «попки» не обращают внимания, но потом опять окрик «стой» и издевательство начинается сначала. И так бывало, что расстояние в пару километров шли часа два. На обратном пути шли спокойнее, так как все стремились поскорее на покой и инциденты бывали редко. Работа от этого, конечно, сильно страдала, но какое до этого дело конвойных.

Вечер за вечером я встречался с Батяем, и в дружной беседе мы проводили время.

А в бараке, где мне пришлось жить, было нам не очень плохо, если не считать того, что спать мне приходилось на трех досках с прозорами, больше досок на моей койке не было. Я писал, что спали мы не раздеваясь, чтобы вещи не пропали, но валенки все же снимать на ночь надо было, спать в валенках было бы слишком тяжело. Ставил я их между тумбочкой и койкой и думал, что я замечу, если кто-нибудь вздумает брать. Первая ночь прошла спокойно, но после второй ночи я проснулся, а валенок нет. Я был в отчаянии и растерянно стал искать под койкой, под соседней койкой – нигде нет. Что делать, ведь я оказался босиком, ботинки мои были в мешке в каптерке. Я не знал, что предпринять, кругом меня враждебные люди, которые рады поживиться за счет другого. Насколько за два дня мне удалось приглядеться к окружению, то получилось у меня впечатление, что, кроме двух главарей воровских, спавших отдельно не на нарах, а на кроватях, на ватных матрацах и под ватными одеялами, дневальный по нашему бараку тоже был человеком весьма влиятельным, и я решил обратиться

к нему. Жалкий у меня, наверно, был вид, когда я обратился к нему с заявлением, что у меня пропали валенки. «Как пропали?» – сказал он обиженно – «у нас ничего не пропадет». Как я потом понял, по воровским законам в своем бараке мы свои и у нас ничего брать не положено. На пересылке мы были чужие, и там не только можно было, но и нужно было поделить наше имущество. «Посмотри хорошенько, валенки должны быть здесь». Но я ничего не нашел. На новую мою жалобу дневальный раздраженно сказал: «Да смотри на ногах, наверно, кто-нибудь одел». На ноги я, правда, не догадался смотреть, и поиски мои в этом направлении увенчались успехом, недалеко от моих нар лежал один «поддон» и спал, громко сопя. Валенки на нем были мои. Но как же теперь их взять. «Да буди же и снимай», – сказал мне дневальный на мое заявление, что валенки есть, но на ногах вот этого человека. Неприятно мне было будить, я ожидал спора и грубой ругани, но разбуженный, когда разобрался, что я от него хочу, спокойно, как ничего не бывало, скинул валенки, не сказал ни слова, повернулся на бок и опять уснул. Радость моя была очень велика, я ведь знал, что начальство на мою жалобу не обратит внимание и других валенок мне не получить. Весело я валенки натянул и выбежал наружу. На солнце капало и очень осторожно надо было ходить, чтобы не намочить ноги. Но как осторожно я ниходил, валенки все же намокали, а вечером мне приходилось их прятать за тумбочки и они плохо просыхали.

И вот пришла команда собираться, 1 марта 1953 г. мы едем на «Зимку» в инвалидный лагерь. Будет ли там хорошо или нет, нельзя было знать, но слава о Зимке была хорошая, говорили, что там есть мастерские для инвалидов, что инвалиды заняты разными мелкими работами, что работа легкая и зарабатывают там неплохо.

Наскоро я попрощался с Батяем и Шалковицем и около проходной стали собираться все, кто пришли с шестой. Батяй был мне должен 18 руб. У него была хорошая военная одежда и сапоги, и он хотел вещи отправить домой – жене, а денег у него не было. Я ему помог, а теперь я уезжал и мне деньги надо было от него получить, у меня ведь в то время лишних денег не было. Сделал он вид, что беспокоится, бегал, пробовал одолжить денег у других, но получил только 5 руб., которые он мне и отдал, остальные деньги он обещал, что жена вышлет мне домой. Я ему дал мой домашний адрес и побежал к воротам.

Все мы собрались и, конечно, ожидание было долгим. Кроме нас было еще несколько бытовиков. Наконец, мы вышли за ворота, опять «шмон», т. е. осмотр вещей, и двое конвойных нас повели. Удивило нас, во-первых, то, что бытовиков от нас отделили, но еще больше удивило нас то, что конвойные были без автоматов, потом причина выяснилась. На этот раз я вещи свои удобнее приспособил на плече. Я чемодан и мешок связал самодельной веревкой, ее я сделал еще в Риге в подвале ВТ (внутренняя тюрьма). Мне там совершенно нечем было перевязать мешок, и я от простыни оторвал три длинные ленты и косичкой сплел веревку. Эта веревка теперь мне очень пригодилась, и несмотря на то, что тяжесть была та же, я нес легко, чемодан и мешок равномерно висели на плече, чемодан сзади, а мешок впереди, и я только один раз переменял плечо.

На станции Иоссер нам сначала предложили, для ожидания, угол в вестибюле, но скоро уже перегнали в зал для ожидания и в нашем распоряжении оказалась даже одна скамейка. Конвойные исчезли и такое их поведение нас прямо-таки привело в недоумение. Прошло около часа, и всё разъяснилось: во-первых, к нам 58м было полное доверие, не было еще случая, чтобы из 58х

кто-нибудь бежал. И потому нас решили для простоты перевезти до Весляны, 40 км, пассажирским поездом, хотя это и было запрещено. Один из конвойных вошел в зал, подошел к нашей живописной группе и тихим голосом спросил: «Кто из вас владеет русским языком?» Понемногу говорили по-русски все, но в совершенстве только я один и мне пришлось быть за старшего. Мне было поручено разбить нашу группу по три человека, раздать билеты, самые обыкновенные пассажирские билеты, и всем разъяснить, что мы едем пассажирским поездом, как якобы обыкновенные пассажиры, чтобы мы не толкались, заходили в восьмой вагон и в случае проводница спросит, кто мы и куда едем, сказать, что мы вербованные, направляемся в Весляны на работы. Что-то около часа ночи подошел поезд, спокойно мы прошли в вагон и по разным отделениям даже сидячие места нашли. Конвойных как-будто и не было с нами, куда они пропали, неизвестно. С момента ареста меня только гоняли и покрикивали на меня, а тут вдруг полная свобода. Уже на станции мы были рядом с ожидающей публикой, а здесь в вагоне уже бок о бок с частными «честными» людьми. Странное чувство овладело мной, как это вдруг такая свобода и доверие к нам, к страшным преступникам, «врагам народа». Но, конечно, это было только одно мгновение, подавленность слишком глубоко засела в меня и, конечно, при таких обстоятельствах улетучиться не могла. Часа полтора продолжалась эта кажущаяся свобода и мы прибыли на ст. Весляна, где мы уже были до отправки в Иоссери.

Так называемым «автобусом» – это грузовик, совершавший рейсы между Весляной и Вожаелью – нас погнали дальше и высадили приблизительно на полпути, откуда нам надлежало идти пешком около 5 км. Оттепель в Иоссери за эти три дня сменилась довольно сильным морозом градусов около 30°, но по тем местам это не считается

сильным морозом и, действительно, мороз не чувствовался, ведь одеты мы были сравнительно хорошо, нагружены тоже были порядочно – вещи ведь надо было нести, и шли мы довольно быстро. Одним словом, путь в легендарную «Зимку», про которую некоторые говорили, что там хорошо, а другие – что там плохо, мы прошли довольно легко. В проходной опять нудный шмон и поместили нас в 13 бараке. Все занесено глубоким снегом, и прибыли мы поздно вечером, когда было уже совершенно темно, так что ориентироваться в сложной планировке «Зимки» сразу было невозможно, да мы к этому и не стремились, все чувствовали усталость и старались поскорее лечь. Наша тройка – Бакланс, Лутумс и я опять устроились вместе и я стал разоблачаться. Снял бушлат, фуфайку и принялся за валенки. Но что это, валенки не снимаются, что-то как будто держит в носке. Я дернул сильнее и выдернул ногу из портянки, портянка, оказалось, примерзла к валенку. Как я уже сказал, в Иоссери была оттепель, валенки были сырые, и наставший мороз сковал их и приморозил. Кроме валенок и портянок, у меня на ногах были еще толстые шерстяные носки и я холода не чувствовал, но образовавшийся лед всё же подействовал и через пару месяцев у меня ногти почернели и чернота эта прошла только через 3 года, когда я уже вернулся в Ригу.

Мы были так называемые «инвалиды», нас не могли заставлять работать и нам была предоставлена возможность жить «в свое удовольствие», только кушать, спать и ничего не делать.

И вдруг событие, которое всех сильно взволновало.

«Умер Сталин»³²

Радиоточка у нас действовала чрезвычайно слабо. Надо было ухом приложиться, чтобы что-нибудь слышать. Мы все столпились около точки. «Что теперь будет? Не будет ли какой перемены?»

И, действительно, через некоторое время объявилась перемена, была объявлена амнистия. Но для кого и как, мы по нашей точке понять никак не могли. И хотелось верить, что и нас 58,ых она коснется и вместе с тем чувствовалось – нет, не для нас это, не захотят о нас подумать.

Когда нас всех начальник лагеря Шляпкин³³ созвал для объявления, к нему обратились с прямым вопросом и получили ответ, что амнистия для всех, кроме 58ых. Велико было разочарование и глубока была обида, что мы, которые даже не знали, за что посажены, оказались хуже жуликов и воров. Но что же делать.

Пока была зима и пока мы на «Зимке» огляделись, было еще ничего, но с наступлением весны такая «свобода» стала невыносимой, но что делать? И тут на наше счастье на нас – латышей обратили внимание немцы. С согласия начальника лагеря Шляпкина им разрешили взять нас в свою бригаду инвалидов, работающих по благоустройству территории лагеря и в помощь при различных хозяйственных работах. Немцы взяли нас в свой 10 барак. Там было чище, а главное, там была жизнь без не только ругани, но и без грубых слов вообще, а что может быть лучше – быть подальше от этой гадости, от ужасных подонков общества. И я вздохнул легче. Охотно я выходил на работы по расчистке дорожек, по перекопке грядок и по посадке цветов / немцы додумались даже до этого/. Они построили теплицу для цветочной рассады, и лагерь вскоре принял опрятный вид и стал даже каким-то уютным.

Полной неожиданностью для нас был приход доктора Шалковица и Батяя. С доктором мы сошлись еще в Риге и видеть его опять в нашей среде было приятно, а Батяй, хоть я с ним был знаком только по рижской пересылке и в дороге на север, был настолько общителен и разговорчив, что невольно привлекал к себе.

Они оба из Иоссери были направлены в медицинский пункт при поселке ЦАРМ / центральные авто-ремонтные мастерские/ в 6 км от «Зимки». А ввиду того, что этот пункт ликвидировался, были направлены на «Зимку» для усиления медицинской работы у нас. Батяй как электрик был приставлен к рентгену, тоже привезенному из ЦАРМ'а. Рентген поместили в отдельном домике – 15, там же устроился жить Батяй, и ему понадобился дневальный, и он предложил это место Лутуму. Лутумс, в то время еще недостаточно знавший Батяя Ивана Ивановича, согласился. Но потом, ближе познакомившись и узнав тяжелый характер Ивана Ивановича, от него ушёл. Ну да об этом потом. Шалковиц Ян Янович устроился при амбулатории. Начальником медчасти «Зимки» назначена была медсестра Анна Илларионовна Степанова³⁴, тоже из ЦАРМ'а. Она была из вольных и, хотя с очень малым медицинским образованием, была назначена начальником потому, что заключенные, а в особенности 58ые, начальнические должности занимать не могли.

Я часто ходил в гости к Батяю и Лутуму, к Яну Яновичу реже, и мы мило проводили вечера, развлекались невинными разговорами и воспоминаниями. Батяй, как я уже сказал, очень общительный, сошелся с одним не очень симпатичным типом, называвшим себя зубным техником, и тот от времени до времени приходил в нашу компанию, приходил и дневальный амбулатории – молодой наивный украинец, Шалковиц не приходил, он был слишком важный. И однажды этот зубной техник принес бутылку водки и стал угощать. Водка в лагере была запрещена, но за деньги ее то и дело доставляли «попки». Дверь заперли на крючок и стали угощаться. Я не любитель этого напитка, просто сидел у стола и слушал рассказы, которыми так богат был Батяй, и вдруг снаружи сильный стук в дверь.

Доносчиков ведь в лагерях сколько угодно, кто-то подглядел и донес начальству, и вот явился дежурный с двумя «попками» и хоть пока открывали дверь, бутылка и стаканы были куда-то запрятаны, «попки» всё скоро нашли и решение было быстро и просто: «В карцер на 3 суток». Батяй, зубной техник, дневальный и я /Лутумс по счастью отсутствовал/ должны были идти. Батяй, проявивший свою ловкость уже в лагере Иоссерри, и здесь не сплеховал, он потребовал отвести его к начальству и заявил, что он рентгеновский кабинет без присмотра оставить не может, и если его посадят в карцер, снимает с себя всякую ответственность за целостность кабинета. И его оставили. Нас же троих повели. Голые доски нар в камере – это было бы ничего, спать на досках я уже привык, но под голову нечего было положить, и это оказалось очень мучительным. На мне была ватная фуфайка, но снять ее, чтобы положить под голову, нельзя было, так как в камере было холодно. На голове была теплая шапка, но из-за толстой фуфайки голова неестественно запрокинута, шея начинает болеть и спать нет никакой возможности. Мучился я, ворочался и в конце концов сел, прислонился к стене и задремал беспокойным сном, а последующие ночи и не пробовал ложиться, а спал сидя. Три раза в день нам приносили еду, кое о чем говорили, что-то рассказывали и время тянулось медленно, медленно. Зубной техник, хоть и пройдоха и жулик, но тут показал благородность своей души: «Сколько раз», – говорил он – «приговаривали меня к сидению в карцере, но никогда я не сидел больше нескольких часов, всегда вызывал врача, доказывал, что я по состоянию здоровья сидеть в карцере не могу, и меня отпускали», «но нас трое, вы так сделать не сумеете, а я не могу оставить вас одних». Товарищеское чувство в нем было крепко, а он ведь к тому же был виновником нашего несчастья, и он

это чувствовал и в этом деле был безупречно честен. На второй день днем мы услышали голоса в коридоре, очевидно кого-то, и начальствующих лиц: «А в этой камере кто», «А здесь три пьяницы» – был ответ. И как смешно было слушать такие слова, я же был одним из трех пьяниц. Три ночи и два дня мы просидели, я думал, что для полноты суток надо будет сидеть еще один день, но камера открылась, и нас выпустили. Было как раз время завтрака, и я пошел в столовую. Немец бригадир работающих инвалидов как увидел меня: «Вы где же пропадали?» Я со смехом ответил: «Сидел в карцере». Мне смешно, и все кругом смеются. «Ну уж никак не ожидал», сказал бригадир «вы когда первое утро не явились и мне сказали, что в карцере, я не хотел верить, уж кто-кто, но что вас посадили, я себе представить не мог». Долго мы весело смеялись и было хорошо, ведь смеха в лагере нам не хватало больше всего.

Наш уютный и чистый барак облюбовала рабочая бригада и потребовала его себе. Немцы возражали, боролись, но ничего нельзя было поделать, нам пришлось переселиться и переселили нас в землянку 4. Землянка была грязная, запущенная, полна клопов. Но ведь в такую грязь мы не пойдём, и началась чистка. Всю мебель, т. е. кровати и тумбочки, вынесли наружу и началось характерное для лагеря уничтожение клопов. Большая жестяная ванна величиной в целую кровать и глубиной см. 50. Ванна эта ставилась на железные козлы, заполнялась водой и под ней разводился огонь. Когда вода начинала кипеть, в ванну окунали кровати, ворочая их так, чтобы ни одно место не оставалось неошпаренным. Потом окунали тумбочки, кипятком поливали стены и некоторое время можно было спокойно спать, потом постепенно начиналась война с клопами, ведь всех, конечно, уничтожить кипятком нельзя было, а дуста у нас не было, и варка мебели опять

повторялась. Вечерами, когда уже темнело, а кипячение еще не закончилось, красное пламя костров напоминало знаменитые слова «Горят огни горючие, кипят котлы кипучие».

Под влиянием аккуратных немцев наша землянка преобразилась, приняла аккуратный вид, и мы в ней зажили хорошо.

Отчасти от нечего делать, но больше из-за того, что интересно, я наблюдал природу, насколько это возможно за стенами лагеря. И вот одна утренняя заря особенно была замечательна: небо было покрыто продолговатыми облаками слоями, один слой за другим. Около горизонта полоски узкие, а кверху все шире и шире. Все окраски небес на севере очень нежны, и вот на горизонте полосы были окрашены в нежно-розовый цвет, и, поднимаясь вверх, окраска постепенно переходила в нежно-оранжевый, доходя почти до зенита. И вдруг в том месте, где за горизонтом находилось солнце, появился яркий оранжевый луч, но тоже нежной окраски. Луч мощный, почти до половины неба. Ждал я появления солнца, но нет, его заслонили облака и оно так и не показалось.

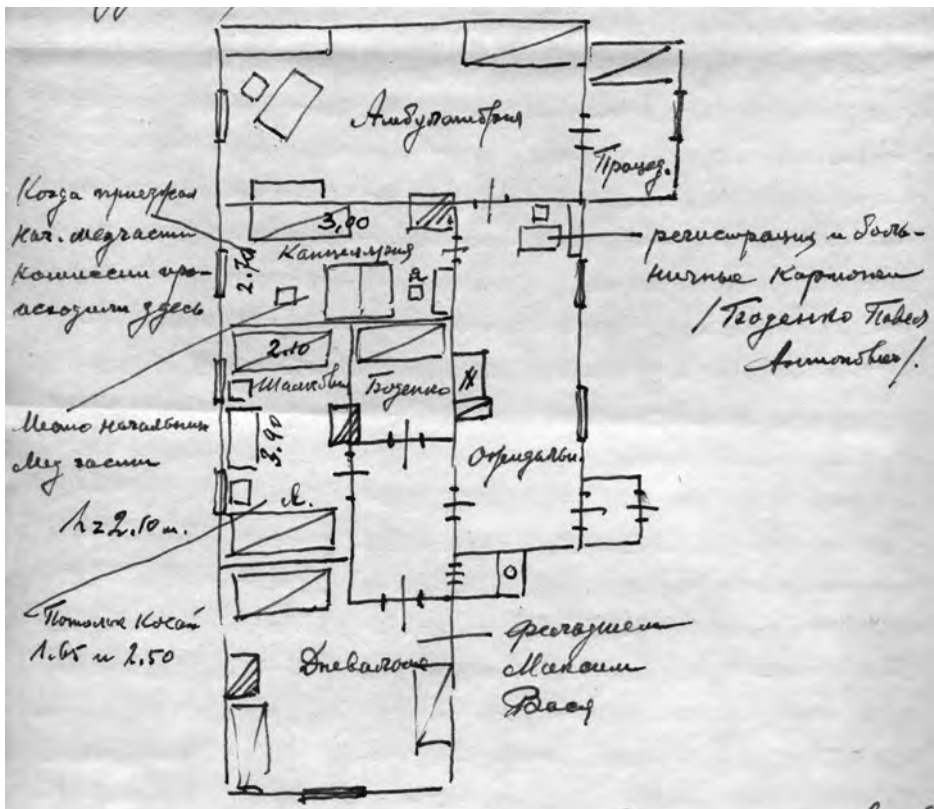
Первый раз после лета появились звезды. Вечерняя заря еще не вполне погасла, и небо на западе еще было светлое, а на востоке почти черное и на нем яркие звезды. У нас таких резких границ светлой и темной частей неба не бывает.

А осенью как-то ночью я вышел, был туман, около всех фонарей красноватое сияние и вдруг обратил внимание на то, что выше красноватых фонарей какое-то белое, лунного цвета сияние. Стал вглядываться внимательнее и что же – совершенно ясное северное сияние /первый раз в жизни/. Точно, на северной стороне, по полукругу, диаметром почти в $\frac{1}{2}$ неба расходятся вверх лучи, попеременно, как зубцы более длинные и более короткие. Только несколько секунд, туман опять сгустился и видение

исчезло. Я всегда думал, что северные сияния бывают только зимой, но мне объяснили, что именно осенью, а ближе к Новому году уже не бывают.

Канцелярскую работу в санчасти проводил интеллигентный пожилой украинец, он освобождался, и место оставалось вакантным. Тут мне помог Батяй, он как рентгенотехник имел постоянные дела с Анной Илларионовной, начальницей санчасти, и рассказал ей про меня, указав на меня как на подходящего кандидата. Батяй пришел ко мне, проводил меня к Анне Илларионовне и представил меня ей. Я ей понравился, и назначение состоялось. Целую неделю я постепенно принимал от украинца все дела и, как только он уехал, заступил на его место. Надо было вести приход и расход медикаментов, писать новые требования на медикаменты, регистрировать переписку, а ее было довольно много – заключенные очень любят писать заявления и жалобы, и, наконец, ежемесячные отчеты. Начал я привыкать к новой для меня работе, а переписку, лежавшую в хаотическом беспорядке, я решил привести в порядок, сшить ее в хронологическом порядке и, прошнуровав, зарегистрировать в алфавитном порядке, по фамилиям авторов. Работа правда большая, но ведь времени у меня было много, и я не только рад был работе, но и искал ее. Эта большая работа впоследствии сослужила мне хорошую службу. Целый день я сидел в своей канцелярии, ведь там было гораздо лучше, чем в бараке-землянке, там даже некоторым образом было похоже на нормальную жизнь, так, по крайней мере, мне казалось после всевозможных барачков, пересылок, палат по 50 человек и подвала Чеки. И я даже немного легче вздохнул, ведь и питание стало гораздо лучше, я стал получать больничный паек.

Через несколько дней Ян Янович предложил мне перейти жить в его комнату, он был один и рад был бы, если бы с ним жил



План амбулатории. Рис. В. М. Шервинского.

уже знакомый человек. Я был счастлив, я все время думал о том, как бы сохранить здоровье. Ведь я это обещал мамочке. Но Ян Яновичу честно сказал: «Ян Янович, я очень вам благодарен, но я ведь сильно храплю». «Ничего», – ответил он мне – «вы старайтесь спать на боку и все будет хорошо».

Я старался, спал не только на боку, но даже свесив нос с края подушки, но всё же храпел и, очевидно, довольно сильно, так как в один из приездов врача-отоларинголога Ян Янович просил обследовать мой нос и глотку, но всё оказалось нормально.

И вот я попрощался с немцами и перешел жить в амбулаторию.

Когда я всю канцелярию привел в порядок и привык к работе, у меня стало оставаться свободное время. Я читал, но

книг в библиотеке было мало, я выходил гулять по лагерю – это я делал ежедневно для моциона, но всё же время еще оставалось неиспользованным и тут я вспомнил Пирогова³⁵ – его мемуары мне удалось читать в Центральной тюрьме. Пирогов писал про себя и упомянул, что считает, что каждый интеллигентный человек должен был бы писать свои воспоминания, это и для себя приятно, а впоследствии историки смогут из каждого такого писания извлечь материал для исторических исследований. Об истории я не думал, но писать мне захотелось, это займет у меня время, а моим дорогим будет интересно, и я стал писать. Писать нам разрешалось раз в две недели, и за это время я не только приготавливал письмо, но и 4 страницы мелким почерком заполнял моими воспоминаниями.

Это заполняло мою одинокую жизнь, это не давало мне много думать.

Лутумс с Батяем разошелся, и ему поручили склад стационарного белья и починку. Он получил отдельную комнатку при стационаре, и много часов я проводил у него. Простота и искренность Лутума привлекали меня к нему, мы друг друга понимали, а потому и беседа была легка. А временами мы сидели и молчали, и даже это молчание облегчало душу.

Вскоре после прибытия на Зимку, как-то во время обеда подошел к нам-латвийцам пожилой коренастый заключенный и с украинским акцентом спросил, из Риги ли мы. На утвердительный ответ последовал новый вопрос: «А не встречали ли вы в Риге инженера Натоку?»³⁶. «Как же, воскликнул я, не только встречал, но мы вместе с ним работали в Строительном тресте». Коренастый украинец оказался дядей моего сослуживца, и дружба с ним была заключена. Он часто появлялся у нас в бараке, а с наступлением весны уговорил загорать. Лето на севере короткое, но солнце жгучее. Лутумс, оказалось, тоже был любителем загорать, и на травке за бараком 4 мы стлали одеяла и подставляли наши тела солнцу, то вперед грудью, то спиной, то одним боком, то другим. Я таким делом раньше никогда не занимался и потому боялся лежать долго: час, полтора, не больше. Наток же и Лутумс лежали по много часов и загорели буквально до черноты. Я тоже был темно-коричневым и нашел, что это занятие из очень приятных. Всю зиму загар держался, а следующей весной загорать мы начали опять с ранней весны. Но в 4 бараке мы больше не жили, Лутумс же жил при стационаре, и мы вдвоем облюбовали себе новое место за стационаром, на досках. Как хорошо там было греться, я это занятие вспоминаю с большим удовольствием и загорел я в это второе лето так сильно, как не представлял себе, что вообще могу загорать.

Осенью 1954 г. Лутумс освободился и уехал, и загорать мне пришлось одному. Наток определился на работу в лес, чтобы зарабатывать денег, и для загорания я облюбовал себе место около стационара. Но одному было скучно и с загоранием толкового больше ничего не получилось.

Доктор Ян Янович иногда выходил в поселок навестить больных из вольных и, возвращаясь, часто приносил образцы северной флоры: елка простая и серебристая с мелким красными шишечками, сосна обыкновенная, лиственница с вкусными молодыми, мягкими иглами, рябина, черемуха, лоза, черная ольха, береза и еще некоторые незнакомые породы. Веточки эти мы ставили в воду, в банки и этим оживляли нашу унылую комнатку. Но большинство этих растений мелкие, кривые, какие-то чахлые и только лиственница прямая и красивая. Пробовали мы считать количество колец сосны толщиной в конце см. 20. Кольца так часты, что считать почти невозможно, но было их, во всяком случае, не меньше 200. Древесина очень плотная и тяжелая, а смолы почти нет и свежий обрез дерева почти не пахнет, да и все здесь, надо сказать, пахнет очень, очень слабо. Нет в лесу никаких запахов. Почва плохая, один только белый песок, но настолько плотный, что не пропускает воду и образует болота. На высоком берегу реки 5–6 метров над водой стоит болото, трудно проходимое, и местами, только по оврагам, текут маленькие ручейки. Не удивительно, что при такой почве и на болоте, да еще при таком суровом климате, всё растет чахло. Спасают только белые ночи, когда растения могут расти и развиваться почти круглые сутки и догонять упущенное весной. Одна только лиственница растет хорошо, а ветки лиственницы, которые как-то принес доктор, так хорошо пахнут свежестью, что, можно сказать, освежили воздух в комнате и внесли запах наших латвийских лесов.

главному вору, а дисциплина в организации воров, нельзя только сказать сильная, но абсолютная, и заявил о пропаже. На следующий день один из воришек принес ему перчатки с заявлением, что перчатки нашли уже вне лагеря, так как их успели продать за 10 руб. Ян Янович охотно заплатил 10 руб., т. к. перчатки ему были очень нужны. Мое отчаяние было настолько велико, что я решил использовать тот же способ, сколько бы это мне не стоило, хотя капиталы у меня были очень и очень ограничены. Кто главный вор, я знал очень хорошо. Я пошел к нему, в их специальный барак, вызвал главного наружу, рассказал, в чем дело, и просил помощи. Надо сказать, что старшие вору народ очень самолюбивый и им нравится, когда к ним обращаются за помощью, и он довольно уверенно сказал: «Я думаю, что завтра ты свои очки получишь». Младшие вору «шакалы» находятся в полном подчинении у старших, об послушании не может быть и речи, так как законы у них твердые, очень жесткие и абсолютно безжалостные. Успокоенный я лег спать и на следующее утро с нетерпением стал ожидать появления кого-нибудь из младших и только думал: «А сколько он у меня спросит, – хватит ли денег». Вдруг в дверях появляется сам главный и кладет мне очки на стол. «Посмотри, все ли в порядке». Я открыл один очешник, второй, очки были в полном порядке.

«Спасибо», – сказал я, – «вы мне очень удружили». «У тебя как у медицинского работника брать не смели», – был ответ. Я был очень доволен и спросил, сколько я должен. «Ничего, я ведь сказал, что у тебя брать не должны были. А вот ты мог бы мне удружить. Спроси Анну /так они звали Анну Илларионовну, нач. санчасти/ три ампулы опия». На мое заявление, а даст ли она, он сказал: «Спроси только, тебе даст». Но как мне, с моим характером, трудно просить одолжения, но что же

делать, «долг платежом красен». Я пошел, рассказал Анне всё и просил помочь. Она вообще была хорошим человеком, но, зная ужасный нрав воров, не хотела идти мне навстречу. «Они ведь вам не дадут покоя, видя, что вы раз получили». Но всё же я ее уломал, она мне дала три ампулы, но всё приговаривала: «Смотрите, Владимир Максимович, будьте осторожны, чтобы не вышло неприятности». Но неприятности не вышло. Я три ампулы отдал и больше ко мне с просьбами не обращались, а в кино я ходить перестал.

Большую неприятность с ворами на почве наркотиков пережил Ян Янович. Он, не зная нрава воров, думал, что если он никогда ни одному ничего не даст, то от него отстанут и спрашивать не будут. Но не так-то вору, в них накопала злоба против Яна Яновича, и однажды, когда я был в «каптерке», т. е., у заведующего хозяйством, который ежедневно выписывал продукты на стационар, а мне надо было получить от него сведения, чтобы сделать раскладку, по какому-то личному делу вошел Шалковиц, а через несколько минут вошли три вора. Посмотрели вору на меня и на каптерщика и повелительным тоном сказали: «А вы двое уходите». Я еще толком не понимал, к чему это, но знал, что приказу воров надо подчиниться и хоть и нехорошо было оставлять Яна Яновича одного, вышел из помещения, за мной последовал и каптерщик. Он как более опытный сказал: «Ну, будут бить». Тут я понял все и хоть прекрасно понимал, что сильно рискую тоже быть побитым, бросился бежать на вахту, постучал и крикнул: «В каптерке бьют доктора». Дежурный выскочил и быстрым шагом пошел к каптерке, а я спрятался за угол и стал как совершенно постороннее лицо. Через несколько минут надзиратель вышел с ворами и направился с ними в сторону конторы. К счастью, это дело обошлось для Яна Яновича довольно благополучно. Вору сначала

стали с ним вести переговоры, потом стали угрожать и наконец нападать. Ян Янович защищался табуреткой, а к этому времени подоспел надзиратель. Только правая рука оказалась разбита в кровь и, конечно, сильные переживания, но он, человек очень сдержанный, не подавал вида. Как он после этого относился к вора, давал ли им наркотики, не знаю, но нападений во всяком случае больше не было.

Что-то только воры не вгоняли себе и под кожу и в вены, лишь бы одурманить себя. Были у них свои шприцы и подкожные уколы они делали просто через одежду, конечно, далеко не чистую, и никакая хвороба их не брала. А если не было что вливать, они раздобывали чай, варили четверку на стакан воды, пили и от этого напитка падали с ног как подкошенные.

Составляя я меню и делал раскладку продуктов для стационара. Узнав об этом, пришел ко мне заведующий платной кухней, тоже заключенный /в каждом лагере была такая, потому что работающие в лесу хорошо зарабатывали и им хотелось больше кушать/ и предложил мне писать меню и делать раскладку и для него. Он был человек малограмотный, и ему это делать было трудно. За эту работу он обещал мне дополнительные обеды. Времени у меня было достаточно, как делать раскладки, мне было известно, и я согласился, но только сказал, что обедов мне не нужно, я сыт и так, я ведь из стационарной кухни всегда мог получить, сколько мне захочется, но мне не хватает масла и сахара. «Масла растительного», – был ответ, – «ты можешь получить, сколько хочешь, а с сахаром труднее, но будешь получать и сахар». Питанием я теперь был обеспечен полностью, хлеб макал в подсолнечное масло и кушал с упоением, а сахар назначил себе по 2 чайных ложки в день и кушал его не в чай /для чая у меня был казенный /, а так просто со сал. И написал я тогда домой: «Ничего не

присылайте, я всем обеспечен», но мамочка и Танечка ведь не могли, они себе урывали, а мне всё же присылали, хоть и не продукты, а баловство.

Мы 58ые, конечно, мирились с тем, что с нами сделали, что же можно было поделаться, но темный элемент, особенно молодежь, мириться не хотел, и попытки к бегству были постоянные. Неоднократно делали подкопы из барака № 14, он ближе всего к забору, и там могла быть надежда на удачу. Копали траншею из подполья, чем попало крепили потолок, а песок вытягивали на одеялах. Был случай большой удачи: дошли до забора, прошли под него /а он зарыт глубоко/, прошли запретную полосу и оставалось только несколько саженей до песка, как подкоп обнаружили. А один бежал, спрятавшись в бочку для вывозки нечистот, но был пойман в 50 км в поезде. Сначала за бегство считали весь срок заключения снова, а потом не стали наказывать никак, считая, что тут виноват не заключенный, а начальство, что не углядело.

Некоторые из наших латышей получали по почте газеты и между прочим и «Сīņa». Из рук в руки переходили номера, всем хотелось знать, что делается в Риге, с жадностью читали всё, касающееся специально Риги. И глубоко меня взволновал снимок ул. Кирова. Я внимательно его разглядывал и вдруг ахнул – против памятника шли мамочка с Таней. Может быть, это и не они, но я думаю, что не ошибся. Выпросил я себе газету и хранил эту фотографию как святыню.

В общей сложности я за четыре года прочитал довольно много книг, и некоторые из них мне очень понравились. Так еще в Центральной «гостинице» я прочитал Сергеева-Ценского «Севастопольская страда», Жизнь Луи Пастера. В 5 колонии из прочитанных книг особенно понравились: «Адмирал Ушаков в Средиземном море», Арсеньева «В дубрах Уссурийского края».

Список прочитанных книг	стр.
<i>Март 1952 г.</i>	
Жизнь Луи Пастера	400
Юнг. Моряки	350
Чапыгин. Степан Разин (начало)	400
^x Сергеев-Ценский. Севастоп. страда II ч.	600
<i>5 колония в Риге</i>	
^x Осетинские народные сказания	325
Пигарев. Суворов	64
^x Тарле. Адмирал Ушаков в Средиземном море	232
^x Лурье. Макаров	302
^x Арсеньев. В дебрях Уссурийского края. Дерсу Узала	528
Серг.-Ценский. Севастоп. страда III ч.	640
Помяловский. Очерки бурсы	188
Павленко. Степное солнце	80
^x Шолохов. Поднятая целина I ч.	340
Чапыгин. Степан Разин (дочитал)	222
^x Рыбак. Переясл. Рада	648
^x Элиот Рузвельт. Его глазами	252
Закруткин. Кавказские записки	
^x Иммерсол. Совершенно секретно	470
<i>6 подкомандировка</i>	
Марков. Летопись Аляски	200
^x Л. Толстой. Хоз. и работник. О. Сергей. После бала. Фальш. купон. Хаджи Мурат. За что. Власть тьмы. Плоды просвещения. Живой труп	529
К. Федин. Первые радости	296
^x К. Федин. Необыкн. лето (не закончил)	300
<i>14 ОЛП</i>	
Одоевский. Шаг за шагом (не закончил)	300
<i>Зимка</i>	
^x Крузенштерн. Пут. вокр. света	302
^x Арсеньев. В горах Сихоте Алиня. Сквозь тайгу	397
^x Боборыкин. Китай-город	323
Голубев. Из искры пламя	455
Николаева Г. Жатва	530

Список прочитанных книг	стр.
^x Новиков-Прибой. Рассказы, I том	453
^x Гладков. Вольница	460
^x Шаров. Путешеств. продолжается	112
^x Стариков. Наташа (инженер)	25
Антонов С. Рассказы. По дорогам идут машины	270
^x Аксаков Сем. хроника. Детск. годы Багрова-внука. Воспоминания. Собираение бабочек. Наташа. Рассказы охотника. Шушерин. Гоголь. Державин	1144
Никитин. Северная Аврора	456
^x Лесков. Леди Макбет Мценск. уезда. Воительница. Очарованный странник. Железная воля. Тупейный художник. Человек на часах	370
^x Пирогов. Дневник старого врача. Письма	600
^x Короленко. История моего современника	228
Федин. Необыкнов. лето (окончил)	200

На шестой подкомандировке мне попала книга Пирогова «Записки старого врача», которая дала мне толчок для писания этих моих записок. И много было еще интересных книг, которые стоит читать и которые я отметил крестиком.

Одно место в книге «Брусиллов» Ю. Слезкина произвело на меня особенно сильное впечатление: «Удаленные на сотни верст друг от друга, тревожась друг за друга, тоскуя по близости Люба и Игорь чувствовали себя живыми и нужными друг другу. Вот почему разлука не истощала их, а напротив того, удесятерила их силу и веру в грядущую встречу.»

Я чувствовал именно так и потому эти строки все время мне сопутствовали и, действительно, подкрепляли меня.

Примечания

- 1 Трей, заключённый, бригадир в Рижской центральной тюрьме.
- 2 Кундзинь, пастор, заключенный, бригадир по отправкам в Рижской центральной тюрьме.
- 3 «Puding» – посылка в место заключения, выражение заключенных.
- 4 Санечка, мамочка – супруга В. М. Шервинского Александра Дмитриевна Шервинская (1886-1955), урожд. Кривошапкина. – См. «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Балтии. № 2(11), 38 ссылака (11-18) или «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Латвии. № 8, 2 ссылака (8-2)
- 5 Танечка- Татьяна Владимировна Умпане (1921-2005), урожд. Шервинская, дочь В. М. Шервинского. – См. «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Балтии. № 2(11), 5 ссылака (11-5) или «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Латвии. № 8, 3 ссылака (8-3).
- 6 КВЧ – культурно-воспитательная часть
- 7 Двинская ул. – улица Даугавпилс .
- 8 Др. Шалковиц Ян Янович – см. «Воспоминания архитектора В. М. Шервинского». Православие в Балтии. № 3(12), 106 ссылака (12-106)
- 9 Горная ул. – улица Калну.
- 10 Батяй Иван Иванович, заключённый, бывший офицер, товарищ по несчастью В. М. Шервинского,
- 11 Ковно – г. Каунас, Литва
- 12 Лутумс Мартиньш Андреевич (1894- ?), крестьянин Кастранской волости Рижского округа. Арестован 02.04.1946 г. за службу в полиции. Освобожден из Устьвымлага 2.11.1954 г. Товарищ по несчастью В. М. Шервинского.
- 13 Режица – г. Резекне
- 14 Зоммер, бывший председатель колхоза, товарищ по несчастью В. М. Шервинского, был старшим по вагону во время этапирования группы заключенных в Устьвымлаг.
- 15 «Попка» – уничижительное прозвище, данное заключёнными лагерным конвойным.
- 16 Шелегов, двинчанин, товарищ по несчастью В. М. Шервинского, был вместе с ним в лагере.
- 17 Каптерка – камера хранения в лагерях для заключенных.
- 18 Sekunda – вторая категория оценки состояния трудоспособности.
- 19 6-я подкомандировка- название рабочего лагеря в Устьвымлаге.
- 20 Баклан, товарищ по несчастью В. М. Шервинского, был вместе с ним в лагере.
- 21 «Комики» – прозвище, данное народности коми. Устьвымлаг находился в Автономной республике Коми.
- 22 Баланы- стволы срубленных деревьев, освобожденные от сучьев.
- 23 Ледяшка- ледяная дорога для транспортировки срубленного леса.
- 24 Швицер, фельдшер, еврей-австриец, товарищ по несчастью В. М. Шервинского в лагере.
- 25 Зондер, дневальный лагерного фельдшера, немец, товарищ по несчастью В. М. Шервинского в лагере.
- 26 Битте, крестьянин, говарищ по несчастью В. М. Шервинского.
- 27 Родионов, врач, начальник комиссии по медицинскому освидетельствованию заключенных в лагерях Устьвымлага.
- 28 Гермашев Михаил Маркианович, (1867-1930), русский художник-живописец
- 29 Макарчук, комендант лагеря 6-й подкомандировки Устьвымлага, характеризуется В. М. Шервинским как «зверь –начальник».
- 30 Лагерь «Зимка» – инвалидный лагерь 2-го головного лагеря Устьвымлага.
- 31 «Головной» – 2-й головной лагерь Устьвымлага.
- 32 Сталин Иосиф Виссарионович, наст. фам. Джугашвили, (1878-1953), советский партийный и политический деятель, единоличный правитель-диктатор СССР, создатель террористической коммунистической диктатуры, уничтожившей миллионы безвинных людей.
- 33 Шляпкин, начальник лагеря «Зимка» 2-го головного лагеря Устьвымлага.
- 34 Степанова Анна Илларионовна, медсестра, начальница медчасти лагеря «Зимка».
- 35 Пирогов Николай Иванович (1810- 1881), хирург и анатом, естествоиспытатель, педагог, автор воспоминаний «Записки старого врача», ставших для В. М. Шервинского толчком к написанию своих воспоминаний.
- 36 Натокa, инженер, сослуживец В. М. Шервинского в Строительном тресте в Риге.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Эйжена Умпаниса

Публикация документов

Последний отчет мирного времени: отчет о состоянии Рижской епархии за 1914 год

Обычной практикой синодального периода было составление епархиальными Духовными консисториями ежегодных отчетов о состоянии епархии. Отчеты подавались в канцелярию Св. Синода, где на их основе составлялся отчет обер-прокурора Синода, адресованный Государю-императору. В свою очередь, сведения отчетов о состоянии епархии основывались на отчетах благочинных, которые обобщались чиновниками (как правило, секретарем) Духовной консистории.

В оценке источников официального делопроизводства важно учитывать, что любая власть, как церковная, так и светская, в интересах самосохранения нуждается в объективной информации о настроениях в обществе, поэтому отчетные материалы достаточно откровенно рисовали положение дел. Негативные тенденции и недостатки не скрывались, дабы наметить пути преобразования церковной жизни. Разумеется, епархиальные отчеты не всегда отличались должной точностью, могли рисовать идеальную картину состояния епархии, однако преднамеренной фальсификации материала, как правило, не было, тем более, что правильность сведений можно было проверить информацией,

содержащейся в генерал-губернаторских и губернаторских отчетах.

Ежегодные епархиальные отчеты составлялись в начале следующего года, однако бывали случаи, когда отчеты подавались с опозданием или вообще не подавались. Такие нарушения наказывались как архиереем, так и Синодом.

Это случалось крайне редко, и было вызвано, как правило, периодом безвластия, т.е. когда прежний архиерей был переведен на другую кафедру, а новый еще не успел войти в дела епархии.

Содержание и качество епархиальных отчетов сильно различались. В одних отчетах мог быть серьезный анализ явлений в жизни епархии, в других же он заменялся общими риторическими рассуждениями.

Формально авторство епархиального отчета принадлежало архиерею, однако основную содержательную часть отчета готовил аппарат консистории, прежде всего ее секретарь, в свою очередь, архиерей лишь правил отчет, дополняя его отдельными вставками.

Разделы епархиальных отчетов, посвященные настроениям в обществе, состоянию его религиозности, нравственности



Архиепископ Иоанн (Смирнов)

являются авторитетным источником для анализа восприятия православным духовенством сложившихся в XIX - начале XX вв. взаимоотношений в обществе и положения в нем пастыря. Отчеты дают возможность познакомиться со всеми сложностями работы епархиальных органов управления, дают сведения о повседневной работе благочинных и благочиннических советов, жизни приходов и монастырей, деятельности православных обществ и братств, работе всего системообразующего церковного производства.

Предлагаемый читателю «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1914-ый год» может быть охарактеризован как рубежный, фиксирующий переходный период от мирного к военному времени. Интересно отметить, что первое упоминание войны (о лазаретах и раненых) появляется в отчете лишь на 10 странице.

Отчет написан на пишущей машинке. Судя по нечеткости оттиска, в руки публикатора попала копия оригинала. В тексте сравнительно много правок, сделанных чернилами. Таким образом, документ, видимо, является отпуском чистовика или одним из (последним?) черновиков.

Поражает внушительный объем документа – 69 страниц на бумаге формата А4, что совершенно нехарактерно для епархиальных отчетов. Чем это можно объяснить? Как видно из текста отчета, он готовился после 27 мая 1915 года. 25 апреля германские войска заняли Лиепаю, и военные действия переместились на территорию Курляндской губернии. 1 августа пала Елгава, и германская армия оккупировала всю Курляндию. Уже в начале июля началась эвакуация промышленных предприятий и их работников с семьями с территории Латвии вглубь России, эвакуация культурных ценностей и др. По приказу российских военных властей в июле была проведена эвакуация церковного имущества, наиболее ценной утвари и ризницы, колоколов, церковных архивов

и библиотек, Рижской Духовной семинарии и высшего духовенства епархии. Последняя архиерейская служба в Риге была совершена 3 июля 1915 года, после которой архиепископ Рижский и Митавский Иоанн в сопровождении большой группы духовенства отбыл в Юрьев (Тарту), в эвакуацию.

Судя по всему, авторы «Отчета о состоянии Рижской епархии за 1914-ый год» знали о предстоящей эвакуации или же считали ее возможной, поэтому и подготовили обстоятельный документ, в котором попытались охарактеризовать все стороны жизни епархии.

Кто является его автором? Разумеется, как обычно, черновик отчета был подготовлен чиновниками Рижской Духовной консистории. Однако основным автором отчета, несомненно, был архиепископ Иоанн. Это можно доказать тем, что автор всюду применяет такие обороты, как «представлено мне», «мною утверждено», «уволен мною», «мною совершено было» и др. Кроме того, многие факты, приводимые автором отчета, могли быть известны лишь правящему архиерею.

С 1910 года Рижской епархией управлял епископ Иоанн (Смирнов). Иоанн (в миру – Смирнов Иван Ксенофонтович, 1844-1919) родился 24 августа 1844 года в семье настоятеля Троицкой церкви села Красно Муромского уезда Владимирской губернии священника Ксенофонта Прохоровича Смирнова. Окончил курс во Владимирской Духовной семинарии, затем в 1868 году – С.-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия. Был назначен преподавателем Священного Писания в Рязанской Духовной семинарии. В 1869 году утвержден в степени магистра богословия. В 1875 году был назначен инспектором Рязанской семинарии, в 1883 году стал ее ректором. В 1883 году рукоположен во священники и возведен в сан протоиерея. У о. Иоанна и его супруги Клавдии Ивановны было пятеро детей: Иван, Евгения, Елизавета, Юлия и Татьяна. Автор ряда богословских книг по экзегетике, книг малых

пророков Ветхого Завета, а также книги пророка Даниила.

В 1901 году о. Иоанн, овдовев, был пострижен в монашество, возведен в сан архимандрита и вызван для служения в Александро-Невскую Лавру С.-Петербурга. 24 апреля 1902 года в зале заседаний Св. Синода было совершено наречение архимандрита Иоанна во епископа Чебоксарского, второго викария Казанской епархии. 28 апреля того же года в Исаакиевском кафедральном соборе состоялась хиротония. В Казани епископ Чебоксарский Иоанн пребывал в мужском Кизическом монастыре. Являлся председателем Казанского Епархиального Училищного Совета, заведовал избранием и назначением на приходы псаломщиков. 4 февраля 1904 года был назначен на самостоятельную кафедру епископа Полтавского и Переяславского.

13 августа 1910 года состоялось Высочайшее утверждение постановления Св. Синода о перемещении Преосвященного Иоанна (Смирнова) на Рижскую кафедру. В воскресенье, 29 августа 1910 года, Владыка Иоанн прибыл в Ригу, где 30 августа в Рижском кафедральном соборе отслужил первую Литургию. 6 мая 1912 года Иоанн (Смирнов) был возведен в сан архиепископа. 20 ноября 1917 года Владыка Иоанн был назначен архиепископом Рязанским и Зарайским. **Скончался архиепископ Иоанн (Смирнов)** 14 октября 1919 года, на 76-м году жизни, в Рязани¹.

Архиепископ Иоанн и чиновники Рижской Духовной консистории не просто охарактеризовали положение Рижской епархии в 1914-начале 1915 гг., они попытались дать критический анализ ситуации. Они пишут о подъеме патриотизма и религиозности среди местного населения, вызванном войной, однако отмечают и рост неверия среди молодежи и фабричных рабочих, усиление распущенности нравов (незаконные сожительства, кражи в церквях, развращение молодежи

книгами современных авторов, порнографией, кинофильмами и др.). Духовенство еще не видит опасности, исходящей от марксистской идеологии, однако уже понимает, что уровень нравственности населения стремительно падает и что улучшить положение можно лишь совместными усилиями как Церкви, так и органов государственной власти. В отчете рассказывается о храмах и монастырях епархии, о деятельности приходских школ, православных братств и других епархиальных и приходских организаций и др.

Авторы отчета дают оценку деятельности православного духовенства, причем пишут не только о хороших, но и о нерадивых священниках, о случаях пьянства среди священников и псаломщиков, о фактах небрежного отношения причта к своим обязанностям. Интересно отметить, что в отчете откровенно признается более высокий уровень грамотности среди католиков и лютеран, чем православных. Вместе с тем упоминаются 11 священников епархии, откомандированных в действующую армию, рассказывается о широкой блатворительной работе, развернутой духовенством епархии в условиях военного времени (помощь раненым и членам семей призванных на воинскую службу, организация и содержание лазаретов и госпиталей, пожертвование личных денежных средств на помощь раненым и др.).

В отчете дается детальный анализ деятельности баптистов, адвентистов и других неопротестантских движений, многие из которых перед войной были еще новинкой для местного общества.

В целом, «Отчет о состоянии Рижской епархии за 1914-ый год» – это уникальный исторический источник, подводящий своеобразную черту под существованием территорий Латвии и Эстонии в составе Российской империи.

Текст документа публикуется в современной орфографии.

Отчет о состоянии Рижской епархии за 1914-й год

I. УСТРОЙСТВО И СОСТОЯНИЕ УПРАВЛЕНИЯ

Рижская епархия, учрежденная в 1851 году², состоит из трех губерний: Лифляндской, Курляндской и Эстляндской. Отчетный год был шестьдесят третьим годом ее существования и пятым годом моего управления. Вспомогательными учреждениями по управлению епархией являются: консистория, Епархиальное попечительство и благотворительные.

Перемены в составе консистории. В отчетном году перемен в составе консистории не было. К концу отчетного года состояло: шесть членов – четыре штатных и два сверхштатных; секретарь, четыре столоначальника, казначей, архивариус и регистратор.

Делопроизводство. Консистория действовала в течение отчетного года с соблюдением предписанного уставом порядка делопроизводства и с удовлетворительным успехом. В течение отчетного года представлено было мне 83 протоколов и 609 журналов. Входящих бумаг в консисторию было 11 390 и исходящих – 12 370.

Хозяйственное состояние консистории. Консистория помещается в собственном трехэтажном доме, купленном в 1850 году. Но здание это представляется и неудобным, и тесным. Посему имеется у Епархиального начальства забота о продаже старого дома и о покупке более удобного поместительного дома или о постройке нового на прежнем месте.

Состояние архива консистории. Архив Консистории, помещающийся в двух отделениях нижнего этажа консисторского флигеля, с окнами частью на улицу, частью на

консисторский двор, достаточно светел, но тесен; для осушки имеются печи и форточки в окнах. Архив консистории 29 апреля 1915 года освидетельствован Присутствием Консистории, причем оказалось, что он содержится в чистоте, установленные по архиву реестры, указатель и другие книги имеются налицо. Дела, книги и другие документы, подлежащие хранению в архиве, содержатся в порядке, указанном Уставом Духовных Консисторий. О последствиях освидетельствования архива мною донесено, согласно 356 ст. Уст. Дух. Конс., Святейшему Правительствующему Синоду от 27 мая 1915 года за № 4238.³ К 1914 году всех архивных дел и документов было 77 055. В отчетном году сдано в архив на хранение 1 710 дел и документов.

Местный орган. С 1-го января 1888 года издаются, с разрешения Святейшего Синода, «Рижские Епархиальные Ведомости»⁴ с официальным и неофициальным разделами. «Епархиальные Ведомости» выходят дважды в месяц 1 и 15 числа, с платою по 5 руб. за экземпляр. Редактором официальной части состоит Секретарь Рижской Духовной Консистории Петр Соколов, обязанности же редактора неофициальной части до конца отчетного года исполняет Протоиерей Иоанн Шукин⁵, а с того времени исполняет брат его, священник Василий Шукин⁶. Цензором «Ведомостей» состоял Рижского кафедрального собора Протоиерей Владимир Плисс⁷.

Епархиальное Попечительство. В Рижском Епархиальном Попечительстве присутствовали два Протоиерея и один священник, из коих последний исполнял обязанности казначея. Секретарем состоял один из штатных членов Консистории.

Епархиальное Попечительство действовало в отчетном году с удовлетворительным успехом. Дел нерешенных в Попечительстве от 1913 года не оставалось. В отчетном 1914 году в производстве было 38 дел, которые в том же году решены Попечительством. Входящих бумаг было 158 и исходящих – 485.

Попечительство распоряжалось двумя видами капиталов: а) так называемым основным и б) пожарным на выдачу пособий духовным лицам, пострадавшим от пожаров.

Основного капитала к 1914 году оставалось 60, 339 руб. 16 коп., в 1914 году поступило 3, 358 руб. 97 коп. и израсходовано 4, 088 руб. 87 коп. Затем к 1915 году состояло 59, 609 руб. 26 коп. Из суммы под названием пожарной к 1914 году оставалось 7, 115 руб. 51 коп. В 1914 году поступило 193 руб. 80 коп., израсходовано было 351 руб. Затем к 1915 году оставалось 6, 958 руб. 31 коп.

В 1914 году в призрении Попечительства было всего 137 лиц обоего пола, коим пособие выдавалось по общепринятому в епархии порядку, а именно: а) священнической вдове 30 руб. и каждому ее ребенку по 20 руб., б) диаконовской вдове 20 руб. и каждому ее ребенку по 15 руб., в) псаломщицкой вдове 15 руб. и каждому ее ребенку по 10 руб.

Особое Правление эмеритальной кассы духовенства Рижской епархии, заведующее капиталами епархиального духовенства. С открытия Рижской епархии по 1860-й год вдовы и сироты Рижского Епархиального духовенства призривались Рижским Епархиальным Попечительством за счет суммы, получившей название основного капитала и составленной: а) из единовременных взносов духовенства по подписным листам, б) из кружечных сборов по церквам и в) штрафных денег, взыскиваемых с неисправных духовных лиц. Сумма эта по своей незначительности и по числу

сиротствующих духовного ведомства давала возможность Епархиальному Попечительству оказывать призреваемым весьма скудное пособие, а потому духовенство Рижской епархии с 1860 года стало уделять из своего жалованья известный процент на составление особого, так называемого капитала духовенства Рижской епархии, обусловив, чтобы из этого капитала пособие выдавалось по особо установленным для сего правилам только тем вдовам и сиротам духовного ведомства, мужья или отцы которых участвовали в составлении этого капитала. Капиталом этим до 1882 года заведывало Епархиальное Попечительство. Когда с течением времени капитал этот возрос до значительной суммы, участники составления его нашли, что он, как общая и неотъемлемая собственность духовенства Рижской епархии, должен находиться в независимости от Епархиального Попечительства, не сливаться с суммами оною, а потому в докладе 2 июня 1882 года XV-го очередного съезда депутаты от духовенства Рижской епархии испросили разрешение Рижского Епархиального Преосвященного избрать из среды духовенства кандидатов на должности в Управление вспомогательным капиталом. С того времени, независимо от Епархиального Попечительства, в Рижской епархии состояло еще Правление так называемого вспомогательного капитала. Состоявшийся летом отчетного года очередной XXIX съезд духовенства епархии, приняв во внимание, что вспомогательный капитал, получивший свое название при выделении его из основного капитала Епархиального Попечительства, в настоящее время в несколько раз превышает тот основной капитал, из которого он был в свое время выделен, и что так называемый вспомогательный капитал является в настоящее время вполне самостоятельным, постановил, согласно предложению Правления сего капитала, переименовать

последний в эмеритальную кассу духовенства Рижской епархии с оставлением в полной силе существующих правил сего капитала, но лишь с переименованием их в правила эмеритальной кассы духовенства Рижской епархии. Таковое постановление съезда духовенства мною утверждено.

Председателем Правления эмеритальной кассы в отчетном году состоял ключарь Рижского кафедрального собора Протоиерей Николай Лейсман⁸, казначеем – Протоиерей Рижской Благовещенской церкви Георгий Вахрамеев⁹, и делопроизводителем – диакон кафедрального собора Константин Дорин¹⁰.

Входящих бумаг в Правление эмеритальной кассы в отчетном году было 847, а исходящих – 1 068, журналов – 16.

Правление это заведывает капиталами трех видов: а) эмеритальной кассы, б) квартирным, в) погребальной кассы. Из квартирного капитала выделяются квартирные пособия тем заштатным священно-церковнослужителям, коим квартиры не могут быть отведены натурой или, в случае смерти священно-церковнослужителей, их вдовам и сиротам. Из погребальной кассы выдаются одновременные пособия семействам умерших священно-церковнослужителей на покрытие расходов на погребение последних.

К 1-му января 1914 года в эмеритальной кассе оставалось 266 481 руб. 92 коп. В 1914 г. поступило 44 021 руб. 72 коп., израсходовано 45 988 руб. 88 коп. Затем к 1915 году состоят 264 514 руб. 76 коп. Пособием из этой кассы в 1914 году пользовалось 292 лица.

Квартирного капитала к 1914 году оставалось 8 515 руб. 97 коп. В 1914 году поступило 6 279 руб. 2 коп., израсходовано 6 271 руб. 68 коп. Затем к 1915 году состоят 8 517 руб. 31 коп. Пособием из этого капитала пользовалось 223 чел.

Капитала погребальной кассы к 1914 году оставалось 14 601 руб. 72 коп. В 1914

году поступило 18 215 руб. 50 коп., израсходовано 14 913 руб. 10 коп. Затем к 1915 году состоят 17 904 руб. 12 коп.

Число благочинных. В отчетном году в Рижской епархии состоял 21 благочинный, в том числе 2 соборных. В отчетном году Верровский благочинный священник Иоанн Сепп уволен мною от должности благочинного по прошению, по болезни; исполняющим должность благочинного Верровского благочинного назначен священник Раппинской церкви Николай Пятс. Благочинными дважды в год были обозреваемы подведомственные им церкви и было доносимо Епархиальному Начальству о последствиях сих обозрений.

Благочиннические Советы. Вследствие постановления Рижского Епархиального Съезда в Рижской епархии, по примеру других епархий, существуют благочиннические советы, состоящие из благочинного, одного из священников благочиния и одного из псаломщиков духовного звания или окончивших полный курс Духовной семинарии. Последние два избираются на благочиннических съездах на 3 года. Круг деятельности советов определяется особыми правилами, составленными духовной Консисторией и утвержденными Епархиальным Преосвященным. Рассмотрению совета подлежат дела незначительной важности, причем одни решаются окончательно, а по другим предоставляется недобровольным перенести дело на рассмотрение Епархиального Начальства в известный срок. Кроме того, к обязанностям совета относится доставление, по предписанию Епархиального Начальства, разных сведений по делам.

II.

ОБЗРЕНИЕ ЕПАРХИИ

В отчетном году мною совершено было несколько служебных поездок по епархии.

Так, 12-го января я совершил поездку в гор. Митаву для освящения новоустроенного тюремного храма и 17-19 мая в тот же город в расположенную близ него Спасо-Преображенскую пустынь. 27-го мая я посетил гор. Юрьев¹¹ для совершения закладки храма в пригороде Карлове. С 29-го мая по 1-ое июня я выезжал в Иллукстский женский монастырь и обозревал некоторые церкви Зельбургского¹² благочиния, причем 1-го июня мною была освящена новоосвоенная домовая церковь при находящейся в м. Гриве Иллукстской учительской семинарии. С 2-го по 4-ое июня я обозревал церкви Керстенбемского¹³ благочиния. 20-21 ноября я вновь выехал в гор. Юрьев для освящения церкви в пригороде Карлов; с 29 ноября по 2-ое декабря я в третий раз посетил город Юрьев для освящения двух приделов расширенного Успенского храма и придела в недавно освященном храме пригорода Карлова, после чего посетил некоторые местные учебные заведения и лазареты.

Всего в отчетном году было обозрено мною 16 церквей, в том числе 1 министерская, 14 приходских и 1 тюремная. При посещении каждой церкви совершаемо мною было молебствие храмовому празднику, а в некоторых местах совершаемы были всенощные бдения, Божественная литургия и панихиды. Всего совершено 7 литургий с молебствиями и 4 всенощных бдения, 1 молебен с акафистом и одна панихида с обхождением могил; кроме того, освящены три церкви и 3 придела и совершена одна закладка храма.

Повсюду при посещении церквей было большое стечение молящихся; немало замечалось и лютеран. После обычной встречи и по выслушания приветствия приходского священника, я со своей стороны повсюду обращался со словами приветия и благожелания к народу, выражая нередко благодарность прихожанам за их особенное усердие

и любовь к храму и к духовным отцам их. Точно так же и по окончании богослужений мною повсюду были произнесены поучения народу, в которых я разъяснял значение истин Св. Веры, праздников, таинств и преподавал назидания и наставления об устройении жизни по правилам веры и нравственности христианской. Большое стечение народа, живое, напряженное внимание, с каким выслушивались мои поучения, и доброе внимание и участие к своему Архипастырю, выражавшееся во встречи меня с хлебом-солью и в устройстве триумфальных арок по пути моего следования к храму и в украшении самих церквей цветами и зеленью, – все это не могло не вызывать чувств духовной радости и утешения. При посещении церквей осмотру подлежали алтарные принадлежности, ризница, церковные документы, библиотеки и архивы, причем преподавались потребные советы и указания. Вместе с тем я обращал внимание и на состояние самих храмов, указывая на необходимость, в известных случаях, ремонта их. При посещении приходских и народных школ и других учебных заведений учащиеся испытывались в знаниях по Закону Божию и русскому языку, оделялись книжками и крестиками, не исключая и инославных (где таковые собирались), которые принимали их с такой же радостью, как и православные. При посещении церквей я посещал и квартиры священников (по местам и псаломщиков), входя по возможности в их нужды, подавая им полезные советы и ободряя их в их многотрудном теперешнем пастырском служении.

Почитаю уместным изъяснить более подробно о посещении мною некоторых мест епархии.

С 1901 года ежегодно приносится в мае месяце на две недели, с разрешения Святейшего Синода, в г. Митаву и Спасо-Преображенскую пустынь находящаяся в Свято-Духовском храме г. Якобштадта¹⁴

местночтимая икона Божией Матери. Приношение это сопровождается особенной религиозной торжественностью и трогательностью и привлекает множество паломников из разных приходов Курляндии и Лифляндии и даже из соседней Полоцкой епархии. 16 мая на станции «Двинск», Рига-Орловской ж. д., был приготовлен нарочитый паломнический поезд, состоявший из вагонов IV класса и вагона-церкви III класса, специально приспособленного в Риге под холодную молитвенную комнату, и, в частности, для помещения в ней Якобштадтской иконы Божией Матери. Всем паломникам мною и Игуменію Рижского Свято-Троице-Сергиева женского монастыря был исходатайствован льготный проезд. В пути число паломников все увеличивалось. На станции Ликсна к ним присоединились монахини Иллукстского женского монастыря, ученицы Иллукстского женского Духовного училища и православные жители м. Иллуксты. По прибытию поезда на станцию Крейцбург¹⁵ бывшие в поезде священники приходов Зельбургского благочиния облачились и, в предшествии местных святынь, при пении монахинь, учениц, псаломщиков и других паломников, встретили Чудотворную икону Божией Матери, именуемую Якобштадтской, сопровождаемую в крестном ходу духовенством г. Якобштадта. По внесении св. иконы в вагон-церковь и установке ее на особо приготовленном месте был отслужен молебен Пресвятой Богородице и ей же соборно прочитан акафист. Почти непрерывно до г. Митавы совершались молебны и читались акафисты пред св. иконою. В Митаву икона прибыла 17 мая вечером и была встречена мною на вокзале с приходским духовенством в крестном ходу, в сопровождении местных гражданских и военных властей и громадной толпы народа. По прибытию поезда св. икона была поднята и пред нею на площади пред вокзалом,

убранной, как и вокзал, зеленью и цветами, отслужено краткое молебствие. После этого св. икона была отнесена крестным ходом в Симеоно-Аннинский собор, где совершено всенощное бдение. На литию и полиелей выходил я с Епископом Двинским Пантелеймоном, викарием Полоцкой епархии,¹⁶ прибывшим на митавские торжества, и с собором духовенства местного и приезжего. На следующий день, в воскресенье 18 мая, в соборе мною соборно с Епископом Пантелеймоном была совершена Божественная Литургия и после нее молебен пред чудотворной иконою. В 2 часа дня из собора во главе со мной вышел крестный ход и в сопровождении многочисленного духовенства и множества народа, при пении священных песен, сменившемся звуками гимна «Коль славен наш Господь в Сионе», торжественно направился с иконой Божией Матери в Спасо-Преображенскую пустынь, отстоящую от г. Митавы в 12 верстах. К этому времени прибыли еще паломники в числе более 1 000 человек из Риги в особом паломническом поезде с Рижско-градским духовенством, с воспитанниками Духовной семинарии и училища и учащимися некоторых церковно-приходских школ г. Риги. В крестном ходе следовали и высшие представители гражданской и военной власти и многие другие начальствующие лица, а также учащиеся Митавской мужской гимназии и прибывшие с иконой ученицы Иллукстского женского Духовного училища. По пути следования сделаны были четыре остановки, во время которых читался акафист и совершалось осенение св. иконой на все четыре стороны и окропление народа св. водой. Первая была сделана в имении Паульснаде около памятника Императору Павлу I. За паромом в имении Паульснаде, во время второй остановки, произошла смена архиереев: вместо меня во главе крестного хода отправился Преосвященный Пантелеймон. В трех верстах от пустыни процессия была

встречена вышедшим из пустыни крестным ходом во главе со мной и местным духовенством.

По прибытии соединенного крестного хода в пустынь св. икона была установлена пред храмом на особом возвышении, причем местный священник произнес прочувственное приветственное слово. Некоторые паломники, в том числе воспитанники Духовной семинарии и Духовного училища и рабочие Рижских фабрик, в тот же вечер пароходом по реке Аа¹⁷ возвратились в Митаву, а оттуда поездом в Ригу. Для оставшихся же богомольцев около 9 часов вечера началось служение всенощного бдения, в виду тесноты храма, перед храмом на открытом воздухе, окончившееся около 12 часов ночи. Я выходил на литию и величание с Преосвященным Пантелеймоном и с собором духовенства. Одновременно совершенно было всенощное бдение в другом пустынском храме, где богомольцы возымели желание завершить свой молитвенный подвиг очищением совести. На другой день за ранней обедней исповедавшиеся удостоились принятия Св. Таин. Мною была совершена поздняя Литургия соборно с Епископом Пантелеймоном, а по окончании ее – на открытом воздухе молебен Божией Матери с хождением вокруг обители. Во время Литургии одним из священников было произнесено поучение о значении крестных ходов, а перед отпуском на молебне я обратился к богомольцам со словом, в котором разъяснил глубокосодержательный смысл переживаемого торжества. После Богослужения на лесной поляне богомольцам устроена была трапеза. По предложению моему, все единодушно пропели молитву Господню и тропарь «Спаси Господи люди Твоя». По приглашению Начальника губернии пропет был народный гимн.

Около 5 часов дня крестный ход во главе со мной, в сопровождении паломников,

направился к паровой пристани на реке Аа. По внесении св. иконы и других святынь на пароход и по размещении богомольцев на двух пароходах и барже началось обратное шествие паломников в Митаву при непрерывном пении молебнов и чтения акафиста Божией Матери. По прибытии в Митаву св. икона крестным ходом была перенесена в собор. В тот же день вечером паломники покинули Митаву.

29 и 30 мая мною посещены были Иллукстский женский монастырь и состоящее при нем женское Духовное училище. В Иллукстском монастыре мною по прибытию был отслужен молебен с произнесением слова назидания; в женском училище я присутствовал 29 мая на экзаменах по Закону Божию в VI и VII классах, а 30 мая – на экзаменах по Закону Божию в V классе и по арифметике в IV классе. В промежутки между экзаменами я осматривал монастырское хозяйство, исследовал нужды училища и принимал посетителей. Между прочим, мною был принят помещик барон Фелькерзам¹⁸, прибывший для сего из своего имения, отстоящего в 20 верстах от Иллуксты. Этот православный помещик оказывает местному православному населению великую поддержку и помощь, за что мною была выражена ему глубокая благодарность.

30 мая я посетил ближайший Альт-Гринвальдский приход, находящийся в весьма трудных обстоятельствах: прихожане, числом до 1 000 человек, расселены в 10 волостях и подавлены иноверцами, из коих католиков 17 000 и 10 000 лютеран. В церкви мною был отслужен молебен Пресвятой Троице и Святителю Николаю, при пении учениц Иллукстского женского Духовного училища. В конце я обратился к богомольцам с поучением, убеждая их твердо держаться православия, и затем благословлял народ и раздавал крестики, брошюры и листки. Посетив находящуюся при церкви

школу, я возвратился в м. Иллуксту. Здесь, 31 мая после Литургии, я отслужил в монастырской церкви молебен с чтением акафиста Покрову Пресвятой Богородицы. Кроме учащих и учащихся, а также сестер монастыря, в храме собрались многие из Иллукстского православного общества. Пред началом молебна мною был возложен на игумению Евгению¹⁹ золотой наперсный крест, пожалованный ей к 6 мая из Кабинета Его Императорского Величества.

31 того же мая я посетил местечко Гриву. Направившись после краткого осмотра приходской церкви в находящуюся в сем местечке Иллукстскую учительскую семинарию и встреченный у ворот семинарской ограды директором семинарии, я, сопутствуемый собравшимся народом, проследовал к приготовленному среди двора возвышению, где пред уготовленными к освящению святынями будущего семинарского храма было совершено всенощное бдение. На следующий день мною было совершено освящение устроенной в здании семинарии домово́й церкви, а затем отслужена Божественная Литургия и молебен храмовому святому – Святителю Алексию. От имени всех собравшихся мною были посланы всеподданнейшие телеграммы Его Императорскому Величеству Государю Императору и Наследнику Цесаревичу с выражением всеподданнейших чувств. 3 июня я был осчастливлен получением ответных телеграмм от Государя Императора и, чрез Министра Императорского Двора, от Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Затем мною были посещены следующие приходы Керстенбемского благочиния: 2 июня – Стомерзейский и Буцковский, 3 июня – Керстенбемский, Лидернский и Лаздонский, 4 июня – Лаздонский, Марценский, Берзонский и Кальценауский. При посещении церквей во всех приходах, несмотря на будние рабочие дни, народ собирался в большом количестве и

благоговейно выслушивал архипастырские наставления.

20 ноября я выехал в г. Юрьев для освящения пещерного храма в новоосуществляемой в пригороде Карлове церкви. Встреченный на вокзале градским духовенством, я отбыл в законченный постройкой пещерный храм, где было совершено торжественное всенощное бдение при стройном пении хора любителей. Богослужение продолжалось до 10 часов вечера, а затем я долго благословлял молящихся, среди которых было много профессоров и студентов Юрьевского Университета и ветеринарного Института. На следующий день, 21 ноября, состоялось торжественное освящение храма, а затем была совершена в сослужении с градским духовенством Божественная Литургия. Храм опять был переполнен молящимися, которые допускались по билетам, так как храм вмещает только около 800 человек, а желающих послушать и посмотреть архиерейское Богослужение было несколько тысяч.

29 ноября я вновь совершил поездку в г. Юрьев для освящения двух приделов расширенного Успенского храма и придела в недавно освященном храме в пригороде Карлове. Время моего дальнейшего пребывания в Юрьеве, с 30 ноября по 2 декабря, было посвящено осмотру Георгиевской эстонской церкви и посещению Юрьевских учебных заведений и лазаретов. В последних мною совершались молебствия и раздавались евангелия, крестики и иконы, причем каждого раненого я ободрял несколькими сердечными словами.

Совершаемая Рижскими Архипастырями ежегодная поездка в Пюхтицкий Успенский женский монастырь для торжественного Богослужения в день монастырского праздника – 15 августа – в отчетном году не могла быть предпринята вследствие бывшей в августе месяце, в связи с открывшимися военными действиями,

крайней неправильности железнодорожного движения.

III. МОНАСТЫРИ

В Рижской епархии состоит монастырей: один мужской штатный второклассный Алексеевский – в гор. Риге и три женских: Иллукстский Рождество-Богородицкий третьеклассный (в м. Иллуксте, Курляндской губ.), Пюхтицкий Успенский – нештатный (в Везенбергском уезде, Эстляндской губ.) и Свято-Троице-Сергиев общежительный – в гор. Риге с приписанною к нему Спасо-преображенскою пустынью (близ г. Митава).

Число монашествующих. Рижский Алексеевский монастырь указом Святейшего Синода от 28 октября 1910 года, согласно моему ходатайству, предоставлен в мое управление на правах настоятеля, с назначением, по моему усмотрению, для ближайшего заведывания монастырем особого наместника. В монастыре к концу отчетного года состояло: 1 игумен, который исполнял обязанности наместника монастыря; 5 иеромонахов, из которых один исполнял обязанности благочинного монастыря, а другой казначей; 4 иеродиакона и 8 послушников. В Иллукстском женском монастыре – игуменья, 9 монахинь и 31 послушница; в Пюхтицком – игуменья, 26 монахинь и 141 послушница; в Рижском Свято-Троице-Сергиевом – игуменья, 14 монахинь и 124 послушницы; в Спасо-Преображенской пустыни – 9 монахинь, одна из которых заведывает пустынью, и 52 послушницы.

Состояние благочиннического надзора за монастырями. До 1910 года благочинным монастырей состоял настоятель Алексеевского монастыря – архимандрит. С того времени должность благочинного монастырей остается незамещенною за неимением соответствующего тому лица. Монастыри

же находятся в непосредственном подчинении Епархиального Начальства, а причты женских монастырей подчиняются надзору приходских благочинных.

Алексеевский монастырь. Алексеевский мужской монастырь, находясь в г. Риге, в центре так называемого старого города, где нет православных церквей, кроме одной эстонской²⁰, является особенно полезным для ближайших жителей города. Богослужения в монастыре всегда совершаются по чину монастырскому, при стройном пении монастырского хора, и привлекают много молящихся. Так как при Рижском Архирейском Доме не имеется крестовой церкви, то монастырский храм, находящийся в непосредственном сообщении с Архирейским Домом, заменяет для Рижских Епископов крестовую церковь.

Пюхтицкий монастырь. Пюхтицкий монастырь расположен на «Богородицкой» горе, в Иллукской волости, Везенбергского уезда, Эстляндской губернии, в 25 верстах от ст. Иевве, Северо-Западной железной дороги. Находящаяся в обители святыня – чудотворная икона Успения Божией Матери – привлекает сюда для поклонения ей множество богомольцев, в особенности 15 и 16 августа – дни престольного праздника. Обитель имеет ныне четыре церкви (одна устроена в монастырской трапезной). В соборном храме ежедневно утром и вечером совершаются Богослужения по уставу. На всех Литургиях возносятся моления как о живых, так и об умерших благодетелях св. обители. Точно также в трапезной монастыря происходит поочередно сестрами обители непрерывное чтение псалтыря с поминаниями поименно живых и умерших благодетелей монастыря.

В полуверсте от монастыря, под горой, находится источник, над которым стоит часовня. На источник совершаются крестные ходы с чудотворной иконой, здесь служатся водосвятные молебны.

Жизнь в монастыре проходит в постоянном труде. В свободное от полевых работ время сестры трудятся в самом монастыре, занимаясь живописью, рукоделием и ремеслами – шитьем обуви и платья. Монастырь приносит много пользы и окрестному, преимущественно эстонскому иноверческому населению своими просветительными и благотворительными учреждениями, которыми заведует особая комиссия, учрежденная в 1898 году общим собранием братчиков Иеввенского отделения Прибалтийского Православного Братства, с целью помочь настоятельнице монастыря, обремененной многочисленными заботами о монастырском устройении, в управлении означенными учреждениями.

При означенном монастыре имеются следующие благотворительные и религиозно-просветительные учреждения: 1) лечебница с амбулаторией, аптекой и приемным покоем, при которых, кроме женщины-врача, работают сестры обители, где за самую незначительную плату больные свидетельствуются врачом и получают необходимое лекарство, а бедные пользуются бесплатным лечением; 2) приют для девочек; 3) двухклассная приходская школа, где наравне с православными обучаются и воспитываются и дети-лютеране и 4) богадельня для престарелых монашеских. Благодаря содействию монастыря в Пюхтице существуют: бесплатная народная русско-эстонская библиотека-читальня и вольная пожарная дружина и производятся по воскресным дням народные чтения с туманными картинами.

В 25 верстах от монастыря, близ сел Сыренца и Ям, находится Гефсиманский скит. Это монастырская богадельня. Здесь находят покой больные, слабые старицы из монашеских. Число обитательниц скита простирается до 20 человек, считая в том числе и сестер, прислуживающих старикам. В ските имеется домовая церковь во имя

Успения Божией Матери. Священники из монастыря ежемесячно выезжают сюда для совершения Богослужений и приобщения больных стариц.

У монастыря имеется два подворья: в г. Ревеле и в Петрограде. Дом для Ревельского подворья пожертвован (ныне умершей) купеческой вдовой Пелагеей Басаргиной в 1895 году. В этом подворье выстроен каменный храм на пожертвования разных других лиц, в том числе о. Иоанна Сергиева Кронштадтского (одна тыс. руб.). При церкви подворья имеется штатный священник, получающий жалованье от казны. Другое подворье находится в Петрограде на участке земли (по Карташихиной улице, в Галерной гавани), пожертвованном в 1901 году монастырю мещанином Александром Ивановым. При подворье этом в 1906 году устроен каменный храм. Для совершения Богослужений содержится особый причт, состоящий из священника и помощника его – второго священника.

Свято-Троицкий женский монастырь. Рижский Свято-Троицкий Сергиев женский монастырь, переименованный в январе 1902 г. Святейшим Синодом из общины (учрежденной в 1892 г.), оказывает также весьма благотворное влияние на Рижское население. Строгая, истовая церковная служба, стройное пение, ясное, умиленное чтение сестер обители привлекают сюда очень много молящихся, особенно в дни Св. Четыредесятницы и дни пребывания в обители Псково-Печерской иконы Божией Матери «Умиление». По понедельникам, в 5 часов читаются в монастырском храме акафисты, а по средам – в каменной часовне, сооруженной в г. Риге в память чудесного события 17 октября 1888 года близ Двинского вокзала и приписанной к Свято-Троицкому монастырю. 17 августа совершается в обители служба погребения Божией Матери с крестным ходом, а 25 сентября совершается крестный ход вокруг

обители в день основания ее первого храма с иконой Божией Матери «Умиление» и иконой преподобного Сергия (с частицей св. мощей).

При монастыре имеются следующие благотворительные и просветительные учреждения: детский приют, школа с детским садом, столовая для бедных, дом призрения и книжный склад. 1) В детском приюте в отчетном году обучалось и воспитывалось в духе церковности 67 девочек, по преимуществу круглых сирот, в возрасте от 3 до 18 лет. Здесь они окружены самым нежным и заботливым уходом и вниманием. Более способные девочки готовятся на звание учительницы, бонны или «садовницы» детского сада; другие, воспитанные под сенью обители, охотно приглашаются в хорошие семьи в качестве няни, горничной, кухарки. В приюте развита взаимная услужливость: старшие девочки обшивают младших, ухаживают за ними. Среди детей приюта хорошо поставлено церковное хоровое пение, так что они прекрасно поют за Богослужением в монастырском храме. Одеты дети всегда скромно, но чисто и опрятно. В свободное время старшие девочки исполняют разные рукодельные работы на бедных, вяжут чулки, шьют фуражки, юбочки и т.д. Летние месяцы дети приюта проводят в приписанной к монастырю Спасо-Преображенской пустыни близ Митавы, занимаясь различными работами на огородах и других хозяйственных владениях пустыни, дыша чистым деревенским воздухом. Пища у них всегда самая простая, но питательная и здоровая. За лето дети в пустыни прекрасно поправляются и физически укрепляются. Выходя в жизнь из-под сени обители, девушки приюта несут с собою религиозную настроенность, любовь к труду и умение трудиться. Девушки, воспитанные в монастырском приюте, сохраняют о нем навсегда самые светлые и дорогие воспоминания

и, занесенные за сотни и тысячи верст, сохраняют духовную связь с приютившей и воспитавшей их обителью. Заведывают приютом, под наблюдением настоятельницы монастыря, старшие монахини, отличающиеся истинно-христианской любовью к детям и знанием детской души.

В отчетном году, при объявлении войны, воспитанницы приюта находились в Спасо-Преображенской пустыни и сразу же были переведены оттуда в Сергиев Посад, где они могли провести только август месяц, а затем должны были искать себе пристанище в другом месте, так как в Риге еще не выяснилось, насколько возвращение детей было бы для них безопасно. Тогда Преосвященный Тверской Серафим²¹ предложил для детей приюта помещение в своем загородном доме, каковое предложение было принято с глубокой благодарностью. В начале сентября дети переехали в Тверь, откуда уже в ноябре месяце вернулись в Ригу, но не в обычное свое помещение, отведенное монастырем под лазарет для раненых воинов, а в мою дачу, отстоящую от Риги в 5 верстах.

2) В находящейся при монастыре школе с детским садом в отчетном году обучалось 67 девочек. Расходы по содержанию приюта и школы выразились в сумме 4 525 руб. 20 коп. за год.

3) К числу благотворительных учреждений обители принадлежит столовая для бедных, в которой ежедневно кормится до 150 человек без различия вероисповедания и национальности. Кроме того, до 50 обедов ежедневно отпускается на дом для слабых и больных. Интересно посмотреть картину кормления этих голодных бедняков. Люди разного пола и возраста в самой разнообразной одежде, до лохмотьев включительно, с нетерпением ждут начала обеда. Перед обедом читается громко «Отче Наш» одним из приходящих бедняков. Каждый получает порцию черного хлеба и супа, а

по праздникам и каши. За столом зачастую сидят рядом с русским цыган, еврей, поляк, латыш или эстонец. Здесь можно встретить и безработных, не имеющих куска хлеба, и людей спившихся, и голодных детей. Все знают, что в святой обители не спрашивают голодного – какого он вероисповедания, а заботливо кормят, иногда помогут и деньгами. И много бывает примеров, когда голодные бедняки из иноверцев, под влиянием такого истинно христианского отношения к их нужде, принимают православие, как религию, осуществляющую в жизни идеалы добра и любви к ближним. В отчетном году обителью отпущено 55 020 обедов, на что израсходовано 1 650 руб. 60 коп.

4) Содержимый монастырем дом призрения дает приют больным старухам и калекам, а равно и случайно оказавшимся, по приезде в Ригу, в безвыходном положении, иногда близким к самоубийству из-за нужды. Всем таким несчастным обитель дает кров и стол, иногда и денежное пособие. Ухаживают за призреваемыми две монахини, которые готовят на них и следят за порядком в наемных помещениях для этих бесприютных. Насельницы дома призрения, свободные от забот о куске хлеба и жилище, живя рядом с обителью, имеют полную возможность часто посещать монастырское Богослужение. В доме призрения живут и безногие или безрукие калеки, которым грозила бы голодная смерть, если бы обитель не взяла их под свое покровительство. В отчетном году в этом доме монастырем призревало 26 человек, из них 15 неработоспособных старух и 11 калек и слепых.

5) Открытый в 1913 году при монастыре книжный и иконный склад оказался как нельзя более необходимым, удовлетворяя духовные запросы как постоянных жителей г. Риги, так и приезжающих с позиций военных и лежащих в Рижских лазаретах раненых. При книжном складе монастыря

продаются книги: Священного Писания, богослужебные и духовно-нравственного содержания; иконы; лампадки; серебряные и бронзовые кресты; образки и цепочки; деревянные вещи; работы сестер обители с рисунками Свято-Троице-Сергиева монастыря; пояса с молитвами, картины, стенные листы, поминания и т.п., также издания разных обществ трезвости. Кроме того, имеются в готовом составе «Духовно-нравственные библиотечки» стоимостью от 10 до 35 руб. Вырабатывается программа духовно-нравственного чтения для детей и подростков. В отчетном году открыто два отделения склада – одно в Риге при народно-миссионерских курсах и другое в г. Митаве при подворье Спасо-Преображенской пустыни. Валовый доход от книжного склада в отчетный год выразился в сумме 4 593 руб. 3 коп.

Кроме того, деятельность монастыря простирается и на заключенных: одна из монахинь дает уроки по Закону Божию и ведет религиозные беседы, а также и частные беседы в одиночных камерах в женской каторжной тюрьме; посещения бывают, с разрешения Губернского Тюремного Инспектора, два раза в неделю и приносят много утешения и светлых минут несчастным.

Но для большого расширения своей благотворительной и миссионерской деятельности эта обитель не имеет средств. Чувствуется настоятельная нужда в устройстве особого убежища при монастыре для обращающихся с просьбами о присоединении к православию или о крещении евреек или баптисток. Не находя нужного убежища в минуту разрыва с семьей и гонений от своих родных, такие лица делаются жертвами мести. К сожалению, обитель поставлена в тяжелую необходимость отказывать в крещении или же, по крещении, посылать евреек и баптистов в убежища лютеран.

Приписная к Свято-Троице-Сергиеву монастырю Спасо-Преображенская

пустынь служит, главным образом, религиозным потребностям православного рабочего населения находящихся вблизи кирпичных заводов, принадлежащих частным владельцам. В пустыни устроен в 1899 году каменный храм и учрежден особый причт. Богослужения в отчетном году совершались по уставу. Несколько раз в течение года совершены были Богослужения на латышском языке. На Богослужениях священником были произносимы поучения и, кроме того, устраиваемы были внебогослужebные беседы.

Благотворительная деятельность пустыни состоит в оказании помощи тем, преимущественно пришедшим из средних губерний в поисках заработков беднякам, которые особенно осенью и зимой, когда кончаются полевые работы и соседние кирпичные заводы прекращают свою деятельность, бывают в крайне бедственном положении. В зимнее время, как и в другое время, проходим безработным пустынь дает ночлег, трапезу, когда возможно предоставляет хотя бы кратковременную работу, чтобы заработать необходимое на обратный путь на родину, оказывая при том и духовно-нравственную поддержку. Кроме того, во время Великого поста приходят в пустынь для говения многие рабочие православные с ближайших заводов, которые также получают в обители горячую пищу и ночлег. Во время торжеств принесения в мае месяце Чудотворной Якобштадтской иконы Божией Матери паломники получают трапезу и ночлег в пустыни.

Пустынь оказывает посильную медицинскую помощь и приходящим окрестным беднякам (в прошедшем году она озаботилась поместить одного прохожего безродного рабочего в Митавскую городскую больницу, приняв после его смерти расходы больничные и по погребению его на свой счет). Пустынь дает также на своем кладбище бесплатно места для погребения

рабочих и других православных, которые вдали от родины находят в обители последний земной приют. В течение 1914 года на полном содержании пустыни числилось свыше 30 беднейших учеников состоящей при обители церковно-приходской школы, в коей обучалось всего 85 учеников. За отчетный год получили обед и ужин из трапезы сестер 10 092 человека, включая в это число богомольцев и учеников школы.

Иллукстский женский монастырь. Единственную в своем роде задачу выполняет Иллукстский женский монастырь, хотя сравнительно и малочисленный по числу монашествующих сестер. Благодаря, главным образом, этому монастырю обеспечено существование Иллукстского женского епархиального училища. Обителью предоставлено училищу помещение. Игуменья монастыря является в то же время начальницей училища; на средства монастыря содержится 20 девиц-сирот духовенства епархии; обязанность прислуги исполняют послушницы монастыря. Учащиеся, находясь в тесном общении с монастырем и руководимые настоятельницей монастыря, получают более строгое религиозно-нравственное воспитание и добрые навыки, столь важные для дальнейшей их жизни. Кроме помощи училищу, монастырь этот служит до некоторой степени к удовлетворению и религиозных потребностей местного довольно многочисленного православного населения. В м. Иллуксте проживает немало прихожан Альт-Гринвальдского прихода, которые, по отдаленности своей приходской церкви, посещают Богослужения в Иллукстском женском монастыре и совершают здесь и требы. Альт-Гринвальдский священник проживает тут же, в Иллуксте.

Хозяйственное состояние монастырей. На содержание Алексеевского монастыря в гор. Риге положено отпускать из Государственного Казначейства по 2 840 руб. в

год. Из женских монастырей Иллукстский получает содержание от казны по 1 840 руб. в год. Рижский Свято-Троице-Сергиев монастырь начиная с 1910 года получает из средств Государственного Казначейства по 10 000 рублей в год на покрытие неотложных нужд. Срок отпуска лишь шестилетний. В виду крайней недостаточности материальных средств Пюхтицкого Успенского монастыря в мае 1911 года мною было возбуждено ходатайство пред Г. Обер-Прокурором Святейшего Синода об испрошении ежегодного отпуска из средств Государственного Казначейства сему монастырю в размере 10 000 руб. или в ином размере, по усмотрению Св. Синода.

Во владении монастырей находится следующее количество земли: Иллукстского – 429 дес., Пюхтицкого – 356 дес. и Рижского Сергиева монастыря – 663 дес. Из этого числа 360 дес. отведены по Высочайшему повелению в декабре 1902 года для нужд приписанной к Сергиеву монастырю Спасо-Преображенской пустыни. Для той же пустыни приобретено покупкой в 1913 году 23 дес. Иллукстский монастырь, кроме того, владеет озером «Саукен», отдаваемым в арендное содержание за 370 руб. в год, а Пюхтицкий имеет три рыбные ловли, приносящие дохода 875 рублей в год. Единственный в епархии мужской Алексеевский монастырь, учрежденный в г. Риге в 1896 году при церкви упраздненного Алексеевского прихода, до 1908 года не наделен был землею или другими какими-либо угодьями, и только в упомянутом году, по ходатайству Епархиального Начальства, было отведено названному монастырю 4 Митавских сенокосных участка общей площадью 21, 24 дес. с годовым доходом в 620 руб., а также Клейн-Фридрихсгофская казенная водяная мельница (в Курляндской губернии) с землей в количестве 34,62 дес. (удобной и неудобной), приносящей аренды более 900 рублей в год.

IV. ЦЕРКВИ

В Рижской епархии имеется всего 267 церквей. Кроме того, имеется 71 часовен и молитвенных домов. Соборных церквей 3, приходских 206, бесприходских при дачах архиерейского дома – 2, при монастырях: мужском – 1, женских – 8, при казенных и богоугодных заведениях – 25, при судостроительных заводах – 2, кладбищенских – 7, приписных – 12. Одноклирных 189, двухклирных – 14, трехклирных 2 и четырехклирных 1 (кафедральный собор).

За прекращением в 1905 году десятилетнего срока отпуска церковно-строительного кредита церковное строительство совсем приостановилось, к великому ущербу для дела православия в крае. Ввиду усиления возрастающих церковно-строительных нужд предместник мой в марте 1910 года возбудил пред Святейшим Синодом ходатайство об открытии с 1911 года нового церковно-строительного кредита для Рижской епархии в размере 700 000 руб. на десятилетний срок (по 70 тысяч руб. в год) и об отпуске на ремонт и поддержание церквей и церковно-причтовых зданий по 30 тысяч руб. в год вместо ежегодно ассигнуемых ныне на это 8 500 руб. Ходатайство это было повторено мною в рапорте от 15 декабря того же 1910 года за №252, в котором я изъяснил Святейшему Синоду о всех нуждах епархии и о необходимости безотлагательного отпуска денежных средств для их удовлетворения в видах поддержания и упрочения православия в крае. Но эти ходатайства доселе остаются без удовлетворения.

В отчетном 1914 году устроены домовые церкви при Митавской тюрьме и при Иллукстской учительской семинарии. Означенные церкви устроены – первая на средства тюремного ведомства, вторая – на средства Министерства Народного

Просвящения. Как выше изъяснено, первая из сих церквей освящена мною 12 января, а вторая 1 июня отчетного года. Производится постройка церквей: а) каменной в пригороде г. Юрьева – Карлове (пещерный храм и один придел в нем уже освящены мною в отчетном году), б) каменной же близ фабрики Т-ва М. С. Кузнецова в г. Риге, в память 300-летия царствования дома Романовых, на местные средства, в) деревянной в новооткрытом Карьяласмаском приходе на острове Эзеле, на средства, отпущенные Святейшим Синодом, с добавлением местных средств, г) домово́й церкви при Шлокском городском училище, на местные средства, при воспособлении от Святейшего Синода в 2 000 руб., д) каменной в г. Риге на Иоанновском кладбище и е) храма-памятника в Бозе почившему Императору Александру III в г. Либаве. Храм на Иоанновском кладбище в г. Риге строится на счет церковных и церковно-попечительских средств, при пособии из сумм Городского Управления, а храм в Либаве – на средства, полученные от Высочайше разрешенного повсеместного сбора пожертвований. Кроме сего, в отчетном году отпущено от Монарших щедрот, по параграфу 12 ст. 2-а сметы Святейшего Синода на 1914 год на ремонт Балтийско-Портской церкви, Эстляндской губернии, 3 000 рублей; из того же источника отпущено на постройку церкви в пригороде Карлове 2 000 рублей. На расширение Успенской церкви г. Юрьева ассигновано Святейшим Синодом 16 000 рублей, по 8 000 рублей из кредитов 1914 и 1915 годов.

Сверх производящихся церковных построек предположено построить церкви в следующих тринадцати приходах: в Виндавском Всехсвятском, Полангенском, Сурриском, Тиммоском, Кангроском, Каббальском, Кансовском, Левальском, Лайксарском, Сайковском, Боровском, Куймецком и Валкском Николаевском

(взамен сгоревшей в 1913 г.). В Виндавском Всехсвятском приходе церковь помещается в тюремном замке, помещение это крайне неприглядно, мрачно и сыро. Богослужения в остальных из поименованных приходов совершается в частых наемных домах или в школьных помещениях, неприспособленных для общественной молитвы.

Избыток церквей или недостаток их. Избытка церквей в епархии нет, а напротив, ощущается недостаток в них, ввиду увеличивающегося православного населения в некоторых местах, или отдаленности жительства православных от своей приходской церкви, или неудобства путей сообщения с последними. Так, нужно построить вновь церкви: 1. на ст. Эльза, близ г. Юрьева, 2. в Стакельне, близ станции того же имени Сев.-Зап. железной дороги, 3. в посаде Нустаго, Кастолацкого прихода, 4. на ст. Бокенгоф, Зонтагского прихода, 5. на ст. Мойзекуль, Галлистского прихода, 6. на ст. Штокмансгоф, Якобштадтского Св. Духовского прихода, 7. в деревне Гроос-Ирбен, Дондангенского прихода, 8. на станции Кегель, Балтийско-Портского прихода и 9. в дачном поселке Немме, близ г. Ревеля.

Состояние ризницы и утвари церковной. Церкви Рижской епархии, за исключением городских, вследствие весьма скудных средств своих, ризницей и церковной утварью вообще весьма бедны. Посему местные приходские священники нередко обращаются за пожертвованием необходимых утварных и различных предметов к разным благотворителям. Так, в отчетном году, вследствие ходатайства приходских священников, поступили пожертвования деньгами, а также ризничными и утварными вещами от разных лиц в Рижский кафедральный и Ревельский Александро-Невский соборы и в церкви: Балтийско-Портскую, Лаймъяльскую, Керкаускую, Мариенбургскую, Моонскую, Аренбургскую, Теннасилемскую,

Левальскую, Феллинскую, Куймецкую, Кароленскую, Кальценаускую, Туккумскую, Керстенбемскую, Ниггенскую, Лаздонскую, Кокенгузенскую, Юрьевские Успенскую и Георгиевскую. Хозяйственным Управлением при Святейшем Синоде высланы в отчетном году на нужды беднейших церквей и школ епархии 188 руб. 99 коп. из процентных денег с капитала, завещанного г. Ставропольским. Из этой суммы 94 руб. 49 коп. препровождены в Совет по делам православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний в пособие бедным школам. Остальные 94 руб. 50 коп. назначены в пособие беднейшим церквям епархии: Мустельской – 16 руб. 45 коп., Угаленской – 26 руб., Куймецкой – 26 руб. и Гольденбекской – 26 руб. 5 коп. Кроме того, в отчетном году высланы Московской Купеческой Управой на нужды церквей и школ 525 руб. Из этих денег 100 рублей препровождены в Совет по делам православных сельских народных училищ Прибалтийских губерний на нужды беднейших школ, а остальные 425 руб. выданы в пособие бедным церквям: Карьяласмаской – 230 руб. 62 коп. (на постройку церкви), Роопской – 20 руб. 33 коп., Лаздонской – 25 руб., Малупской – 20 руб. 80 коп., Лайксарской – 36 руб. 30 коп., Гарьельской – 55 руб. 13 коп. и Кыргесаарской – 36 руб. 82 коп.

Хранение церковных сумм. Церковные суммы (в дозволенном количестве) хранятся при церквях в кладовых или ризницах за ключом церковного старосты и церковной печатью, процентные же бумаги хранятся частью в конторах и отделениях Государственного Банка, частью в местных казначействах. В некоторых церквях, не имеющих возможности по скудости средств нанять сторожей и не снабженных прочными дверными запорами и оконными решетками, допускалось хранение как денежных сумм, так и ценных богослужбных

сосудов в квартирах местных священников, под ответственность всего причта с церковным старостой, в особых ящиках с ключами церковного старосты и за церковной печатью. В прошедшем 1914 году было 4 случая похищения из церквей денег и утварных вещей, причем в одном случае церкви причинен убыток до 300 рублей. К розысканию виновных и похищенного имущества, по заявлению местных причтов, приняты полицией и судебными властями законные меры.

Состояние церковного писмоводства. Церковные документы ведутся священнослужителями более или менее исправно и двукратно свидетельствуются благочинными, а по окончании года некоторые из документов представляются в Консисторию для свидетельствования и хранения в архиве. При ревизии и при каждом замеченном недостатке в ведении документов строго внушается духовенству епархии о точном и правильном ведении сих документов.

Церковные библиотеки. За исключением церквей недавно открытых приходов при всех церквях Рижской епархии имеются библиотеки, время от времени пополняемые за счет церковных средств. В некоторых благочиниях имеются особые благочиннические библиотеки, составляющиеся и пополняемые на собственные средства причтов. Кроме того, состоят бесплатные народные библиотеки при приходских церквях: Тугаланской, Теннасилъмской и Каркусской (Феллинского уезда), Цинтенгофской и Велисской (Перновского уезда) и при церкви Кренгольмской мануфактуры (Везенбергского уезда, Эстляндской губернии). Библиотеки состоят под наблюдением приходских священников.

Устройство при церквях книжных складов. В Рижской епархии склады книг духовного содержания на славянско-русском, латышском и эстонском языках, а также крестиков и священных изображений

существуют с 1889 года. В настоящее время книжных складов в Рижской епархии 32, кроме склада при Рижском женском монастыре, а именно: в гор. Риге существуют склады русско-славянских книг, крестиков и святых икон при Рижском кафедральном соборе и при церквях – Благовещенской, Александро-Невской, Троице-Задвинской, Покровской, Всехсвятской и Иоанновской; при Петропавловской церкви г. Риги имеется склад эстонских книг. В других же местах епархии существуют склады книг, икон и др. священных предметов: 1) при Ревельской Преображенской церкви (славянско-русских и эстских), 2) при Юрьевской Успенской церкви (славянско-русских), 3) при Юрьевской Георгиевской церкви (эстских), 4) при Верроской (эстских), 5) при Феллинской (эстских), 6) при Перновской Екатерининской (эстских и славянско-русских), 7) при Арнсбургской (эстских и славянско-русских), 8) при Гапсальской (эстских и славянско-русских), 9) при Валкской (эстских и латышских), 10) при Вольмарской (латышских), 11) при Венденской (славянско-русских и латышских), 12) при Якобштадтской Св. Духовской (славянско-русских), 13) при Митавской (славянско-русских), 14) при Туккумской (латышских), 15) при Гольдингенской (латышских), 16) при Виндавской (славянско-русских и латышских), 17) при Либавской (славянско-русских и латышских), 18) при Эйхенангернском (латышских), 19) при Леальской (эстских), 20) при Гривской (русских), 21) при Гелламской (эстских), 22) при Караусской (?) (эстских), 23) при Угаленской (славянско-русских и латышских), 24) при Кренгольмской церкви (эстских). Из всех поименованных складов продано в отчетном году 1 614 экземпляров на 825 руб. 91 коп.

Богадельни при церквях и другие благотворительные заведения. При Алексеевской приходской церкви в гор. Риге

существовала богадельня для вдов и сирот духовного звания, которая содержалась на пожертвования некоторых церквей и духовенства Рижской епархии. С обращением этой церкви в 1896 году в монастырь дом, в котором помещалась богадельня, приспособлен для монастыря, а для богадельни выстроен новый дом, на месте, принадлежащем Рижской Покровской церкви. Дом этот каменный, трехэтажный, состоит из 24 квартир, приспособленных именно для вдов и снабженных всеми хозяйственными удобствами. Выстроен он на капитал, принадлежащий духовенству Рижской епархии.

При Перновской Екатерининской церкви есть две богадельни, учрежденные для призрения бедных беспомощных лиц мужского и женского пола православного вероисповедания Перновского прихода. Призреваемых в отчетном году было в мужском отделении 9 лиц и в женском – 15 лиц и, кроме того, одно лицо, проживавшее вне богадельни, пользовалось ежемесячным пособием из сумм оной.

Имеется богадельня и в Иллукстско-Гринвальдском приходе, содержащая на средства приходского попечительства; в ней призревается 4 старухи и одна молодая девушка.

Вследствие ходатайства Епархиального Начальства в г. Риге учрежден церковно-археологический музей²² с целью сохранения от истребления памятников церковной старины и для собрания их в одно древнехранилище, где могли бы пользоваться ими лица, занимающиеся церковной археологией. В настоящее время имеется в музее более тысячи предметов, между которыми есть немало ценных и важных в археологическом отношении. Положено также основание и специальной библиотеки при музее, необходимой для научных работ. Делами музея заведует особый комитет из шести лиц – четырех

духовных и двух светских, представляющий свои постановления Епархиальному Преосвященному.

V.

ЦЕРКОВНЫЕ ПРИХОДЫ

Приходов в Рижской епархии к 1914 году было 210. В том числе латышских 49 и эстонских 99, смешанных русско-латышских и русско-эстонских 32, русских 29 и один шведский приход (на о. Вормси).

Указом Святейшего Синода от 9 сентября 1914 года за №15 014, по моему ходатайству, открыта вторая штатная священническая вакансия при церкви Рижских мест заключения, с отнесением содержания по сей вакансии на местные средства.

По моему же ходатайству, указом Святейшего Синода от 12 того же сентября за №15 393 открыта вторая штатная псаломщическая вакансия при церкви Ревельского Судостроительного завода Русского Общества, с отнесением содержания по сей вакансии также на местные средства.

В 1913 и в отчетном годах мною возбуждены были пред Святейшим Синодом ходатайства об открытии Нурмского, Пехельского и Кавандского приходов в Эзельском уезде, Мегикормского прихода в Верроском уезде и Александро-Невского в предместье г. Юрьева Карлове, Лифляндской губернии. Из означенных ходатайств в настоящее время удовлетворено лишь последнее (указ Св. Синода от 7 марта 1915 года за №3004); ходатайства же об открытии остальных из поименованных приходов до сего времени остаются без удовлетворения.

Кроме того, настоят большая нужда в устройстве церквей и открытии приходов в самом городе Риге – на его окраинах, населенных преимущественно фабричным и рабочим людом, постепенно увеличивающимся в числе с постройкой новых фабрик и заводов.

VI.

ДУХОВЕНСТВО

Всех лиц, состоящих на епархиальной службе, считается в Рижской епархии 700, в том числе протоиереев 23, из них штатных 7, священников 227, диаконов 45, из них на вакансии псаломщика 10, и псаломщиков – 405.

Состояние просвещения священно-церковнослужителей. Из общего числа священно-церковнослужителей Рижской епархии окончили курс Духовной академии 16 протоиереев и 11 священников; Духовной семинарии 7 протоиереев, 187 священников, 2 диакона и 45 псаломщиков, так что из состоящих в Рижской епархии 23 протоиереев и 227 священников только 29 человек не получили богословского образования в духовных заведениях.

Полученные в школах научные сведения священнослужители стараются пополнить и приумножить чрез чтение общепользных книг и духовных журналов. Многие, кроме прямого исполнения пастырского своего долга, несут еще и другие обязанности, состояя законоучителями в различных учебных заведениях как епархиального ведомства, так и гражданского. Некоторые участвуют литературными трудами в местных Епархиальных ведомостях и в духовных журналах, издаваемых Рижским Петро-Павловским братством на эстонском и латышском языках. Священник Кыргесаарской (на острове Даго) церкви Константин Кокла²³ уже третий год издает при содействии местных православных деятелей «Календарь для православных эстонцев» на эстском языке.

В г. Риге некоторые священники несут обязанности по наблюдению за преподаванием Закона Божия в средних учебных заведениях и в правительственных, городских и частных начальных училищах. Первоначально эти обязанности несли лишь

три лица, а с 1911 года число наблюдателей увеличено мною до 8 лиц. В 1912 году мною назначены из священников с академическим образованием два наблюдателя за преподаванием Закона Божия в средних и низших учебных заведениях гор. Ревеля.

Состояние исправности духовенства в отношении к богослужению и назиданию паствы. К отправлению богослужений и духовных треб духовенство, за весьма немногими исключениями, относится усердно. Божественная литургия совершалась во все воскресные и праздничные дни, за исключением тех случаев, когда, за болезнью или отсутствием священника, псаломщиками читались и пелись часы. Во время Великого поста литургия Преждеосвященных Даров совершалась неопустительно в городских церквах, но в сельских церквах, за исключением первой, крестопоклонной и страстной седмицы, совершалась не во все дни вследствие отсутствия богомольцев. Царские молебны служились неопустительно в назначенное на то время. В некоторых приходах богослужение и молебны отправлялись в отдаленных от церкви окраинах прихода – в школах и частных домах. В великие праздники совершались также всенощные с литиями. Почти во всех церквах в г. Риге совершались торжественные воскресные и праздничные вечерни. В кафедральном соборе на вечернях, по четвергам, читались акафисты Спасителю и Божией Матери. Затем акафисты читались и по пятницам в Алексеевском мужском монастыре, по понедельникам – в Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре, по субботам – в Александро-Невской церкви, на воскресных вечернях – в Благовещенской и Троице-Задвинской церквах. В соборе, в Алексеевском мужском монастыре и иногда в Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре акафисты читал я сам. В соборе и других церквах г. Риги в ночь на Новый год совершены были молебствия

при большом стечении молящихся. В течение Великого поста, а именно в четыре пятка – первой, второй, третьей и четвертой недель (по числу евангелистов) мною в Алексеевском монастыре было совершаемо в конце повечерия, по прочтении великого славословия, особое богослужение, называемое «пассия», во время которого пелись песнопения и читалось Св. Евангелие о страданиях Христа Спасителя, а после чтения Евангелия произносилось мною поучение, соответствующее воспоминанию о страданиях Христа. Во время чтения Евангелия сослужившее мне духовенство и все богомольцы стояли с возженными в руках свечами. Богослужение это привлекало каждый раз массу богомольцев, стекавшихся с дальних концов г. Риги.

Необходимые требы для прихожан исполнялись неотложно не только в церквах, но и в домах прихожан. В некоторых приходах, вследствие отдаленности от церкви, священники ежемесячно выезжают в школьные дома для совершения богослужения и для причащения больных и престарелых. Приходские священники при совершении богослужений стараются обращать должное внимание на благоговейность и возможную торжественность при оных, и вместе с тем заботятся при всяком удобном случае посеять слово истины в умах и сердцах молящихся, поддерживая в народе, с молитвами и назиданиями, такие благочестивые обычаи, как целование Св. Креста и как кропление священной водой, вкушение освященных на литии хлебов, употребление во время болезни церковного вина или освященного елея и пр. С особенной торжественностью празднуются храмовые праздники: богослужение совершается несколькими священниками ближайших приходов, говорятся нарочито составленные для сего поучения, совершаются крестные ходы и общие панихиды на кладбищах. Произносят поучения иногда и

диаконы и псаломщики, из числа окончивших курс Духовной семинарии.

Священники в силу своего пастырского долга заботятся об утверждении своих прихожан в православной вере и христианской нравственности и для того усердно назидают их своими поучениями не только с церковной кафедры, но и при совершении треб, а также при посещении домов, причем объяснялись, применительно к пониманию слушателей, как догматическое и нравственное учение Православной Церкви, так и значение обрядов. Столь же усердно относятся священники и к делу внебогослужбных чтений и беседований, которые велись по воскресным и праздничным дням в разное время – между утренней и обедней, после литургии и после вечерни, смотря по местным условиям и обстоятельствам, и сопровождалась в некоторых местах общим пением молитв и раздачей слушателям брошюр духовного содержания. В некоторых церквях беседования соединялись со служением торжественных вечеров или с чтением акафиста. Местом бесед был храм, иногда школа. На внебогослужбных беседах объяснялось народу значение праздников, постов, богослужений и обрядов, читались жизнеописания святых и другие статьи религиозно-нравственного содержания, объяснялись истины веры и нравственности, освещались при свете Слова Божия современные политические и военные события и предлагались духовные врачевства против замеченных среди народа различных нравственных недугов.

Но далеко не во всех церквях епархии совершаются торжественные вечерни и производятся внебогослужбные беседования. Причиной этого служит то обстоятельство, что прихожане, приезжая из дальних мест, не остаются до вечерни и спешат по домам по окончании литургии, а сами причты, при том же в воскресные и праздничные дни, крайне заняты бывают

разными требоисправлениями, кои крестьяне отлагают обыкновенно на эти дни за недостатком времени в будние дни. Но, взамен этого, кроме произносимых поучений в каждый воскресный и праздничный день, священники не упускают случая вести с прихожанами беседы по разным религиозно-нравственным вопросам в домах их, при требоисправлениях и в школах, куда по предварительному приглашению являются, кроме родителей учащихся, и посторонние лица. Кроме того, значительным восполнением в деле религиозно-нравственного просвещения народа является и так называемая катехизация юношей и девиц. Созываемые на две или три недели в приходские школы при церквях юноши и девицы систематически изучают здесь духовными отцами истинам православной веры, причем объясняются им богослужение, обряды, церковные и благочестивые обычаи, совершаются утренние и вечерние молитвы, иногда и службы церковные, особенно же в Великом посту; катехизанты приучаются к общему церковному пению и, наконец, удостоиваются в последнее после катехизации воскресенье исповеди и св. причастия, по какому случаю бывает особенно большое стечение молящихся в храмах, и самое богослужение отправляется более торжественно. Во многих приходах при этих случаях выдаются катехизантам особые памятные листы со священными изображениями и текстами из Св. Писания.

Священникам в деле богослужбном и церковно-просветительном, в привлечении возможно большего числа прихожан к храму по воскресным и праздничным дням и в расположении иноверцев к православному храму немало помогают и некоторые из псаломщиков устройством из учащихся в школах детей и из любителей церковно-певческих хоров. Во многих местах существует общее церковное пение. Сверх того, некоторые учителя вспомогательных школ, по

указанию своих настоятелей, читали часы и устроили общее пение, по прочтении дневного апостола, или прочитывали объяснение его из «Сборника» протоиерея Михайловского²⁴. Эти богомоления устраивались обыкновенно в школах, далеко отстоящих от приходских церквей.

Православные священники всеми мерами, вообще, стараются научить народ церковному пению и ввести при богослужениях общее пение, но старания их часто не имеют успеха, как по причине разбросанности и отдаленности от церкви прихожан, так в особенности вследствие утомления псаломщиков, которые должны руководить во время богослужения общим пением, и самой трудности обучения народа пению. Псаломщики после недельных трудов в школе, напрягая свои голосовые органы в тесных и душных классах, при преподавании уроков, естественно, чувствуют потребность и вправе отдохнуть в свободные от занятий часы, почему и всячески уклоняются от тяжелого труда обучения народа общему пению, тем более, что они за это не получают никакого вознаграждения.

Пастыри церкви принимали участие и в оказании врачебной помощи прихожанам. Между такими нужно отметить священников: Ямского – Тэльпа, Анзекюльского – Пайвеля, Оппекальнского – Даукша и Мариенбургского – Янсона²⁵. Эти лица очень успешно лечат обращающихся к ним крестьян, давая им простые, безвредные лекарства или совершенно безвозмездно или по той цене, по которой сами покупают в аптеках.

По приобретению особого доверия и расположения прихожан и по ощутительному влиянию на улучшение религиозно-нравственной жизни прихожан следует отметить священника Врангельсгофской церкви Владимира Раска. Последний достоин быть назван истинным пастырем, любящим свою паству. Окончив курс в

Юрьевском Университете по лютеранскому Богословскому факультету, он принял православие, поступил в Петроградскую Духовную Академию и, по окончании в ней в 1891 году курса кандидата богословия, поступил на сельское место, где и служит до настоящего времени уже 23 года, не ища улучшения своего положения.

Усердно проповедуя учение любви и мира и обучая крестьянских детей в школах, священники в то же время старались содействовать и улучшению материального благосостояния сообщением агрономических и культурно-просветительных знаний местным крестьянам. С этой целью многие из священников и псаломщиков участвовали в разных просветительных и благотворительных обществах, в обществах трезвости, сельскохозяйственных, пчеловодных, потребительских и других. Особенною деятельностью в этом отношении и участием в разных обществах отличались священники – Мариенбургский Андрей Янсон и Раппинский – Николай Пятс.

Особенное внимание обращали священники на искоренение в народе пьянства. С этой целью, кроме церковной проповеди против пьянства и наставлений при всех удобных случаях – на исповеди, в школе, в частных беседах, – священники старались примером собственной трезвой жизни влиять на людей, предающихся зловредной жизни, и распространять книжки и брошюры о вреде пьянства. В некоторых местах священники, по временам, в праздничные дни, для отвлечения народа от посещения питейных заведений устраивали с разрешения подлежащего начальства чтения с туманными картинками, базары, концерты, доход с которых поступал в пользу приходских попечительств. Во многих приходских школах введено преподавание уроков «трезвости» (по одному в неделю), на которых духовенство знакомит учащихся с вредным влиянием алкоголя

на человеческий организм и с физическим и нравственным злом, проистекающим от употребления спиртных напитков. Некоторые священники, состоя участковыми попечителями уездных Комитетов Попечительства о народной трезвости и заведя народными библиотеками, проводят в народ идеи трезвости через распространение соответствующих книг, брошюр и периодических изданий и выписку таковых в народные библиотеки-читальни. После последовавшего во второй половине отчетного года закрытия питейных заведений на время военных действий, многие пастыри, пользуясь наступившим отрезвлением народа и предоставленным законом (Высочайше утвержденное 27 сентября 1914 года Положение Совета Министров) волостным и заменяющим их сходам правом возбуждать ходатайства о закрытии существующих в пределах волостей питейных заведений навсегда, и в проповедях с церковной кафедры и в частных беседах стали располагать местное сельское население, как православное, так и инославное, к составлению соответствующих приговоров и к предоставлению таковых местной гражданской власти. Как видно из газетных известий и из поступавших ко мне донесений приходских священников, предпринятые последними шаги в этом направлении во многих местностях увенчались успехом. Нередко приходские священники вместе с церковно-приходскими попечительствами и прихожанами обращаются ко мне с просьбами об оказании возможного содействия к удовлетворению возбужденных ими пред местной гражданской властью ходатайств о закрытии существующих в пределах прихода заведений торговли спиртными напитками навсегда. В просимом содействии я никогда не отказываю.

В г. Риге, по мысли духовенства, в 1913 году учреждено при Всехсвятской церкви Братство трезвости с целью борьбы с

народным пьянством в пределах православных приходов г. Риги. Рига – фабричный город, с множеством рабочих, мастеровых и разного пришлого рабочего народа. Одним из гибельнейших недостатков этого люда являлось злоупотребление спиртными напитками. По воскресным и праздничным дням, а также в последующий за ними день, окраины г. Риги, особенно Московское предместье, представляли печальную картину пьяного разгула, безчинств, разбоев, поранений, убийств и разврата. Многие из участников этого разгула часто бывали жертвами увлечений, вольных и невольных прегрешений, слабости воли... Среди этих лиц встречалось и немало желающих встать на путь трезвой жизни и честного труда. К приходским священникам, особенно на Московском предместье, часто обращались с просьбами записаться в общество трезвости, принять обет трезвости. Поэтому необходима была организация этого дела, необходимо было помещение для взаимобщения трезвенников, для чтения бесед и т.д. Для служения этим целям и было учреждено Рижское Городское Братство трезвости. Приступив к фактической деятельности лишь в марте месяце отчетного года, это Братство за последовавшим по открытию военных действий закрытием питейных заведений и наступившей, вследствие сего, общей трезвости, не успело еще развить своих действий.

Нравственное состояние духовенства. Нравственное состояние духовенства удовлетворительное. Старшие члены причта служили добрым примером младшим – диаконам и псаломщикам, а эти, в свою очередь, относились к ним с должным уважением. В отчетном году один лишь священник за нетрезвость и небрежное ведение церковных документов подвергнут был двухмесячному монастырскому послушанию. Но из числа псаломщиков несколько человек были уволены или перемещены на



Архиепископ Иоанн (Смирнов)

другие места – одни за нетрезвость, другие – за недостаточно должное отношение к местному священнику, третьи – за нерадивое исполнение своих обязанностей.

Взаимные отношения духовенства и паствы. Православное духовенство пользовалось не только у своих прихожан, но во многих местах и у иноверцев полным

уважением и доверием. Особенно привлекает народ простота отношений к нему священников сравнительно с лютеранскими пасторами, которые держат себя гордо и считают для себя унижительным снизойти до простой дружеской беседы с крестьянином. Зная доступность и благожелательность священника, народ во всякое время

смело является к нему в своих житейских нуждах и просит кто совета или указания в том или ином деле, кто помощи или заступничества пред начальствующими, а кто и просто приходит за добрым словом утешения. И священники, нужно сказать, всегда охотно выслушивали обращающихся к ним, не делая различия, православный или иноверец, и чем могли, помогали. Нравственный престиж православного духовенства поднялся в особенности в последнее время, когда с развитием, в связи с военными событиями, церковно-приходской благотворительности народ увидел, что православные пастыри любят своих пасомых – и не только их – не словом, а делом и истиной.

Материальное состояние духовенства. Духовенство получает жалованье от казны, на основании Высочайше утвержденного 6 мая 1862 года мнения Государственного Совета, а именно: священники по 1 300 руб., диаконы по 550 руб., старшие псаломщики в селах по 300 руб. и младшие по 250 руб. в год, а в городах – старшие по 350 руб. и младшие по 300 руб. в год. Жалованье это, в свое время бывшее достаточным, в настоящее время, когда все жизненные продукты вздорожали до крайности, уже не обеспечивает членов причтов. Особенно нужно признать бедственным положение псаломщиков, которые, вследствие скудости средств, вынуждены бывают иногда входить в долги и становиться, таким образом, в материальную зависимость от местных купцов или крестьян, большую часть иноверцев. Там, где имеется при церкви в пользовании причта надел земли, положение их лучше, так как, обрабатывая собственными силами или, за неимением рабочего скота, отдавая землю «с исполу», псаломщик имеет хотя бы хлеб для своего пропитания.

Братских доходов, в виде добротных приношений от прихожан за требоисправления, в сельских приходах нет. В городских приходах братские доходы, за некоторыми

исключениями, также незначительны. Городские священники пополняют свои доходы посторонними занятиями, состояя законоучителями в местных учебных заведениях. Причтов, пользующихся земельными наделами, в епархии 99. Плохое обеспечение причтов церковей служит причиной тому, что многие, особенно псаломщики, получившие образование в духовных и учительских семинариях, оставляют епархиальную службу и переходят в другие ведомства, главным образом, в министерские школы. По отзыву благочинных, чувствуется в настоящее время недостаток в хороших и способных псаломщиках.

Взаимные отношения православного и инославного духовенства. Отношения православного духовенства к духовенству инославному и к инославным жителям вообще миролюбивы. Местами инославные относились к православным священникам даже с большим уважением, чем к своим пасторам. Что касается лютеранских пасторов, то они, опираясь на местное, почти сплошь немецкое дворянство и гордые своею материальною обеспеченностью и независимостью своего материального положения от казны, в большинстве случаев относятся к православным священникам с высокомерием, а иногда и с презрением. Избегая открытых выступлений и нападков на православие, многие пасторы в частных беседах стараются внушить своим приверженцам ненависть к православию и удерживают их от посещения православных храмов. Но, главным образом, они пользуются для своей враждебной пропаганды смешанными браками, направляя на православное лицо нафанатизированную половину – супруга или супругу лютеранского вероисповедания, делая нравственной пыткой жизнь для православного лица. Эта пытка еще более усиливается в жизни разнотерных супругов тогда, когда возникает вопрос о крещении и воспитании детей: православный супруг

не смеет часто крестить дитя в православие; при настойчивости же, какую желало бы проявить в этом случае лицо православное, супружеская жизнь под влиянием пасторов обыкновенно становится невыносимой.

В своем стремлении к подавлению православия лютеранские пасторы проявляют большое единодушие и энергию. Они ежегодно устраивают так называемые синоды, на которых обсуждают меры противодействия православию и средства соращения из него в лютеранство. Ту же цель преследуют пасторы, устраивая торжественные богослужения, так называемые библейские праздники. На эти богослужения съезжаются многие соседние пасторы, произносятся проповеди тенденциозного содержания, раздаются брошюры, трактующие о превосходстве и евангельской чистоте лютеранского учения. Пасторы из эстов и латышей, пользуясь сильным развитием национального чувства у этих народностей, при всяком удобном случае стараются внушать своим прихожанам, что лютеранская вера есть национальная вера эстов и латышей и что уклонение из лютеранства в православие равносильно измене своей национальности. Такие же взгляды высказывались нередко и в инородческой периодической печати. Впрочем, необходимо сказать, что ввиду выразившейся в связи с военными событиями яркой враждебности местного сельского населения ко всему немецкому и проникшего в народную толщу сознания своего политического и духовного единения с великим русским народом, местные лютеранские пасторы в отчетном году в своем противодействии православию были весьма осторожны, опасаясь строгости законов военного времени и оказаться в двусмысленной роли в глазах своих собственных прихожан.

Католические ксендзы проявляют еще большую враждебность к православию и большую смелость и бесцеремонность,

чем лютеранские пасторы. С наибольшим успехом ксендзы действуют чрез смешанные браки, где во главе семейства католик-отец или ярая католичка. Духовное влияние католических ксендзов-патеров на народ весьма сильное. Для этого ими применяются все средства непосредственного наибольшего воздействия на народ: частная исповедь, говенье; исправительные духовные наказания; запрещение и воздержание в пище; временное лишение причастия, поклоны, публичное покаяние, лежание «крыжем», беседы наедине, публичные наставления в костеле; торжественные соборные службы – «фесты»²⁶ с общин народным пением взрослых и т.п. Из побочных средств народного воспитания в духе католической религии имеются конфессиональные школы при костелах. В них с 8-ми лет и ранее мальчики и девочки обучаются чтению молитв по-польски и по латыни; обучаются хоровому пению молитв – костельных, погребальных, свадебных, при встрече св. Причастия у постели больного и пр. В этих училищах преподавательницами состоят пожилые женщины, сильные верою и фанатичной приверженностью к католической религии; каждое утро из этих школ дети ходят в костел на молитву под орган вместе с воспитательницами. Приучая с малолетству к чтению польской книжки, в которой молитвы изложены под рифму, стихами, католики, подобно лютеранам, давно опередили православных в грамотности, в знании молитв, в умении самостоятельно прочесть и петь их в одиночку и хором при всяких случаях жизни. С особенной торжественностью католиками справляются празднества весенние – «майское набожество», продолжающиеся весь май вечер по вечерам, праздники Тела Иисуса, Сердца Божией Матери и пр. В заключение нужно заметить, что ксендзы, всегда ведшие польско-католическую пропаганду, особенно стали сильны и деятельны в преследовании

своих религиозных и скрытых политических целей с дарованием свободы совести. Закон 17 апреля 1905 года о веротерпимости дал широкий простор проявлениям фанатизма ксендзов, которые, обходя все ограждающие православную веру постановления, хитростью и насилием увлекают в католичество православных.

VII. ПАСТВА И ДВИЖЕНИЕ ИНОВЕРЦЕВ В ПРАВОСЛАВИИ

Православной паствы в отчетном году по церковным документам значилось 273 023 человека обоего пола. Но эту цифру нельзя признать вполне истинной, так как, по отзыву священников городских церквей, состав приходов ежегодно изменяется, увеличиваясь или уменьшаясь, и для духовенства не представляется фактической возможности, благодаря изменчивости и подвижности населения, определить с совершенной точностью количество прихожан, по крайней мере, в более значительных городах.

Главную массу православного населения составляют инородцы – эсты и латыши. В отчетном году перешло из православия в лютеранство 560 чел. (177 муж. и 383 женск.), детей же вместе с родителями перешло 115, а всего 675 человек. В предшествовавшем же 1913 году перешло из православия в лютеранство 757 человек (269 муж. и 488 женск.); детей же вместе с родителями перешло 143, а всего – 900 человек. Переходят в лютеранство, главным образом, люди в возрасте от 21-30 лет. Причинами перехода в лютеранство, как и в прежние годы, в отчетном году являлись: 1) безземельность и бедность местного православного населения; 2) поступление в услужение к хозяину-лютеранину; 3) надежда в лютеранстве выйти выгоднее замуж или найти богатую невесту; 4) разбросанность

отдельных православных среди лютеран; 5) влияние лютеранской массы; 6) отдаленность от православной церкви и школы; 7) ненависть и притеснения со стороны лютеран и 8) в особенности, вступление в смешанные браки. Последние, как показал многолетний опыт, являются громадным злом и служат сильным орудием к совращению православных. Тирания лютеранской половины в смешанном браке обыкновенно так сильна и упорна, и неприятности, чинимые ею православной половине из-за веры, так велики, что православная половина, нередко со слезами на глазах, вынуждена бывает в конце концов отказаться от своей веры и перейти в лютеранство. Раздоры, неприятности в смешанных браках, главным образом, возникают из-за детей, которые по закону должны быть крещены в православии. При отце-лютеранине православная супруга в семье часто оказывается совершенно одинокой и, при нетвердости в вере, легко может уклониться. Гораздо хуже обстоит дело там, где у православного мужа жена лютеранка: дети, правда, крестятся православными, но мать их воспитывает по-лютерански, и, с достижением зрелого возраста, они являются уже потерянными для церкви. Во внутренних губерниях, при окружающей православной среде и твердости православного быта, такие браки служат средством привлечения инославных в церковь, в Прибалтийском же крае замечается совершенно обратное явление.

Немалую роль в деле уклонения православных в иноверие играет и печальное положение многих православных храмов – тесных и грозящих по местам разрушением, и крайне убогая обстановка православных школ. При сравнении убогих православных храмов, наемных молитвенных домов и школ с обширными и величественными лютеранскими кирхами, бросающимися в глаза своими высокими колокольнями за несколько верст, с благоустроенными и

материально обеспеченными лютеранскими школами, местное православное население невольно приходит к убеждению, что лютеранство является в крае вероисповеданием привилегированным и что выгоднее быть лютеранином, чем православным.

Какое важное значение имеют в деле перехода из православия в лютеранство семейные и бытовые условия, можно видеть из следующих примеров: 1) Крестьянин Петр Ратнек при увещании его священником заявил, что причиной его перехода в лютеранство является то, что он, выросши среди лютеран, вдали от православных церкви и школы, ничего не понимает в православии и что ему постоянно приходится переносить насмешки и издевательства лютеран из-за душевно чуждого ему православия. 2) Крестьянин Иулий Пот при увещании заявил, что он считает православие самой сильной верой, но переходит в лютеранство вследствие намерения жениться на лютеранке, ставящей переход его в лютеранство непременным условием выхода за него замуж. 3) Крестьянин Феодор Важул-Рейденберг при увещании объяснил, что он, намереваясь жениться на лютеранке, не желает переживать в своей будущей семейной жизни взаимных пререканий и раздоров из-за веры, неминуемых в смешанных браках, во избежание чего и находит себя вынужденным принять веру своей невесты. 4) Крестьянин Константин Усман обучался в православной приходской школе и в 16-ти летнем возрасте был на катихизации у православного священника. Спрошенный священником о причинах перехода в лютеранство, он объяснил, что он не видит большой разницы между православием и лютеранством, что вера – все вера и что у лютеран такое же Священное Писание, как и у православных; переходит же в лютеранство по причинам чисто материальным: ему, как сыровару, приходится постоянно иметь дело с помещиками-немцами,

которые косо смотрят на него из-за его принадлежности к Православной церкви; к тому же ему желательно выгодно жениться, а за православного ни одна богатая невеста замуж не выйдет. В дальнейшей беседе со священником Усман выразил недоумение, зачем правительство дозволило свободный переход из одной веры в другую: прежде все, имевшие силу, невольно мирились с верой своих служащих – православных, теперь же всячески преследуют православных и всеми мерами склоняют их к измене своей веры. Результатом увещания было то, что Усман, оставшись при своем намерении перейти в лютеранство, пришел к сознанию, что Бог может сочесть ему этот переход за великий грех. 5) Ольга Никитина при увещании заявила, что она переходит в лютеранство лишь с целью получить возможность выйти замуж за караима, брак с которым православной церковью не дозволяется, в лютеранстве же такого ограничения не существует. 6) Крестьянка Мария Атолет уклонение свое в лютеранство мотивировала следующими обстоятельствами. Воспитанная матерью-лютеранкой, она вышла замуж за лютеранина, дав ему пред свадьбой обещание перейти в лютеранство. Ей крайне тяжело было исполнить свое обещание, и она долго медлила с переходом, но теперь, в угоду мужу и его родственникам-лютеранам, она находит себя вынужденной покинуть православную церковь, учение которой, усвоенное ею в православной приходской школе и затем на уроках катихизации у священника, она вполне разделяет. 7) Вдова Мария Аунман, урожденная Ширияева, по донесению увещавшего ее священника, изменила православие по убеждению, а не ради земных выгод, что является редким случаем. Аунман по происхождению русская, владеет и эстонским языком. Проживая в г. Ревеле, она стала посещать молельню по Малой Юрьевской улице, в которой проповедует баптистский

наставник фон Глен, человек очень богатый, владелец расположенной в 7 верстах от Ревеля дачной местности Немме. Баптисты дали ей Библию на русском языке, о существовании которой она, по ее словам, раньше и не знала, и вот, читая Библию и слушая баптистское толкование ее, она пришла к убеждению в правоте баптизма. Несмотря на то, что она при увещании ее священником в своих толкованиях и возражениях часто, по обычаю сектантов, впадала в противоречия с самой собой, она осталась непреклонной в своем решении. 8) Крестьянка Павла Розе при увещании объяснила, что она искренне любит православную веру и глубоко привязана к ней, что ей ужасно тяжело оставить оную веру, но что она, тем не менее, вынуждена перейти в лютеранство, так как такова непреклонная воля ее мужа, которой она не в состоянии противиться. Муж ее состоит старостой лютеранских церквей Теаль-Фельского прихода и, в качестве такового, ему приходится часто исполнять некоторые обязанности пастора: крестить детей, хоронить покойников, устраивать в школьных домах молитвенные собрания и произносить проповеди. Понятно, что занимая такое положение, муж ее не может примириться с тем, что жена его православная. 9) Наконец, нельзя не указать еще одного, весьма знаменательного случая – перехода в лютеранство барона А. Г. Иксуль-Гилденбанда²⁷. Из беседы с ним священника выяснилось следующее. Барон Иксуль-Гилденбанд, которому ныне исполнилось 57 лет от роду, родился от православной матери и крещен был по обряду православной церкви. Но так как мать его была православной лишь номинально, оставаясь в душе коренной немкой-лютеранкой, то и он вырос вне влияния православной церкви, в чисто немецкой среде. К лютеранству тянули его и семейные традиции, основанные на происхождении от рыцарей-меченосцев. Получив образование

в Николаевском военном инженерном училище и в Николаевской Академии Генерального Штаба, он поступил на службу в Генеральный Штаб, затем командовал Саратовским полком, участвовал в войне с Японией, после войны состоял Начальником Штаба 3-го Армейского Корпуса, а в 1908 году вышел в отставку в чине генерал-майора. Издавно тяготя к религии своих предков, он, пока воспитывался в военных учебных заведениях и находился на службе, не находил удобного времени к выполнению своего заветного желания – перехода в лютеранство. Прежде он аккуратно исполнял в православной церкви христианский долг исповеди и Св. Причастия, но со времени выхода в отставку он совершенно перестал посещать храм. Теперь он «жаждет свободы» для перехода в лютеранство, чтобы с любимой женой-лютеранкой окончить мирно жизнь в религии предков и быть похороненным по лютеранскому ритуалу в фамильном склепе. Уходит он из православия в мирном и благожелательном настроении по отношению к православной церкви, уходит по твердому убеждению и непреклонному решению. Он, по традиции своих предков, верит, что на небе на левой стороне имеются и лютеране, и католики, и православные, и гернгутеры, и кальвинисты и прочих религий люди, на правой же стороне находятся только «христиане», без различия вероисповеданий.

Из донесений приходских священников видно, между прочим, что многие из увещаемых совершенно отказывались входить в какие-либо рассуждения о вере и не хотели объяснять о своих побуждениях к переходу в лютеранство или сектантство, заявляя лишь о своем непреклонном намерении оставить православие. Многие совсем не являлись к священнику для увещания, а некоторые сообщали гражданской власти неверные адреса, чтобы лишить священников возможности разыскивать их и, таким

путем, избегнуть необходимости объяснить происшедший в них душевный перелом, искренний или мнимый, своему духовному отцу. Но при всем том из донесений священников усматривается, что, за весьма редкими исключениями, у уклонившихся не замечается особенно враждебного и ненавистного отношения к православию. Напротив, многие при пастырских увещаниях заявляли, что православие они любят и скорбят об оставлении его, но не имеют силы переносить тяжелую семейную жизнь вследствие угнетения и придирок со стороны иноверного супруга и его родных, или что не имеют силы отказаться от избранного жениха или невесты. Несколько человек под влиянием пастырского увещания совершенно оставили свое намерение перейти в лютеранство.

Были уклонения и в католичество, но единичные. В отчетном году уклонилось в католичество 42 человека. Уклонения в католичество происходят, обыкновенно, в православных приходах Зельбургского благочиния. В то время, как приходы других благочинических округов рассеяны в Прибалтийском крае в массе лютеранского населения, православные приходы Зельбургского благочиния находятся среди густого католического населения в Илукстском уезде Курляндской губернии. Экономические и бытовые причины так же, как и при переходе в лютеранство, имеют главное значение в деле измены православию и уклонения в католичество. Православные крестьяне (белорусы, латыши, литовцы) в Зельбургском округе составляют главный контингент местных работников и «кутников», т.е. живущих на «куту» – на небольшом участке в $1/8 - 1/4$ десятины у зажиточных католиков, а также «пладовиков», живущих на арендуемых небольших земельных пладах (участках) от помещиков. На стороне католиков – масса, отличающаяся в общем материальным

достатком, на стороне православных, в большинстве случаев, бедность, а потому и зависимость. Живя на чужой стороне или в качестве безответного работника на мызе или на «куту» и желая всегда сохранить благоволение своего помещика, чтобы не лишиться участка земли или заработка, крестьяне вынуждаются вступать в сделки со своей совестью и изменять православию.

Бедностью православного населения особенно пользуются католики, поставляя православных в безвыходное положение и обещая радости по переходе в костел. Было несколько случаев в отчетном году, когда попадавшие на службу к кому-нибудь близ костела православные из русских губерний вскоре же переходили в католичество, ни разу не являясь к православному священнику, несмотря на многократные приглашения, для пастырской беседы. Вторым средством к совращению православных являются смешанные браки. До закона о свободе вероисповедания рождавшиеся от смешанных браков дети беспрекословно крестились родителями их в православной церкви и возрастать этим детям в недрах Православия содействовал закон, ограждающий православных от незаконных посягательств инославных; с дарованием же свободы веры при самом уже совершении брачного обыска жених или невеста из католиков стали совершенно отказываться давать установленную законом предбрачную записку. А если и соглашались, к чему побуждением бывает недостижение гражданского совершеннолетия либо нежелание расстраивать подготовившиеся свадьбы, то намерение свое в отношении крещения детей по католическому обряду повенчанный католик часто осуществляет в ближайшем будущем по требованию ксендзов, даже и не спрашивая на то согласия православной супруги. Смешанные браки приносят великое зло Православию. Православному же священнику невозможно ослабить или

устранить это зло. Настрадавшись в бедности, православные девицы, особенно из крестьянок, не имеющих своей земли, питают в себе вполне естественное желание найти себе состоятельного жениха. И есть женихи, живущие иногда рядом, и не батраки, а имеющие собственную землю, зажиточные, только католики. Невеста знает жениха с малых лет, как трезвого и хорошего работника, нравится и невеста жениху, но условием выхода замуж за желательного жениха является переход в католичество. Тут и начинаются тяжелые душевные страдания и для невесты, и для родителей ее и всей родни, и для пастырей, и всех пасомых ...

Но если, к прискорбию, ежегодно находятя отступники от православия, то однако же православная паства каждый год приобретает и новых членов себе, особенно в текущем году. В течение отчетного года присоединилось к православной церкви: а) из лютеранского исповедания 946 чел., б) римско-католического – 151 чел., в) из баптизма 12 чел., г) из раскольников 68 чел. и сверх того просвещено святым крещением иудейского исповедания 25 чел. Всего же присоединилось к православию 1 206 человек.

Из бывших в отчетном году присоединений особенно выделяются три случая – присоединения ксендза Ковалевского и баптистских наставников Краге и Ширмеля. 1) 23 февраля, в неделю православия, присоединен был к Православию в Рижской Александро-Невской церкви, на правах мирянина, ксендз римско-католической Тельшевской епархии Франциск Ковалевский, 38 лет от роду, носивший сан священника с 1899 года. Обстоятельства, побудившие ксендза Ковалевского искать общения с Православной церковью, изложены им в поданном на мое имя прошении; о них же он, по присоединении своем к православию, сделал подробный доклад на существующих в г. Риге народно-миссионерских

курсах. Как оказывается, симпатии к православию у Ковалевского зародились еще в детстве, а окончательно он убедился в истинности его уже в должности ксендза. Один православный священник в г. Ковно безвозмездно в течение двух лет занимался с ним для подготовки его в классическую гимназию, а потом и в гимназии на первых порах помогал ему материально и морально. Ковалевский, по недостатку средств, должен был оставить гимназию по окончании шести классов и затем в течение года был репетитором детей у другого православного (единоверческого) священника, где имел возможность познакомиться с укладом церковной и домашней жизни православной русской семьи. Затем он, по желанию матери, поступил в Ковенскую римско-католическую семинарию, чтобы потом стать ксендзом. Однако средневековая схоластика, доныне царящая в католических семинариях, не удовлетворила Ковалевского; основные догматы католичества – непогрешимость и главенство папы, индульгенции и др., после всех доказательств по учебникам, остались неприемлемыми для его ума. Тем не менее, по окончании курса семинарии он в 1899 году принял священство и назначен был викарным ксендзом в один из приходов. Ставши ксендзом, он познакомился с непохвальной истинной жизнью католических патеров, видел их нетерпимость к православию и ненависть к православным. Привыкший с детства уважать православие, Ковалевский не обладал той ревностью или, вернее, фанатизмом, какого от него требовали. Однажды, когда его товарищ по гимназии, служивший ксендзом в соседнем приходе, принял в Петрограде православие, и факт этот оживленно обсуждался в католических и, в частности, в ксендзских кругах, Ковалевский дерзнул открыто выразить симпатию товарищу и поступок его назвать честным. За это, в связи с другими поступками, вытекавшими из

нерасположения к учению, которое он по обязанности должен был проповедовать, ксендз Ковалевский был присужден своим духовным начальством к двухлетнему монастырскому послушанию. Здесь, в монастыре, он оставался жить уже по своей воле и после того, как отбыл положенное на него наказание; здесь же он еще более убедился в том, что римско-католическая вера не вполне истинная, что и другие ксендзы и даже монахи в своей служебной и частной жизни поступают совсем не так, как требует от них их звание. С другой стороны, приобретенное в юности знакомство с православной верой побудило его заняться основательным изучением его по книгам. Результатом явилось то, что ксендз Ковалевский бесповоротно решил порвать навсегда связь с той верой, в которой он был рожден и которую, к величайшему своему сожалению, проповедовал в течение многих лет.

2) Баптистский наставник Фома Краге, присоединившийся к православию вместе со своей супругой, принадлежал к баптистской общине свыше 30 лет и занимал в ней должность наставника около 25 лет. В течение этого времени он всесторонне изучил сектантов и познал ложь их учения и жизни. Прежде всего он увидел, что баптизм не утвержден на основании апостолов, при краеугольном камне Иисуса Христа, и во многом не сходится с учением отцов первенствующей Церкви. Затем он заметил, что жизнь его братьев не отличается такою святостью, какою они кичатся, что у них много слабостей и грехов: споры, лицемерие, несправедливость. Наконец, о несостоятельности баптизма свидетельствовали существующие в нем партии и разделения, так что даже проповедники не имеют общения между собой. Православия Краге долго не знал. Несколько познакомился он с православной верой во время пребывания своего в Симбирской губернии; более же близкое знакомство с истинами православной

веры он приобрел в Риге чрез епархиального миссионера – проповедника Буцена, который и привел его ко мне. Беседа со мной и общение с назначенными для наставления Краге в православной вере священниками сблизили его с православием и побудили его, оставив заблуждения баптизма, войти в единение с истинною Христовою Церковью, в которой он, по его словам, обрел душевный мир и спокойствие. О вышеизложенном Краге в самый день его присоединения был сделан подробный доклад на Рижских народно-миссионерских курсах.

3) 9 ноября в Рижской Вознесенской латышской церкви при большом стечении народа, среди которого было много баптистов, состоялось присоединение к православию другого баптистского наставника – Андрея Ширмеля. Родившийся и воспитавшийся в лютеранстве, Ширмель был взят на военную службу и участвовал в русско-турецкой войне. На военной службе он познакомился с баптистами и под их влиянием, в благодарность за сохранение жизни во время войны, дал обет посвятить свою дальнейшую жизнь Господу для возвещения Его милости. После войны он перешел из лютеранства в баптизм и вскоре, во исполнение своего обета, стал проповедником. Два года он жил в Северной Америке, где изучил английский язык и свел знакомство с тамошними баптистами. По возвращении из Америки он в России стал «евангелистом». За 34-летнее пребывание в должности проповедника он всесторонне ознакомился с жизнью и учением баптистов. Сперва он думал, что они дети Божии и святые люди. Но затем понемногу в сердце его стало закрадываться сомнение в истинности проповедуемого им учения: он заметил, что учение баптистов во многом не согласуется со Словом Божиим; видел, что жизнь их не соответствует восхваляемой ими святости, что общины их раздираются спорами и взаимными препирательствами.

Душа его терзалась сомнениями, но с православием он еще не искал знакомства, внимая предостережению главарей сектантства не вступать в сближение с православными людьми. Когда же Ширмель услышал, что известный Рижский баптистский проповедник Буцен принял православие, то окончательно лишился душевного спокойствия. Для того, чтобы получить разрешение своих мучительных сомнений, он отправился к Буцену. Тот рассказал ему историю своего обращения и поколебал в душе его основы баптизма. Побывав потом вместе с Буценом у меня и окончательно рассеяв свои сомнения, Ширмель некоторое время оставался еще баптистом, но внутренне признавал себя уже православным и при встречах с баптистами объяснял и защищал пред ними учение Православной Церкви о таинствах, доказывая, что святость баптистов ложная и учение их не согласно со Священным Писанием. Затем состоялось и окончательное присоединение Ширмеля к православию.

Утешительным является то обстоятельство, что многие из лютеран относятся с уважением к св. православной Церкви, ее вере, богослужениям и таинствам и при разных трудных обстоятельствах жизни обращаются к молитвам православной Церкви: служат молебны, ставят свечи, целуют Св. Крест и Евангелие, поклоняются св. плащанице в великий пяток; по примеру православных в праздник Богоявления берут освященную воду на дом для употребления в случаях заболевания и для окропления жилищ, воздерживаются от принятия пищи в то утро, когда приступают к св. причастию, отдают детей своих в православные школы, жертвуют иногда деньгами или материалом на нужды православных храмов; многие, особенно женщины, скорбят душою, что у них нет молитв за умерших. Виндавский благочинный доносит мне, что в последнее время, под влиянием возникшей войны с Германией, среди лютеран наблюдается

благоприятное православию движение, выражающееся в посещении лютеранами в значительном количестве православного богослужения, причем в конце богослужения они совместно с православными прикладываются к кресту. По донесению благочинных Юрьевского 1 и 2 округов, с наступлением войны с Германией отношения Прибалтийских эстов-лютеран к православию заметно улучшились. Вместе с подъемом патриотических чувств, эсты проникаются невольным удивлением к силе и мощи русского государства, а отсюда и уважением ко всему русскому, в том числе и к «русской вере» – православию; вместе с тем местные эсты все более приходят к сознанию существующей тесной связи между господствующим в Прибалтийском крае лютеранством и немечеством – внутренним и заграничным. Появлению среди лютеран открытой симпатии к православию, по донесению благочинного Юрьевского 1 округа, немало содействуют сами лютеранские пасторы: многие из них совершенно не желают молиться о даровании победы русскому оружию, избегают такой молитвы или молятся двусмысленно, не указывая, кого нужно подразумевать под врагами; молятся, чтобы Господь покарал поднявшего меч, а в частных беседах с прихожанами объясняют, что в нынешнем страшном кровопролитии виновны русские, что германцы не хотели войны; хвалят немцев и порицают русских. Однако такие речи их не остаются в тайне: сами же лютеране выдают виновников. Многие пасторы привлечены к ответственности, а некоторые выселены из края на время военных действий. Вследствие сего лютеране потеряли доверие к своим духовным руководителям и даже не решаются передавать им пожертвования в пользу воинов, опасаясь, как бы таковые не попали окольными путями в Германию. Напротив, при организации помощи семьям запасных или сборов одежды для воинов в

волостях с преобладающим лютеранским населением обнаруживается особенное доверие к православным пастырям, которых нередко избирают председателями волостных попечительных комитетов о семьях запасных.

К православным же священникам лютеране несут и свои денежные лепты и пожертвования вещами в пользу наших воинов; к ним же идут изливать свое горе, когда, напр., долгое время не получают вестей от находящихся на войне отцов, мужей и братьев; к ним же обращаются с просьбами об исходатайствовании казенного пособия и т.д. Весьма трогают лютеран и произносимые в православных церквях молитвы, каких нет в лютеранстве: о даровании победы русскому оружию, об избавлении пленников, о скорейшем выздоровлении раненых, о павших на поле битвы. Симпатии к православию особенно ярко выражены среди местных лютеран-латышей. Лучшим своего рода барометром в данном случае может считаться г. Рига, так как в ней проживают иноверцы со всех концов местного края. И вот весьма знаменательно, что в Риге сильно участились случаи присоединения латышей к православию. В отчетном году в одной только Вознесенской церкви, прихожане которой состоят исключительно из православных латышей, присоединилось к православию латышей из лютеранства 196, из баптизма -9, из католичества -12 и реформатства - 1, всего 218 человек. Между тем случаи уклонения от православия стали весьма редки. Это отрадное явление объясняется, главным образом, тем, что местное население в настоящее время приходит все к более и более твердому убеждению, что его благоденствие и самостоятельное существование находятся всецело в руках великого русского народа, а потому с последним надлежит войти в самое тесное единение, до единения в вере включительно. Симптоматическим в этом отношении

является замечанный в настоящее время в некоторой части латышской печати поворот к православию. Более видные латышские газеты уже начинают благосклоннее относиться к православию, перепечатывая часто статьи из «Вестника для православных латышей». В латышской газете «Дзимтенес Вестнесис» в конце отчетного года была помещена статья «Латыши и славяне», где уже и эта лютеранствовавшая до сего времени газета почти что приглашает латышей породниться со славянами и по вероисповеданию. Около того же времени в латышском духовном журнале «Вестник для православных латышей» была помещена статья «Мысли одного лютеранина о лютеранстве». Статья эта действительно писана лютеранином и представляет собой вопль беспредельной скорби современного интеллигентного латыша-лютеранина, пришедшего к осознанию, что унаследованная им от отцов религия обращена в передовой полк общих врагов русского и латышского народов и что религия эта оказалась бессильной укротить в человеке зверя.

Состояние благочестия в народе. После пережитых Прибалтийским краем смутных годов, ознаменовавшихся значительным упадком религиозности и христианской нравственности, благочестие в народе мало-помалу восстанавливается и поддерживается в достаточной степени. Подъему в населении религиозного чувства в отчетном году немало содействовала наступившая война с соседними тремя государствами. Нет почти семейства, один или более членов которого не участвовали бы в отражении дерзкого врага. Оставшиеся дома семейные усерднее, чем раньше, посещают храм Божий, служат молебны о здравии и спасении ушедших на войну и панихиды по положившим жизнь свою на поле брани. Латыши и эсты Прибалтийского края, зная по горькому 700-летнему опыту, чем грозит краю победа тевтонов, от всей души

воссылают к Всевышнему молитвы о даровании побед русскому оружию, со вниманием слушают произносимые пастырями проповеди, любят церковное пение и охотно принимают в нем участие, выстаивают продолжительные церковные службы. Особенно полны бывают храмы в те дни, когда совершается заупокойное богослужение, причем молящиеся стоят в течение всей службы, держа в руках возженные свечи. Среди народа существует еще добрый обычай обставлять проводы умершего и самое погребение возможной торжественностью: впереди погребальной процессии всегда несут запрестольный крест и икону, могилу убирают цветами и, вследствие наплыва высоких грустных чувств, любят при закапывании покойника в могилу слушать умиленное пение – погребальных стихов, ирмосов великого канона и пр. Некоторые благочинные отмечают в своих отчетах, что более религиозно настроено коренное деревенское население, а люди, побывавшие в городах и на фабриках, уже относятся к религии холоднее и даже с враждебностью.

К возвышению и укреплению православия в Зельбургском округе, с преобладающим католическим населением, служат соединенные крестные ходы, совершаемые (с 1910 года) из одного прихода в другой в дни годовых храмовых праздников. Возглавляемые приходскими священниками, в преднесении всех приходских святынь, прихожане каждого храма идут на церковное торжество в соседние приходы в большом религиозном воодушевлении, с умиленным пением церковных песнопений. Церковные торжества в эти дни, отличающиеся совершением соборного богослужения и проповедованием Слова Божия, всегда собирают и привлекают прихожан к церкви и отклоняют их от увлекательных для народа костельных процессий, совершаемых, не без цели, всегда почти одновременно с православными церковными торжествами.

Пятилетний опыт с крестными ходами наглядно показал, какое они имеют большое значение в деле укрепления религиозной жизни в народе и, в частности, в деле укрепления православия в среде, окруженной иноверцами-католиками. Крестные ходы пришли по душе местным православным жителям; без них они себе и представить не могут годовых церковных торжеств. Маленькие православные семьи через крестные ходы тесно сплачиваются, объединяются в одну большую семью. Воинственный дух католичества под влиянием все больших и больших выражений духовной силы православия как бы смиряется. Бодрее смотрят на свои труды пастыри и теснее сближаются друг с другом. К поднятию и укреплению религиозного чувства среди православно-го населения Иллуксто-Гринвальдского прихода Зельбургского благочиния содействуют и ежегодное двухнедельное (с 9 по 26 сентября) пребывание в м. Иллуксте местопочитаемой Jakobштадтской иконы Божией Матери, сопровождаемое постоянным служением молебнов пред нею. Немалым средством к укреплению православия в Зельбургском благочинническом округе явилось совершенное в отчетном году, по примеру прежних лет, совместное паломничество некоторых пастырей сего округа с пасомыми в Спасо-Преображенскую женскую пустынь на поклонение той же Jakobштадтской иконе, ежегодно привозимой из г. Jakobштадта в Митаву и оттуда торжественно переносимой крестным ходом в пустынь.

Наиболее живо и наглядно проявляется религиозное усердие и замечается большой подъем религиозного чувства по поводу различных духовных торжеств, как-то: освящения храмов, посещения чудотворных икон и пр. Так, Пюхтицкая обитель с ее святыней – чудотворной иконой Божией Матери – глубоко почитается не только православными жителями ближайших к

Пюхтице приходов, но и полуверцами-лютеранами, которые с такой же верою, как и православные, прибегают к чудотворной иконе с молитвами, служат молебны, ставят свечи. Икона эта в течение лета приносится и в другие местности, а именно: в г. Ревель в конце апреля на 10 дней, в г. Нарву и в местечко Усть-Нарову на 10 дней, в село Сыронец на один месяц – с 13 июля по 14 августа, и в село Олешницы к 8-му сентября – храмовому празднику, где пребывает три дня. Всюду святая икона встречается и провожается с большой торжественностью, с крестными ходами, при многочисленном стечении богомольцев.

В г. Митаву и Спасо-Преображенскую пустынь, с разрешения Св. Синода, приносится ежегодно накануне первого воскресного дня в мае месяце находящаяся в Якобштадтском Свято-Духовском храме местночтимая икона Божией Матери, сроком на две недели, как об этом было изъяснено выше в отделе «обозрение епархии». Усердие, с которым богомольцы везде притекали к святой иконе, и воодушевление, которое они проявляют в крестных ходах, не оставляют сомнения в том, что посещение сей святыни является для православно-го населения насущной потребностью. Эта самая икона на обратном пути остается в г. Риге, на три недели, частью в Алексеевском мужском монастыре, частью – в Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре, и лишь приносится на короткое время в Дуббельнскую братскую церковь к великому утешению проживающих на Рижском взморье в летнее время православных.

Кроме того, в г. Ригу, с разрешения Святейшего Синода, 7-го сентября ежегодно приносится из Псково-Печерского монастыря чудотворная икона Божией Матери «Умиление» и имеет пребывание в церкви Свято-Троице-Сергиева женского монастыря до 5-го октября. В течение этого времени икона приносится в приходские

храмы и в дома частных лиц по особо составленному расписанию. Торжественная встреча и пребывание почитаемой святыни благотворно действует на поднятие религиозного духа и чувства православных рижан.

С открытием военных действий в некоторых приходах Юрьевского благочиннического округа стали совершаться торжественные вечерние богослужения с присовокуплением всенародного моления о даровании победы русскому воинству. Так, на станции Эльва, Сев.-Зап. Ж. дороги, каждую субботу вечером совершается богослужение с молитвою о даровании победы с общим народным пением, и произносится поучение, после чего присутствующим сообщаются сведения о ходе военных действий. Священник Зонтагской церкви Эллерт выезжает для совершения богослужений на ст. Бокенгоф, священник Кастолацкой церкви Зверев – в посад Нустага, где нет православной церкви. Священник Лаар по воскресным дням служит вечерни в новосооружаемом храме в предместье г. Юрьева – Карлове – с общенародным пением и с произнесением поучений религиозно-патриотического содержания. Все эти богослужения весьма усердно посещаются богомольцами, среди которых бывает много лютеран.

По единогласным донесениям благочинных, величайшим благодеянием, принесенным нам нынешней великой отечественной войной, явилось закрытие повсеместно в крае питейных заведений. Сельская жизнь, по сравнению с прежней, стала неузнаваемой: исчезло бессмысленное хулиганство, праздники проводятся тихо и смиренно, свадьбы и другие торжественные события в крестьянской жизни празднуются трезво и скромно, без обычного пьяного угара: народ, ум которого не отуманивается более алкоголем, стал вдумчиво относиться к текущим событиям, осмысливать их не только умом, но и своей религиозной совестью.

Насажденную мановением Государя-Императора трезвость благословляют все, – не только женщины, тяжко страдавшие от пьянства своих мужей, сыновей и братьев, но и мужчины, тянувшиеся раньше к водке по слабости воли или из подражания другим. Отсюда многочисленные приговоры и постановления разных общественных организаций о желательности запрещения продажи спиртных напитков навсегда.

Исполнения долга исповеди и св. Причастия. В отчетном году исполнивших долг исповеди и Св. Причастия по всем приходам было 188 124 человека обоего пола, более сравнительно с предыдущим годом на 6 614 чел. По отзыву некоторых благочинных, число неисполняющих христианский долг по опущению с каждым годом уменьшается, что служит показателем духовного отрезвления населения края после пережитого смутного времени. Печальное исключение составляют приходы Керстенбемского²⁸ благочиния, где в отчетном году, при общем числе прихожан 21 430 чел., не исполнило христианского долга исповеди и Св. Причастия по опущению 5 402 чел. Число неисполнивших христианский долг по опущению в других благочиниях сравнительно невелико.

Причинами уклонения от исполнения христианского долга исповеди и св. Причастия благочинные признают, кроме равнодушия к вере, еще: 1) то, что прихожане – латыши и эсты живут хуторами, часто на весьма большом расстоянии от церкви, и 2) то, что православное население в общем бедное – батраки и безземельные крестьяне. Работая у хозяев-лютеран, они часто принуждены бывают подолгу не посещать церкви и богослужения. Для семейных же людей, имеющих малолетних детей, причиной опущения долга исповеди иногда можно считать и то, что почти все сельские церкви холодные: проехать до церкви ранним утром верст 10-15 в зимний мороз, а

потом простоять в холодной церкви утреню, исповедь, часы и Божественную литургию, притом еще с малыми детьми, – на это не всякий может решиться.

Состояние знания прихожанами истин веры, заповедей и молитв. Присоединившись к православию и латыши, и эсты знают начальные молитвы, а некоторые из них очень хорошо знакомы с Библией, могут объяснить смысл и значение важнейших обрядов православной церкви. Также и в молодом, подрастающем поколении степень знания начальных истин веры, заповедей и молитв в общем достаточна. Где матери убежденные в православии, в тех семьях дети выучивают под их руководством начальные, утренние и вечерние молитвы, а также заповеди и символ веры еще до поступления в школу. Знания молитв слабые в семьях, живущих батраками у хозяев-лютеран или баптистов, которые постоянными едкими насмешками и издевательствами над православием вредно действуют на религиозно-нравственное состояние своих служащих. Благодаря тому, что во многих приходах установилось при богослужении общее пение, православное народонаселение легко ознакомляется с церковными песнопениями и молитвами, а потому и «Церковный песнослов» составляет необходимую принадлежность почти каждой семьи. В особенности в этом отношении, по донесениям благочинных, отрадное явление представляют прихожане Таккерортского и Гутмансбахского приходов.

Духовная благотворительность прихожан. Многие из прихожан состоят членами различных благотворительных обществ и в сем звании трудятся на пользу меньшей братии, а иные бесплатно обучают детей. В некоторых приходах производится раздача при церквях более богатыми крестьянами бедным печеного хлеба и других съестных припасов, а также и денег по большим праздникам или по особым семейным

событиям, радостным или печальным, как, напр., при крестинах, свадьбах и похоронах. Подается посильная помощь погорельцам или пострадавшим от других несчастных случаев. Особых выдающихся пожертвований на пользу церквей и духовенства не было в отчетном году.

О благотворительной деятельности монастырей, церквей, духовенства и местного православного населения, вызванной разразившейся в отчетном году войной, сказано ниже в отделе XII.

22 сентября отчетного года состоялось открытие в г. Риге православного благотворительного общества Святого Креста. Деятельность общества регулируется уставом, утвержденным Святейшим Синодом (определение от 27 февраля – 22 марта 1914 г. за №2340). Цель этого общества – оказывать посильную материальную помощь и духовно-нравственную поддержку бедным православным людям, прибывающим в г. Ригу на заработки или по другим каким-либо надобностям и часто бедствующим здесь по невозможности, как иногородним, получить помощь от города. Не располагая основным капиталом и не надеясь на приток в свое распоряжение, в настоящее тяжелое время, более или менее обильных денежных пожертвований, общество в отчетном году не могло еще приступить к широкому осуществлению поставленных ему задач и заботилось, главным образом, об образовании капитала, который являлся бы основным для дальнейшей деятельности общества. Ввиду сего оно приобрело в свое ведение и распространение книгу, составленную А. А. Ильменским, под заглавием «Его Императорское Высочество, Наследник Цесаревич и Великий князь Алексей Николаевич. 1904-1914 (к десятилетию со дня рождения)». От распространения этой книги общество получило к 15 января 1915 года чистой прибыли 6 229 руб., каковая сумма и была обращена в процентные

бумаги. Материальная помощь была оказана обществом 4 лицам в сумме 17 руб.; кроме того, выдано к празднику Рождества Христова чрез попечительные советы при церквях г. Риги семьям призванных на войну 355 руб.

К прискорбию, встречаются и печальные отзывы духовенства о религиозно-нравственном состоянии православной паствы. Так, Виндавский благочинный доносит, что распущенность нравов переходит из городов и на сельское население. Крестьяне начинают весьма легкомысленно смотреть на брачное сожитительство, вследствие чего среди них возникает обычай вступать в сожитительство еще до совершения бракосочетания в церкви. По местам не считают и позором увозить невесту к жениху за месяц до совершения таинства брака в церкви. Практикуется это, главным образом, в приходах лютеранских, сильно зараженных сектантством. Сектанты, не признавая таинства брака, живут в своих общинах без венчания, подавая тем дурной пример окружающим их лютеранам и православным. Следствием такой легкости нравов являются и среди православных незаконные сожитительства и случаи разводов. Тот же благочинный отмечает заметное за последние годы сокращение браков и искусственную бездетность многих браков. Об увеличении числа незаконных сожитеств доносят и некоторые другие благочинные. Немалый вред приносят местному населению и распространяющиеся за последние годы развращающие произведения некоторых модных новейших писателей в переводах на эстский и латышский языки, каковыми произведениями зачитывается в особенности учащаяся молодежь; проникающие в народ атеистические произведения, книжки и брошюры порнографического содержания; немалое развращающее влияние производят и современные кинематографические представления.

VIII.

РАСКОЛ И СЕКТАНТСТВО

В Рижской епархии раскольников по церковным документам значится 21 560 человек. Почти все раскольники принадлежат к федосеевской и поморской беспоповщинским сектам и только в г. Риге, среди проживающих в районе фабрики Кузнецова, есть незначительное число последователей австрийского согласия, у которых постоянно проживает священник австрийской лжеиерархии. Раскол наиболее распространен в г. Риге и в приходах – Гривском, Хрщевском, Салонайском, Воронейском, Пирисаарском, Черносельском, Якобштадтском Покровском, Фридрихштадтском, Икскульском и Гензельсгофском. К православию и к православному духовенству старообрядцы, за некоторыми исключениями, особенной вражды не проявляют; с православными прихожанами живут миролюбиво и особенной вражды или ненависти в их взаимных отношениях вообще не замечается. Старообрядцы при некоторых случаях (при браках и погребениях) посещают даже православный храм и отдают своих детей в православные школы. Особенно сильной пропаганды старообрядчества среди православных не ведется. В отчетном году уклонилось из православия в раскол старообрядчества всего 15 человек.

Кроме раскольников-старообрядцев в Рижской епархии немало разного рода сектантов, вышедших из недр лютеранства.

На острове Эзель в последний год, начиная с 1900 г. и в особенности с 1905 года, появились разные секты: свободно верующих (они же «прыгуны»)²⁹, методистов и адвентистов. Все эти сектанты устраивают свои молитвенные собрания, главным образом, в гор. Аренсбурге (методисты, адвентисты и прыгуны), а также и в деревне Памана, Карьяласмаского прихода, и в дер. Памна, Карриского прихода. Методисты

имеют в г. Аренсбурге особый молитвенный дом, а адвентисты нанимают довольно обширное помещение для своих собраний. Сектанты же «прыгуны» построили себе молитвенные дома в вышеназванных деревнях Памана и Памна. Секта свободно верующих или «прыгунов» особенно распространилась в пределах сельских приходов – Карьяласмаского, Карриского и Пигавольдеского; есть сектанты в приходах: Кергельском, Анзекюльском, Пейдеском, Левальском, Иоанновском и Мустельском. Уклонившихся в последние годы из православия в секты насчитывается всего на остр. Эзель 171 человек обоего пола. По донесениям приходских священников, православные в сельских приходах перестали интересоваться учениями сектантов так, как это было в предыдущие годы. По местам в сектантских собраниях участвуют только последователи секты, а посторонних не бывает. Люди, прежде считавшиеся уклонившимися в сектантство, стали опять приходить в православную церковь и даже исполнять долг исповеди и Св. Причастия. Иные, перешедшие в секту, просят священников не считать их совершенно порвавшими союз с церковью.

Что сектантство мало удовлетворяет своих последователей, видно из того, что многие, отпадшие от церкви, переходят из одной секты в другую, осуждая ту секту, которую оставили. Священники в своих приходах прилагают всякое старание к тому, чтобы ослабить влияние сектантов и оградить свою паству от разложения. С этой целью они в проповедях с церковной кафедры обличают лжеучения сектантов и предостерегают прихожан от посещения сектантских собраний, то же делают они в частных беседах с прихожанами при посещении домов их для требоисправлений. В тех местах, где сектанты проявляют более активную деятельность, пастыри, со своей стороны предпринимают более энергичные

меры к подавлению сектантского влияния. В Аренбургской церкви, например, по воскресным дням неопустительно совершаются торжественные вечерни с беседами катехизического и вообще назидательного содержания, в Великом посту эти беседы устраивались и по четвергам. Священники Карьяласмаские – Лукс и Карриский (?) – ездят в дальние концы прихода, где гнездится сектантство, совершают вечерни с чтением акафиста и произнесением противосектантских бесед. Особенно ревностно к миссионерской деятельности относится Лайсбергский священник Факст (?). Он в воскресные дни Великого и Рождественского постов при деятельном участии псаломщиков устраивает молитвенные собрания с противосектантскими беседами в нескольких более населенных местностях прихода. На эти собрания всегда приходило много посетителей, которые со вниманием слушали беседы и с оживлением пели церковные песнопения и духовные стихи.

В г. Ревеле и в приходах Балтийско-Портском, Аррокюльском, Талском, Ангернском, Юроском, Куймецком и Вейсенштейнском (Ревельского и Вейсенштейнского уездов) имеются сектанты-баптисты, младо-штундисты, евангельские христиане, гернгутеры и ирвингиане. В отчетном году проживающий в гор. Ревеле крестьянин Эстляндской губернии Вильгельм Пешель, по профессии сапожник, возбудил пред Министерством Внутренних Дел ходатайство о разрешении ему учредить в г. Ревеле новое религиозное общество под названием «вечное царство Божие». По поводу этого ходатайства Епархиальным Миссионерским Советом были затребованы справки, из которых выяснились цель и задачи учреждаемого общества и сущность его учения. Общество «вечное царство Божие» ставит своей целью достижение спасения и блаженства путем непосредственной связи с Божеством. Единственный путь к тому – воспламенение

высших чувств души (неизмеримой души) неизмеримой силой Божией, которая выражается в нисходящем на человека вдохновении, открывающем ему новый мир и возрождающем в его душе вечное царство Божие. Проповедуя непосредственное общение с Божеством, Пешель отрицает таинства, как средства для усвоения спасения, отрицает Божество Иисуса Христа и спасительную силу Его страданий и смерти. Христос, по его мнению, не есть Спаситель; человек даже не нуждается в Спасителе, так как по отношению к Богу грехов иметь не может, а грешит только по отношению к самому себе. Учение евангельское, по мнению Пешеля, не является окончательным и совершенным: в нем имеются только указания на то вечное царство Божие, которое имеет основать он, Пешель. Начало своего «вечного царства Божия» Пешель приурочивает ко времени войны десяти держав мира, такую он считает настоящую войну.

В Гапсальском уезде существуют баптисты, так называемые члены свободной веры, братья евангельской общины Иисуса Христа, адвентисты и ирвингиане. Все эти секты относятся враждебно ко всему православному. Наибольшая деятельность сектантов замечается на островах Даго и Вормсе и в районе Мяэмызского прихода. На молитвенные собрания, устраиваемые сектантами, приезжают нередко проповедовать разные лица из других городов. Появление таких проповедников возбуждает любопытство и привлекает на собрания сектантов много народа.

В г. Юрьеве и уезде существуют секты баптистов, адвентистов, штундистов и евангельская община или братство. В самом г. Юрьеве сектантов насчитывается около 650 человек. В пределах Зонтагского прихода, Юрьевского уезда, проявляют свою деятельность сектанты-постники³⁰. Секта постников русского происхождения. Ее основал один возвратившийся с военной

службы солдат. Молитвенные собрания их происходят по ночам в глубокой тайне, посторонние не допускаются. В 1,5 верстах от Зонтагской церкви находится женский скит постников. Учение их неизвестно, так как они его не пропагандируют и никому не рассказывают. Только известно, что они не едят мясо, не пьют вина, не женятся и не выходят замуж. Число их не превышает 50 человек.

Гораздо опаснее в Юрьевском уезде баптистская пропаганда, влияющая на темных и легкомысленных людей. Настоящее гнездо баптисты свили себе в посаде Нустаго, Кастолацкого прихода. Тут у них имеется свой молитвенный дом с постоянным наставником. Еще имеются баптисты в Палоперской волости в пределах Кастолацкого и Рингенского приходов. Постоянные молитвенные собрания происходят там у дворохозяина Пеку, который сам является их наставником. В противовес баптистской пропаганде Кастолацким священником устраиваются в помещении вспомогательной школы в Нустаго по воскресным дням вечерние молитвенные собрания с беседами, привлекающими много народа.

В гор. Виндаве и уезде распространены различные секты. Находясь в постоянных сношениях с новоприсоединившимися и неокрепшими в православии латышами и ливами, сектанты вредно влияют на сих последних и сманивают их на свои молитвенные собрания. Этим объясняется и то печальное явление, что почти во всех приходах Виндавского благочиния проживает немало таких новообращенных в православие латышей, которые прекратили всякие сношения с православной Церковью, сами к таинствам не приступают, детей не крестят, живя среди сектантов, иногда очень влиятельных, уклоняются в сектантство, а ныне частью уже уклонились. Из сект, более распространенных в г. Виндаве и Виндавском уезде, следует отметить секту баптистов,

которая распространяется, главным образом, за счет лютеран и в настоящее время насчитывает несколько тысяч последователей; секта эта имеет сплоченный характер и распространяется заметно, так как каждый баптист считает своим долгом обратить в свою секту хотя одного нового члена. Они содержат и щедро оплачивают своих наставников-благовестников. Для молитвенных собраний этими сектантами построен в г. Виндаве громадный двухэтажный каменный дом; в других местах Виндавского уезда, а также в городах Тальсен, Туккум и Пильтен у них существуют хорошо обставленные молитвенные дома. Местные помещики-бароны открыто покровительствуют им, отдают баптистам в долгосрочную аренду или на выкуп усадьбы и подмызки, и тем способствуют быстрому распространению и прочному утверждению этой секты. Пропаганда баптистов проникнута нехристианским духом крайней вражды ко всякому, кто не принадлежит к их обществу. Баптизм очень вредит распространению и утверждению православия, которое в устах этих сектантов иначе и не называется, как грубым язычеством; все главари баптизма особенно резко нападают на православную Церковь, на иерархию, таинства и обряды.

Для утверждения православных латышей и ливов в истинах православной веры и ограждения их от влияния иноверцев и сектантов настоятели церквей г. Виндавы и уезда принимали следующие меры: 1) устраивали крестные ходы и кладбищенские праздники с произнесением подобающих случаю поучений; 2) вели беседы в храмах, школах и по домам во время разъездов по приходу и, утверждая прихожан в догматических истинах православия, всегда показывали полуправоту инославия и сектантства; 3) раздавали бесплатно или продавали листки и брошюры религиозно-нравственного содержания; 4) предпринимали поездки в дальние места своего прихода для

утверждения пасомых в истинах православия и чтобы сколько-нибудь парализовать влияние иноверцев и сектантов на свою паству. Для этой цели предпринимались поездки в заранее намеченные места, куда заблаговременно посылалось известие о времени приезда священника и о месте, где им будет совершено молебствие с собеседованием. Такие собеседования происходили в отчетном году в следующих приходах: Домеснеском, Дондангенском, Виндавском³¹ Всехсвятском и Туккумском.

В г. Риге существуют также сектанты-баптисты, имея здесь несколько молитвенных домов. Есть также последователи секты адвентистов и ирвингиан или апостольской общины; имеются у них два молитвенных дома, из коих в одном богослужение совершается на латышском языке, а в другом – на немецком. Но особенно заметного влияния на православное и иноподродческое население г. Риги эти секты не оказывают.

В последние годы в Прибалтийском крае к существующим сектам прибавилась еще одна новая, известная под названием общины «пятидесятников»³². Секта эта возникла в 1910 году в Норвегии, откуда через Швецию перешла в Германию, а из этой поставщицы сектантства для России – в Прибалтийский край. По сведениям местных сектантских журналов, главарями этой секты в местном крае являются братья Рабе. В видах более широкого распространения секты, в Риге по инициативе одного из братьев Рабе основана обществу воздержания «Спасение», чрез которое и пропагандируется означенная секта. Пятидесятники ставят себе целью вызвать среди нынешних христиан такое же религиозное оживление, какое было среди верующих в апостольские времена. Это оживление, по их мнению, проявится в том случае, если верующие, подобно апостолам, получат крещение огнем чрез сошествие на них Св.

Духа. Удостоившись такого крещения и исполнившись Св. Духа, последователи этой секты будто бы получают такие же духовные дарования, какие имели первенствующие христиане: дар языков, дар истолкования, дар пророчества, дар исцеления болезней и др. Для получения огненного крещения и приобретения духовных дарований рекомендуются экзальтированные молитвы и религиозное исступление, доходящее до нервных припадков. Такая болезненная религиозность считается признаком особенной милости Божией, знаком сошествия на верующего Св. Духа, новой Пятидесятницей, отчего и секта эта присвоила себе название «пятидесятников». Впрочем, сущность этого религиозного движения не представляет чего-либо нового для Прибалтийского края. Сюда уже в восьмидесятых годах прошлого века проникло из Швеции религиозное движение, последователи которого отличались крайней экзальтацией в своих молитвенных собраниях: выкрикивали отдельные слова, глубоко вздыхали, прыгали, падали на землю и раздражались потоком бессвязных слов. Из этого движения возникла секта «свободноверующих» (по народному названию – «прыгунов»). В настоящее время эта секта стала несколько выдержаннее в выражении своих религиозных чувств.

При разнообразии существующих в Прибалтийском крае сект, таковые находят себе более или менее благодарную почву для распространения лишь в среде лютеранской, в генетической связи с которой они находятся; на православное же население эти секты оказывают мало влияния. Число уклонившихся из православия в сектантство с каждым годом падает. В отчетном году уклонилось: в баптизм -14 чел., в секту евангельских христиан – 14 чел. И в адвентизм – 6 чел., а всего 33 чел. В 1913 году уклонившихся в сектантство было 52 чел., а в 1912 году – 80 человек.

Епархиальный Миссионерский Совет. Деятельность Епархиального Миссионерского Совета в отчетном году состояла в устройстве беседований со старообрядцами, в руководстве отделениями (и в открытии новых); в издании и распространении противосектантской литературы и в ведении народно-миссионерских курсов в Риге. Собеседования со старообрядцами происходили по воскресным дням Великого поста в единоверческой церкви под руководством кафедрального протоиерея Владимира Плисса при участии единоверческого священника Алексея Знаменского³³ и воспитанников V и VI классов Рижской Духовной семинарии на темы: 1) о значении совершаемых у беспоповцев крещения и покаяния; 2) о необходимости таинства причащения и невозможности заменить его постом, молитвой и милостынею; 3) о сравнительном достоинстве беспоповщинских наставников и белокриницкого священства поповцев с точки зрения церковных канонов и 4) о том, сохранили ли старообрядцы учение веры, чин богослужения и уклад церковной жизни согласно древним установлениям Церкви Христовой. Каждое собеседование начиналось вступительной речью протоиерея Плисса; затем священник Знаменский предлагал объяснение дневного евангелия применительно к миссионерским нуждам. Собеседования охотно посещались как православными, так и старообрядцами.

Всех отделений Миссионерского Совета имеется девять: Дагенское, Эзельское, Гапсальское, Ревельское, Виндавское, Либавское, Юрьевское, Илукстское и Верровское; последнее открыто в 1914 году. Наиболее оживленную деятельность в отчетном году проявили отделения Дагенское и Илукстское. Первое устраивало по приходам острова Даго внецерковные духовно-нравственные и миссионерские беседы, сопровождаемые общим пением церковных песнопений и духовных стихов.

Илукстское отделение распространяет свою деятельность на все приходы Зельбургского благочиния, в которых православные проживают среди преобладающего большинства католиков, лютеран и старообрядцев. В отчетном году в неделю православия (23 февраля) в центральном для благочиния и самом многолюдном Гривском приходе было совершено торжественное соборное богослужение тремя священниками. На литургии настоятелем церкви Илукстского женского монастыря священником Залазинским³⁴ было произнесено слово на тему «Историческое прошлое Православной Христовой Церкви в ее отношениях к ересям и расколам и ее современные миссионерские задачи». После богослужения священником Лапикеном³⁵ была предложена беседа «Где и по каким признакам искать истинную Церковь Христову и справедливо ли поступают старообрядцы, отделяясь от Православной Церкви». Среди слушателей было немало старообрядцев. Затем, по предварительной составленной программе, отделение устроило ряд бесед миссионерского характера по всем церквам благочиния.

По мере возможности и необходимости Миссионерский Совет издавал и распространял брошюры противосектантского содержания. Так, в 1914 году сделаны оттиски в количестве 5 000 экз. с напечатанной в латышском духовном журнале статьи «Война и вера у латышей», оттиски эти разосланы по латышским приходам епархии для бесплатной раздачи народу. Затем Советом были отпечатаны в количестве 9 000 экз. №49 и 50 означенного журнала, в которых помещены три статьи о возникающих в настоящее время среди латышей-лютеран симпатиях к православию; также сделано 1 100 оттисков с напечатанной в эстонском духовном журнале статьи «Месть могильщиков». Кроме того, Миссионерский Совет, в виду выяснившегося на опыте важного значения общего пения духовных стихов



Архиепископ Иоанн (Смирнов) открывает железнодорожный мост через р. Даугаву в Риге. Май 1914 г.

в качестве вспомогательного средства на миссионерских собеседованиях, приступил в отчетном году к изданию сборника таких стихов на эстонском и латышском языках, именно: Советом поручено перевести на эти языки изданный Петроградским Миссионерским Советом сборник духовных стихов под названием «Слово Жизни». В настоящее время перевод этого сборника на латышском языке уже закончен и вышел в печати.

Наиболее же крупным явлением в деятельности епархиальной миссии за отчетный год следует признать открытие и функционирование в течение всего года в г. Риге народно-миссионерских курсов. Курсы эти были открыты в целях утверждения православного населения г. Риги в истинах Св. Православной веры и в доброй нравственности, ограждения его от влияния раскола старообрядчества и сектантства и приготовления православных людей к непосредственному отражению нападок инославия и иноверия. Занятия на народно-миссионерских курсах были открыты мною 7 января отчетного года совершением в Рижской Всехсвятской церкви всенощного бдения с молебном Священномученику Исидору Юрьевскому. Курсовые занятия происходили в помещении приходской

школы при названной церкви по вечерам, по окончании работ на фабриках и заводах. Всех вечерних занятий в отчетном году было 67; на них были предложены слушателям беседы по объяснению Св. Писания и по изложению учения Православной Церкви, с опровержением сектантских заблуждений. Некоторые беседы на курсах по объяснению Св. Писания были предложены лично мною; кроме того, неопустительно присутствуя на всех занятиях, я каждый

вечер занятий заключал речь, в которой резюмировал и дополнял сообщенные слушателям в данный вечер сведения. Лекторами на курсах обычно выступали епархиальный миссионер священник Павел³⁶, прот. Влад. Плисс – преподаватель учения о расколе в семинарии, и некоторые другие приходские священники – священник Петр Клементовский по объяснениям Св. Писания, священник Всехсвятской церкви Андреев³⁷, разучив со слушателями, по предварительному объяснению текста, догматики, пасхальные стихиры, канон и часы, а также и некоторые другие песнопения, руководил происходившим в промежутках между беседами общенародным пением. Во втором полугодии священника Андреева, откомандированного в действующую армию, в качестве руководителя пением на курсах заменил учитель Всехсвятской приходской школы Столяров. Теоретические беседы об учении Православной Церкви иногда восполнялись фактическими доказательствами неправоты инославия и истинности православия. Эти доказательства посетители курсов слышали в исповедях бывшего католического ксендза Ковалевского и бывших баптистских проповедников: Буцена (ныне епархиального миссионера-проповедника), Краге³⁸, Ширмеля и Перфильева³⁹. Доклады

этих лиц, на себе испытавших суету жизни в инославии и сектантстве и нашедших в православии душевное успокоение, выслушаны были со вниманием и произвели сильное впечатление. Посетители курсов не довольствовались одним выслушиванием предлагаемых бесед, но для вящего⁴⁰ запечатления в памяти и в сердце истин веры приобретали книги Св. Писания, рекомендуемые им руководства по обличению раскола и сектантства и сборники духовных песнопений. Ими за год чрез руководителей курсов приобретены следующие книги: полных Библий – 5 экз., Нового Завета – 50 экз., сборников церковных песнопений (изд. Религиозно-Просветительного Общества) – 300 экз., «Слово жизни» в духовных стихах – 1 000 экз., «Слово жизни» в церковных песнопениях – 400 экз., разных книг по обличению раскола и сектантства – 120 экз.

Для удовлетворения требованиям слушателей по приобретению книг религиозно-нравственного содержания Рижским женским монастырем в конце отчетного года при курсах открыта продажа таковых книг. Учреждением народно-миссионерских курсов удовлетворена потребность православного населения г. Риги назидаться религиозно-нравственными беседами в неофициальной обстановке и иметь благочестивый отдых от дневных трудов в пении церковных песнопений и духовных стихов. Существование такой потребности, являющейся залогом прочности курсов, засвидетельствовано тем, что тотчас же по открытии курсов народ в большом количестве стал посещать занятия и посещает их неослабно до настоящего времени. Среднее количество слушателей достигает 350 чел., переполняя две обширных классных комнаты; иногда же число их доходит до 500 человек. Устроители курсов пользуются неизменным благорасположением и уважением слушателей. (По окончании вечерних занятий они окружают меня

тесным кольцом, с благоговением принимая мое благословение и бережно храня раздаваемые им листки религиозно-нравственного содержания. В знак благодарности за устройство и руководство курсами слушателями была поднесена мне в мае месяце минувшего года, при соответствующем адресе, икона Св. Апостола Иоанна Богослова. По моему желанию, икона эта поставлена в помещении курсов).⁴¹

Деятельность епархиальных миссионеров. Епархиальным миссионером священником Иоанном Павелем совершены были в отчетном году две поездки для ознакомления с состоянием сектантства на местах и для произнесения миссионерских проповедей. Первая поездка была совершена 15 мая, в день Вознесения Господня, в Ранденский приход для участия в местном кладбищенском празднике. Во время панихиды на кладбище миссионером было сказано слово о пользе и необходимости молитвы за умерших. Вторую поездку он совершил в Эстляндскую губернию и пробыл там с 25 по 28 мая. За эти дни он посетил приходы Юроский, Куймецкий и Аррокюльский, совершил богослужения в церквях этих приходов, произнес несколько поучений и предложил три миссионерские беседы, из них две во вспомогательных школах – Махтерской и Костиферской. Весьма благовременным оказалось посещение епархиальным миссионером Юроского прихода, так как там в то же время происходило торжественное празднование 100-летнего юбилея гернгутерского молитвенного дома. Во второй половине года, вследствие наступившей войны, поездок по епархии миссионер более не предпринимал, посвятив свое время пастырской и миссионерской деятельности в пределах г. Риги. В отчетном году им предложено на народно-миссионерских курсах в Риге 40 бесед по истории и обличению сектантства и произнесено несколько поучений в кафедральном соборе;

кроме того, миссионер обслуживал духовные нужды двух Рижских лазаретов и совершал богослужения и требы в Рижской Покровской кладбищенской церкви, второй священник которой командирован в действующую армию.

Епархиальный миссионер-проповедник Феодор Буцен⁴², утвержденный в сей должности Святейшим Синодом в январе месяце отчетного года, посетил в отчетном году с миссионерской целью города Туккум и Фрауэнбург, Курляндской гцбернии, и местечко Смильтен, Лифляндской губернии. В г. Туккуме миссионером в день Св. Троицы было произнесено сначала в церкви за Божественной литургией поучение о главнейших принципах христианской жизни – сперва на русском, а затем на латышском языке. В церкви присутствовали почти все местные сектанты: баптисты и адвентисты. После вечерни миссионером была предложена в церкви беседа, в коей он изложил историю адвентизма и доказал неправоту его. 1 июня миссионер Буцен прибыл в г. Виндаву, где началась его проповедническая деятельность в качестве баптистского проповедника. Распространившийся по городу слух о прибытии бывшего баптистского проповедника, а ныне православного миссионера привел в храм многих местных сектантов. Произнеши в храме поучение о христианском смирении, миссионер вместе с крестным ходом отправился на кладбище, где была совершена торжественная панихида по усопшим. Там им было предложено слово о причинах, побудивших его перейти из баптизма в православие. После богослужения многие присутствовавшие благодарили его за обличение баптистской лжи и лицемерия; из присутствовавших баптистов некоторые соглашались с указанными им слабыми сторонами баптизма, другие же упрекали его за отступление от якобы богоугодной веры.

22 июня миссионером-проповедником Буценом была предложена беседа для

интеллигентных слушателей в имении Рунке при ст. Куртенгоф⁴³, близ Риги. На этой беседе присутствовали и некоторые баптисты из г. Риги. Выбрав темой беседы пребывание в Церкви православной благодатной силы Христовой, миссионер на основании Св. Писания и церковной истории доказывал, какой духовной и нравственной высоты достигают люди, пребывающие в лоне истинной Церкви. Некоторые баптисты выступили с возражениями, указывая на неблагоприятную жизнь некоторых православных и на пороки некоторых недостойных служителей Церкви. Миссионер, не отрицая возможности нравственного падения отдельного лица, привел из своей прежней практике в качестве баптистского проповедника несколько случаев, известных и слушателям, когда баптистские главари доходили до взаимной драки в молитвенных домах. 29 июня миссионер посетил г. Фрауэнбург,⁴⁴ где произнес в церкви проповедь миссионерского содержания; несколько дней спустя им в деревне близ Фрауэнбурга была предложена беседа о почитании икон.

20 июля миссионер был приглашен для ведения беседы в м. Смильтен. В этот день стало известно об объявлении нам войны Германией. Миссионером была произнесена патриотическая речь, в которой он призывал всех объединиться для защиты родины и осуждал тех, которые, внося смуту в религиозную жизнь, тем самым нарушают столь необходимое в настоящее время единение всех верных сынов отечества. Вечером в тот же день в местечке был устроена патриотическая манифестация, на которой миссионер призывал слушателей не только к политическому, но и к религиозному единению с великой Россией.

Кроме вышеуказанных бесед и речей, миссионером-проповедником Буценом в отчетном году предложено несколько бесед в Рижской Вознесенской латышской церкви и на открытых в Риге

народно-миссионерских курсах. Им же в сотрудничестве с бывшими баптистскими проповедниками Краге и Ширмелем устраиваются противосектантские беседы в некоторых других местностях г. Риги. О своей деятельности епархиальными миссионерами представлены мне подробные отчеты.

С 1888 года существует при Рижской Духовной семинарии миссионерская библиотека, заключающая в себе книги противораскольнического и противосектантского содержания. Кроме того, с 1889 года существуют три противораскольнические библиотеки: в м. Гриве, в посаде Черном и в селе Воронье, как в местах, наиболее населенных раскольниками. Библиотеки снабжены наиболее важными и нужными для миссионерских целей книгами, выписанными на местные епархиальные средства из Московской единоверческой типографии и из Московского братства Св. Петра Митрополита.

Единоверие. Всех единоверцев в Рижской епархии числится 984 человека обоего пола, в числе их 496 муж. и 488 женского пола. В прошедшем году присоединившихся из раскола на правах единоверия было 5 чел. Единоверческих церквей в епархии три: одна в городе Риге, другая – в селе Расколах и третья – в посаде Черном, Юрьевского уезда.

Рижский Епархиальный Комитет Православного Миссионерского Общества. Деятельность Рижского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества, по примеру прежних лет, и в отчетном году состояла в ознакомлении православного населения Рижской епархии с задачами и нуждами Православного Миссионерского Общества. С этой целью, по распоряжению моему, как Председателя Комитета, чрез Рижскую Духовную консисторию разосланы были чрез отцов благочинных всему духовенству епархии воззвания к пожертвованиям на святое дело, надписи для блюд и кружек и подписные

листы, присланные от Совета Православного Миссионерского Общества, с циркулярным предписанием: воззвания с приглашением к пожертвованиям выставлять в притворах всех церквей и монастырей в течение первой седмицы св. Четыредесятницы, в неделю Православия неопустительно произносить поучения о распространении света учения Христова среди язычников, а равно производить и самые сборы – как тарелочный в неделю Православия, так и кружечный и по подписным листам в течение всего года. С этою же целью чрез канцелярию Комитета рассылались отчеты и брошюры Совета Общества за 1913 год всем членам Общества по Рижскому Комитету.

Независимо от всего этого Комитет просил редакции эстонского и латышского духовных журналов напечатать, по примеру прежних лет, несколько статей по миссионерскому делу, и отдельные оттиски статей разослать священникам епархии для ознакомления местного населения с миссионерской деятельностью в нашем отечестве. Редакция эстонского журнала «Вера и Жизнь» в отчетном году напечала следующие статьи и заметки по миссионерским вопросам: 1) Путь в Царствие Божие; 2) Что нам всего нужнее; 3) О Св. Христовой Церкви; 4) Язычники в будущей жизни; 5) Без истинного Бога; 6) Вера на Филиппинских островах и 7) Несколько слов о вере на дальнем севере. В латышском духовном журнале «Вестник для православных латышей» напечатаны были статьи: 1) Ложный прогресс; 2) Ищите и обрящите; 3) Библия и естествознание; 4) Церковь Христова и ее таинства; 5) Неделя православия; 6) Значение поклонения Кресту Христову; 7) Латышские газеты о вере; 8) Развал протестантизма; 9) Овцы и пастыри; 10) Возрождение религии во Франции; 11) Все ли равно, к какому вероисповеданию ни принадлежать; 12) О равнодушии в делах веры; 13) Признание лютеранскими пасторами

своего банкротства; 14) Сектанты – предтечи антихриста; 15) Кризис лютеранства; 16) Латышская национальная религия и 17) Деятельность Православного Миссионерского Общества.

Всех действительных членов Православного Миссионерского Общества по Рижскому Комитету в отчетном году было 82.

Православное Религиозно-Просветительное Общество при кафедре Рижского Архиепископа. Православное Религиозно-Просветительное Общество при кафедре Рижского Архиепископа, учрежденное в 1906 году по случаю пятидесятилетия существования Рижской епархии, в отчетном году, по примеру прежних лет, проявляло свою деятельность в ведении вечерних религиозно-нравственных бесед и в издании и раздаче брошюр и книжек религиозно-нравственного содержания. Религиозно-нравственные беседы велись в следующих местах г. Риги: в кафедральном соборе (41 беседа), в Всехсвятской церкви (18 бесед), в Преображенской Вознесенской и Единоверческой церквях, а также в помещениях городских начальных училищ на Славянской, Шатровой и Шварценгофской улицах и в Мюльграбене⁴⁵. Во всех этих местах пред началом бесед, во время перерывов и по окончании бесед происходило общее пение церковных песнопений при участии всех слушателей, а на беседах, происходивших в школьных помещениях, пелись, кроме того, духовные стихи из сборника «Слово Жизни».

Общество имеет довольно значительную библиотеку из книг религиозно-нравственного содержания. Книги выдаются для чтения бесплатно. Читателей в отчетном году было 471 человек, коим было выдано всего 1 358 книг. Общество также приобретало брошюры религиозно-нравственного содержания и раздавало во время бесед в храмах. Обществом в отчетном году изданы следующие брошюры: 1) О равнодушных к

учению веры и церкви – в количестве 5 000 экз.; 2) Не все равно, к какой вере ни принадлежать – 5 000 экз.; 3) Имейте веру Божию – 5 000 экз.; 4) Война – суд Божий над народом и орудие для исправления и спасения их – 5 000 экз. и 5) Памятный листок воину – 15 000 экз. (разосланы по Рижским лазаретам и в действующую армию 20-му армейскому корпусу). Общество находится под моим ближайшим руководством. Я посещал все беседы, происходившие в кафедральном соборе, и по окончании бесед преподавал со своей стороны назидания слушателям. Средства Общества составлялись из членских взносов и церковного сбора в праздник Вознесения Господня. Получавшееся ранее Обществом пособие от Лифляндского Губернского Комитета Попечительства о народной трезвости в отчетном году не было получено.

Комиссия по пересмотру эстонского перевода книг Св. Писания Нового Завета. В 1912 году комиссия из лютеранских пасторов закончила пересмотр эстонского перевода Нового Завета и выпустила в исправленном виде пробные экземпляры. При этом председатель комиссии пастор Бергман обратился к покойному ныне священнику Тугаланской церкви Кюппару с просьбой обратить внимание православных эстонских богословов на это пробное издание. Священник Кюппар сообщил о сделанном ему предложении настоятелю Рижской Петропавловской эстонской церкви протоиерею Вярату, а тот доложил мне. По докладе о сем, по моему желанию, была образована в г. Риге особая комиссия для пересмотра исправленного пасторами издания Нового Завета и в распоряжение комиссии выписаны 5 экземпляров этого издания. В состав комиссии вошли: преподаватели Духовной семинарии Михкельсон и Юрьенс, протоиереи Лейсман и Вярата, епархиальный миссионер священник Павел и священники Иогансон, Тамм и Кюппар. В

настоящее время комиссией, состоящей под председательством протоиерея Лейсмана, пересмотрены первые 22 главы евангелия Матфея, причем местами сделаны весьма существенные исправления в одобренном лютеранскими пасторами эстонском тексте. О сделанных исправлениях сообщено лютеранской переводческой комиссии.

IX.

КАТИХИЗИЧЕСКИЕ ПОУЧЕНИЯ

Последовательных и систематических катихизических поучений с прихожанами в епархии не велось. Они заменялись частыми поучениями, произносимыми на богослужениях в храме и при требоисправлениях. В своих поучениях священники изъясняли как догматическую, так и нравственную и обрядовую стороны православной веры. При желательности и несомненной пользе от катихизических поучений, к сожалению, нет возможности вести их при церквях по тем же причинам, по которым не проводятся в сельских приходах внебогослужебные собеседования.

X.

НАРОДНЫЕ ШКОЛЫ

Для заведования православными народными училищами Прибалтийского края, в силу Высочайшего повеления от 2 марта 1870 года, существует особый Совет под председательством Епархиального Пресвященного из членов от Министерства Народного Просвещения и духовного ведомства, а именно: Попечителя Учебного Округа, Ректора Рижской Духовной семинарии, Окружного миссионера, директора Рижской Александровской гимназии и директоров народных училищ Прибалтийских губерний. В 1913-1914 учебном году православных приходских училищ в Рижской епархии было 457, а именно: в

Лифляндской губернии 355, в том числе приходских двухклассных 14, одноклассных 135 и вспомогательных 206; в Курляндской губернии 40, в том числе двухклассных 3, одноклассных 30 и вспомогательных 7 и в Эстляндской – 62, в том числе двухклассных 4, одноклассных 27 и вспомогательных 31. Обучалось: 1) в Лифляндской губернии мальчиков 7 985 и девочек 5 845, в том числе в двухклассных мальчиков 818 и девочек 505, в одноклассных мальчиков 4 220 и девочек 2 627 и в вспомогательных – мальчиков 2 947 и девочек 2 713; 2) в Курляндской губернии – мальчиков 1 383 и девочек 954, в том числе в двухклассных – мальчиков 399 и девочек 191, в одноклассных – мальчиков 811 и девочек 651 и в вспомогательных – мальчиков 173 и девочек 112; 3) в Эстляндской губернии – мальчиков 1 269 и девочек 791, в том числе в двухклассных – мальчиков 308 и девочек 114, в одноклассных – мальчиков 622 и девочек 411 и в вспомогательных – мальчиков 339 и девочек 266, а всего в 3 губерниях мальчиков 10 637 и девочек 7 590, в том числе православных 13 346, лютеран 4 296, католиков 395, старообрядцев 146, единоверцев 6, баптистов 4, сектантов 4 и евреев 30, итого 18 227. В 1913/1914 учебном году кончило курс православных приходских и вспомогательных школ 2 032 учащихся.

Учителей и учительниц приходских и вспомогательных школ в учебном году было 755 человек. В числе учащихся, кончивших курс: 1) Духовной Академии – 1, университета – 1, Духовной семинарии – 40, епархиального женского Духовного училища – 16, учительской семинарии – 95, гимназии – 16, мужского Духовного училища – 1, реального училища – 2, высшего начального училища – 5; городского училища – 24, прогимназии – 2, второклассной школы – 8, торговой школы – 1, мореходного училища – 1, частного женского училища – 2, министерского двухклассного училища – 22,

министерского одноклассного училища – 9, приходской школы – двухклассной 76 и одноклассной 162; 2) имеющих звание домашнего учителя или учительницы – 19, имеющих звание начального учителя или учительницы – 134; 3) не окончивших курса: Духовной семинарии – 33, гимназии – 9 и мужского Духовного училища – 15 и 4) домашнего образования 5. Более подробные сведения о православных училищах Прибалтийских губерний за истекший 1913-1914 учебный год представлены Святейшему Синоду 10 марта 1915 года за №280.

Главнейшим тормозом к развитию церковно-школьного дела в Прибалтийском крае является междуведомственное положение местной православной церковной школы и, как следствие сего, ее крайне необеспеченное материальное положение. Рижское Епархиальное начальство уже не раз возбуждало ходатайство пред высшими властями об изменении существующего положения, но эти ходатайства до сего времени остаются без удовлетворения. Чуткое к интересам местной Православной Церкви и школы Прибалтийское Православное Братство в отчетном году решилось прибегнуть к особенной мере для пользы Прибалтийской православной народной школы. По сношении с руководителями церковно-приходских школ империи, по инициативе названного Братства было устроено 23 марта отчетного года чрезвычайное совещание в доме Г. Обер – Прокурора Святейшего Синода для уяснения вопроса о Прибалтийской православной народной школе для общественного сознания. На этом собрании, кроме Г. Обер-Прокурора, присутствовали некоторые члены Государственного Совета и Государственной Думы, а также некоторые видные общественные деятели и представители столичного духовенства; на это же собрание прибыл я из Риги в сопровождении кафедрального протоиерея Плисса и протоиерея Березского⁴⁶.

На собрании мною была произнесена речь, в коей я познакомил собравшихся с печальным положением Прибалтийской православной народной школы в настоящее время. Затем протоиереями Плиссом и Березским были прочитаны подробные доклады о государственном значении православной школы на Прибалтийской окраине, о ее современном положении и о сделанных до настоящего времени безрезультатных попытках к улучшению этого положения. Сделанное на собрании все-стороннее выяснение означенного вопроса не дало, однако, до сего времени никаких практических результатов.

В г. Риге существуют две воскресные школы – мужская и женская. Заведующим мужской воскресной школой состоял священник Титов⁴⁷, а почетным блюстителем фабрикант М. М. Кузнецов. Общее число сотрудников, принимавших то или иное участие в делах школы, было к началу 1913-1914 учебного года 31 чел., принято вновь в течение учебного года 14 чел., выбыло 13 человек, осталось к началу 1914-1915 учебного года 32 человека, в том числе 2 священника, 8 учителей городских школ, 7 учительниц, 6 студентов, 6 окончивших женскую гимназию, 1 врач, 1 фабрикант и 1 бухгалтер. Опыты прежних лет показали, что ежегодно на прием учащихся в первое воскресенье является и записывается очень много таких учеников, которые, посетив школу первые два-три воскресенья и убедившись, что грамоте сразу не научиться, прекращали посещение школы. Поэтому в 1913-1914 учебном году решено было выдать билеты несколько времени спустя после начала занятий уже установившемуся контингенту учеников. На прием в сентябре месяце 1913 года явилось около 400 человек, но уже в октябре посещаемость понизилась до 188 человек, около какой-либо цифры и колебалась во все первое полугодие. Во вторую половину учебного года прием новых учеников

был очень незначителен: принимали лишь тех, которые оказывались подходящими для существующих уже групп.

Всего в 1913-1914 учебном году были выданы билеты 192 ученикам, которые распределялись так: а) по национальностям: русских – 62, поляков – 70, литовцев – 47, латышей – 11 и немцев 2; б) по вероисповеданию: православных – 45, старообрядцев – 17, католиков – 118, лютеран -12; в) по степени грамотности: обучавшихся ранее в той же школе – 45, обучавшихся в других школах – 96, грамотных самоучек – 28, неграмотных – 23; г) по возрасту: от 13 до 20 лет – 121, от 21 до 30 – 50 человек и от 31 до 40 – 21 человек.

В отчетном году, как и в предыдущие годы, в воскресной школе преподавались предметы: Закон Божий для учеников православного вероисповедания, русский язык, арифметика. Кроме того, по примеру прежних лет, велись во внеурочное время беседы на тему из области географии, истории России и гигиены. Религиозно-нравственному обучению содействовала и библиотека школы, состоящая из 2 570 книг. Выдано в течение 27 воскресений 1 504 книги, что составляет на каждое воскресенье 55 выданных. Школа содержится на добровольные пожертвования.

Женская воскресная школа основана 22 января 1889 года женою действительного тайного советника Марией Николаевной Мансуровой. По поводу исполнившегося в отчетном году 25-летия существования школы, 22 января в помещении школы отслужен был мною благодарственный молебен, после чего состоялся торжественный акт, на котором предложены были чтения, посвященные Рижской школе и воскресным школам вообще, а также дети школы пропели и продекламировали несколько стихотворений. На торжестве присутствовали представители гражданской власти учебного ведомства. заведующим школой

в отчетном году состоял священник Александр Климентовский, кандидат богословия, начальницей школы – фрейлина В. В. Неклюдова, Закон Божий преподает священник Знаменский и 6 воспитанников старших классов Духовной семинарии под наблюдением о. звездующего. Русский язык и арифметику преподавали 12 учительниц городских училищ. Религиозно-нравственные беседы с учениками вели священник Климентовский и священник Знаменский. Всех учениц в учебном году было 135, в том числе 49 православных, 57 старообрядок и 14 католичек; по сословиям – 90 крестьянок и 45 мещанок. Школа существует на частные пожертвования. В 1902, 1903 и 1904 годах помощь школе оказывало Лифляндское попечительство о народной трезвости, ассигнуя ей по 500 руб. в год, а в 1905-1910 годах Святейший Синод отпустил 300 рублей и городское управление 100 руб. Кроме бесплатного обучения бедных детей (отчасти и взрослых), школа в настоящее время при помощи общества попечения о ней отпускает беднейшим ученицам разные пособия, большею части натурою (обувь, платье и проч.). Много положено и затрачивается в настоящее время труда для поддержания существования и просвещения бедных девочек, притом труда самого напряженного, и людьми, наиболее нуждающимися в отдыхе – учительницами и преподавательницами разных учебных заведений.

Существует еще в г. Риге воскресная женская школа при Покровской церкви. Обучалось в ней в отчетном году до 10 человек. Занимались обучением в школе две местные учительницы и два ученика старших классов Духовной семинарии под наблюдением настоятеля церкви.

Кроме Риги, воскресные школы существуют в городах – Ревеле, Либаве, Валке, Вольмаре и в м. Иллуксте, под руководством и ответственностью местных священников.

Ревельская женская воскресная школа помещалась в здании соединенных городских училищ. Заведующим школой состоял священник Александр Гривцов. В отчетном году состоялось в школе преподавателей 2, преподавательниц 9 и 1 надзирательница. Учащихся было 71, в том числе – православных 31, католиков 2, лютеран 38; русских – 29, эстов 40, поляков 2; взрослых 5, школьного возраста 66; мещанок 5 и крестьянок 66. Учебные занятия начались в сентябре и окончились в половине мая и притом по воскресным дням с 1-5 час. дня. Предметами преподавания были: Закон Божий, русский язык и арифметика. При школе имелась библиотека для чтения, из которой выдавались учащимся книги для чтения на дом. Обучение в школе было бесплатное, с бесплатной выдачей книг и учебных принадлежностей. За отчетный год школа никакого пособия не получала и содержалась на средства благотворительные, изыскиваемые преподающими. Вследствие исключительных обстоятельств военного времени, объявления г. Ревеля на осажденном положении и выезда многих учащихся из города, занятий в школе во второй половине отчетного года не было.

XI.

ЦЕРКОВНЫЕ БРАТСТВА И ПРИХОДСКИЕ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

В прибалтийском крае существует четырнадцать самостоятельных братств: Прибалтийское Братство Христа Спасителя и Покрова Божией Матери, Рижское Петропавловское, Венденское Спасо-Преображенское, Таккерортское Успенское, Эзельское Свято-Николаевское, Либавское Николаевское, Туккумско-Тальсенское Николаевское, Кальценауское Иоанно-Богословское, Мариенбургское Свято-Троицкое, Икскульское Михаило-Архангельское, Иоанно-Богословское

(на остр. Даго), Боровское Рождество-Богородицкое и Сергия Радонежского Чудотворца, Караперское Евфимиевское и Юрьевское Свято-Исидоровское, открытые в отчетном году. Сверх того, существует десять отделений Прибалтийского Православного Братства Христа Спасителя и Покрова Божией Матери: Феллинское, Верровское, Вольмарское Сергиевское, Гольдингенское, Гривское, Якобштадтское, Иевьенское, Эстляндское, Керстенбемское и Фридрихштадтское.

Деятельность Прибалтийского Православного Братства в отчетном году выражалась, согласно уставным его задачам, в заботах на пользу Православной Церкви и народного, в духе православия, образования в Прибалтийских губерниях, а также и на пользу материального благосостояния местного православного населения содействием к удовлетворению насущнейших нужд бедных храмов и народных школ, распространением религиозно-нравственных изданий и поддержанием таковых же местных повременных изданий на эстонском и латышском языках, оказанием вспомоществований бедствующим священно-церковнослужителям, учащим и учащимся в разных учебных заведениях, а также и вообще неимущим из местных православных жителей. Наиболее значительной поддержкой из братских средств пользовались, по-прежнему, учреждения, основанные Братством в г. Гольдинген, Курляндской губернии, и состоящие в ближайшем звездовании местного отделения Братства: церковь с приходской школой, двухклассная школа при учительской семинарии, помещающейся в арендуемом у Братства здании, женское училище и богадельня, а также вспомогательная школа в находящемся близ города братском поселке Евгеньевке; Фрауенбургская церковь со школой и молитвенный дом в Ревнеке (?). Довольно значительное также ежегодное

вспомоществование отпускается на содержание братских учреждений в г. Якобштадте, Курляндской губернии, – сооруженной здесь Братством Св. Духовской церкви с древним Николаевским храмом, Владимиро-Мариинского мужского двухклассного приходского училища, а также в помощь местному Николаевскому Братству. На Братстве лежит, между прочим, забота о поддержании Уббенормского храма и школы при нем, устроенных бывшим Спасским Братством.

Независимо от вышепоименованных школ, выданы денежные пособия и некоторым другим школам. Сверх сего ежегодно высылаются Рижскому Петропавловскому Братству пособие в количестве 427 руб. 50 коп. на издание духовных эстонского и латышского журналов. Более подробных сведений о деятельности Прибалтийского Православного Братства сообщить не могу за неполучением от Братства отчетов ни за 1914, ни за 1913 годы.

Отделения Прибалтийского Православного Братства, немногочисленные по числу братчиков и в большинстве располагающие крайне скромными денежными средствами, стремятся, по мере личных сил и материальных средств, нести принятую на себя службу нуждам местного православного населения. Некоторые из них являются деятельными посредниками между этим населением и центральным Братством; другие выступают горячими ходатаями пред Братством в пользу разного рода местных нужд. Все же на местах имеют заботу о посильном удовлетворении различных нужд, которых всегда немало у бедного, в большинстве, православного населения края.

Из прочих Братств наибольшую деятельность проявляют: Рижское Петропавловское Братство, старейшее из всех в крае, Либавское Николаевское, Эзельское Свято-Николаевское, Таккерортское Успенское, Венденское

Спасо-Преображенское и Боровское Рождества Богородицы-Сергиевское.

Петропавловское Братство заботится: а) о сооружении, поддержании и благолепии храмов; б) о снабжении их богослужебными принадлежностями; в) о распространении между православными христианами просвещения учреждением и поддержанием в православных приходах училищ и при церквях библиотек; г) об издании и распространении книг и листов религиозно-нравственного содержания, об устройстве религиозно-нравственных чтений и духовных концертов; д) о вспомоществовании, по мере средств, нуждающимся православным жителям Прибалтийских губерний и, в частности, учащимся в учебных заведениях Прибалтийского края и поступивших из них в другие высшие учебные заведения.

С 1899 года Рижским Петропавловским Братством издаются, при пособии от Прибалтийского Братства и церковью епархии, книжки и брошюры религиозно-нравственного содержания для православного населения Прибалтийского края. Сверх того, Петропавловское Братство издает религиозно-просветительные журналы: с 1903 года на латышском языке – ранее называвшийся «Рижским духовным Вестником», а ныне носящий название «Вестник для православных латышей», а с 1904 года на эстонском языке «Духовный Вестник», с 1 января 1909 года получивший название «Вера и Жизнь»; редакторами латышского журнала состояли: священник Иоанн Янсон⁴⁸ и епархиальный миссионер-проповедник Феодор Буцен, а эстонского – протоиерей Александр Вятат. Журналы эти имеют целью укрепление православных понятий и патриотических чувств в умах местных крестьян-эстов и латышей. Журналы выходят раз в неделю. Подписная цена журналов – латышского 2 руб. и эстонского 2 руб. 50 коп. Журналы печатались в количестве 800

экз. каждого номера, а некоторые номера – до 1 000 экз. С некоторых статей делаются оттиски – брошюры и рассылаются по приходам епархии для бесплатной раздачи или для продажи по дешевой цене.

Братству до 1913 года принадлежали две деревянные церкви на Рижском взморье – в м.м. Дуббельне и Эдинбурге⁴⁹; в 1913 году Эдинбургская церковь передана была в ведение вновь открытого при сей церкви прихода, вторая же остается до сего времени в ведении Братства. Кроме того, Братству принадлежат два дома, состоявшие в бесплатном пользовании Петропавловского городского министерского училища до июля 1899 года, а с этого времени переданные Министерству за наемную плату по 300 рублей в год и за освобождение от платы за учение 25 братских стипендиатов, причем все расходы по страховке, ремонту и городскому обложению производятся Министерством.

Пособий бедным в 1914 году выдано всего 305 руб. 62 коп.; кроме того, выдано в пособие учащимся разных учебных заведений, преимущественно духовных, 525 руб. Членов Братства состояло почетных и действительных 102 человека.

Либавское Николаевское Братство имеет библиотеку и склад для продажи книг, нот, картин и проявляет благотворительность в значительных размерах, израсходовав в 1914 году на пособие бедным 1 506 руб. Этим Братством в 1895 году основан детский приют, именуемый по Высочайшему соизволению, последовавшему 18 ноября 1895 года, Ольгинским; в нем воспитывается 32 сироты обоего пола. Приют этот имеет собственный дом и неприкосновенного капитала 9 400 рублей. Но главный источник его содержания составляют частные пожертвования. Ольгинским приютом заведуют дамы – попечительницы, а начальною при нем школой – священник Павел Янкович.

Эзельское Свято-Николаевское эстонское Братство употребляет значительные средства на пособия церквям, школам и бедным. В отчетном году Эзельское Братство израсходовало на содержание братских училищ, библиотек и читален 1 605 руб. 12 коп., на пособие церквям 50 руб. и школам 84 руб. 15 коп.; на постоянные и единовременные пособия бедным – 409 руб. 10 коп. и из специальных капиталов; на ремонт и украшение храмов – 300 руб.; на выдачу пособия бедным невестам – 390 руб., на погребение бедных – 58 руб. 50 коп., на воспитание сирот – 80 руб. 20 коп. и на пособия бедным к праздникам 107 руб. 50 коп., а всего на благотворительную деятельность Братством израсходовано 1 068 руб. 40 коп. К 1 января 1915 года в распоряжении Братства состояло всего процентными бумагами и наличными 32 195 руб. 3 коп.

Туккумское Свято-Николаевское Братство в 1914 году израсходовало на содержание и украшение храма 319 руб. 13 коп., на содержание школы с общежитием – 811 руб. 52 коп., на пособие бедным – 128 руб., в пособие жертвам войны – 154 руб. 17 коп., а всего 1 412 руб. 82 коп. Братство имеет земельный надел в количестве 68,11 дес., данный правительством для нужд школы.

Таккерортское Успенское Братство обращало преимущественное внимание на обеспечение и благоустройство приходского училища, израсходовав на это в отчетном году 754 руб. 66 коп. Братство владеет земельным наделом в количестве 194,15 дес. От отдачи части земли в аренду Братство получило в отчетном году 336 руб. 85 коп. Кроме земли, Братство имеет три дома – два деревянные и один каменный. В одном помещается приходская братская школа, учительница и старший псаломщик, исполняющий обязанности второго учителя; другой находится на братской ферме в пользовании арендаторов, а третий отдается в наем. К 1915 году оставалось у Братства

8 927 руб. 72 коп., в том числе процентными бумагами 8 100 руб.

Венденское Спасо-Преображенское Братство имеет преимущественную заботу о воспитании бедных детей и сирот Венденского прихода в духе православия и русской народности, чрез улучшение существующих и открытие новых школ, снабжение их книгами и другими школьными принадлежностями и выдачу пособий бедным детям и школьным учителям. В отчетном году Братством израсходовано всего 1 753 руб. 51 коп. Главные статьи расхода составляли ремонт братского дома, приобретение материалов для изготовления белья раненым и выздоравливающим воинам и оборудование кроватей в лазаретах. При Братстве существует дамский комитет, который израсходовал в отчетном году на пособие бедным и школьные нужды и на изготовление белья для раненых воинов 539 руб. 12 коп.

Деятельность Боровского Братства в 1914 году проявлялась, главным образом, в заботах о благоуукрашении местного храма и об удовлетворении религиозных потребностей его прихожан. При Братстве существует библиотека из журналов и книг духовного содержания и братский склад для продажи народу икон, лампад, Библий, помянников, лампадного масла и др. нужных религиозных предметов. Оказывалась помощь и бедным прихода. При Братстве имеются, в виде отделов, общества – трезвенников, хоругвеносцев и ревнительниц христианского милосердия, находящихся в всецелом ведении совета Братства. Ежемесячно в один из воскресных дней совершались братские молебны после литургии, а накануне акафисты; кроме того, ежемесячно служился молебен небесному покровителю трезвенников – св. Иоанну Предтече.

Церковно-приходские Попечительства. Церковно-приходских попечительств в Рижской епархии в отчетном году было 194.

Деятельность попечительств в Рижской епархии состоит в материальном поддержании церквей, школ, кладбищ и в попечении о сиротах, больных и детях школьного возраста, не имеющих средств для платы за обучение в школах. Только попечительства при городских церквях проявляют сравнительно большую и живую деятельность. Что же касается сельских попечительств, то, за немногими исключениями, они не обнаруживают особенно усиленной и полезной деятельности. По отзыву духовенства, деятельность церковно-приходских попечительств значительно парализуется тем: а) что постановления попечительств обязательны только для тех лиц, изъявивших на то свое согласие; и б) что местные волостные правления в большинстве случаев отказываются от приведения в исполнение постановлений попечительств, ссылаясь на неимение соответственных на сей предмет законоположений. Постановления попечительств об обязательных подушных сборах редко приводятся в исполнение. Члены попечительства, зная, что их постановления обязательны лишь для присутствовавших и подписавших оные, неохотно дают свое согласие или даже уклоняются от собраний. Но если даже и дается согласие прихожан на какие-либо сборы, то некому взимать их. Крестьяне беспрекословно исполняют только то, что исходит от волостного правления, а правления эти, состоящие из должностных лиц почти всегда лютеранского вероисповедания, большею частью игнорируют требование православных попечительств; между тем как требования лютеранских конвентов исполняются волостными правлениями беспрекословно и во всей точности.

Почитаю уместным при этом сообщить сведения о деятельности некоторых церковных попечительств. Рижское Благовещенское в отчетном году израсходовало на постоянные и единовременные пособия

бедным прихожанам и на содержание церкви, школы и учителя 977 руб. 56 коп., Рижское Александро-Невское израсходовало на содержание церкви и пособие бедным 677 руб., Рижское Вознесенское израсходовало на содержание церкви и школы и на пособие бедным 1 043 руб. 20 коп., Рижское Троице-Задвинское на вспомоществование бедным и на школу 552 руб. 50 коп., Рижское Покровское на пособие бедным и на содержание церкви и школы 2 544 руб. 99 коп., Рижское Всехсвятское на содержание школы и пособие бедным прихожанам 550 руб., Рижское Петропавловское на содержание школы и ремонт храма 349 руб. 98 коп., Рижское Иоанновское на содержание церкви и пособие бедным ? (так в рукописи – А. Г.) руб., Митавское при Симеоно-Аннинском соборе на вспоможение бедным, на церкви и школы 4 453 руб. 33 коп., Ревельское Преображенское израсходовало на певчих храма, на школу и вспоможение бедным и семьям запасных 653 руб. 50 коп., Ревельское Александро-Невское на церковь, школу и на вспоможение бедным 832 руб. 58 коп., Ревельское Александро-Невское кладбищенское на содержание церкви и кладбища 1392 руб. 56 коп., Гапсальское на содержание церкви и на пособие бедным 490 руб. 50 коп., Либавское Троицкое на содержание храма 233 руб. 70 коп., Газенпотское на содержание церкви, школы и на пособие бедным 363 руб. 7 коп., Виндавское Николаевское на содержание церкви и школы и на пособие бедным и семьям запасных 1 551 руб. 7 коп. и Перновское Екатериненское на содержание церкви, школы и на пособие бедным 280 руб. 96 коп.

ХII.

РАЗНЫЕ СВЕДЕНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ

Отчетный год ознаменовался великим испытанием, ниспосланным Господом Богом на наше отечество, – войной,

объявленной нам нашими западными соседями Германией и Австрией, а затем и Турцией. Война эта, чрезвычайная по своей обширности, потребовала и чрезвычайных средств и чрезвычайного напряжения сил не только боевых, но и мирных. В сознании необходимости организации по всей России обширной сети благотворительных учреждений для облегчения участи ожидавшихся многочисленных жертв нынешней великой войны, Святейший Синод в первый же день по открытии военных действий, 20 июля 1914 года, когда была в полном разгаре военная мобилизация, постановил произвести иного рода мобилизацию – мирно-благотворительную: определением от указанного числа было поручено Епархиальным Преосвященным сделать распоряжение о немедленном образовании в каждом приходе особых попечительных советов о семьях лиц, находящихся в войсках, на изложенных в том определении основаниях. В дополнительном определении от 18 августа за №7438 Святейший Синод разъяснил, что в нынешнюю тяжелую годину испытаний попечительные советы не должны ограничивать свою деятельность только материальной поддержкой оставшихся семей запасных и ополченцев, а, сообразуя в этом отношении свою деятельность с трудами других учреждений, должны стараться оказывать также нравственную поддержку лишившимся своих кормильцев семьям.

Предложив вышеизложенные распоряжения Святейшего Синода духовенству епархии к неуклонному исполнению, я в то же время указал духовенству епархии на настоятельную необходимость приложить всю силу пастырской ревности к использованию в возможно широком объеме всех указываемых в распоряжениях Святейшего Синода мероприятий к молитвенному ободрению и воодушевлению, равно и к материальному облегчению участи семей

взятых на войну воинов, распространяя свою заботливость и на семьи инославных, так как на войне все наши воины вместе, без различия вероисповедания и национальности, проливают свою кровь за одно отечество, за славу и честь единой нашей родины и за охрану всех нас от вражеского разорения и погубления.

Подавляющее большинство епархиального духовенства отозвалось на призыв к открытию попечительных советов и благотворению семьям запасных с большой готовностью и полным сочувствием. Всеми не только чувствовалось желание приложить труды и заботы на общее благо в ужасную для отечества годину, но и гласно выражалась решимость «с готовностью положить жизнь свою за веру, Царя и отечество», как сказано в телеграмме Ангернского причта на мое имя по случаю открытия попечительного совета в сем приходе. К концу отчетного года в епархии было открыто 194 попечительных советов. Всех же приходов в Рижской епархии 209. В немногих приходах не учреждены попечительные советы по крайней малочисленности прихожан и разбросанности и отдаленности их от церкви, как доносят о том местные благочинные. К чести многих священников епархии нужно сказать, что они не ограничились только организацией общественной приходской благотворительности, но и показали личный живой пример. Первые жертвы вносились ими самими. Многие, не ограничиваясь денежной жертвою, принимали непосредственное личное участие в судьбе обездоленных: принимали известные семейства на свое личное иждивение, давали у себя приют сиротам, помогали одеждой и пропитанием. Многим священникам пришлось стать во главе не только приходских попечительных советов, но и волостных комитетов по оказанию помощи жертвам войны и, так сказать, удвоить свою благотворительную деятельность.

С первых же шагов благотворительность приходских советов епархии стала на почву всеобъемлющей христианской любви и терпимости. Попечительные советы различного и разноверного Прибалтийского края не стали делать различия между призреваемыми по их вере и национальности. С другой стороны, с разрешения Епархиального Начальства, некоторые советы стали принимать в состав своих членов и лютеран и вообще иноверцев. И это тем необходимее было сделать, что состав православных приходов во многих местах весьма малочислен и беден. В интересах привлечения наиболее широкого внимания и сочувствия к деятельности советов в председатели их по некоторым приходам избраны лица светские, например, видные чиновники, которым действительно и удавалось собирать значительные суммы в кассы советов.

Что касается способов собирания средств, то они были разнообразны. Члены советов делали членские взносы (преимущественно в размере 1 руб.); по церквям за богослужением производились тарелочные сборы; производились сборы и в других местах, как, напр., на железнодорожных станциях и даже в поездах. Особенным успехом увенчивались сборы при торжественных открытиях лазаретов, на которых обыкновенно присутствовало много публики. Кренгольмским, Ильмъярвским и Арросарским попечительными советами устроены были концерты в пользу семейств запасных, призванных на войну. Собирались не только деньги, но и различные жизненные припасы – рожь, картофель, крупа, капуста, рыба, домашние птицы и т.п. Так, напр., в Старо-Салацком приходе попечительный совет собрал за сентябрь месяц не только 118 руб. 67 коп. деньгами, но и натурой 3,5 пуды картофеля, 8 пудов соленой рыбы, 15 фунтов гороха, 7 фунтов ячменной крупы, 2 фунта сахара, живых

петуха и курицу. Кроме того, попечительные советы принимали пожертвования и вещами – бельем, холстом, платьем, которые или отдавали семьям запасных или направляли в армию.

Соответственно разнообразному составу пожертвований, стекавшихся в попечительные советы, разнообразились и виды благотворительной помощи этих советов. Главный способ благотворения заключался в раздавании семьям призванных на войну денег, пищевых продуктов, платья, керосина и дров. Но этим не исчерпывалась деятельность попечительных советов. Некоторые советы в самом начале своего возникновения располагали односельчан помогать семьям запасных в окончании полевых работ. Иные снабжали детей книгами и учебными пособиями, устраивали им даже общежития при школах. Председатель попечительного совета при Рижской Троице-Задвинской церкви Уткин доставлял 12 семьям бесплатно обед и ужин, а 8 семьям и квартиры.

По ходатайству советов, семейства запасных получали помощь и деньгами, и деньгами, и хлебом, и платьем от местных комитетов – городских, дворянских, волостных, и от приходских попечительств. Кроме материальной помощи семьям запасных члены попечительных советов оказывали и нравственную поддержку семьям лиц, находящихся в войсках, духовно ободряли их, особенно тех, которые долго не получали известий от своих родных с театра военных действий.

Хотя благотворительная деятельность попечительных советов предназначена специально на удовлетворение нужд семейств лиц, призванных на войну, но как сами эти семейства, так и опекающие их благотворители ни на минуту не могли забыть и самих призванных воинов. Поэтому сами собою расширились границы деятельности советов, простершись и на ушедших

на войну. Многие из советов изготовляли теплые вещи, белье, собирали холст, шерсть, перевязочный материал и прочее и отсылали все это или в действующую армию, или в местные Комитеты Общества Красного Креста, или в Петроградский склад Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны, или в лазарет при Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре.

Некоторые попечительные советы отпускали посильные средства на содержание лазаретов для больных и раненых воинов. В Эйхенангерском приходе попечительный совет, соединившись с приходским попечительством, собрал на нужды семейств лиц, призванных на войну, а равно и на нужды больных и раненых воинов около 400 рублей, что дало возможность выдать разные пособия и содержать некоторое время лазарет на 10 кроватей. Венденский попечительный совет оборудовал одну кровать в городском лазарете. В Лидернском приходе попечительный совет действует совместно с волостными обществами. Кроме призрения семейств запасных, на оборудование лазарета для раненых воинов собрано 1 000 рублей и провианта на 100 дней. Также и Буцковский, Голгофский и Кальценауский попечительные советы обеспечивали семьи запасных совместно с волостными обществами и принимали участие в содержании местных лазаретов. Старо-Салацкий попечительный совет отпустил из своих средств на содержание местного лазарета 25 руб., Кансовский совет принимал посильное участие в содержании лазарета Прибалтийского Управления Земледелия и Государственных Имуществ.

Всего за отчетный год существующими в епархии 194 попечительными советами собрано деньгами 12 541 руб. 18 коп. Из этих денег выдано в пособие семействам запасных и ополченцев 10 651 руб. 56 коп., оставалось к 1 января 1915 года 1 889 руб.

62 коп. Хотя итоги материальных средств и вспомоществований попечительных советов в минувший год и не поражают особенно крупными цифрами, тем не менее для такой бедной и малолюдной епархии, как Рижская, они все-таки довольно значительны. Наличие остаточной суммы показывает, что исключительно острой и массовой нужды, которая поглощала бы все средства до конца, в местном крае нет.

Монастыри епархии также принимали посильное участие как в деле вспомоществования семьям запасных, так и в деле непосредственной помощи больным и раненым. Особенно оживленную деятельность в указанном отношении проявил в отчетном году Рижский Свято-Троице-Сергиев женский монастырь. Означенный монастырь уступил под лазареты для раненых воинов два помещения: помещение при-монастырского детского приюта и один из монастырских корпусов. На оборудование и содержание первых 25 кроватей монастырем было израсходовано свыше 1 000 рублей; затем в помощь обители на оборудование и содержание остальных кроватей пришли некоторые частные лица, общества и корпорации, так что к концу отчетного года число кроватей было доведено до 55. Из этого числа 8 кроватей содержало духовенство Рижско-градского благочиния, 7 – духовенство некоторых других благочиний епархии, 1 – Епархиальное Попечительство о бедных духовного звания, 1 – Правление Духовного училища, 2 – Духовная семинария, 5 – студенческие организации Рижского Политехнического Института, 3 – некоторые светские учебные заведения г. Риги, 1 – Рижское русское Просветительное общество, 1 – члены Рижского Окружного суда, 12 – крестьянские общества остр. Эзеля, 2 – Общество «Братская помощь». Обитель постепенно уступала содержание своих 25 кроватей частным лицам, желавшим придти ей на помощь

свою лептой, так что на ее долю осталось только 5 кроватей; но, идя навстречу желанию военного начальства, оборудовала затем еще 40 кроватей, на случай переполнения Риги ранеными. Административной частью лазаретов заведуют две монахини. Врачебную помощь оказывают два врача; уход за больными несут лица, имеющие свидетельства сестер милосердия военного времени. Содержание одной кровати в монастырском лазарете обходится по 30 руб. в месяц. Такая дешевизна объясняется тем, что многое, необходимое для лазарета, добавляется обителью бесплатно, напр., молоко, ржаной хлеб, квас, овощи и т.п.; кроме того, оба врача и некоторые сестры милосердия работают бесплатно.

Кроме лазаретов, еще в начале войны была открыта при монастыре швейная мастерская для изготовления необходимых принадлежностей для монастырских лазаретов, а также и для действующей армии. Мастерская эта вначале посещалась чрезвычайно усердно светскими лицами, в особенности учительницами и ученицами местных учебных заведений. С начала учебного года все эти лица прекратили посещение мастерской, и труд по изготовлению вещей лег исключительно на сестер обители. Ими заготавливались пакеты необходимых вещей, которыми снабжались все выходящие из монастырских лазаретов; 568 таких же пакетов было отправлено к празднику Рождества Христова в действующую армию. Кроме того, при монастыре был открыт прием пожертвований вещами для снабжения ими выздоравливавших раненых, возвращавшихся на позицию. Было принято и передано по назначению много пожертвований теплым бельем, табаком, чаем, сахаром и мылом. Не оставил монастырь своей посильной помощью и семейства запасных. Для них был открыт при монастыре питательный пункт, на котором ежедневно получают хлеб и суп от

650 до 850 человек. Пункт находится рядом с монастырем в казармах мортирного дивизиона, заведует им монахиня Елисавета.

Кроме оказания материальной помощи, монастырь старался удовлетворять и духовно-нравственные нужды лежащих в Рижских лазаретах раненых воинов. Эта деятельность монастыря выражалась в устройстве по лазаретам библиотек из книг религиозно-нравственного содержания, в раздавании раненым листов, книжек и крестиков и, в особенности, в устройстве гонения раненых воинов (если они не могли посещать церкви) при их общем пении, под руководством какой-либо из сестер обители. Такая религиозно-миссионерская задача не всегда легко давалась сестрам обители ввиду того, что администрация местных лазаретов нередко состоит исключительно из иноверцев. Раненые же воины всегда с особою радостью принимали сестер и особенно доверчиво излагали им свои духовные нужды.

При Пюхтицком Успенском женском монастыре оборудован лазарет на 20 кроватей. Но больных и раненых воинов в отчетном году в монастырский лазарет еще не было доставлено. Сверх того, монастырь жертвует от себя и принимает от частных лиц готовое белье и разные нужные вещи и отправляет их в склад Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны. В пособие семьям лиц, призванных на войну, монастырем было выдано 74 руб. 52 коп.

При Илукстском Рождество-Богородицком женском монастыре оборудован лазарет на 10 кроватей, на что израсходовано было 800 рублей. До конца отчетного года больных и раненых воинов в этот лазарет не было еще доставлено. Кроме того, монахини монастыря и воспитанницы состоящего при монастыре Епархиального женского училища изготовляли теплые вещи и подарки для отсылки в действующую армию

и оказывали вспомоществование деньгами и вещами семьям призванных на войну.

Монашествующие в Рижском Алексеевском мужском монастыре, а также и послушники ежемесячно отчисляли из получаемого ими из казны жалованья в пользу больных и раненых воинов – первые 3%, а последние 2%.

Такие же отчисления из жалованья производились как мною, так и духовенством и служащими в духовных учреждениях епархии. Мною, начиная с августа месяца 1914 года, ежемесячно вносилось по 30 руб. на содержание лазарета при Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре. Духовенство епархии отчисляло от 1% (псаломщики) до 5% из получаемого казенного содержания, начиная с третьей, а в некоторых благочиниях с четвертой четверти отчетного года, в пользу больных и раненых воинов, отсылая таковые отчисления в женские монастыри епархии на содержание лазаретов. Общая сумма процентных отчислений с содержания духовенства епархии составляла за третью четверть отчетного года 2 364 руб. 74 коп., а за четвертую четверть – 2 630 руб. 8 коп. Члены и чиновники духовной консистории, начиная с августа месяца, отчисляли из получаемого ими казенного содержания ежемесячно по 2% и отсылали эти отчисления в Рижский Свято-Троице-Сергиев женский монастырь на содержание лазарета. Педагогический персонал Рижской Духовной семинарии с 1 сентября отчетного года отчислял 2% от получаемого содержания на лазарет духовно-учебных заведений преподобного Серафима Саровского в Петрограде. Кроме того, из жалованья служащих в семинарии отчислялся ежемесячно от 1 до 3% на содержание семейств лиц, призванных на войну. Учащие в Рижском Духовном училище начиная с августа месяца отчисляли из своего содержания по 2% на содержание упомянутого лазарета в Петрограде и по 1%

на содержание лазарета при Рижском Свято-Троице-Сергиевом женском монастыре. В сентябре месяце учащие собрали между собой единовременно 63 руб. и препроводили в Рижский Славянский Комитет на раненых; независимо от сего отдельные лица училищной корпорации участвуют постоянными ежемесячными денежными взносами в разных обществах, содержащих лазареты для раненых воинов.

Педагогический персонал Иллухтского Епархиального женского училища также отчисляет ежемесячно по 2% из получаемого жалованья на содержание лазарета при Иллухтском женском монастыре. Рижское Епархиальное Попечительство с моего разрешения ежемесячно отсылало в Рижский Свято-Троице-Сергиев женский монастырь по 30 руб. на содержание одной кровати в монастырском лазарете и, кроме того, единовременно пожертвовало в Рижский Петропавловский приходской попечительный совет, как наиболее нуждающийся в средствах, 50 руб. на оказание помощи семействам запасных. Таковые же процентные отчисления производятся вышеименованными лицами и учреждениями и в текущем году.

Некоторые священнослужители епархии, не довольствуясь процентным отчислением из жалованья, разными иными способами приходили на помощь жертвам войны. Так, протоиерей Спасо-Преображенской церкви г. Вендена Степанович⁵⁰ содержал у себя на свои средства двух раненых воинов, а также и мальчика Арсения Пургайля, отец которого взят на войну, а мать умерла; священник Леллеской церкви Коэль собрал в своем приходе теплого платья для стоящих в мирное время в г.Ревеле полков на сотни рублей и, по усиленной просьбе прихожан, с моего благословения и с согласия военного начальства, лично отвез собранные вещи в действующую армию. Многие священнослужители, по

донесениям благочинных, оказывая из личных средств помощь жертвам войны, избегают, по скромности, доносить об этом по начальству.

Из духовенства Рижской епархии откомандировали в действующую армию, частью по назначению Епархиального Начальства, частью по собственному желанию, 11 священнослужителей, а именно: иеромонахи Рижского Алексеевского мужского монастыря Нектарий и Анатолий и священники церквей: Ревельского собора – Смирнов, Ревельской Преображенской – Тейс, Рижской Всехсвятской – Андреев, Рижской Покровской – Азелицкий, Рижской Троице-Задвинской – Тычинин, Смийтенской – Петерсон, Леллеской – Коэль, Голгофской – Смирнов и церкви Рижских мест заключения – Рупперт.

Нападением неприятеля в пределах епархии в отчетном году подверглось юго-западное побережье Курляндии, именно г. Либавы и местечко Поланген, расположенное близ германской границы. 20-го июля Либавы была обстрелена с моря германскими военными судами. В военный порт и город было выпущено около 300 снарядов. Несмотря на то, что над зданием морского госпиталя развевались флаги Красного Креста, в этот госпиталь было выпущено свыше 80 снарядов, не причинивших, к счастью, вреда лежавшим там больным и раненым. После обстрела порта германские суда дали 10 выстрелов в сторону гулявшей по пляжу публики. И после того германские суда нередко появлялись на высоте Либавы. 1 августа неприятелем был обстрелен Поланген. 4 ноября германская эскадра вторично бомбардировала Либаву. В течение 4,5 часов не переставая грохотали пушечные залпы по незащищенному мирному городу. Неприятелем было выпущено около 700 снарядов, коими было убито 9 человек, ранено 27 человек и повреждено 110 домов. Под влиянием описанных бомбардировок

из Либавы выселилось до 50 000 человек. Повреждений храмов от выпущенных снарядов не было.

ХIII. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА СОСТОЯНИЕ ЕПАРХИИ

На основании вышеизложенных данных нельзя не прийти к некоторым утешительным выводам о состоянии Рижской епархии в отчетном году. Разрушительно-вредное влияние печальных событий 1905-1906 гг. постепенно сглаживается, уступая место благочестивому настроению душ и умов. Под влиянием ниспосланного на наше отечество великого испытания усердие к св. храму и к исполнению христианского долга и Св. Причастия повсюду увеличивается. Особенно яркое и живое проявление религиозного чувства можно видеть при разных церковных торжествах, как-то: освящении храмов, крестных ходов, принесении местно-почитаемых икон. Устройство соединенных крестных ходов в пределах Зельбургского благочиния и паломничество в Спасо-Преображенскую пустынь (близ г. Митавы) наглядно свидетельствуют о горячей вере, живущей в сердцах народа. Много ярких проявлений глубокого религиозного чувства и любви к православию мне приходилось наблюдать и во время поездок по епархии. Наконец, число отпадений от православия с каждым годом уменьшается, да и сами эти отпадения происходят в большинстве случаев под влиянием семейных, бытовых и экономических условий и обстоятельств, а не вследствие сознательного убеждения или крайне враждебного отношения к православию. В то же время православная церковь ежегодно приобретает и новых чад себе (в отчетном году присоединилось к православию из лютеранства, католичества, баптизма, раскольников и иудеев 1 206 человек обоего пола, а в 1913 году – 772 человека). Среди

местных лютеран замечается некоторое тяготение к православию, выражающееся и в исполнении православных благочестивых обычаев, и в оказании уважения и доверия к православным священникам, привлекающим к себе большею простотою и участливостью к народу, по сравнению с лютеранскими пасторами и, вообще, в симпатии ко всему русскому.

В отчетном году устроены были две домовых церкви – при Митавской тюрьме и Иллуkstской учительской семинарии; учреждены в г. Риге народно-миссионерские курсы и открыло свои действия Братство трезвости; в г. Юрьеве учреждено Свято-Исидоровское Братство; открыто в г. Верро новое отделение Епархиального Миссионерского Совета; открыты при церквях епархии, за весьма малыми исключениями, попечительные советы. Все это должно, без сомнения, послужить к пользе и успеху православия в крае.

Но, при всем том, встречаются и печальные явления в жизни Рижской паствы. Так, несмотря на общий религиозный и патриотический подъем, среди молодого поколения, а также и фабричного населения наблюдается неверие. Пьянство почти прекратилось со времени закрытия питейных заведений, но склонность к этому пороку осталась у многих; отсюда тайные попытки к обходу запретительных мер правительства и злоупотребления веществами, содержащими алкоголь. Пастыри Церкви глубоко скорбят об отрицательных сторонах жизни своих пасомых и, со своей стороны, употребляют все возможные меры и усилия к ослаблению зла неверия и пьянства и к ограждению своих пасомых от зловредного влияния инославной и сектантской пропаганды. В этом деле пастыри Церкви встречают посильное содействие и поддержку со стороны школ, братств и других церковных учреждений.

Но, однако, одних лишь пастырских усилий и хотя бы самоотверженной

деятельности духовенства недостаточно для прочного обеспечения и дальнейшего роста православия в крае. Нужен целый ряд особенных исключительных мероприятий со стороны правительственных властей, нужны общие и согласованные действия духовного и светского ведомств в деле борьбы с разъедающими современную жизнь нравственными язвами и с инославной и сектантской пропагандой в крае.

Так, настоятельной потребностью является отпуск денежных сумм на ремонт разрушающихся церквей и на построение новых в открытых приходах, на устройство школьных и причтовых зданий в Рижской епархии. Срок действия церковно-строительного кредита, как выше было объяснено мною, окончился, а церковно-строительных нужд в епархии существует весьма много, и они все увеличиваются и умножаются. Неудовлетворение или всякое замедление в удовлетворении этой насущной потребности грозит весьма печальными последствиями для дела православия в крае. Отдаленность приходских церквей и школ, отсутствие надлежащего благолепия и благоустройства церковного, бедность и убогий вид православных храмов – все это вообще не может способствовать к повышению и успехам православия в крае, а служит лишь к умалению и унижению православия.

Засим, в интересах православия является крайне желательным улучшение материального положения псаломщиков с целью привлечения на эти должности лиц, знающих церковное пение и могущих быть полезными для священников помощниками в трудах их по благоустройению приходской

жизни; материальное улучшение положения православных народных школ, в связи с улучшением состава учителей; усиление издания и распространения религиозно-нравственных книг и брошюр в народе ввиду чрезвычайного множества существующих лютеранских, сектантских и антирелигиозных изданий; оживление и расширение деятельности церковно-приходских попечительств чрез поставление их в более благоприятствующие тому условия и, наконец, улучшение материального положения православных эстов и латышей чрез наделение малоземельных и безземельных крестьян землей с целью уничтожения экономической зависимости их от лютеран-хозяев, как являющейся одной из главных причин отпадения от православия в лютеранство. Нельзя не указать еще на желательность назначения более или менее продолжительного срока для окончательного перехода православных в другие инославные исповедания в целях большего и лучшего воздействия со стороны пастырей церкви на заявивших о намерении своем перейти в лютеранство, католичество или же в сектантство, и на крайнюю желательность закрытия существовавших в крае питейных заведений не только на время военных действий, но навсегда, с оказанием, вместе с тем, денежной помощи духовенству в целях доставления народу разумного времяпровождения чрез устройство чтений с туманными картинами, концертов, представлений строго-нравственного характера и чрез распространение книг и брошюр духовно-нравственного и христиански-научного содержания.

Примечания

1 «Рижские Епархиальные Ведомости», 1910. С. 517–521; 592–617; 1912. С.330; 1914. С.304; Сахаров С. П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836–1936). Даугавпилс, 1937.

2 Доклад Св.Синода о преобразовании Рижского викариатства Псковской епархии в самостоятельную Рижскую епархию Николай I утвердил 25 февраля 1850 года. Рижская епархия была

- открыта с 1 июля 1850 года. Непонятно, почему епископ Иоанн называет годом учреждения епархии 1851 год.
- 3 Таким образом, получается, что «Отчет о состоянии Рижской епархии» был написан после 27 мая 1915 года.
 - 4 Разрешение на издание «Рижских Епархиальных Ведомостей» было получено 28 октября 1887 года.
 - 5 Протоиерей Иоанн Щукин, с 1895 г.- священник Андреевской церкви при Рижском Духовном училище; с 19 января 1907 года до 17 декабря 1914 г. редактор неофициальной части «Рижских Епархиальных Ведомостей»; в 1915 эвакуирован в Новгород, в 1918 году арестован; скончался после 23 августа 1923 года.
 - 6 Священник Василий Щукин, с 1908 г. священник Рижского кафедрального собора, с декабря 1914 г. редактор «Рижских Епархиальных Ведомостей».
 - 7 Протоиерей Владимир Плисс (1862-1927), с 1888 г. преподаватель Рижской Духовной семинарии; с 1893 г. священник Рижского кафедрального собора, с 1896 г. ключарь Рижского кафедрального собора, с 1900 г. настоятель Рижского кафедрального собора; с 1900 г. протоиерей, благочинный кафедрального собора; после Первой мировой войны служил в Нижегородской Вознесенской церкви; был арестован органами советской власти, выслан в Казань; скончался 28 февраля 1927 года.
 - 8 Архиепископ Николай (в миру – Николай Лейсман, 1862-1947). В 1883 году окончил Рижскую Духовную семинарию, в 1887 году – Санкт-Петербургскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия, назначен преподавателем Рижской Духовной семинарии. В 1887 году рукоположен в сан священника. С 1896 года – священник Рижского кафедрального Христорождественского собора, с 1901 года – протоиерей. 2 апреля 1933 года хиротонисан в епископа Печерского ЭАПЦ. С 1935 года – архиепископ. С 20 июля 1940 года на покое.
 - 9 Протоиерей Георгий Вахрамеев (1857-1928), с 1884 г. священник Рижской Замковой домовой Успенской церкви с обслуживанием Рижской Александро-Невской церкви; с 1886 г. священник Рижской Благовещенской церкви; с 1904 г. протоиерей; в 1924 г. вышел за штат, скончался в августе 1928 года.
 - 10 Диакон Константин Дорин (1878-1942?), с 1902 г. псаломщик Рижского кафедрального собора, с 1903 г. диакон кафедрального собора; с 1907 г. секретарь епископа Рижского и Митавского Агафангела (Преображенского), с 1915 г. секретарь канцелярии Рижского епископа; в 1916 г. эвакуирован в Юрьев, в 1917-1918 гг. секретарь епископа Ревельского Платона (Кульбуша); после 1919 г. вернулся в Ригу; 9 июня 1941 г. арестован органами НКВД и этапирован в Свердловскую область, с 1942 г. пропал без вести.
 - 11 Тарту.
 - 12 Селпилское.
 - 13 Карздабское.
 - 14 Совр. Екабпилс.
 - 15 Крустпилс.
 - 16 Пантелеймон (в миру - Рожновский Павел Стефанович, 1867-1950), митрополит Минский и всяя Белоруссии. Родился 9 ноября (27 октября) 1867 года в г. Костроме. Окончил Военно-инженерное училище, курсы при Казанской Духовной Академии, в 1897 году принял монашеский постриг. С 1905 года – настоятель Витебского Маркова Свято-Троицкого монастыря. В 1913 году хиротонисан во епископа Двинского. В 1918 году Патриарх Тихон назначил Владыку Пантелеймона в Пинск с титулом «Пинский и Новогрудский» для управления церквями Минской епархии, оказавшихся на территории Польши. В 1922 году Пантелеймон присутствовал на Польском Соборе в Варшаве, где выступил против автокефалии Польской Церкви, навязываемой властями. За это он был репрессирован, лишен кафедры и сослан в Мелецкий, а затем в Жировичский монастырь. После присоединения Западной Белоруссии к СССР был назначен митрополитом Сергием (Страгородским) архиепископом Гродненским и Вилейским. В годы Второй мировой войны Пантелеймон возглавил Православную Церковь в Белоруссии. Осенью 1941 года вместе с епископом Венедиктом учредил Белорусскую митрополию и стал митрополитом. Немецкие оккупанты поставили ряд условий, главным из которых было провозглашение автокефалии Белорусской Православной Церкви, отделение её от Московского Патриархата. Пантелеймон принял поставленные ему условия с оговоркой, по существу полностью противоречащей им: отделение может состояться только после того, как Белорусская Церковь организуется, созреет для автокефалии и оформит это отделение канонически, то есть с разрешения Московской Патриархии. Белорусские коллаборационисты, руководствуясь политическими соображениями, настаивали на немедленном объявлении автокефалии, замене священников русской

- национальности на белорусов, белоруссизацию Церкви. Владыка, который на первое место ставил религиозно-богословские принципы, противился этим изменениям, последовательно отказываясь от объявления автокефалии, ведения проповедей на белорусском языке и т. д. Коллаборационисты писали многочисленные жалобы и доносы в Генеральный комиссариат Белоруссии, в результате чего митрополит Пантелеймон был в мае 1942 года отстранён оккупационными властями от руководства Белорусской Церковью и сослан в Жировичский монастырь. Управление церковными делами принял на себя архиепископ Филофей (Нарко), недавно возведенный в этот сан. Стремясь оторвать православных белорусов от России, немецкие власти оказывали сильное давление на местный епископат, желая добиться от верующих провозглашения автокефалии. Руководство Церкви всячески саботировало и затягивало выполнение этого требования, заявляя, что без митрополита не может принимать такие решения. В результате в апреле 1943 года митрополит Пантелеймон был возвращён в Минск. В мае 1944 года Пантелеймон собрал Епископский Собор, объявивший незаконными решения т. н. «Всебелорусского церковного собора» 1942 года об автокефалии Церкви на основании того, что оккупационными властями на этот Собор не были допущены Пантелеймон и Венедикт. В 1944 году митрополит Пантелеймон был вывезен в Германию, где присоединился к Русской Православной Церкви за рубежом. Скончался 30 декабря 1950 года.
- 17 Лиелупе.
 - 18 Барон фон Фелькерзам Гамилькар Евгеньевич (1854-1929) – общественный и политический деятель Российской империи, депутат III и IV Государственных Дум от Курляндской губернии.
 - 19 Евгения (Постовская Евгения Захаровна, 1864-1948), схиигуменья. В 1894 году пострижена в рясофор. В 1905 г. возведена в сан игумении и назначена настоятельницей Илуктского Рождества Богородицкого монастыря. С 1921 г. настоятельница Рижского Троице-Сергиева монастыря. В 1947 г. пострижена в великую схиму и ушла на покой.
 - 20 Т.е. Петропавловский собор в Рижской Цитадели.
 - 21 Серафим (в миру – Леонид Чичагов, 1856-1937, священномученик), с марта 1914 по апрель 1918 г. – архиепископ Тверской и Кашинский, с 1928 г. – митрополит Ленинградский и Гдовский.
 - 22 Церковно-археологический музей был создан в Риге в 1896 году.
 - 23 Протоиерей Константин Кокла (1878-1946), в 1913 г. рукоположен во священника к Кыргесарской церкви, в 1915 г. перемещен к Вендауской (Вынну) церкви, с 1916 г. священник Юрьевской (Тарту) Александро-Невской церкви; с 1928 г. протоиерей; в 1927-1944 гг. Тартуский благочинный; с 1944 г. внештатный священник Таллиннского кафедрального собора; скончался 11 января 1946 года.
 - 24 Михайловский Василий Яковлевич – духовный писатель (1834 – 1910), протоиерей, магистр Петербургской Духовной Академии. Член Учебного комитета при Святейшем Синоде. Издал много книг и брошюр духовно-нравственного и церковно-исторического содержания, священных картин, церковно-исторических карт, листов для народного чтения; составил несколько учебников по Закону Божию. Главные его труды: «Англиканская церковь в ее отношении к православию» (Санкт-Петербург, 1864), «О римско-католической церкви» (2-е изд., Санкт-Петербург, 1882), «Очерк истории христианской церкви» (Санкт-Петербург, 1875), «Объяснение евангельских чтений на литургии во все воскресные дни года» (3 изд.), «Объяснение апостольских чтений на литургии во все праздничные дни года» (3 изд.), «Святой апостол Павел» (5 изд.), «Руководство к изучению церковного устава» (4 изд.), «Учение о православном богослужении» (8 изд.), «Библейский словарь» (4 изд.), «Словарь православного церковно-богослужебного языка и священных обрядов» (2 изд.), «Спутник православного покаянника в Святой Земле» (2 вып., Санкт-Петербург, 1887), «Святой град Иерусалим» (Санкт-Петербург, 1883).
 - 25 Протоиерей Андрей Янсон (1871-1948), с 1900 г. священник Кюносской церкви; с 1905 г. священник Мариенбургской (Алуksне) Троицкой церкви; с 1919 г. настоятель Малупской Спасо-Преображенской церкви; с 1920 г. протоиерей; с 1940 г. священник Алуksненской и Вецлайценской церквей; скончался 17 июля 1948 г.
 - 26 Каждая католическая церковь, а вместе с ней и приход, отмечает день своего святого покровителя. Праздник по этому поводу называется фестой.
 - 27 Барон Икскуль-Гильдебанд Александр Георгиевич (1856-?), военный инженер, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны, генерал-майор.
 - 28 Керстенбем – Карздаба.
 - 29 Автор путает прыгунов (молоканов) с сектой скакунов, распространенной на эстонских островах.

Скакуны (фин. *hyppyseuralaiset*) – секта, распространённая среди финнов в конце XIX века в Эстляндии и Петербургской губернии Российской империи. Впервые зародилась на острове Вормси в 1872 году, куда прибыл из Швеции миссионер евангелической общины Эстерблом, ярый проповедник. Своё название секта получила по одному из своих обрядов, необходимым элементом которого является пляска. Через некоторое время Эстерблом приобрел влияние на людей, слушающих его горячие проповеди, в результате чего на острове появились его последователи, которые перенесли его учение с Вормси на территорию острова Даго и полуострова Нуко. На полуострове самым ярким последователем Эстерблома стал учитель по фамилии Торен, который перенёс учение на материк, где оно нашло отклик в северо-западной и северо-восточной частях Эстляндии, а впоследствии проникло и в Петербургскую губернию, где распространилось среди финнов-лютеран в Царскосельском, Петергофском и Ямбургском уездах. Конкретная сущность учения скакунов трудно определить, поскольку учение представляет собой ряд различных мнений, зачастую противоречащих одно другому. Единственным общим убеждением для всех скакунов является неприятие лютеранства, как Церкви. Скакуны не употребляли спиртных напитков, не ели мяса и вообще были очень воздержаны в пище. При вступлении в секту скакуны применяли к новому адепту перекрещение, путём погружения в воду в реках, озёрах и бочках. При совершении процесса крещения крестные адепта проклинали все Церкви, как безбожные, а также всех остальных людей, не принадлежащих к секте. Новорожденных детей скакуны не подвергали крещению, мотивируя это тем, что обряд крещения может пройти только глубоко верующий человек, осознанно пришедший к этому выбору. Обряд причащения скакуны совершали красным вином из бокала и закусывали булочкой. Хотя скакуны и отвергали брак в качестве церковного таинства, тем не менее они проходили обряд венчания в кирхах, хотя и не признавая этого брака правильным, поскольку, по их учению, каждый сектант может сходитьсь и жить, с кем угодно, невзирая на степени родства, ибо все люди являются братьями и сестрами по духу. Соответственно, каждый адепт мог иметь для себя двух, трех и более «духовных жён», которых они называли «свободными», в отличие от жён, повенчанных по церковному обряду, которых адепты называли «рабынями», мотивируя

данные термины строками из Библии (Послание к Галатам, IV, 22, 23). Скакуны считали тексты Библии «мертвой буквой», утверждая, что в сердце каждого человека должно быть живое слово Бога. У скакунов полностью отсутствовала какая-либо церковная иерархия (священство), а также храмы и иконы. Вместо осенения себя крестным знаменем, они ударяли себя в грудь правой рукой. Посвящения в должность религиозного наставника также отсутствовали. Религиозным наставником скакунов мог стать любой человек, заявивший, что в него вошёл Святой Дух, посвящения в должность не существовало.

- 30 Секта постников, основанная крепостным крестьянином из Тамбовской губернии А. И. Копыловым, объявившим себя Христом, является одной из разновидностей секты хлыстов. По учению постников, Иисус Христос – это Дух Святой, обитающий на земле в избранных людях. Большое внимание сторонниками секты уделяется постам (откуда и само название). Перед радениями постники иногда по 7–10 дней воздерживаются от еды и питья. Кроме того, они постятся по 3 дня в неделю. У постников существует много пищевых запретов, в частности, не разрешается есть мясо, рыбу, картофель, лук и чеснок. Запрещаются также браки.
- 31 Домеснес – совр. Колкасагс, Донданген – совр. Дундага, Виндава – совр. Вентспилс.
- 32 Пятидесятники (англ. *Pentecostalism*) – евангельские христиане, последователи пятидесятничества, одного из направлений протестантизма. Пятидесятники особое значение придают Крещению Святым Духом, понимая его как особое духовное переживание, нередко сопровождающееся различными эмоциями, в момент которого на возрожденного верующего нисходит сила Святого Духа. Пятидесятники считают это переживание тождественным пережитому апостолами на пятидесятый день после воскресения Христа. И поскольку день этот назван днём Пятидесятницы, то отсюда и название «пятидесятники». Пятидесятники убеждены, что сила, которую верующий получает в результате Крещения Святым Духом, внешним образом проявляется говорением на иных языках (ср. Деяния Ап. 2:4, 10:44–46, 19:6). Специфическое понимание явления «говорения на иных языках» (глоссолалии) является отличительной особенностью пятидесятников. Пятидесятники считают, что есть дар говорения на иных языках, который проявляется в произвольном говорении на иностранных языках во время евангелизаций,

- так же, как и дар пророчествования, но имеется также и молитва Святым Духом, которая есть говорение на языках «ангельских» (ср. Римл. 8:26, Еф. 6:18). Христиане пятидесятнических деноминаций верят, что Дух Святой также даёт дары слова мудрости, слова знания, веры, исцеления, чудотворения, пророчества, различения духов, истолкования языков, согласно Библии. Среди пятидесятников особое место имеют таинства – водное крещение и Вечеря Господня (причастие, или хлебопреломление). Также признают следующие обряды: бракосочетание, благословение детей, молитва за исцеление больных, рукоположение, иногда омовение ног (во время причастия). На протяжении всего времени своего существования важной стороной пятидесятнического богословия является «учение о благочестии», призывающее последователей к праведной жизни на основании Священного Писания: к отказу от алкоголя, курения, наркотиков, азартных игр, к нравственности в вопросах семьи и брака, трудолюбию. Традиционные консервативные пятидесятники не применяют против человека оружие. Некоторые пятидесятники придерживаются доктрины «непротивления злу» и не берут в руки оружие ни при каких условиях (как они считают, подобно Христу и апостолам, которые умерли мученической смертью, не применяя каких-либо силовых методов защиты).
- 33 Священник Алексей Знаменский (1859-?), служил священником-миссионером в Калужской епархии; с 1899 г. священник единоверческой церкви в поселе Черном (Муствеэ); с 1906 г. священник Рижской Михаило-Архангельской единоверческой церкви.
- 34 Священник Георгий Залазинский, с 1904 г. священник Идукстского монастыря.
- 35 Священник Петр Лапикен (1871-1921), в 1904 г. рукоположен во священника Гросс-Юнгфернгофской Лиелвардской церкви, в 1907-1909 гг. Зельбургский (Селпилский) благочинный; в 1909-1914 гг. настоятель Волмарской (Валмиерской) церкви; в 1914-1916 гг. настоятель Сунцельской (Сунтажской) церкви; в 1916 г. эвакуировался на Дальний Восток, служил во Владивостоке, в Русской Миссии в Харбине и Шанхае, был помощником настоятеля Харбинского Софийского храма; 3 июня 1921 года был убит китайскими фанатиками.
- 36 Протоиерей Иоанн Павел (1874-1940), с 1900 г. священник Лайксарской (Лайксааре) церкви; с 1907 г. священник Вяйке-Лахтрской церкви; с 6 мая 1911 г. епархиальный миссионер; с 1926 г. протоиерей.
- 37 Протоиерей Арсений Андреев, с 1907 г. священник Рижской Всехсвятской церкви; скончался 18 августа 1929 года.
- 38 Священник Крагис Фома (1861-?), с 1901 г. псаломщик-проповедник Пузеской и Лиеларбенской баптистских общин; в 1905-1910 гг. проповедник Трубачинской баптистской общины Заборовской волости Симбирской губернии; в 1914 г. присоединился к Православной Церкви, служил псаломщиком Фабиановской и Эшенгофской церквей; в 1921 г. назначен священником Колкской и Дундагской церквей.
- 39 Диакон Константин Перфильев, бывший баптист, перешел в православие; служил псаломщиком в Карьяласмаской церкви, в Рижской Петропавловской церкви; в 1915 г. рукоположен в диакона к Юрьевской (Тарту) Александро-Невской церкви; в 1918 г. уехал в Россию.
- 40 Вящий, от великий, польск. wićkshy, большой, величайший, наибольший, высший, по силе, величине, власти. – *Даль Владимир*. Толковый словарь живого великорусского языка. Том I. Москва.1955. – С.338.
- 41 Текст в скобках автором зачеркнут.
- 42 Буцен Федор Антонович (Теодор Аписович, Teodors Bucens, 1869-1942, Астрахань) – активный сотрудник Латвийского общества Рериха (с осени 1931), с 10.5.1936 г. – член правления общества. В 1936 г. издал за свой счет книгу Оригена «О началах», а после участвовал в издании «Тайной Доктрины». Помещал христианские статьи Н.К. Рериха в православном журнале «Вера и жизнь», редактором которого был в 1923-32 гг. Читал лекции по христианству в различных латвийских обществах. Много путешествовал по Европе, посещал Америку. 18 лет был активным баптистом, даже председателем Союза баптистов края, епископом, 27.12.1913 перешел в православие. Во время Первой мировой войны жил в Петрограде, основал «Латышский православный вестник». Работал старшим цензором иностранной печати. Состоял в Синоде правозащитных. Издал около 20 книг. При советской власти 17.12.1940 был арестован, в 1942 г. расстрелян.
- 43 Куртенгоф – совр. Саласпилс.
- 44 Фрауенбург – совр. Садус.
- 45 Мюльграбен – совр. Миагравис.
- 46 Протоиерей Василий Березкий (1860-?), в 1885 г. рукоположен во священника; с 1891 г. второй священник Рижской Александро-Невской церкви,

- с 1904 г. служил ее настоятелем; с 1899 г. Рижско-градский благочинный; с 1902 г. протоиерей; после Первой мировой войны настоятель церкви Иоанна Предтечи в Таганроге.
- 47 Священник Иоанн Титов, до 1909 г. священник церкви села Песочное Калужской епархии, в 1909 г. назначен настоятелем церкви Рижского Мариинского детского приюта; во время Второй мировой войны эвакуирован в Германию; в 1959-1960 гг. служил священником Германской епарии РПЦЗ.
- 48 Протопресвитер Иоанн Янсон (1878-1954), в 1905 г. рукоположен во священника, с 1907 г. настоятель Вольмарской Свято-Сергиевской церкви, с 1909 г. священник Рижской Вознесенской церкви, с 1911 г. настоятель Тукумской Св. Николаевской церкви; с 1915 г. священник Петроградского прихода латышский беженцев; с 1916 г. служил священником в армии; в начале 20-х годов священник Знаменской церкви Царского Села; с 1924 г. второй священник Рижской Вознесенской церкви; с 1924 г. протоиерей; в 1926 г. переведен в Рижский Кафедральный собор, с 1933 г. настоятель собора; в 1942-1950 гг. Рижскоградский благочинный; в 1926-1936 гг. ректор Рижской Духовной семинарии, в 1937-1940 гг. доцент Теологического факультета Латвийского Университета; в 1941 году награжден митрой; скончался 27 сентября 1954 года.
- 49 Дуббельн – совр. Дубалты, Эдинбург – совр. Дзинтари.
- 50 Протоиерей Адам Степанович (1847-?), с 1873 г. священник Дзербенской церкви, с 1875 г. священник Марциенской церкви, с 1884 г. священник Руиенской церкви, с 1887 г. настоятель Венденской (Щесисской) Преображенской церкви, благочинный Венденского округа. С 1895 года протоиерей.

Публикация, предисловие к публикации и примечания Александра Гаврилина

Осмотр православных церквей Причудья епископом Нарвским Павлом (Дмитровским) в 1938 – 1939 гг.

После смерти архиепископа Нарвского и Изборского Евсевия¹ и отказа епископа Печерского Иоанна² принять нарвскую кафедру³ последняя вдовствовала⁴ вплоть до хиротонии протоиерея Павла Дмитриевского⁵ во епископа Нарвского 3 октября 1937 г.

Русские приходы давно ждали этого события. Уже в конце 1935 г. Синод ЭАПЦ по предложению Нарвского епархиального совета на вакантную кафедру Нарвской епархии рассматривал кандидатуру протоиерея нарвского Преображенского собора Павла Дмитриевского. На чрезвычайном Малом Соборе представителей монастырей, благочинных, членов Синода ЭАПЦ и Нарвского Епархиального Совета в июле 1936 г. кандидатуру Дмитриевского одобрили с условием, что должно прийти подтверждение о его поддержке от всех русских приходов Эстонии⁷.

Через год, 8 – 10 июня 1937 г., состоялся Большой Собор ЭАПЦ с участием архиепископа Финляндского Германа. На нем решился вопрос о правящем епископе Нарвской епархии, претендентом на который был протоиерей Павел Дмитриевский. При закрытой баллотировке он получил 145 голосов «за», 46 – «против» и один «воздержавшийся». На



Епископ Нарвский Павел
(Дмитровский) (1938)

этом же соборе в новый состав Синода ЭАПЦ от русских вошли протоиерей И. Богоявленский⁸, Г. Алексеев⁹, от мирян – А. Хреновский¹⁰ и И. Лаговский¹¹, избранный накануне в Нарвский Епархиальный совет. На этом же Соборе



Православная церковь в Алаыэ (Олешницах). Внешний вид и нтерьер из собрания фотографий Владимира фон Беренса (ЕАА.5466.1.19, № 1)



Православная церковь в Лохусуу. Внешний вид и интерьер из собрания Владимира фон Беренса (ЕАА.5466.1.19, № 51)

рассматривался вопрос о новой редакции служебников в переводе на современный эстонский язык¹².

Наконец, в Нарвском Преображенском соборе состоялась долгожданная торжественная хиротония в епископа Нарвского Павла Дмитриевского. Она длилась два дня, 2–3 октября 1937 г. В ней участвовали иерархи Эстонии, Финляндии и Латвии. Вечером первого дня Павел служил в соборе всю ночь с двадцатью священниками и множеством диаконов. Митрополит Латвийский Августин (Петерсонс) сказал слово о таинствах Православной Церкви и о таинствах священства, через которое новонареченный епископ Павел получит благодать Святого Духа.

На следующий день, в воскресенье, около 3000 человек заполнили собор. Служили 27 священников. В 9 часов утра прибыли архиереи – митрополит Таллиннский и всея

Эстонии Александр, архиепископ финляндский Герман и митрополит Рижский и всея Латвии Августин. За литургией перед чтением апостолов было совершено таинство посвящения. После хиротонии владыки выступили с приветствиями. Митрополит Августин произнес его на латышском языке. По-русски его слова зачитал протоиерей А. Андресон.

Вечером состоялся большой духовный концерт объединенного хора всех нарвских церквей под руководством регентов И. Челпанова, И. Архангельского, И. Кузьмина, Л. Хазова, солировал обладатель прекрасного голоса таллиннский протодиакон Александр Сахаров. По этому поводу собственный корреспондент газеты «Вести дня» писал: «Хиротония протоиерея Павла Дмитриевского во епископы явилась в жизни города Нарвы за все 700 лет существования исключительным и единственным церковным торжеством»¹³.

Первое богослужение в сане епископа Павел провел в Нарвском Преображенском соборе 17 октября 1937 г.¹⁴

Жизнь русских православных приходов в Нарве и ее окрестностях была Павлу (Дмитровскому) хорошо известна, так как он, будучи настоятелем Преображенского собора и преподавателем Закона Божьего в русских школах, вел большую просветительную работу. Особенно большое внимание уделялось воспитанию молодежи. О. Павел Дмитриевский активно поддержал создание миссионерского кружка при Нарвской Успенской церкви, был постоянным сотрудником изданий РСХД «Миссионерские заметки», «Православный миссионер», «Путь жизни».

Теперь же ему предстояло изучить состояние приходов епархии в целом. Одним из первых шагов в этом направлении было посещение православных церквей Приозерья, особенностью которых был тесный контакт со староверами, составлявшими большинство русского населения Причудья.

В публикуемых ниже отчетах о посещении епископом Нарвским Павлом приозерских церквей 1938–1939 гг. видны как содержание его работы как главы епархии, так и то внимание, которое он уделял делам и жизни своей паствы.

I

Доклад Нарвскому Епархиальному Совету епископа Нарвского Павла (Дмитровского) об осмотре приходов 22–23 июня 1938 года, заслушанный 2 сентября 1938 г.

Сообщаю Епархиальному совету, что с 22-го по 30 июня с.г. я, в сопровождении диакона Я. Тимофеева¹⁵ и двух молодых людей в качестве иподьяконов посетил приходы Приозерья, а именно:

- с. Алајбе (Олешница), храм Рождества Пресвятой Богородицы¹⁶;



Николаевская православная церковь в Муствее. Вверху – современное фото, внизу церковь и внутреннее убранство, фото из архива Владимира фон Беренса, 1930-е гг. (ЕАА.5466.1.19, № 189)

- с. Логозо – 2 храма – приходской во имя Богоявления Господня и кладбищенский в честь Рождества св. Иоанна Предтечи¹⁷;
- г. Муствее – два храма – в честь Святителя Николая и единоверческий во имя Живоначальной Троицы¹⁸;
- с. Нос, храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы¹⁹;



Единоверческая св. Троицы церковь в Муствеэ. Вверху – современное фото, внизу церковь и внутреннее убранство, фото из архива Владимира фон Беренса (ЕАА.5466.1.19, № 60)

- с. Воронья, храм в честь Сретения Господня²⁰;
- и остров Пийрисаар, храм во имя Рождества Христова²¹.

Во всех приходах при участии местного и приезжего духовенства я совершал богослужения, всенощные бдения, литургии и молебны, проповедовал слово Божье и вел

беседы с членами приходских советов и другими представителями приходов.

Состояние приходских храмов можно признать вполне удовлетворительным. Видно, что православное население любит свои храмы и несет на содержание их лепту из своих скудных средств. Только храм в честь Покрова Пресвятой Богородицы в с. Нос требует более внимательного к себе отношения, но можно надеяться, что вновь избранный председатель совета приходского об этом позаботится²². При храмах в с. Воронья и на острове Пийрисаар священников нет, входящим состоит о. А. Орнатский²³, который, само собой понятно, часто не может совершать там богослужений. Это очень грустное явление и особенно потому, что эти храмы находятся в самом центре старообрядчества. Старообрядчество себя изживает, так как оно не может духовно питать современное молодое поколение. Я посетил на месте несколько молелен и видел, что старообрядчество имеет блестящую форму, но не может в нее влить никакого содержания. Вследствие этого среди старообрядческой молодежи развивается безбожие и сектантство. Старообрядцы не должны быть равнодушными зрителями этого грустного явления среди наших братьев по плоти и крови.

В этих местах нужен православный священник-миссионер. И я думаю, что нужно было бы найти и средства на это святое дело. У нас есть люди, которые жертвуют значительные средства на ремонт церковных строений. Это очень хорошо. Но следовало бы обратить внимание этих добрых людей на то обстоятельство, что есть потребности еще более важные: это тяжелое состояние старообрядческой массы. У нас есть братства: Никольское в Таллинне²⁴, Исидоровское – в Тарту²⁵, Владимирское – в Нарве²⁶. Какое широкое поле для их просветительной работы открывается в деле просвещения наших братьев-старообрядцев! Можно было бы найти и другие пути для изыскания

средств на это дело, но это все-таки дело будущего. А сейчас крайне необходимо определить для этих церквей самостоятельного священника. Владыка Митрополит²⁷ обещает дать из правительственных средств на жалование священнику 30 крон, на месте дадут кр. 15–20. Кроме того, при Воронейской ц[еркви] имеется хороший участок земли, около двух гектаров, который, к сожалению, не закреплен за церковью. Необходимо в ближайшее время принять меры по закреплению этого участка²⁸.

В единоверческом храме в Муствез богослужения совершаются вполне по православному уставу и соблюдаются все православные обряды. Это нежелательное (так! – Т. Ш.) явление, так как в таком случае этот храм теряет цель своего назначения. Я полагаю, что следовало бы рекомендовать о. Петру Орецу²⁹ восстановить совершение богослужений по точному уставу единоверческих церквей.

Ввиду того, что приход о. Петра Ореца очень мал, нельзя ли ему вместо о. Александра Орнатского временно поручить заведование церквями в Воронах и на о.

Пийрисаар, впредь до приискания самостоятельного священника.

Старообрядцы, как видно, очень интересуются православным богослужением, во время богослужений в Воронах и на о. Пийриссаар они наполняли храмы.

В Николаевском приходе г. Муствез заслуживает особого внимания прихожанин, слесарь Полиевкт Григорьевич Еремеев, человек очень религиозный, совершенно трезвый, неукоснительно посещающий св. храм. Он поет на клиросе, с любовью и очень хорошо читает, изучает библию и, по собственному почину, ведет борьбу с сектантами. Несмотря на то, что он человек семейный и имеет только то, что зарабатывает своим трудом, он много жертвует на храм: в текущем году он из собственного железа сделал ворота к церковной ограде и две боковые калитки. За его усердие прошу изготовить для него и выслать мне грамоту.

Епископ Павел
1938 г.
27 августа
№ 108.

II

[Отчет епископа Нарвского Павла
о второй ревизии православных
приходов в Приозерье].

Получено 22.10.1939. № 128
В Нарвский Епархиальный совет.

Сообщаю к сведению Епархиального совета, что с 7 по 12 включительно сего сентября я посетил Приозерские приходы:

- Олешницу,
- Логозо,
- Муствез – два прихода,
- Нос,
- и Воронейский приход.

Моими спутниками были: священник М. Лукканен³⁰, дьякон Я. Тимофеев и за иподиакона М. Кириллов³¹.

Во всех храмах я совершал богослужения, вел беседы, а после богослужений совещался с местными церковными деятелями. В проповедях Слова Божьего принимал участие и о. М. Лукканен.

Состояние приходов можно признать удовлетворительным, за исключением приходов Воронейского и Носовского.

Воронейский приход страдает от того, что очень мал и беден. В приходе нет причтового дома, старый дом пришел в полное разрушение. Священник Лавров³² ютится в одной наемной комнатке, крайне



Внутреннее убранство православной церкви на острове Пийрисаар. 1930-е гг. Фото из архива Владимира фон Беренса (ЕАА.5466.1.20, № 5). Современная фотография церкви на острове Пийрисаар из фонда Эстонского киноархива (ЕФА-697.10-457)

неудобной для священника. Это неудобство отражается не только на личной жизни священника, но и в его общественной работе. В приходе нет помещения, где бы энергичный о. Леонид мог собрать своих малочисленных прихожан для объединения их для совместных бесед. В деревне много больших домов, но все они принадлежат старообрядцам. О. Лавров совместно с председателем приходского совета сейчас очень хлопочет о восстановлении причтового дома. Необходимо оказать им всяческое содействие в этом деле.

Другое отрицательное явление в жизни Воронейского прихода – это вражда между председателем совета Ивановым³³ и местным учителем Гавриловым³⁴. Каждый из них может быть очень полезен для храма и прихода: Иванов как человек, знающий хозяйство, а Гаврилов – церковное пение и богослужение, что очень важно при отсутствии псаломщика в Воронейской ц[еркви]. Однако их старая вражда сильно тормозит работу. Для исполнения обязанностей псаломщика приглашается женщина³⁵ из с. Нос, и за каждую литургию ей платят две кроны.

После продолжительного совещания я убедил учителя Гаврилова приступить к обязанностям регента-псаломщика, но боюсь, что его согласие, вследствие существующей вражды, не будет прочным.

В с. Нос я совершил всенощную 10 сент. и литургию 11-го. Народу за богослужениями

было много. Судя по настроению людей, видно, что они свой храм любят. Храм находится в очень плачевном состоянии и сейчас в нем производится ремонт. Богослужения нам пришлось совершать в пределе. О. Орнатский в совершении всенощного бдения участвовал, но ввиду болезненного состояния от чтения акафиста отказался, участия в совершении литургии 11 сент. о. Орнатский не принимал, ссылаясь на свое нервное состояние. Чтобы выяснить положение дел в приходе, я пригласил членов совета на совещание. Явилось 7 человек из 12, остальные в отлучке. Здесь из книги протоколов приходского совета я усмотрел, что в смету расходов на 1939 г. внесены следующие статьи:

- Жалованье священнику – 360 кр.
- В погашение долга священнику за 1939 г. – 100 кр.
- В погашение долга священнику за 1937 и 1938 гг. – 140 кр.
- Смета подписана всеми членами совета.

На вопрос, предложенный старосте, почему он не выплачивает долга священнику, староста отвечает: совет не позволяет, так как в кассе денег мало, а в храме происходит большой ремонт. Я убеждал членов совета уплатить о. Орнатскому хотя часть долга, но они решительно отказываются, но при этом заявляют, что если о. Александр будет переведен в другой приход, то весь долг будет выплачен. Что касается текущего

жалованья, то староста согласен сейчас же выплатить его о. Орнатскому, но последний отказался принять деньги в счет жалованья.

Из записи, представленной старостой, выяснилось, что в июне м[есяце] утренних богослужений в храме не было: 24, 25 и 29-го июня и 2-го июля, а в июле и августе [месяцах] не было только утрени, но и литургии: 5-го, 16, 20, 23, 30-го июля и 1-го, 6 и 13 августа, а 15 и 16 августа служил священник И. Толстяков³⁶.

На вопрос, почему в указанные дни о. Александр не служил, он ответил, что староста не выплачивает долга, а потому он не может приобрести приличной одежды для богослужений. Само собой понятно, что такое объяснение не заслуживает серьезного внимания. Материальное положение о. Орнатского неплохое. Он получает: 30 кр[он] жалованья, субсидию от правительства, доходы от требоисправления, доходы от сельского хозяйства (в текущем году он имеет отличный урожай пшеницы). Дети его все, за исключением младшего Илии, служат и с избытком зарабатывают на свое содержание.

Никакой религиозно-просветительной работы в приходе не существует. Благодаря крайне нервному характеру о. Орнатского, нравственная связь между ним и приходом порвана. При таких условиях служение о. Ал. Орнатского в Носовском приходе становится крайне затруднительным. С другой стороны, есть основание предполагать, что в хозяйственном отношении не все обстоит в приходе благополучно. Для выяснения этого вопроса, а равно и общего состояния прихода, необходимо назначить ревизию.

Протоиерей В. Быстряков³⁷ отказался перейти в Нос из Логозо, мотивируя свой отказ тем обстоятельством, что он чувствует себя физически слабым.

На основании изложенного я считал бы полезным в отношении Носовского прихода принять следующие меры:



Православная церковь в Нина (Носовская). Современная фотография



Православная церковь в Варнье (Воронье). 1988. Фото Кристьяна Тедедема

1. Без промедления назначить основательную ревизию в Носовский приход.
2. Освободить св. А. Орнатского от обязанностей приходского священника на два месяца, чтобы дать ему возможность нравственно отдохнуть и успокоить свои нервы.
3. На это время назначить священником Носовского прихода одного из свободных священников, каковым, вероятно, может быть о. Ал. Гуковский³⁸, жительствоющий в Нарве, или о. И. Толстяков, проживающий вблизи с. Нос, а может быть, и кто-либо другой, по усмотрению Епископского Совета.
4. По истечении двух месяцев, на основании произведенной ревизии и других данных, иметь окончательное суждение о священнике с. Нос.

Епископ Павел

1939 г.

20 сент.

№ 178

Основание : *ЕАА.1655.2.2903* Narva piiskop Pavel 1938-1939. Л. 1-2; 3-4.

Примечания

- 1 В миру Евстафий Сергеевич Гроздов (1866–1929), архиепископ Нарвский и Изборский с 1.12.1925.
- 2 В миру Николай Александрович Булин (1893–1941), епископ Печерский и настоятель Печерского монастыря 1926–1932). О нем см.: Татьяна Шор (2008), Крестный путь епископа Иоанна Печерского (Булина, 1893–1941). Русский мир и Латвия: диалог культур. *Seminarium Hortus Humanitatis, Almanach*. XIV. Riga, 59–61.
- 3 Нарвская епархия в составе Эстонской апостольской православной церкви (ЭАПЦ) была образована в 1924 г. с кафедрой в нарвском Преображенском соборе. В состав епархии входили все русские приходы, за исключением смешанных и монастырских. В 1941 г. епархия вошла в состав Прибалтийского экзархата Московской Патриархии, в 1944 – соединена с Таллиннской епархией.
- 4 Временно Нарвской епархией с 1929 по 1937 гг. управлял митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус).
- 5 Павел Григорьевич Дмитриевский (1972–1946), окончил Таврическую Духовную семинарию и три класса Петербургской Духовной академии. Священствовал в Петербургской епархии с 1896 г., в 1915 – военный священник на флоте. В 1919 г. стал настоятелем нарвского Преображенского собора (1919–1937), епископ Нарвский 1937–1942, затем архиепископ Нарвский и Изборский. В 1945 г. назначен архиепископом Таллиннским и Эстонским в лоне Московской Патриархии. Фото хиротонии см.: Православие в Балтии. 2014. № 2. С. 165; Синякова Г. А. Хороших людей нельзя забывать, Мир православия. 2005, 1. <http://www.baltwillinfo.com/mp01-06/mp-08.htm>
- 6 Вести дня. 1935. 20 дек. № 299. С. 1; 28 дек. № 302. С. 2.
- 7 Вести дня. 1936. 2 июля. № 145. С. 1; 17 июля. № 158. С. 1; 21 июля. № 161. С. 1.
- 8 Магистер богословия Богоявленский Иоанн Иоаннович (1879–1949), будущий преосвященный Исидор, епископ Таллиннский и Эстонский (1947–1949).
- 9 Алексеев Георгий Михайлович (1892–1861), будущий преосвященный Иоанн, епископ Таллиннский и Эстонский (1955–1961).
- 10 Хреновский Александр Яковлевич (1860–1940), член Синода ЭАПЦ, секретарь Нарвского епархиального совета. Некролог см.: Православный собеседник (1940). № 5-6, 79–80, авт. Г. Алексеев.
- 11 Лаговский Иван Аркадьевич (1889–1941), богослов и миссионер, активный деятель Русского студенческого христианского движения (РСХД). См. судебное дело КГБ в Филиале Госархива Национального архива Эстонии = ERAF.130SM.1.11666; DEZEN Tatjana Jevgeni (1901). LAGOVSKI Ivan Arkadi (1889). PENKIN Nikolai Nikolai (1906).
- 12 Вести дня. 1937. 5 июня. № 123. С. 1; 7 июня. № 124. С. 1; 9 июня. № 126. С. 1; 10 июня. № 127. С. 1, 2; 11 июня. № 128. С. 1; 14 июня. № 130. С. 2.
- 13 Вести дня. 1937. 1 окт. № 222. С. 1; 4 окт. № 224. С. 1.
- 14 Вести дня. 1937. 14 окт. № 233. С. 2; 18 окт. № 236. С. 2.
- 15 Тимофеев Яков Тимофеевич (1887 Псковская губерния – 1961 Нарва). Окончил начальную школу и поступил младшим послушником в Печерский монастырь. Причетник в Ору в 1919, в 1920 переселился в Нарву. Служил причетником в Нарвском Иверском женском монастыре, затем во Владимирской церкви. В 1926 посвящен в дьякона, в 1944 – во священника к Нарвской Троицкой церкви. Окормлял приходы Псковской православной Миссии. В 1945 стал вторым священником, а затем и настоятелем Нарвского Кренгольмского храма, в котором служил до смерти. (Исторический архив Национального архива Эстонии, фонд Синод Эстонской Апостольской Православной церкви = EAA.1655.2.2653; EAA.1655.2.2909, Sõtšov, Andrei (2008), Eesti Õigeusu Piiskopkond nõukogude religioonipoliitika mõjuväljas 1954-1964. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 199. <http://www.mitropolia-spb.ru/vedomosty>).
- 16 Олешницкий приход, открытый по распоряжению св. Синода в 1884 г., расположен в Алай-ыэской волости Вирумааского уезда. Храм освящен 07.09.1889 эстляндским благочинным С. Поповым.
- 17 Приход Лохусуу (рус. Логозский) до 1866 г. входил в состав Николаевского прихода в Муствезе. Деревянный храм Рождества Иоанна Предтечи, построенный на средства местного жителя Христанфа Никитича Трелина, освящен 17.02.1864 епископом Рижским и Митавским Платоном. Новый каменный храм во имя Рождества Богородицы по проекту архитектора В. Лунского был освящен 29.11.1898.
- 18 Муствезский Николаевский православный приход – один из старейших в Причудье. Первая

- домовая церковь с благословения епископа Псковского была устроена в доме П. Болтова в 1836 г. Деревянная церковь во имя Скорбящей Божьей Матери построена в 1839 г. Вокруг храма открыто кладбище, снесенное вместе с храмом в 1948 г. Каменная церковь во имя Святителя Николая по проекту губернского архитектора Н. Эдельсона была освящена в 1866 г. Единоверческий приход ведет свое начало с начала 1840-х гг. Исправленная старообрядческая часовня была освящена в церковь во имя Святой Троицы в 1849 г., каменный храм, построенный на казенный счет, был открыт в 1877 г. Храм и приход были закрыты в 1957 г., восстановлены в 2000 г., церковь передана приходу в бессрочное пользование в 2003 г. Подр. см.: Пономарева Г., Шор Т. Из истории единоверия в Причудье, Русские в Прибалтике. Москва: Наука, 2010, 11–20.
- 19 Носовский (эст. Nina) приход открыт 21 января 1824 г. Сначала богослужения проходили в кладбищенской часовне, а с 1828 – в каменном храме по проекту псковского архитектора Якобсона. В 1917 г. освящен правый придел во имя Николая Чудотворца, в 1926 – левый придел Нерукотворного Образа Спасителя освящен архиепископом Нарвским и Изборским Евсевием (Гроздовым). В конце 19 в. приход насчитывал более 3000 прихожан, в 1914 – 254 семьи, 832 человека. См.: ЕАА.291.1.9199. Дело о построении в селении Нос около Чудского озера грекороссийской церкви. 1822 – 1827; ЕАА.298.2.273 Проект перестройки Носовской церкви, составил У. Лунев. 1907; ЕАА.1958.1.78; 1914 Исповедная роспись; ЕАА.1655.2.2736. Дело о состоянии и деятельности Носовского прихода. 1936–1940.
- 20 Воронейский (Varņa) приход был открыт в 1854 г. как форпост для борьбы со старообрядчеством. Деревянный храм во имя Сретения Господня был устроен в доме управляющего мызы Кавасту в 1855 г. В конце 19 в. в приходе насчитывалось 266 прихожан, к концу 1940-х гг. приход был очень бедным. На 1940 г. было запланировано членских взносов получить 100 крон из расчета 3 кроны в год с семьи. Храм находился в очень жалком состоянии, так что президент ЭР К. Пятс пожертвовал в 1939 г. на его реставрацию 500 крон из своих личных средств. К 1988 гг. старая церковь пришла в полную негодность, закрыта для посещений и в 2007 г. сгорела. 20 июля 2015 г. в Варнья были освящены новые кресты и подняты вместе с куполами на строящийся деревянный храм. См.: ЕАА.1655.2.2660. Протоколы общих собраний прихожан Воронейского прихода, приходского Совета, переписка с приходским Советом об утверждении церковнослужителей, ремонте храма и др. 1936–1940; ЕАА.1655.2.2660. Протоколы заседаний Приходского Совета Воронейской церкви. 1940.
- 21 Православный приход на острове Пийриссаар, издавна заселенном преимущественно староверами, был открыт одновременно с Воронейским – в январе 1854 г. В него вошли островные деревни Пийри, Сааре, и Тоони, а также материковые села Меэрепалу и Сосница. Христорождественскую церковь устроили в старообрядческой молельной в 1858 г. Церковь сгорела в 1921 г. На собранные по всей Эстонии средства был заложен новый каменный храм в деревне Тоони в честь апостолов Петра и Павла, освященный в 1927 г., приход по-прежнему именовал ее Христорождественской. В 1909 г. нем числилось 117 прихожан, в 1927 – 75 и в 1939 – 12 человек. Приход закрыт в 1961 г. В настоящее время церковь на Пийрисааре пустует и медленно разрушается.
- 22 На собрании приходского совета Носовской церкви 7 июня 1938 г. новым председателем был избран бывший секретарь совета Владимир Розин и его секретарем – псаломщик Михаил Троицкий. В. Розин покинул пост председателя и вышел из состава совета по собственному желанию 4.1.1939. (ЕАА.1655.2.2736. Протоколы заседаний Приходского совета, переписка с приходским правлением о перемещении и назначении церковнослужителей. 1936–1940. Без пагинации).
- 23 Орнатский Александр Николаевич (1890–1946), выпускник Петроградской духовной семинарии 1910. Посвящен во священника в 1913 к Скамейскому приходу. В 1919 был арестован, сидел в Петроградской тюрьме, отпущен в мае 1920. Оптировался в Эстонию и до 1928 г. служил в Скамейком приходе. Переведен в Носовский (Нинаский приход), одновременно окормлял православные приходы на острове Пийрисаар и в Варнье. В 1944 ушел на покой.
- 24 При Таллиннской коплицкой Николаевской православной церкви в 1927 г. был открыт женский комитет, преобразованный в 1931 г. в сестричество. Здесь работали деятели РСХД, которые занимались нравственно-религиозной работой среди молодежи.
- 25 Тартуское Исидоровское братство образовано с просветительной целью в 1914 г. Подр. см.: Отчет Совета Св.-Исидоровского братства при Успенской церкви г. Юрьева, Лифляндской губ., за 1915 год. С. 3–4; Дубьева Л. Письмо протоиерея Юрьевского Успенского собора Михаила

- Блейве // Православие в Балтии = The Orthodoxy in the Baltics. Scientific-Analytical Journal, Nr. 3 (12). 236-243. (Riga, 2015).
- 26 Свято-Владимирское братство в Нарве возникло в 1888 г. по инициативе священника Преображенского собора Н. Сахарова. Занималось миссионерской деятельностью в Ида-Вирумаа. Подр.: На память о 950-летию крещения Руси (988-1938). I. Краткое сказание о жизни и трудах Святого Равноапостольного великого князя Владимира — просветителя Русского народа. II. 50-летие Свято-Владимирского Братства в г. Нарве [Нарва, 1938]. С. 1—3; 50-летие Нарвского Владимирского братства // Вести дня. 1938. 7 июля. № 150. С. 2.
- 27 Имеется в виду Митрополит Таллиннский и всея Эстонии Александр (Паулус).
- 28 Кампания по закреплению церковных земель за приходами ЭАПЦ началась под руководством Синода в середине 1920-х гг. Поскольку все инструкции по закреплению были на эстонском языке, многие рус. священники, не зная государственного языка, не смогли провести в жизнь эту важную для приходов акцию. Их неадекватность привела к тому, что в 1990-е гг. многие рус. приходы не могли подтвердить свои права на церковную земельную собственность. См. дела комиссии по закреплению православных приходов Занаровья и Печерского края в фонде Синода ЭАПЦ: *ЕАА.1655.3. 651; ЕАА.1655.3. 660*.
- 29 Петр Андреевич Орец (1900–1988) получил начальное образование в Соловецком монастыре. В 1917 г. служил в Перми и Тобольске причетником. В 1927 посвящен в диакона в Ялуторовске епископом Серафимом. В 1930 г. прибыл в Эстонию в Печерский монастырь, где служил диаконом до 1936 г. Посвящен во священника в таллиннской Казанской церкви митрополитом Александром к единоверческому храму в Мутвее. В 1940 перешел в Печерский 40-мученический храм, с 1942 – протоиерей и настоятель Сенной церкви. В 1953 – 1954 гг. служил в деревнях Любятино и Белом Псковской епархии, затем вернулся в Сенно, где служил до выхода на покой. Подр.: Рус. вестник. 1939. 18 февр. № 14.
- 30 Лукканен Михаил Андреевич (1916–1978). Окончил Нарвскую эмигрантскую гимназию и православный семинар св. Сергия в Париже. Активный участник РСХД, миссионер при Нарвском Преображенском приходе. Посвящен во священника епископ Нарвским Павлом в марте 1939 г. к Нарвскому Преображенскому кафедральному храму, а также входящим священником к Ивангородскому Успенскому крепостному приходу и к эстонской Николаевской церкви. В 1941 году арестован как деятель РСХД и выслан в Пермскую область. С 1942 г. служил священником в Молодцово, затем в Перми. Подр. см.: Старый нарвский листок. 1939. 10 марта. № 27; Рус. вестник. 1939. 15 марта. № 21. С. 1; Мир Православия. 2004. № 6 (<http://www.baltwillinfo.com/np6-04/np-08p.htm>)
- 31 Возможно, нарвский кузнец Михаил Кириллович Кириллов.
- 32 Лавров Леонид Николаевич (1882–после 1954). Служил в российскийском министерстве внутренних дел, в 1919 г. бежал в Эстонию Укрывался в Печерском монастыре. В 1939 г. посвящен епископом Нарвским Павлом во священника к Воронежской церкви, входящий священник Пийрисаарской церкви. Поскольку оба прихода были очень бедными, то он принял должность сверхштатного священника нарвского Преображенского собора. В годы войны служил в таллиннском Коплиском Николаевском храме. Арестован в 1944, следствие велось до 1954 г. (*ЕАА.1655.2.2659*; Фидиал Госархива Национального архива Эстонии, бывш. Партийный архив = *ЕРАФ.129SM.1.6432*).
- 33 Иванов Иван был избран председателем приходского совета в 1936 г., неоднократно принимал участие в Епархиальных съездах. О настроениях в Воронежском православном приходе см.: *ЕАА.1655.2.2659*, без пагинации.
- 34 Гаврилов Алексей Гаврилович (1893 – ?), окончил Псковскую Духовную семинарию и Псковский учительский институт, Заведовал местной начальной школой и исполнял обязанности псаломщика при церкви. В 1936 г. был исключен из состава прихода, но после долгих споров восстановлен. Был арестован в 1941 г., сослан в Кировскую область. После освобождения работал в школах Тартуского уезда до 1948 г., был директором школы в Мутвее в 1946 г. Выхал в Ленинград, где в 1948 г. вышел на пенсию. См. следственное дело: *ЕРАФ.129SM.1.28633; ЕАА. Т-168.9-2к.322*.
- 35 Клавдия Эксина.
- 36 Толстяков Иван Александрович (1891 – ?). Окончил 4 класса гимназии, при Московском университете сдал экстерном экзамен на звание аптекарского помощника. Работал в таллиннских аптеках до 1913 г. Призван в армию, принял участие в I мировой войне, служил в эстонской армии до 1921 г., принял эстонское гражданство. Посвящен в диакона в 1926 и во священника в 1928 г. к Таллиннскому Александро-Невскому

- собору. Был входящим священником в Арукюла, Палдиски, Васкарве (Сыренце) до 1931 г. и позже в причудских православных церквах. См.: ЕАА.31.4.772; ЕРА.14.16.1007; ЕАА.1655.3.144, ЕАА.1655.2.2647; ЕРА.495.7.6079.
- 37 Быстряков Владимир Петрович (1871–1954), выпускник Петербургской Духовной семинарии. Посвящен во священника в 1893. Прибыл в Эстонию в 1919, служил в приходе Кивиилы с 1925 и был настоятелем в Лохусу с 1932 по 1951 г. Последние годы жизни числился заштатным священником Таллиннской Казанской церкви. (Sõtsov 2008: 168).
- 38 Гуковский Александр Давидович (1883–1957). Окончил Ст. Петербургский университет, бежал в Эстонию в 1919 г. Посвящен во священника в 1936 г. к нарвской Ивангородской Успенской церкви. С 1938 г. служил в Преображенском соборе, в годы II мировой войны окормлял Скамейский приход, а после войны служил в приходах Вара-Вяльги, Васкарве, Ямах и Алайыэ. (Sõtsov 2008: 171).

Публикация и комментарий Татьяны Шор,
PhD, архивариус Национального архива Эстонии (Тарту)

Summary

The fourth issue of the scientific periodical “Orthodoxy in the Baltic States” consists of three sections: 1. Scientific articles; 2. Memoirs; 3. Publication of documents.

Seven articles are published in the first section. An article of the architectural historian, Archpriest Alexander Bertash introduces the reader to the Orthodox sacral heritage of three architects of Riga: of Robert Pflug (1832-1885), Karl Heinrich Scheel (1829-1909) and Janis-Friedrich Baumanis (1834-1891). Analyzing the Orthodox churches which they built, the author introduced for the first time into the scientific discourse such concept as “the Riga school of Orthodox church construction”, proving the legitimacy of its use by a number of features in the style of church buildings, in the application of building materials, in the specific of the decor, etc., which make it possible to allocate the creative work of these Riga architects in the 1870s as an independent, original, distinctive architecture school of the eclecticism.

An article by Alexander Gavrilin is devoted to the little-known subject – position of the Orthodox Church in the territory of Latvia during the First World War. The author notes that during the war, on the one hand, for the first time in the history of the Russian

Orthodox Church in parishes a broad charity work has been developed (before that it existed only in monasteries), on the other hand, a large part of Latvia’s population was evacuated, churches were closed, often served as a reference during the shelling, were ruined by soldiers of both warring sides.

An article of Anthony Mironovich tells about egregious facts of the closing and destruction of Orthodox churches in Poland in 1920-1930-ies.

An Article of Alexei Liberovsky reminds us of the life and ministry of one of the prominent hierarchs of the Orthodox Church in America, Archbishop of Montreal and Canada Sylvester (Haruns), born in Dvinsk (Daugavpils).

Sergey Miannik tells the reader about the tragic, martyrdom earthly life of Bishop Ioann (Bulin). In the second section of the periodical, the continuation of the memoirs of architect Vladimir Maksimovic Shervinsky (1894-1975) is published. This passage describes the most dramatic period in the life of the author – his stay in Stalin’s camps. Like the previous fragments of memories, this passage also has been prepared for publication by the grandson of V. M. Shervinsky – architect Eizens Upmanis.

In the third section of the periodical, the last pre-war report on the state of the diocese of Riga for 1914 is published. This unique document is prepared for publication by Alexander Gavrilin.

In the same section is published a document entitled "Inspection of Orthodox churches at

Chud Lake by Bishop of Narva Paul (Dmitrovskij) in 1938-1939", which was found and prepared for publication by Tatiana Shor.

All historical sources, published in the third section, are introduced into the scientific discourse for the first time.

Православие в Балтии
№ 4 (13)
Научно-аналитический журнал

Pareizticība Baltijā
Nr. 4 (13)
Zinātniski analītisks žurnāls

The Orthodoxy in the Baltics
№ 4 (13)
Scientific-Analytical Journal

Izdevējs: LU Filozofijas un socioloģijas institūts

Kalpaka bulvārī 4, Rīga, LV-1050
tālr. – 67034520 e-pasts – fsi@lza.lv www.fsi.lu.lv

Iespiests SIA “Latgales druka”, Rēzeknē, Baznīcas ielā 28

С 1993 по 2011 г. было издано девять номеров сборника статей (журнала) «Православие в Латвии. Исторические очерки», которые уже стали библиографической редкостью. Учитывая то, что данное издание является единственным в своей области академическим изданием в балтийском регионе, публикующим новейшие научные исследования по истории Православной Церкви, с десятого номера журнал выходит под другим названием – «Православие в Балтии».

№ 4 (13)

Православие в Балтии

Научно-аналитический журнал

Научные статьи

Александр Берташ
«Рижская школа» в
храмостроительстве
Прибалтийского края 1870-х гг.

Александр Гаврилин
Православная Церковь на
территории Латвии во время
Первой мировой войны

Антони Миронович
Ревиндикация православных
церквей в II Речи Посполитой

Алексей Либеровский
Архиепископ Монреальский и
Канадский Сильвестр (Харун)

Сергей Мянник
Епископ Иоанн (Булин)

Мемуары

Воспоминания архитектора
В. М. Шервинского

Публикация документов

Последний отчет мирного
времени: отчет о состоянии
Рижской епархии за 1914 год

Осмотр православных церквей
Причудья епископом Нарвским
Павлом (Дмитровским) в 1938 –
1939 гг.

ISSN 2255-9035

